

ГОСТИНЫЙ ДВОРЪ

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
писателей России

*Издание осуществлено на средства
Правительства Оренбургской области*

Оренбург
2017

«Гостиный Дворь» № 4 (4), 28 декабря 2017 г.

Журнал

Учредители:

Министерство культуры и внешних связей Оренбургской области, ГБУК «Областной Дом литераторов им. С.Т. Аксакова»

Главный редактор Н.Ю. Кожевникова

Редакционный общественный совет:

председатель – **Е.В. Шевченко**, министр культуры и внешних связей Оренбургской области

С.В. Василенко (Москва)

Д.Е. Кан

П.Н. Краснов

В.Н. Кузнецов

В.А. Лабuzов

А.В. Лигостаева

В.Д. Лютый (Воронеж)

Г.П. Матвиевская

В.М. Молчанов

П.Г. Рыков

Л.П. Сквородко

В.Б. Соколов

Т.В. Судоргина

А.Г. Филиппов

Т.М. Шабаренина (Уральск, Казахстан)

Н.А. Ягодинцева (Челябинск)

Почтовый адрес редакции: 460014, г. Оренбург, ул. Правды, 10

Телефон 8-903-394-32-60

Телефон/факс (3532) 78-37-91

E-MAIL: Gdvor56@yandex.ru, editor@orenlit.ru. Веб-сайт: orenlit.ru

Почтовый адрес издателя: 460014, г. Оренбург, ул. Правды, 10, ГБУК «Областной Дом литераторов им. С.Т. Аксакова»

E-MAIL: Domliteratorov28@mail.ru

Телефон/факс (3532) 78-41-29

На первой и последней страницах обложки – фотоколлажи **В.Б. Соколова**

Художник – **В.В. Кожевникова** (г. Санкт-Петербург)

Компьютерный дизайн – **Ю.В. Стрельникова, Л.И. Потехина**

Компьютерный набор, корректура – **Ю.В. Стрельникова**

В спорных случаях оставляются стиль, орфография и пунктуация авторов, которые несут ответственность также и за достоверность фактов. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Редакция не имеет возможности рецензировать и возвращать рукописи

Сдано в набор 29.11.2017 г.

Подписано в печать 13.12.2017 г.

Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Бумага офсетная. Объем 22,5 печ. л.

Тираж 856 экз.

Заказ № 7294

Цена свободная

Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ56-00704 от 18 октября 2017 г. в Управлении Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Оренбургской области.

ООО Универсальная Типография «Альфа Принт»

620049, Свердловская область, г. Екатеринбург, переулок Автоматики, дом №2ж

Федеральный номер для всех городов РФ: 8-800-300-16-00

ISBN 978-5-6040520-4-4

© Журнал «Гостиный Дворь», 2017

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ

«Россия гибнет», «России больше нет», «вечная память России» — слышу я вокруг себя.

Но передо мной — Россия: та, которую видели в устрашающих и пророческих снах наши великие писатели; тот Петербург, который видел Достоевский; та Россия, которую Гоголь назвал несущейся тройкой.

Россия — буря. Демократия приходит «опоясанная бурей», говорит Карлейль.

России суждено пережить муки, унижения, разделения; но она выйдет из этих унижений новой и — по-новому — великой.

В том потоке мыслей и предчувствий, который захватил меня десять лет назад, было смешанное чувство России: тоска, ужас, покаяние, надежда.

То были времена, когда царская власть в последний раз достигла, чего хотела: Витте и Дурново скрутили революцию верёвкой; Столыпин крепко обмотал эту верёвку о свою нервную дворянскую руку. Столыпинская рука слабела. Когда не стало этого последнего дворянина, власть, по выражению одного весьма сановного лица, перешла к «подёнщикам»; тогда верёвка ослабла и без труда отвалилась сама.

Всё это продолжалось немного лет; но немногие годы легли на плечи как долгая, бессонная, наполненная призраками ночь.

Распутин — всё, Распутин — всюду; Азефы разоблачённые и неразоблачённые; и, наконец, годы европейской бойни; казалось минуту, что она очистит воздух; казалось нам, людям чрезмерно впечатлительным; на самом деле она оказалась достойным венцом той лжи, грязи и мерзости, в которых купалась наша родина.

Что такое война?

Болота, болота, болота; поросшие травой или занесённые снегом; на западе — унылый немецкий прожектор — шарит — из ночи в ночь; в солнечный день появляется немецкий фоккер; он упрямо летит одной и той же дорожкой; точно в самом небе можно

протоптать и загадить дорожку; вокруг него разбегаются дымки: белые, серые, красноватые (это мы его обстреливаем, почти никогда не попадая; так же, как и немцы — нас); фоккер стесняется, колеблется, но старается держаться своей поганой дорожки; иной раз методически сбросит бомбу; значит, место, куда он целит, истыкано на карте десятками рук немецких штабных; бомба упадёт иногда — на кладбище, иногда — на стадо скотов, иногда — на стадо людей; а чаще, конечно, в болото; это — тысячи народных рублей в болоте.

Люди глазуют на всё это, изнывая от скуки, пропадая от безделья; сюда уже успели перетащить всю гнусность довоенных квартир: измены, картёж, пьянство, ссоры, сплетни.

Европа сошла с ума: цвет человечества, цвет интеллигенции сидит годами в болоте, сидит с убеждением (не символ ли это?) на узенькой тысячевёрстной полоске, которая называется «фронт».

Люди — крошечные, земля — громадная. Это вздор, что мировая война так заметна: довольно маленького клочка земли, опушки леса, одной полянки, чтобы уложить сотни трупов людских и лошадиных. А сколько их можно свалить в небольшую яму, которую скоро затянет трава или запорошит снег! Вот одна из осязаемых причин того, что «великая европейская война» так убога.

Трудно сказать, что тошнотворнее: то кровопролитие или то безделье, та скука, та пошлятина; имя обоим — «великая война», «отечественная война», «война за освобождение угнетённых народностей», или как ещё? Нет, под этим знаком — никого не освободишь.

Вот, под игом грязи и мерзости запустения, под бременем сумасшедшей скуки и бессмысленного безделья, люди как-то рассеялись, замолчали и ушли в себя: точно сидели под колпаками, из которых постепенно выкачивался воздух. Вот когда действительно хамело человечество, и в частности — российские патриоты.

Поток предчувствий, прошумевший над иными из нас между двух революций, также ослабел, заглох,

ушёл где-то в землю. Думаю, не я один испытывал чувство болезни и тоски в годы 1909 — 1916. Теперь, когда весь европейский воздух изменён русской революцией, начавшейся «бескровной идиллией» февральских дней и растущей безостановочно и грозно, кажется иногда, будто и не было тех недавних, таких древних и далёких годов; а поток, ушедший в землю, протекавший бесшумно в глубине и тьме, — вот он опять шумит, и в шуме его — новая музыка.

Мы любили эти диссонансы, эти рёвы, эти звоны, эти неожиданные переходы... в оркестре. Но, если мы их действительно любили, а не только щекотали свои нервы в людном театральном зале после обеда, мы должны слушать и любить те же звуки теперь, когда они вылетают из мирового оркестра; и, слушая, понимать, что это — о том же, всё о том же.

Музыка ведь не игрушка; а та bestия, которая полагала, что музыка — игрушка, — и веди себя теперь как bestия: дрожи, пресмыкайся, береги своё добро!

Мы, русские, переживаем эпоху, имеющую немало равных себе по величию. Вспоминаются слова Тютчева:

*Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые,
Его призвали всеблагие,
Как собеседника на пир,
Он их высоких зрелищ зритель...*

Не дело художника — смотреть за тем, как исполняется задуманное, печься о том, исполнится оно или нет. У художника — всё бытовое, житейское, быстро сменяющееся — найдёт своё выражение потом, когда перегорит в жизни. Те из нас, кто уцелеет, кого не «изомнёт с налёту вихорь шумный», окажутся властителями неисчислимых духовных сокровищ. Овладеть ими, вероятно, сможет только новый гений, пушкинский Арион; он, «выброшенный волною на берег», будет петь «прежние гимны» и «ризну влажную свою» сушить «на солнце, под скалою».

Дело художника, обязанность художника — видеть то, что задумано, слушать ту музыку, которой гремит «разорванный ветром воздух».

Что же задумано?

Переделать всё. Устроить так, чтобы всё стало новым; чтобы лживая, грязная, скучная, безобразная наша жизнь стала справедливой, чистой, весёлой и прекрасной жизнью.

Когда такие замыслы, искони таящиеся в человеческой душе, в душе народной, разрывают сковывавшие их путы и бросаются бурным потоком, доламывая плотины, обсыпая лишние куски берегов, это называется революцией. Меньшее, более умеренное, более низменное — называется мятежом, бунтом, переворотом. Но это называется революцией.

Она сродни природе. Горе тем, кто думает найти в революции исполнение только своих мечтаний, как бы высоки и благородны они ни были. Революция, как грозовой вихрь, как снежный буран, всегда несёт новое и неожиданное; она жестоко обманывает многих; она легко калечит в своём водовороте достойного; она часто выносит на сушу неведимыми недостойных; но — это её частности, это не меняет ни общего направления потока, ни того грозного и оглушительного гула, который издаёт поток. Гул этот, всё равно, всегда — о великом.

Размах русской революции, желающей охватить весь мир (меньшего истинная революция желать не может, исполнится это желание или нет, — гадать не нам), таков: она лелеет надежду поднять мировой циклон, который донесёт в заметённые снегом страны — тёплый ветер и нежный запах апельсиновых рощ; увлажнит спалённые солнцем степи юга — прохладным северным дождём.

«Мир и братство народов» — вот знак, под которым проходит русская революция. Вот о чём ревет её поток. Вот музыка, которую имеющий уши должен слышать.

Русские художники имели достаточно «предчувствий и предвестий» для того, чтобы ждать от России именно таких заданий. Они никогда не сомневались в том, что Россия — большой корабль, которому суждено большое плаванье. Они, как и народная душа, их вспоившая, никогда не отличались

расчётливостью, умеренностью, аккуратностью: «всё, всё, что гибелью грозит», таило для них «неизъяснимы наслажденья» (Пушкин). Чувство неблагоприятия, незнание о завтрашнем дне сопровождало их повсюду. Для них, как для народа, в его самых глубоких мечтах, было всё или ничего. Они знали, что только о прекрасном стоит думать, хотя «прекрасное трудно», как учил Платон.

Великие художники русские — Пушкин, Гоголь, Достоевский, Толстой — погружались во мрак, но они же имели силы пребывать и таиться в этом мраке: ибо они верили в свет. Они знали свет. Каждый из них, как весь народ, выносивший их под сердцем, скрежетал зубами во мраке, отчаянье, часто — злобе. Но они знали, что, рано или поздно, всё будет по-новому, потому что жизнь прекрасна.

Жизнь прекрасна. Зачем жить тому народу или тому человеку, который втайне разуверился во всём? Который разочаровался в жизни, живёт у неё «на подавнии», «из милости»? Который думает, что жить «не особенно плохо, но и не очень хорошо», ибо «всё идёт своим путём»: путём... эволюционным; люди же так вообще плохи и несовершенны, что дай им только бог прокряхтеть свой век кое-как, сколачиваясь в общества и государства, ограждаясь друг от друга стенками прав и обязанностей, условных законов, условных отношений...

Так думать не стоит; а тому, кто так думает, ведь и жить не стоит. Умереть легко: умереть можно безболезненно; сейчас в России — как никогда: можно даже без попа; поп не обидит отпевальной взяткой...

Жить стоит только так, чтобы предъявлять безмерные требования к жизни: всё или ничего; ждать неожиданного; верить не в «то, чего нет на свете», а в то, что должно быть на свете; пусть сейчас этого нет и долго не будет. Но жизнь отдаст нам это, ибо она — прекрасна.

Смертельная усталость сменяется животной бодростью. После крепкого сна приходят свежие, умытые сном мысли; среди бела дня они могут показаться дурацкими, эти мысли. Лжёт белый день.

Надо же почуять, откуда плывут такие мысли. Надо вот сейчас понять, что народ русский, как Иванушка-дурачок, только что с кровати схватился и что в его мыслях, для старших братьев если не враждебных, то дурацких, есть великая творческая сила.

Почему «учредилка»? (Между прочим, это вовсе не так обидно. У крестьян есть обычное — «потребилка».) Потому, что мы сами рядили о «выборных агитациях», сами судили чиновников за «злоупотребления» при этих агитациях; потому, что самые цивилизованные страны (Америка, Франция) сейчас захлебнулись в выборном мошенничестве, выборном взяточничестве.

Потому, что (я по-дурацки) самому всё хочется «проконтролировать», сам всё хочу, не желаю, чтоб меня «представляли» (в этом — великая жизненная сила: сила Фомы Неверного); потому ещё, что некогда в многоколонном зале раздастся трубный голос весьма сановного лица: «Законопроект такой-то в тридцать девятом чтении отклоняется»; в этом трубном голосе будет такой тупой, такой страшный сон, такой громовой зевок «организованной общественности», такой ужас без имени, что опять и опять наиболее чуткие, наиболее музыкальные из нас (русские, французы, немцы — все одинаково) бросятся в «индивидуализм», в «бегство от общественности», в глухую и одинокую ночь. Потому, наконец, что бог один ведает, как выбирала, кого выбирала, куда выбирала неграмотная Россия сегодняшнего дня; Россия, которой нельзя втолковать, что Учредительное Собрание — не царь.

Почему «долой суды»? — Потому, что есть томы «уложений» и томы «разъяснений», потому, что судья-барин и «аблакат»-барин толкуют про меж себя о «деликте»; происходит «судоговорение»; над несчастной головой жулика оно происходит. Жулик — он жулик и есть; уж согрешил, уж потерял душу; осталась одна злоба или одни покаянные слёзы: либо удрать, либо на каторгу; только бы с глаз долой. Чего же ещё над ним, напакостившим, измываться?

Либерального «аблаката» описал Достоевский; Достоевского при жизни травили, а после смерти называли «певцом униженных и оскорблённых». Описал ещё то, о чём я говорю, Толстой. А кто обносил решёточкой могилу этого чудака? Кто теперь голосит о том, как бы над этой могилой не «надругались»? А почему вы знаете, может быть, рад бы был Лев Николаевич, если б на его могиле поплевали и побросали окурков? Плевки — Божьи, а решёточка — не особенно.

Почему дырявят древний собор? — Потому, что сто лет здесь ожиревший поп, икая, брал взятки и торговал водкой.

Почему гадят в любезных сердцу барских усадьбах? — Потому, что там насиловали и пороли девок: не у того барина, так у соседа.

Почему валят столетние парки? — Потому, что сто лет под их развесистыми липами и клёнами господа показывали свою власть: тыкали в нос нищему — мощной, а дураку — образованностью.

Всё так.

Я знаю, что говорю. Конём этого не объедешь. Замалчивать этого нет возможности; а все, однако, замалчивают.

Я не сомневаюсь ни в чьём личном благородстве, ни в чьей личной скорби; но ведь за прошлое — отвечаем мы? Мы — звенья единой цепи. Или на нас не лежат грехи отцов? — Если этого не чувствуют все, то это должны чувствовать «лучшие».

Не беспокойтесь. Неужели может пропасть хоть крупинка истинно-ценного? Мало мы любили, если трусим за любимое. «Совершенная любовь изгоняет страх». Не бойтесь разрушения кремлей, дворцов, картин, книг. Беречь их для народа надо; но, потеряв их, народ не всё потеряет. Дворец разрушаемый — не дворец. Кремль, стираемый с лица земли, — не кремль. Царь, сам свалившийся с престола, — не царь. Кремли у нас в сердце, цари — в голове. Вечные формы, нам открывшиеся, отнимаются только вместе с сердцем и с головой.

Что же вы думали? Что революция — идилия? Что творчество ничего не разрушает на своём пути?

Что народ — паинька? Что сотни обыкновенных жуликов, провокаторов, черносотенцев, людей, любящих погреть руки, не постараются ухватить то, что плохо лежит? И, наконец, что так «бескровно» и так «безболезненно» и разрешится вековая распря между «чёрной» и «белой» костью, между «образованными» и «необразованными», между интеллигенцией и народом?

Не вас ли надо будить теперь от «векового сна»? Не вам ли надо крикнуть: «*Noli tangere circulos meos*» («Не тронь моих кругов» (лат.))? Ибо вы мало любили, а с вас много спрашивается, больше, чем с кого-нибудь. В вас не было этого хрустального звона, этой музыки любви, вы оскорбляли художника — пусть художника, — но через него вы оскорбляли самую душу народную. Любовь творит чудеса, музыка завораживает зверей. А вы (все мы) жили без музыки и без любви. Лучше уж молчать сейчас, если нет музыки, не слышат музыки. Ибо всё, кроме музыки, всё, что без музыки, всякая «сухая материя» — сейчас только разбудит и озлит зверя. До человека без музыки сейчас достучаться нельзя.

А лучшие люди говорят: «Мы разочаровались в своём народе»; лучшие люди ехидничают, надмеваются, злобствуют, не видят вокруг ничего, кроме хамства и зверства (а человек — тут, рядом); лучшие люди говорят даже: «никакой революции и не было»; те, кто места себе не находил от ненависти к «царизму», готовы опять броситься в его объятия, только бы забыть то, что сейчас происходит; вчерашние «пораженцы» ломают руки над «германским засильем», вчерашние «интернационалисты» плачутся о «Святой Руси»; безбожники от рождения готовы ставить свечи, молясь об одолении врага внешнего и внутреннего.

Не знаю, что страшнее: красный петух и самосуды в одном стане или эта гнетущая немзыкальность — в другом?

Я обращаюсь ведь к «интеллигенции», а не к «буржуазии». Той никакая музыка, кроме фортепиан, не снилась. Для той всё очень просто: «в ближайшем будущем наша возьмёт», будет «порядок», и всё —

по-старому; гражданский долг заключается в том, чтобы беречь добро и шкуру; пролетарии — «мерзавцы»; слово «товарищ» — ругательное; своё уберёг — и сутки прочь: можно и посмеяться над дураками, задумавшими всю Европу взбаламутить, потрясти брюхом, благо удалось урвать где-нибудь лишний кусок.

С этими не поспоришь, ибо дело их — бесспорное: брюшное дело. Но ведь это — «полупросвещённые» или совсем «непросвещённые» люди; слышали они разве только о том, что нахрюкали им в семье и школе. Что нахрюкали, то и спрашивается:

Семья: «Слушайся папу и маму». «Прикапливай деньги к старости». «Учись, дочка, играть на рояли, скоро замуж выйдешь». «Не играй, сынок, с уличными мальчишками, чтобы не опорочить родителей и не изорвать пальто».

Низшая школа: «Слушайся наставников и почитай директора». «Ябедничай на скверных мальчишек». «Получай лучшие отметки». «Будь первым учеником». «Будь услужлив и угодлив». «Паче всего — закон божий».

Средняя школа: «Пушкин — наша национальная гордость». «Пушкин обожал царя». «Люби царя и отечество». «Если не будете исповедоваться и причащаться, вызовут родителей и сбавят за поведение». «Замечай за товарищами, не читает ли кто запрещённых книг». «Хорошенькая горничная — ты».

Высшая школа: «Вы — соль земли». «Существование Бога доказать невозможно». «Человечество движется по пути прогресса, а Пушкин воспевал женские ножки». «Вам ещё рано принимать участие в политической жизни». «Царю показывайте кукиш в кармане». «Заметьте, кто говорил на сходке».

Государственная служба: «Враг внутренний есть студент». «Бабёнка недурна». «Я тебе покажу, как рассуждать». «Сегодня приедет его превосходительство, всем быть на местах». «Следите за Ивановым и доложите мне».

Что спрашивать с того, кто всё это добросовестно слушал и кто всему этому поверил? Но ведь интеллигенты, кажется, «переоценили» все эти ценности?

Им приходилось ведь слышать и другие слова? Ведь их просвещали наука, искусство и литература? Ведь они пили из источников не только загаженных, но также — из источников прозрачных и головокружительно бездонных, куда взглянуть опасно и где вода поёт неслыханные для непосвящённых песни?

У буржуа — почва под ногами определённая, как у свиньи — навоз: семья, капитал, служебное положение, орден, чин, бог на иконе, царь на троне. Вытащи это — и всё полетит вверх тормашками.

У интеллигента, как он всегда хвалился, такой почвы никогда не было. Его ценности невосприимчивы.

Его царя можно отнять только с головой вместе. Уменьше, больше, методы, навыки, таланты — имущество кочевое и крылатое. Мы бездомны, бессемейны, бесчинны, нищи, — что же нам терять?

Стыдно сейчас надмеваться, ухмыляться, плакать, ломать руки, ахать над Россией, над которой пролетает революционный циклон.

Значит, рубили тот сук, на котором сидели? Жалкое положение: со всем сладострастьем ехидства подкладывали в кучу отсыревших под снегами и дождями коряг — сухие полешки, стружки, щепочки; а когда пламя вдруг вспыхнуло и взвилось до неба (как знамя), — бегать кругом и кричать: «Ах, ах, сгорим!»

Я не говорю о политических деятелях, которым «тактика» и «момент» не позволяют показывать душу. Думаю, не так уж мало сейчас в России людей, у которых на душе весело, которые хмурятся по обязанности.

Я говорю о тех, кто политики не делает; о писателях, например (если они делают политику, то грешат против самих себя, потому что «за двумя зайцами погонишься — ни одного не поймаешь»: политики не сделают, а свой голос потеряют). Я думаю, что не только право, но и обязанность их состоит в том, чтобы быть нетактичными, «бестактными»: слушать ту великую музыку будущего, звуками которой наполнен воздух, и не выискивать отдельных

визгливых и фальшивых нот в величавом рёве и звоне мирового оркестра.

Русской интеллигенции — точно медведь на ухо наступил: мелкие страхи, мелкие словечки. Не стыдно ли издеваться над безграмотностью каких-нибудь объявлений или писем, которые писаны доброй, но неуклюжей рукой? Не стыдно ли гордо отмалчиваться на «дурацкие» вопросы? Не стыдно ли прекрасное слово «товарищ» произносить в кавычках?

Это — всякий лавочник умеет. Этим можно только озлобить человека и разбудить в нём зверя.

Как аукнется — так и откликнется. Если считаете всех жуликами, то одни жулики к вам и придут. На глазах — сотни жуликов, а за глазами — миллионы людей, пока «непросвещённых», пока «тёмных». Но просветятся они не от вас.

Среди них есть такие, которые сходят с ума от самосудов, не могут выдержать крови, которую пролили в темноте (своей); такие, которые бьют себя кулаками по несчастной голове: мы — глухие, мы понять не можем; а есть и такие, в которых ещё спят творческие силы; они могут в будущем сказать такие слова, каких давно не говорила наша усталая, несвежая и книжная литература.

Надменное политиканство — великий грех. Чем дольше будет гордиться и ехидствовать интеллигенция, тем страшнее и кровавее может стать кругом. Ужасна и опасна эта эластичная, сухая, невкусная «адогматическая догматика», приправленная снисходительной душевностью. За душевностью — кровь. Душа кровь притягивает. Бороться с ужасами может лишь дух. К чему загораживать душевностью пути духовности? Прекрасное и без того трудно.

А дух есть музыка. Демон некогда повелел Сократу слушаться духа музыки.

Всем телом, всем сердцем, всем сознанием — слушайте Революцию.

Александр БЛОК
1918 год

ГОСТИНЫЙ ДВОРЬ

ОКТАБРЬСКАЯ
РЕВОЛЮЦИЯ
– СОБЫТИЕ И
ПОНЯТИЕ

- 16 Константин Моргунов.** «У революции своя правда...» *Из хроники революционных трансформаций в Оренбуржье*
- 34 Татьяна Судоргина.** «Гибнет Русь родная, гибнет её вековая мощь...» *Пресс-идеология и местная пресса*
- 50 Сергей Четвериков.** «Настали в России дни обновления...» *Аналитические заметки архивиста*
- 57 Документ без комментария.** «Сообщили, что царь свегнут с престола...» *Из воспоминаний очевидцев*
- 62 Лидия Медведева.** *Время, вперёд! Размышления по поводу одной выставки*

НАША
ГОСТИНАЯ

- 70 Александр Нестругин.** «Октябрь – и слом, и гром, – и знамя». *Стихи*
- 75 Виктор Брюховецкий.** *Белые стрижи. Рассказы*
- 84 Геннадий Ёмкин.** «Я сроду чувства не таю...» *Стихи*
- 89 Сергей Пылев.** *Матушка. Повесть*
- 115 Нина Ягодинцева.** *Малиновые холода. Стихи*
- 122 Анатолий Аврутин.** «Отчизну не тронь!» *Стихи*

ПРОЗА И
ПОЭЗИЯ

- 128 Иван Веневцев.** *Урал – быстра река. Роман. Продолжение*
- 172 Виталий Молчанов.** *Донецк. Поэма*
- 176 Александр Филиппов.** *Мелгора. Записки тюремного врача. Окончание*
- 210 Сергей Бурдыгин.** *Тогда мы были братья. Стихи*
- 215 Владимир Шадрин.** *Костёр. Поэма*
- 221 Александр Степанов.** *Апрельские тезисы. Поэма*
- 226 Сергей Салдаев.** «Кто подпустил меня к литературе?» *Пародии*

- ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА **229 Вячеслав Лютый.** «Мы путники из детства, из природы...» *О творчестве Сергея Донбая*
- 332 Андрей Тимофеев.** «Новые традиционалисты» как будущее русской литературы. *Из опыта пристрастного прочтения. Окончание*
- СВИТОК **249 Любовь Сухарева.** «Просто мы уже взрослые...» *Стихи*
- 252 Владислав Наумов.** Пиджак. *Рассказ*
- 260 Антон Горынин.** Звонок. *Интродрама*
- ПАМЯТЬ ЖИВА **273 Константин Мусорин.** Утро земли. *Стихи К 100-летию со дня рождения*
- 276 Юрий Орябинский.** «Не хватает мне времени жить...» *Стихи*
- НАРОДНЫЕ МЕМУАРЫ **282 Екатерина Курдакова.** Моей юности давний приют. *Семейный хронограф. Окончание*
- ОРЕНБУРГСКАЯ ДИАСПОРА **302 Павел Кожевников.** Жавороночки. *Рассказы*
- ПУБЛИЦИСТИКА **314 Вячеслав Моисеев.** Короткая жизнь миротворца. *О подвиге Александра Прохоренко*
- КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ **321 Владимир Мельник.** Гончаровы в Оренбуржье. *Исследовательская работа*
- 330 Геннадий Соколов:** «Я любил петь в лесу...» *Беседа с главным редактором журнала «Гостиный Дворь» Натальей Кожевниковой*
- ГАЗЕТЕ «ЮЖНЫЙ УРАЛ» – 100 ЛЕТ **337 Сергей Миронов.** Далёкое – близкое. *О газете, и не только*
- 344 Лариса Стрельцова.** Достучаться до читателя. *Мнение неравнодушного корректора*
- 348 Юрий Мещанинов.** Как закрывали «Южный Урал». *Печать за семью печатями*
- 353 Наталья Кожевникова.** Каждая строка была в цель... *Газета как школа жизни*
- 356 Владимир Соколов.** Кресло руководителя. *Мистический атрибут главного редактора*

Константин МОРГУНОВ

«У РЕВОЛЮЦИИ СВОЯ ПРАВДА...»

Константин Алексеевич Моргунов родился в 1972 году в г.Тольятти Самарской (Куйбышевской) области. Окончил исторический факультет Оренбургского государственного педагогического института. Работал учителем в школе, преподавателем в Оренбургском государственном аграрном университете. В настоящее время – консультант управления внутренней политики аппарата губернатора и правительства Оренбургской области. Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник НИИ истории и этнографии Оренбургского государственного университета. Автор более 200 научных трудов по истории межнациональных и межконфессиональных отношений на Южном Урале, современной этноконфессиональной политике. Живёт в Оренбурге.

До сих пор в оценке событий революции 1917 и гражданской войны встречается упрощённый подход, представляющий её как противостояние красных и белых, борьбу классов эксплуататоров и эксплуатируемых. Но в приближении исторические события теряют свою однозначность. Гражданская война являла собой столкновение сразу нескольких антагонистических сил, у каждой из которых была своя правда, свои сторонники, свои герои, победы и поражения. Для большинства же населения, в целом индифферентно настроенного к политическим процессам, новые идейные веяния были малопонятными и выстраивались в систему очевидных и довольно однообразных лозунгов.

Социальное противостояние в губернии началось сразу после Октябрьского переворота. Оренбург, как и другие населённые пункты губернии, неоднократно оказывался во власти то красных, то белых. С октября 1917-го по

январь 1918 года власть в губернии принадлежала силам, верным Временному правительству и не признавшим власть большевиков. Потом — до июля 1918 года в Оренбурге была установлена советская власть, которая после восстания чехословацкого корпуса вновь сменилась на войсковое правительство Дутова, власть которого продержалась в губернии до января 1919 года. Но и утвердившаяся в Оренбурге уже окончательно советская власть ещё почти полгода фактически распространялась только на губернский центр, окружённый белыми частями. Только к осени 1919 года дутовцы окончательно покинули территорию губернии. Орск, Соль-Илецк, Бузулук, Бугуруслан и другие населённые пункты также неоднократно переходили из рук в руки противоборствующих сторон.

Не признав власть большевиков, представители Временного правительства и органы местного самоуправления уже 27 октября объявили о переводе Оренбурга на военное положение с передачей всей военной власти в городе наказному атаману А.И. Дутову, которой был известен как сторонник твёрдой власти и сохранения казачьих свобод, достаточно критично относящийся к политике Временного правительства¹. Власть атамана Дутова вскоре признали Орск, Троицк и Верхнеуральск.

Политическая жизнь в Оренбурге бурлила. В драмтеатре и цирке проводились митинги, на

которых были представлены все действующие в губернии политические течения: эсеры, меньшевики, большевики, бундовцы, анархисты, черносотенцы и представители национальных движений. Большинство политических сил и общественных объединений поддерживали решение местных властей о передаче военной власти наказному атаману.

Борьба за власть в Оренбурге начала обостряться в ноябре 1917 года. С прибытием в начале ноября С. М. Цвиллинга, назвавшегося чрезвычайным комиссаром Оренбургской губернии, большевиками практически открыто началась подготовка к тому, чтобы при поддержке оренбургского гарнизона взять власть в губернии в свои руки. Это не ушло от внимания властей и последовали аресты лидеров большевиков (А. А. Коростелёв, В. И. Мискинов, М. М. Макарова, С. А. Кичигин, И. Г. Лобов и др.) Действовавший в Оренбурге большевистский партийный клуб был закрыт. Ответом на эти действия стало объявление железнодорожниками забастовки, что привело к прекращению движения товарных поездов. На фоне роста стачечного движения большевикам удалось провести своих кандидатов в руководство Оренбургского Совета солдатских депутатов, что фактически давало им контроль над солдатами оренбургского гарнизона.

В результате последовало разоружение пехотного гарнизона

С.М. Цвиллинг (1891—1918)

и создание 8 ноября 1917 года при городской управе Комитета спасения родины и революции, председателем которого стал лидер эсеров городской голова В.Ф. Барановский. Ведущая роль в Комитете принадлежала представителям партии правых эсеров. В его состав вошли комиссар Временного правительства Н.В. Архангельский, войсковой атаман А.И. Дутов, представители комитета общественной безопасности, земства и общественных организаций.

Для охраны города было объявлено о создании добровольческих частей, в состав которых вошли в основном казацки офицеры и учащаяся молодёжь. Численность добровольцев была незначительной. Казаки-фронтовики в большинстве своём заняли подчёркнуто нейтральную

позицию, не желая вмешиваться в политическое противостояние.

Несмотря на арест группы большевиков, Совет рабочих и солдатских депутатов был уверен в своих силах. Возможно, этим объясняется то, что участники заседания Совета, состоявшегося в Караван-Сарае во главе с С.М. Цвиллингом в ночь с 14 на 15 ноября 1917 года, не озаботились о необходимых мерах секретности и безопасности. На заседании было принято решение о создании Военно-революционного комитета. Но завершилось оно не переходом власти, как было заявлено, к вновь организованной структуре, а арестом всего состава участников заседания.

В конце ноября 1917 года в Оренбурге началось создание подпольного отряда Красной гвардии, главным образом из рабочих железнодорожных мастерских Ташкентской железной дороги. Начальником штаба был избран А. Е. Левашев. Из Бузулука тайно было доставлено оружие и организовано обучение пользования им. Именно отряд Красной гвардии в ночь с 12 на 13 декабря 1917 года принял участие в освобождении из тюрьмы группы заключённых большевиков. Бежав из тюрьмы, Цвиллинг вместе с Коростелёвым и Мартыновым направились в Бузулук, относящийся тогда к Самарской губернии, где шло формирование частей Красной гвардии. Там же, в Бузулуке, ещё с 30 ноября 1917 года находился официально

назначенный чрезвычайным комиссаром П.А. Кобозев.

Политические симпатии оренбуржцев в тот период наглядно иллюстрируют результаты выборов в Учредительное собрание, которые проходили в Оренбургской губернии с 26 по 28 ноября 1917 года. В городах губернии за социалистические партии проголосовало 62,6% избирателей, в том числе 40,8% — за большевиков. По уездам, сёлам и станицам губернии за социалистические партии проголосовало 41,5% избирателей.

Ситуацию в Оренбурге демонстрирует и грандиозный погром винного склада, продолжавшийся с 16 по 18 декабря 1917 года. Результатом пьяной вакханалии стало более 200 погибших от алкогольного отравления, замёрзших, сгоревших в подожжённом ими же винном складе и утонувших в цистернах со спиртом. Показательно, что городские власти были не в состоянии навести порядок, продемонстрировав тем самым свою полную несостоятельность. Остановили пьяных погромщиков только сами жители, организовавшие дружины для охраны города².

Положение жителей города было достаточно сложным. Нарушение хозяйственных

связей привело к росту цен на предметы первой необходимости. В декабре хлебный паёк был сокращён до трёх четвертей фунта на человека в день. А 9 декабря продовольственная управа сообщила о том, что хлеба в городе осталось только на один день. Ситуация осложнялась отсутствием необходимой для выстраивания товарно-денежных отношений денежной массы. Оренбургский комитет спасения родины и революции, совместно с Войсковым правительством, городским и земским самоуправлениями по примеру других территорий выпустил для местного обращения собственные денежные знаки, которые должны приниматься в уплату всеми правительственными и торговыми учреждениями, а также и частными лицами, наравне с общегосударственными кредитными билетами³.

22 декабря 1917 года началось наступление красногвардейцев на

Оренбург. Силы наступающих были незначительными, всего около 1300 бойцов. Беспрепятственно они дошли до ст. Сырт, где состоялось первое столкновение с противником. 29 декабря, практически дойдя до Татарской Каргалы, части Красной гвардии начали отступать в Бузулук, испугавшись недостоверной информации о наступлении в тылу казахских станиц.

Добровольческие части Дутова также были малочисленными и не превышали 2000 человек. Это в очередной раз свидетельствует о низком уровне боеспособности красных и белых формирований в этот период и о нежелании большинства населения губернии участвовать в борьбе за власть на чьей-либо стороне.

В период с ноября 1917-го по январь 1918 года местные советы взяли власть в Челябинске, Троицке, в Актюбинске, Акбулаке и целом ряде других населённых пунктов. Это существенно ухудшало положение Дутова, который был вынужден объявить о мобилизации не только казаков, но и служащих, которые привлекались для несения караульной службы и производства работ по обороне города. Казачество, являющееся единственной реальной силой в губернии, способной противостоять большевикам, в большинстве своём негативно встретило приказ о мобилизации и высказало своё недоверие Войсковому правительству во главе с атаманом. Так, например, казаки станиц Краснохолмской,

Городищенской, Татищевской, Первой и Второй Зубочистенской, Чесноковской и Белгородской приняли решение сохранить нейтралитет, о чём и проинформировали Мальйй круг и Войсковое правительство. Они предложили немедленно заключить перемирие с большевиками и начать переговоры с участием делегатов от этих станиц⁴.

Некоторые станицы всё же подчинились приказу о мобилизации. Так, из Бердской станицы было мобилизовано и добровольно поступило в армию Дутова 387 человек, в том числе 17 офицеров (трое из Бердской станицы, 9 – из Оренбурга и 5 – из Форштадта). Из них только 37 казаков были добровольцами (включая всех офицеров), а остальные были мобилизованы. Пробыв в составе отрядов Дутова, уже через несколько недель более 125 мобилизованных вернулись домой. Также мобилизация офицеров и казаков была осуществлена в станицах Красноярской, Рассыпной, Донгузской, Подстепинской и Сакмарской⁵.

Несмотря на это, сил, необходимых для обороны города, у Дутова не было. В его распоряжении оставались лишь небольшие офицерские, юнкерские и добровольческие отряды, а также несколько станичных дружин. Глубокий снег сводил возможности маневрирования к минимуму. Незначительные бои велись в основном по линии железной дороги. Второе наступление большевистских отрядов из Бузулука

началось 10 января 1918 года. В Оренбурге началась паника. Не найдя опоры в казачестве, Дутов был вынужден в ночь на 18 января покинуть Оренбург, направившись вглубь войсковой территории, в г. Верхнеуральск, откуда в апреле с боями отступил в г. Тургай.

Установление в губернии советской власти (январь — май 1918 г.)

Формирование советских органов. Начало социального противостояния. Ночью 18 января 1918 года красногвардейцы вступили в город. Продвижение советской власти продолжалось по губернии и 30 января советы взяли власть в Орске, а 1 февраля — в Илецкой Защите⁶.

Захват губернского центра сборными отрядами Красной гвардии, в которые входили и анархисты и просто маргинальные элементы, сопровождался расстрелами, арестами, обысками и грабежами. Захватившие город красногвардейцы, действуя как простые грабители, начали осуществлять реквизицию золота и драгоценностей⁷.

Только через неделю революционный произвол в городе стал стихать. Всю полную власть в губернии (точнее той её части, что признала советскую власть) взял на себя воссозданный Военно-революционный комитет. Стремясь договориться с большевиками, Оренбургское земское собрание и целый ряд казачьих станиц

А.И. Дутов (1879—1921)

признали советскую власть. Но Военно-революционный комитет, возглавляемый С.М. Цвиллингом, который именовался теперь народным комиссаром Оренбургской губернии, не шёл на компромиссы. Городская буржуазия и казачьи станицы были обложены денежными контрибуциями. Частные банки национализировались. Частные предприятия, владельцы которых покинули Оренбург вслед за белыми войсками, конфисковывались. Были закрыты газеты «Южный Урал», «Оренбургский край» и «Рабочая заря». Начался бурный процесс формирования новой системы управления и ликвидации всех, даже потенциально оппозиционных структур.

7 февраля состоялось заседание восстановленного Совета рабочих депутатов, в который не были допущены представители политических партий, не признавших советскую власть.

16 февраля был создан военно-революционный трибунал. В конце марта перед трибуналом предстал городской голова В.Ф. Барановский, которого приговорили к трём годам принудительных общественных работ при губсовнархозе⁸.

В некоторых казачьих станицах после отступления Дутова остались немногочисленные антибольшевистски настроенные отряды. В районе станиц Красногорской и Островной находился отряд войскового старшины Лукина, а в станицах Изобильной, Буранной и Линёвской располагался отряд полковника Донецова. В конце февраля Цвиллинг получил письмо от подполковника Корчакова, руководившего одним из партизанских отрядов, с ультимативным требованием в трёхдневный срок покинуть Оренбург. Ответ на это письмо был опубликован 6 марта в «Известиях ВРК». Вполне ожидаемо Цвиллинг пригрозил в случае начала военных действий расстрелом всех задержанных белогвардейцев, независимо от степени их личной вины. За каждого убитого красноармейца было обещано расстрелять десять представителей оренбургской буржуазии, а станицы, поддержавшие партизан, и не сдавшие в течение трёх дней всё имеющееся у

казаков оружие, будут уничтожены с помощью артиллерии.

Последовавшая 9 марта попытка нападения отряда Корчакова на Оренбург выглядит как полная авантюра. Налёт был легко отбит, и Корчаков отступил к станице Красногорской. Но у Цвиллинга появились все основания для того, чтобы взять курс на ликвидацию казачества как самостоятельной военной и социальной силы в губернии.

12 марта 1918 года начал свою работу Первый Оренбургский губернский съезд Советов рабочих, крестьянских, казачьих и мусульманских делегатов, на котором присутствовало 1 200 человек⁹. Казачество было представлено 120 депутатами, но в состав президиума никто из них не вошёл. Мнение казаков по проекту решения съезда по земельному вопросу не было услышано. С подачи Цвиллинга съезд отказался признавать казачью автономию, и 80 депутатов от казаков покинули его заседание.

Выявившееся в ходе работы съезда враждебное отношение советского руководства губернии к казачеству получило своё развитие в разрушении традиционно сложившихся органов войскового управления. Это выразилось в роспуске окружного совета казачьих депутатов. Был закрыт «Оренбургский казачий вестник». На казаков Форштадта была наложена денежная контрибуция. В ночь на 18 марта с целью поимки членов подпольной офицерской организации

вся станица была оцеплена и подверглась обыску. Около 100 человек были арестованы в качестве заложников.

Одним из самых острых вопросов в этот период оставалась организация продовольственного дела и оказание помощи другим регионам. В марте 1918 года была упразднена продовольственная управа и вместо неё был создан губернский комиссариат по продовольствию. Началась активная борьба с мешочниками и спекулянтами. Власть приступила к изъятию излишков хлеба у владельцев, причём при реквизициях использовались военные отряды. Ситуация осложнялась тем, что значительная часть губернии большевиками не контролировалась, а в казачьих станицах стихийно создавались партизанские отряды. В результате ряд продотрядов был казаками уничтожен. 28 марта 1918 года в станице Ветлянской был разбит продотряд, возглавляемый председателем Илецкого совета П.А. Персияновым. Из 17 красногвардейцев, входивших в его состав, 15 человек, вместе с Персияновым, были убиты. Направившийся туда же с карательным отрядом С.М. Цвиллинг погиб 2 апреля в станице Изобильной.

В ночь с 3 на 4 апреля 1918 года отряд войскового старшины Н. В. Лукина и подполковника Корчакова совершил набег на Оренбург. В отряд входили казаки станиц Островной, Вязовской, Нежинской, Красногорской, Благословенской, а также

отряд башкир Амира Карамышева. Бой в городе продолжался в течение пяти часов. Казаки заняли Форштадт и перебили всех, кого застигли в двухэтажных казармах юнкерского училища, где размещались красногвардейцы с семьями. На улице Гостиннодворской (ныне улица Кирова) казаки напали на дом Панкратова. Всего было убито 129 красногвардейцев, ответственных советских работников и членов их семей.

Жестокие ответные меры не заставили себя ждать. Ответом на набег казаков на Оренбург стало усиление красного террора. С 5 по 8 апреля по всему Оренбургу, особенно в Форштадте, происходили массовые аресты, творился настоящий самосуд. Красногвардейцами были обстреляны 19 близлежащих к Оренбургу казачьих станиц¹⁰. За нападение на красноармейца была наказана станица Донецкая, жителям которой 13 мая было приказано покинуть свои дома. После артобстрела в станицу вошли красногвардейцы, которые грабили дома и убивали жителей, не захотевших бросить свои жилища. Количество убитых в станице составило около 50 человек, а сама она была сожжена. В станице Павловской 19 мая было убито 15 человек, после чего станица была также сожжена. Сожжены были также станицы Донгузская, Татищевская, Угольная, Григорьевская, Пречистенская, Благословенская; Воздвиженская, Ильинская. Некоторые станицы были подвергнуты артобстрелу¹¹.

Реакция казаков в очередной раз свидетельствует об отсутствии изначально среди них единства и слаженности действий. Некоторые станицы на общих сходах принимали решения о признании и подчинении советской власти. Другие решались присоединиться к восстанию, которое уже охватило линейные станицы, а затем и значительную часть станиц первого округа Оренбургского войска. Определённую роль в разрастании района восстания сыграл пример уральских казаков, которые к этому времени уже взяли власть на войсковой территории в свои руки.

Попытка объединения казаков и выработки общей позиции по отношению к советской власти и проводимой ею политике террора была предпринята 3 апреля 1918 года на съезде делегатов 15 низовых станиц, состоявшемся в станице Нижне-Озёрной. Делегаты съезда, среди которых не было офицеров, договорились об объединении партизанских отрядов и объявлении мобилизации казаков. Общее командование казачьими отрядами было доверено войсковому старшине Красноярцеву, были выделены четыре фронта и назначены их командиры¹². К середине мая в казачьем партизанском движении участвовало уже 27 низовых станиц. Из верхних станиц также прибывали отряды добровольцев, но большинство казаков по-прежнему придерживались нейтралитета. К концу мая в повстанческом движении участвовало уже

около 7000 казаков. Вопрос обеспечения оружием и боеприпасами решался в основном за счёт военных трофеев. Восставшие казаки одинаково жёстко поступали и с красноармейцами, и со своими же казаками, вставшими на службу большевикам. При этом действия повстанцев рассматривались как вынужденный ответ на насилие большевиков.

В результате большевики оказались фактически в окружении, сохранив свою власть только в Оренбурге и Илецке. Железнодорожное сообщение было нарушено. Продовольственное снабжение осуществлялось за счёт вооружённых рейдов в близлежащие посёлки, жестоко карая население за неповиновение. В целях организации борьбы с казаками 14 мая губернский Военно-революционный штабом была объявлена мобилизация рабочих в возрасте от 18 до 45 лет. Но формирование частей шло с большим трудом. 22 мая последовал ещё один приказ штаба, в котором указывалось на то, что все рабочие и служащие без различия национальности, кроме поданных «центральных держав», подлежат мобилизации. Уклонению от мобилизации способствовали общественные структуры, создаваемые в интересах защиты отдельных групп населения. Так, Краевая Оренбургско-Тургайская Украинская Рада заявила, что граждане Украинской Республики, как иностранцы, мобилизации подлежать не должны. Настойчивость представителей украинской

диаспоры удалось сломить только путем ликвидации Краевой Рады. Но уже 2 июня 1918 года был образован Комитет защиты интересов граждан Украинской Народной Республики, проживающих в Оренбургской губернии, а также Тургайской и Уральской областях, продолживший отстаивать интересы украинских переселенцев¹³.

На помощь окружённому Оренбургу 18 мая выдвинулся отряд В.К. Блюхера и Г.В. Зиновьева, составляющий около 2 600 человек. 23 мая этот отряд прибыл на станцию Сырт.

На съезде делегатов объединённых станиц, состоявшемся 30 мая 1918 года, казаки выдвинули условия, на которых они были готовы остановить братоубийственную войну: предоставление Оренбургскому казачьему войску автономии, гарантий неприкосновенности его территории и восстановление войскового самоуправления, прекращение преследования казаков и полное разоружение Красной гвардии. Но в связи с восстанием чехословацкого корпуса и готовящейся эвакуации советских органов из Оренбурга попытки достижения мирных договорённостей потеряли актуальность.

Столкновения казаков с красногвардейцами продолжились. 27-28 мая произошли бои под станциями Татищевской, в районе станции Саракташ и у станции Пречистенской. 2 июня боестолкновение произошло у станции Мертвецовской¹⁴. Постепенно

повстанческая армия по примеру соседей-уральцев превращалась в регулярную. Уральцы помогали оренбургским казакам оружием и боеприпасами, участвовали в совместных операциях.

Выступление чехословаков привело к тому, что уже в конце мая — июне 1918 года советская власть пала в Челябинске (26—27 мая), Троицке (18 июня), Самаре, Бузулуке, и Оренбург рисковал остаться в полном окружении. 30 июня началась эвакуация, а 2 июля последние красногвардейцы выступили из Оренбурга. Часть из них пошла на Орск, часть по железной дороге направилась в Актюбинск. 3 июля в Оренбург вошли отряды казаков, а 7 июля прибыл атаман Дутов, выступивший со своим отрядом из Тургая ещё 12 июня. 8 июля от большевиков была освобождена Илецкая Защита.

Гражданская война в Оренбургской губернии: основные события (июль 1918-го — сентябрь 1919 года)

Вступление казаков в Оренбург как минимум частью оренбуржцев было встречено восторженно. Выступая в кафедральном соборе, архиепископ Мефодий обратился с приветственным словом к «освободителям» и дал обличительную гневную проповедь «кровавой власти» большевиков. Здесь же он в очередной раз подчеркнул необходимость национального примирения. Эта

проповедь была перепечатана и разослана по всем приходам епархии.

Прибывшие в Оренбург 3 июля 1918 года вместе с отрядами казаков члены казачьего Круга вверили управление губернией и войсковой территорией временно исполняющему должность Войскового атамана К.Л. Каргину¹⁵. Им ещё до прихода Дутова был издан приказ № 1, объявивший о роспуске всех советских органов и восстановлении деятельности прежних органов местного самоуправления. Город в очередной раз был объявлен на военном положении. С целью наведения порядка вводилась смертная казнь за уголовные преступления: умышленные убийства, грабежи, поджоги, разбои, а также за незаконное хранение оружия, содействие большевикам, укрывательство комиссаров и красноармейцев, возбуждение социальной вражды и призывы к проведению стачек.

Местный Комитет членов Учредительного собрания был образован в Оренбурге 6 июля. В его состав вошли К. Л. Каргин, П. В. Богданович, И. П. Нестеров. По прибытии в Оренбург Дутов был вынужден признать все последние решения временного малого Круга объединённых станиц о признании Комуча и даже был назначен главноуполномоченным Комитета в Оренбургской и Тургайской губерниях, а также на территории Оренбургского казачьего войска. Фактически же Войсковое правительство Дутова в местных вопросах имело ши-

рокие права самоуправления и выполняло далеко не все распоряжения Комуча. Будучи недоволен тем, что в Комуче преобладает эсеровская программа, Дутов практически сразу переориентировал политический курс войска с Комуча на Временное Сибирское правительство, для переговоров с которым уже 26 июля атаман прибыл в Омск. Итогом переговоров стало освобождение 5 августа 1918 года Дутова с поста главноуполномоченного Комуча, а 12 августа был принят указ Войскового правительства об образовании «Области войска Оренбургского» в пределах его войсковой территории¹⁶. Впоследствии эта казачья автономия была признана адмиралом А.В. Колчаком.

Демократически настроенные лидеры Круга объединённых станиц выступили против переориентации политического курса, опасаясь восстановления режима «военного бюрократизма», но воспрепятствовать этому не сумели. Критикуя «диктаторство» атамана, они не предложили какой-либо альтернативной политической программы.

3-й чрезвычайный Круг Оренбургского казачьего войска, собравшийся 18 сентября, по традиции начал свою работу с молебна в кафедральном соборе. Архиепископ Мефодий выступил с приветствием перед делегатами Круга, выразив надежду, что Оренбургское казачество не сложит оружия в борьбе за возрождение родины.

Белочехи, захватив Челябинск, развернули наступление по трём основным направлениям: на восток (Курганское направление), на запад (Златоустовское направление) и на северо-запад в направлении Екатеринбурга. В августе белыми частями была занята территория Башкирии.

Между тем, с июля по сентябрь значительные силы Дутова были сосредоточены вокруг осаждённого Орска. 28-й Уральский полк Красной Армии под командованием А. Е. Левашова оборонял город два с половиной месяца. Лишения защитников и жителей Орска усугубились начавшейся эпидемией холеры. Только в конце сентября красные части сумели незаметно покинуть город. 28 сентября казаки заняли Орск. Во второй половине июля ожесточённые бои велись также в районе Верхнеуральска, откуда красные части отступили только 1 августа.

Для части казаков восстановление самоуправления и освобождение всей войсковой территории от большевиков стало свидетельством исполнения ими своей основной задачи. Воевать

дальше они не хотели. Появились призывы расходиться по домам и спокойно восстанавливать своё порушенное хозяйство. Проведение мобилизации казаков в этих условиях было затруднительным. Дело дошло даже до того, что военная комиссия Оренбургского войскового Круга в сентябре 1918 года рассматривала вопрос об амнистии казаков, воевавших на стороне Красной Армии и разрешить им вступать в свои части. Эта идея Кругом была отвергнута. Более того, было принято решение об исключении из казачьего сословия лиц, воевавших на стороне большевиков. Уклонение от мобилизации приобрело катастрофический характер. Массово дезертировали или даже переходили на сторону красных казаки станиц Краснохолмской,

Красноармейцы Казанского отряда, отправляющиеся на Оренбургский фронт.

Капитоновской, Красноярской, Никольской, Соколовской, Уйской и других. Несколько казаков были расстреляны за сочувствие большевикам в Бердской станице. Их семьи за это были исключены из казачьего сословия. Всего же только в Оренбурге в конце 1918-го – начале 1919 года за уклонение от мобилизации было расстреляно 250 казаков.

В условиях хозяйственного разорения немалую сложность представляло и решение продовольственного вопроса. Прежде всего это касалось обеспечения войск всеми необходимыми ресурсами. В этих целях было санкционировано проведение реквизиций продовольствия и промышленных товаров, изъятие домашнего скота, в первую очередь коней. Рабочие окраины Оренбурга были обложены контрибуцией в 200 тыс. рублей. Товарно-рыночные отношения были ограничены применением многочисленных принудительных мер. Так, 26 ноября 1918 года приказом Дутова № 22 объявлялось о том, что все спекулянты подлежат расстрелу без суда и следствия.

В октябре 1918 года началось контрнаступление Красной Армии. С северо-запада на Оренбург двинулись части Первой армии, а с юго-востока подходили отряды Туркестанского фронта. Линия фронта всё ближе приближалась к Оренбургу. 7 октября 1918 года красными была освобождена Самара, 28 октября – Бузулук, затем, в начале

ноября, был взят Сорочинск. Занимаемые красными войсками сёла старались традиционными способами демонстрировать свою лояльность. Жители станицы Павловской, например, в январе 1919 года встречали красноармейцев хлебом-солью и колокольным звоном. Станичники, несмотря на мороз, стояли без шапок с иконами и хоругвями.

Образованная Уфимской директорией 17 октября 1918 года на базе формирований оренбургского казачества Юго-Западная армия, командующим которой в чине генерал-лейтенанта был назначен Дутов, не могла кардинально изменить складывающуюся на фронте ситуацию.

18 ноября 1918 года в Омске были арестованы члены Директории, Дутов одним из первых признал власть адмирала А.В. Колчака, который был согласен с идеей предоставления казачьим войскам большой автономии. 28 декабря 1918 года Юго-Западная армия была переименована в Отдельную Оренбургскую армию.

Совершенно по-другому Колчак расценивал возможность создания национальных автономий. Уже 21 ноября последовало распоряжение Верховного правителя об упразднении Башкирского правительства и расформировании национальных войск. Башкирское национально-освободительное движение оказалось в очень трудном положении. Руководитель башкирского национального движения А.З. Валидов

в ночь с 1 на 2 декабря 1918 года организовал в Оренбурге, в помещении Караван-Сарая тайное совещание, на котором помимо членов Башправительства присутствовали представители Учредительного собрания, командующий Актюбинской группой генерального штаба полковник Макхин, атаман 1-го округа Каргин и другие офицеры. Валидов предложил с помощью дислоцированных в Оренбурге четырёх башкирских полков арестовать атамана Дутова, объявить о непризнании адмирала Колчака и о подчинении Комучу. Но эта попытка заговора против Дутова в пользу Комуча закончилась неудачно. Макхин и Каргин не подержали идею такого переворота, справедливо полагая, что это может привести к развалу фронта¹⁷.

Руководство Башкирии, не оставляя идеи национально-государственного самоопределения, вынуждено было обратиться в сторону большевистского центра. Таким образом, поворот национального движения мусульманских народов в сторону советской власти не был следствием «революционизирования масс», а главным образом был связан с кризисом самого «белого» движения, лишившего себя поддержки нерусских народов.

На заседании Башкирского правительства, состоявшемся 21 ноября 1918 года, было принято решение прекратить военные действия против советской власти и начать переговоры о переходе на советскую платформу.

Непременным условием при этом выдвигалось требование признания большевиками Башкирской территориальной автономии в составе РСФСР. В декабре 1918 года в Уфу, через фронт, был направлен представитель Башкирского Шура М. Халиков. Политика советского руководства в это время строилась исходя из первоочередных нужд гражданской войны. В телеграмме Уфимскому губревкому от 6 февраля 1919 года В.И. Ленин и И.В. Сталин предлагали «...не отталкивать Халикова, соглашаться на амнистию при условии создания единого фронта с башкирскими полками против Колчака. Со стороны советской власти гарантия национальной свободы башкир полная»¹⁸.

Башкирские полки прекратили вести активные боевые действия и стали дожидаться результатов переговоров о переходе через фронт. Это осложнило положение на Южном и Западном фронтах колчаковских войск.

22 января 1919 года войска А.И. Дутова были вынуждены вновь, теперь уже навсегда, покинуть Оренбург, который заняли части Первой армии, соединившиеся с войсками Туркестанской республики. Это позволило разорвать казачий фронт. 24 января 1919 года красными был взят Уральск, 8 февраля 1919 года красноармейцы вошли в Орск.

Осознавая важность привлечения на свою сторону части прежде нейтрально настроенных казаков, советские органы начали

проведение среди них агитационной кампании, результатом которой стало образование в ряде станиц советских структур управления (Краснохолмская, Красноярская, Нежинская, Сакмарская, Бердская, Перовская и др.). 7 февраля 1919 года открылся съезд казаков 1-го округа. Участники съезда призвали своих земляков, воюющих в белой армии, перейти на сторону советской власти.

Политическую гибкость советское руководство проявило и в национальном вопросе. В ответ на обещание от советских властей амнистии 21 февраля 1919 года в деревне Темясово собрался I Всебашкирский военный съезд, постановивший – не дожидаясь окончания переговоров, объявить себя окончательно перешедшими

на сторону советской власти¹⁹. На съезде был избран Временный революционный комитет в составе 12 человек, заменивший бывшее Башкирское правительство²⁰.

20 марта 1919 года на заседании СНК было принято решение утвердить автономию Башкирской республики. В тот же день ВЦИК утвердил «Соглашение Центральной Советской власти с Башкирским Правительством о Советской автономии Башкирии». В Соглашении определялось, что АБСР образуется в пределах Малой Башкирии и составляет федеративную часть, входящую в состав РСФСР. Территории, непосредственно образующие республику, определялись путём выделения волостей из уездов: из Оренбургского уезда было выделено 17 волостей, из

Памятник на братской могиле 89 красногвардейцев 3-го бузулукского полка, погибших на станции Новосергиевская в 1918 году в боях с дутовцами.

Орского — 28, из Верхнеуральского — 12, из Троицкого — 6, из Челябинского — 4, из Шадринского — 8, из Екатеринбургского — 9, из Златоустовского — 14, из Уфимского — 3, из Стерлитамакского — 26²¹. Деление было проведено исходя из национального принципа, что, во-первых, очень сильно ударило по сложившейся экономической инфраструктуре соседних губерний, да и самой Башкирии, и, во-вторых, вызвало растянувшиеся на долгие годы перепалки по вопросу административно-территориального устройства и о границах Башкирской автономии.

Весной 1919 года ситуация на фронте снова изменилась. В марте армия адмирала Колчака неожиданно для противника перешла в наступление. Колчаковцами были взяты Уфа (13 марта 1919 г.), Белебей (7 апреля 1919 г.), Бугульма (10 апреля 1919 г.) и Бугуруслан (15 апреля 1919 г.). Войска Дутова, позднее вошедшие в состав Южной Армии генерала Г.А. Белова, в апреле захватили Орск и взяли в полукольцо Оренбург. 20 апреля 1919 года начались бои за обладание этим важным стратегическим пунктом. Взять город с ходу казакам не удалось. Помимо героического сопротивления оборонявшихся, этому помешала несогласованность действий командиров корпусов, отсутствие связи и разлив рек. Город обороняли войска Оренбургской группы Первой армии под командованием М.Д. Великанова и комиссара

А.А. Коростелёва, усиленные рабочими полками города, формированием которых занимался губком партии (председатель И.А. Акулов). Сил для взятия города у белых не хватало. Шедший на помощь осаждавшим 4-й армейский корпус под командованием генерала С. Бакича в результате боёв 21—26 апреля у реки Салмыш с частями 20-й Пензенской и 31-й Туркестанской стрелковых дивизий был остановлен, понеся существенные потери.

На южном и восточном направлениях города осада была более успешной. 29 апреля дутовцам даже удалось на время захватить Меновой двор и начать артобстрел города. Ожесточённые бои развернулись и за железнодорожный мост через р. Урал, расположенный в районе Оренбурга. Но его красноармейцам удалось удержать. Единственным успехом белых стало взятие в начале мая Илецкого городка.

10—12 мая 1919 года сразу с трёх сторон (востока, юга и запада) началось новое наступление на Оренбург. Бои приблизились к городу на расстояние 3-4 км. Жители города были мобилизованы на рытьё окопов и установку проволочных заграждений. В конце мая в город удалось перебросить дополнительные силы красноармейцев. В результате взять Оренбург Южной армии Колчака так и не удалось. Постепенно стратегическая инициатива переходила к Красной Армии. Восточный фронт красных в мае 1919 года перешёл в контрнаступление в

направлении Уфы, что существенно ослабило осаду Оренбурга. С середины июня активные действия по захвату города уже не предпринимались. Более того, в июле частями Красной Армии казаки были выбиты из Илецкого городка. 4 августа красные части взяли Троицк и тем самым отрезали Южную армию Г.А. Белова от основных сил колчаковцев.

Из состава Восточного фронта был выделен отдельный Туркестанский фронт под командованием М.В. Фрунзе. 14 августа 1919 года советские войска Туркестанского и Восточного фронтов начали проведение Актюбинской операции. Наступление велось с двух направлений: с севера, от Верхнеуральска, и с юга, от Аральского моря. В результате семидневных кровопролитных боёв красные захватили Верхнеуральск, а части Южной армии генерала Белова

отошли на юго-восток. В августе 1919 года казаки сняли блокаду и отступили от Оренбурга. В ходе отступления около 57 тыс. человек сдались красным. Многие из них были оренбургские казаки, не пожелавшие покидать войсковую территорию. В Оренбурге скопилось около 30 тыс. пленных пехотинцев и 7 тыс. казаков. 14 сентября 1919 года Актюбинская операция Красной Армии успешно завершилась.

Отступающие в сторону Тургая остатки Южной армии 18 сентября 1919 года были снова переименованы в Оренбургскую армию. В дальнейшем казаки только отступали: от Тургая к Петропавловску, затем на Каркаралинск и Семипалатинск, потом на Сергиополь. В марте 1920 года оренбургские казаки были вынуждены перейти китайскую границу в районе г. Чугучак.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Сафонов Д.А. Оренбургское казачье войско в годы Гражданской войны: тенденции формирования казачьей автономии // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 16 (270). С. 53-54.

2. Джунджузов С.В. Опьянение свободой. К истории разгрома винного склада в Оренбурге в декабре 1917 года // Гостиный Двор. – 2008. – № 24. – С. 210-217.

3. Оренбургский церковно-общественный вестник. 1917. 10 декабря. № 51.

4. Бои на оренбургском фронте в годы гражданской войны [Электронный ресурс]. URL: <http://istoriirossii.ru/orenburzhye/261-boina-orenburgskom-fronte-v-gody-grazhdanskoj-vojni.html> (дата обращения: 25.09.2017)

5. Дутовская мобилизация. [Электронный ресурс]. URL: <http://berdskasloboda.ru/mobilizaciya/> (дата обращения: 25.09.2017)

6. Сафонов Д.А. История Оренбургского края: экспериментальное учебное пособие. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2006. – С. 210.

7. Сафонов Д.А. Город во власти «братвы» (Оренбург в начале 1918 года) // Гостиный Двор. — 2008. — № 24. — С. 155-156, 162-163.

8. Сафонов Д.А. Цвиллинг: легенда и реальность. — Оренбург: Изд-во «Оренбургская губерния», 2006. — С. 69.

9. ГАОО.Ф.Р-1. Оп. 1. Д. 5. Л. 17.

10. Сафонов Д.А. История Оренбургского края: экспериментальное учебное пособие. — Оренбург: Изд-во ОГПУ. — С. 221.

11. Костогрызов П.И. «Дутовщина» без Дутова: антибольшевистская борьба оренбургских казаков в апреле — июне 1918 года // Белая армия. Белое дело. № 9. — Екатеринбург: НИЦ «Белая Россия», 2001. — С. 18-19.

12. Костогрызов П.И. «Дутовщина» без Дутова: антибольшевистская борьба оренбургских казаков в апреле — июне 1918 года // Белая армия. Белое дело. № 9. — Екатеринбург: НИЦ «Белая Россия», 2001. — С. 14-16.

13. ГАОО. Ф.Р-1. Оп.1. Д.5. Л.56, 65, 87, 163 об.

14. Ганин А.В. Хроника Оренбургской казачьей инсurreкции 1918 г. // Белая Гвардия. — 2002. — № 6. — С. 51-52.

15. Сафонов Д.А. Политический режим «казачьей власти» в 1918 году: к вопросу о «дутовской» диктатуре // Вестник Челябинского государственного университета. — 2009. — № 6 (144).История. Вып. 30. — С.59.

16. Сафонов Д.А. Оренбургское казачье войско в годы Гражданской

войны: тенденции формирования казачьей автономии // Вестник Челябинского государственного университета. — 2002. — № 16 (270). История. Вып. 51. — С. 55.

17. Подробнее см.: Сафонов Д.А. Становление башкирской государственности: взгляд с другой стороны // Этнопанорама. — 1999. — № 2. — С. 55.

18. Ленин В.И. Телеграмма Б.Н.Нимвицкому// Полн. собр. соч. Т.50. — М., 1978. — С. 252. Интересно высказывание И. Сталина, которое приводит в своих воспоминаниях П.А. Кобозев: «С дураками драться не будем; в коммунизм Алаш-ординцев, башкиров, киргизов пока верим слабо; но войны с ними также вести не будем». (Россия и Центральная Азия. 1905 — 1925 гг. Сборник документов. — Караганды: Изд-во КарГУ, 2005. — С. 119.) Эти слова были сказаны не по поводу заключения договора с Башкирским правительством, однако вполне отчетливо рисуют общее отношение советского руководства к национальным правительствам.

19. Чистяков О.И. Национально-государственное строительство в РСФСР в период гражданской войны. — М., 1964. — С. 23.

20. ГАОО. Ф.Р-1. Оп. 1. Д. 42. Л. 2; ЦГИАРБ. Ф. 395. Оп. 1. Д. 34. Л. 36.

21. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. — 1919. — № 46. — Ст. 451; ГАОО. Ф.Р-1. Оп. 1. Д. 96. Л. 48-48 об.

Татьяна СУДОРГИНА

«ГИБНЕТ РУСЬ РОДНАЯ, ГИБНЕТ ЕЁ ВЕКОВАЯ МОЩЬ...»

Татьяна Владимировна Судоргина родилась в с. Октябрьском Оренбургской области. Окончила Московский историко-архивный институт. Долгое время работала заведующей отделом информации государственного архива Оренбургской области. В настоящее время – консультант Комитета по делам архивов области. Заслуженный работник культуры Российской Федерации. Действительный член Пушкинского общества, автор многочисленных публикаций на исторические темы, лауреат премии альманаха «Гостинный Двор» им. Валериана Правдухина (2008).

Благодаря сохранившимся в государственном архиве Оренбургской области подшивкам местных газет, мы восстановим хронику событий в Оренбуржье осенью 1917 года – начала 1918 года.

«Будем бороться против самочинного захвата власти»

«Странное время мы переживаем! – воскликнул в сентябре 1917 года сотрудник только что учреждённой газеты «Южный Урал» (издание Союза союзов кредитных кооперативов «Народное дело»), – Что бы ни случилось, какое бы несчастье не постигло Россию, русского человека ничем не прошибёшь. Как будто то, что творится в России, нас не касается.

Мало того – нам скучно, что событий так мало и так медленно они развиваются. Ежечасно поступают телеграммы о кровавой затее Корнилова, но они противоречивы: никто не знает, что правда,

что неправда. А обыватель злится: «Чепуха, а не бунт! То Керенский, то Корнилов арестован!» То один убит, то другой... Даже толком перестрелять друг друга не могут...» И пьют, и говорят, позёвывая, и о том, что сделал Корнилов, и о том, какая мода для дамских панталон... Пир во время чумы, да и только!»

Чуть позже «Оренбургский казачий вестник» познакомил читателей с циркулярной телеграммой губернского комиссара, обязывающей местные власти «принять все меры, до применения вооружённой силы включительно, против всяких попыток контрреволюции». Особо подчёркивалось, что «все собрания, митинги, уличные обсуждения событий запрещаются, кроме тех, которые организуются советами».

Довольно оперативно «Южный Урал» напечатал репортаж с войскового круга оренбургских казаков: «2 октября (15 октября по новому стилю — Т.С.) у знаменной избы (находилась на территории современного нам Оренбургского государственного аграрного университета — Т.С.) состоялась церемония вручения войсковым Кругом булавы — знака атаманской власти избранному войсковому атаману старшине Александру Ильичу Дутову. К часу дня на войсковой площади собрался Круг во главе с новым атаманом и войсковым правительством. Потом на площади выстроились с двумя оркестрами музыки кадеты, юнкера, два запасных полка и конная батарея.

Торжественное шествие Круга и всех войсковых частей в предшествии войсковых знамён тронулось к Георгиевскому собору, где отслужен молебен и вернулось на площадь, где войсковому атаману под салют батареи вручена булава и грамота от круга следующего содержания: «Первый свободный войсковой Круг, созданный на началах всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, избрал тебя нашим войсковым атаманом на трёхлетие и приказывает тебе, народному избраннику, править войском совместно с избранным нами войсковым правительством на славу и процветание родного Оренбургского казачества и свободной Руси...»

Из заметки корреспондента «Южного Урала» следует, что в тот же день прошло общее собрание большевиков, принявшее резолюцию, завершающуюся словами: «Мы решительно будем бороться против самочинного захвата власти буржуазными элементами при преступном попустительстве партий социал-революционеров и меньшевиков».

«Случаи воровства, грабежей и убийств участились»

Большая часть третьей страницы номера «Южного Урала» за 26 октября (здесь и далее даты приводятся по новому стилю — Т.С.) 1917 года занята публикацией сообщения губернского комиссара, направленного российскому министру внутренних дел, в котором есть и такие строки: «Собравшийся

в Оренбурге чрезвычайный войсковой Круг с первого заседания запретил слово «товарищ». При дальнейшем обсуждении текущего политического момента проявил отрицательное отношение к советам солдатских депутатов. В городе замечаются признаки повышенного настроения, вызванного недостатком продуктов...»

Действительно, продовольственная проблема была одной из самых сложных, и потому в ней пытались разобраться многие газетчики: «В последнее время Оренбург переживает острую нужду в продовольствии и, чего прежде не замечалось, недостаток в хлебе. Последний выдаётся по карточкам по одному фунту (около 400 г. — Т.С.) на едока. При отсутствии других продуктов питания этого количества совсем недостаточно для насыщения»; «На почве прекращения продажи муки среди населения города происходит волнение. Толпа возбуждённо настроенных женщин явилась в городскую управу, вызвала городского голову и угрожающе требовала выдачи муки. Толпа продолжала долго волноваться, и только видя бесплодность своих требований, мало-помалу разошлась».

Оренбуржцев часто огорчали сведениями о повышении цен на продукты. Сначала сообщили об удвоении цен на печёный хлеб, т.е. фунт хлеба стал стоить 25 копеек. В октябре 1917 года обнародованы «новые твёрдые цены»: свинина стоила от 22 до 40 рублей за пуд, сало солёное — 56 рублей за пуд.

Губернская продовольственная управа получила указание о реквизиции хлеба «в случае несдачи в установленные сроки». Раздел «Продовольственная хроника» газеты «Южный Урал» тогда пестрел сообщениями: «Благодаря принятым энергичным мерам в Оренбурге ежедневно отыскиваются спрятанные запасы хлеба, которые реквизируются», «В Орске до сих пор не получен сахар для выдачи за сентябрь, что вызывает серьёзные волнения среди населения», «Сельское население отказывается подвозить хлеб, мотивируя отказ отсутствием мануфактуры, заявляя, что они дадут хлеб даже за 2 рубля, если город даст им ситец по 40-50 копеек за аршин» (аршин: около 71 см — Т.С.). Огромными буквами на первой странице «Южного Урала» в начале октября 1917 года напечатано: «Оренбургским обществом «Самопомощь» получена партия солёных груздей, которые временно продаются без нормировки».

Сообщая об ограблении Преображенской церкви, журналист с горечью заметил: «Вообще, случаи воровства, грабежей и убийств в Оренбурге участились».

Репортаж из осени 1917 года о встрече чудотворной Табынской иконы Божьей Матери сохранил для нас такие строки: «Встреча была так же торжественна, как и в предыдущие годы. Этот день показал, что святыни народные всегда останутся святынями и никакой яд безверия, усердно прививаемый непрощенными

учителями, не вытравит из него чувства веры».

«Состояние лавок на Конно-сенной площади — крайне антисанитарное»

Высшему органу местной власти того времени приходилось решать самые разные вопросы.

Одно из лучших мест на первой странице «Южного Урала» отдано объявлению о том, что «состоится в здании городского самоуправления общее собрание домовладельцев и участников займа на устройство городской канализации для обсуждения текущих дел и вопроса об открытии канализации в нынешнем году».

Через газеты губернский комиссар обратил внимание оренбургской городской управы на «крайне антисанитарное состояние мясных лавок на Конно-сенной площади — Зелёный базар (сейчас территория вокруг Центрального рынка — Т.С.). Сор не убирается, повсюду разбросаны мясные обрезки, кучи костей, которые загнивают и издают зловоние».

Оренбургский журналист счёл нужным сообщить: «Совет солдатских депутатов обратился в городскую управу с просьбой принять меры к тому, чтобы у извозчиков на экипажах была прибита такса, ибо отсутствие таковой создаёт конфликты между пассажирами и извозчиками. Неимоверные цены особенно чувствительны для приезжающих по железной дороге».

Протест жителей улицы Ефимовской (Аренда) обнаружен 7

ноября — они просили управу не допускать у них постройки кожевенного завода.

Цель митинга — подписка на заём свободы

Несмотря на трудности, оренбуржцы не забывали о тех, кто нуждался в помощи. Через «Южный Урал» мусульманский военный комитет благодарил граждан Оренбурга, пожертвовавших 173 рубля на праздничные подарки солдатам-мусульманам. Среди благотворителей — известные своей щедростью купцы Дюков, Зарынов, Серяков.

Концерт «в пользу земской фельдшерско-акушерской школы при участии лучших музыкальных сил» состоялся осенью 1917 года в зале «Декаданс» (ныне в этом помещении на перекрёстке улиц Советской и Володарского Оренбургский государственный татарский театр — Т.С.). Правление союза женщин организовало кружечный сбор «в пользу русских военнопленных, находящихся в австро-германском плену».

Не утихала в губернском центре и культурная жизнь, хотя некоторые развлекательные мероприятия носили революционную окраску. Автор одной из корреспонденций «Оренбургского церковно-общественного вестника» под заголовком «Издательство или кощунство» извещал: «На днях в женский монастырь явился неизвестный в солдатской форме, назвавшийся членом секции разумных развлечений при

совете солдатских депутатов и потребовал выдать ему мантии, как костюмы, необходимые для постановки спектакля. Получив категорический отказ, неизвестный артист, уходя, пригрозил принять более энергичные меры воздействия».

И хотя в «Южном Урале» печаталась информация о том, что «в нотном и музыкальном магазине Новицкого получена боевая новинка для пения с фортепиано «Вперёд» (пощады нет врагам отчизны). Баллада. Цена 75 копеек», то же издание радовало жителей губернского центра многочисленными объявлениями, напоминающими о мирном времени: «Музыкальные курсы свободного художника В.Н. Федотовой-Малиновской (это тётя великого музыканта Мстислава Ростроповича — Т.С.). Возобновились приём учеников по специальностям: рояль, скрипка и пение соло».

Управляющий цирком Камухина зазывал оренбуржцев на «особо выдающееся представление», интригуя объявлением на первой странице «Южного Урала»: «Первый дебют известной Дамы-Борца (родной сестры известного чемпиона мира Ивана Поддубного) Марии Поддубной. Кроме того, 8-й день международного дамского чемпионата французской борьбы». Согласно афише «по жребию» боролись представительницы Нидерландов, Польши, Румынии и чемпионка Европы Морозова.

Любителей киноискусства несомненно тогда заинтересовала

реклама, размещённая в «Южном Урале»: «Электротheater «Аполло» ставит колоссальную программу. Сенсация 1917 года — «Борьба за счастье» — художественная драма с участием лучших артистов столичных театров. Сверх программы говорящая картина «Перемирие после боя на Марне». А вот содержатели электро-театра «Кино-Палас» вынуждены были сообщить, что «ввиду постановления городской думы о прекращении отпуска энергии, театр будет временно закрыт».

На 2 ноября 1917 года в городском театре назначен митинг-концерт симфонического оркестра гвардии вольнского полка. В программе: «Ромео и Джульетта» Чайковского, «Золотой петушок» Римского-Корсакова. Речи произнесут виднейшие местные политические и общественные деятели, члены совета рабочих и солдатских депутатов...» Цель митинга — подписка на заём свободы.

Один из журналистов тогда же писал: «В цирк Камухина стала ломиться большая толпа солдат, не имеющих билетов. Когда же администрация цирка заперла входные двери, в толпе появились тёмные личности в штатском платье, агитировавшие против «богатых, занимающих в цирке первые места». В результате входные двери были разбиты, разбиты также помещение для кассы, электрические лампочки и фонари, благодаря чему чуть не произошёл пожар. Солдаты тащили всё, что попадало под руки, вплоть до старых афиш. К месту

происшествия вызван начальник милиции и казаки, безобразий допущено не было, хотя погромные агитации продолжались».

Деятельность различных научно-просветительных обществ и учреждений осенью 1917 года не только не приостановилась, она приняла новые формы. Об открытии бесплатных курсов по обучению грамоте населения Оренбурга «Южный Урал» рассказал 3 ноября. Рядом с публикацией о готовящемся в Петрограде выступлении большевиков то же периодическое издание 7 ноября помещает заметку о собрании оренбургских библиотечарей, на котором выяснилось, что «библиотеки буквально переполняются детьми школьного возраста и подростками. При 3-й библиотеке функционирует детская читальня, открывается детский клуб».

«Оренбургская дума не признаёт большевистской власти»

Лишь 9 ноября 1917 года «Южный Урал» известил о большевистском перевороте в Петрограде. Рядом опубликована телеграмма оренбургского губернского комиссара с предложением «всеми мерами пресекать всякие попытки, направленные к анархии в связи с выступлением большевиков».

Подписанное губернским комиссаром Архангельским, войсковым атаманом Дутовым, оренбургским городским головой Барановским сообщение для населения губернского центра

газета «Южный Урал» публикует 10 ноября 1917 года: «В связи с переживаемыми событиями — выступлением большевиков в целях сохранения порядка в городе Оренбурга и спокойной работы по подготовке выборов в Учредительное собрание с 9 ноября г. Оренбург объявляется на военном положении».

Резолюцию заседания гласных местной думы, состоявшегося 10 ноября 1917 года, «Южный Урал» напечатал полностью. Для вас, уважаемые читатели, краткая выдержка из неё: «Клеймя позором преступление против родины и революции, оренбургская городская дума не признаёт образовавшейся в Петрограде большевистской власти, требует немедленного возврата власти Временному правительству и Совету республики и призывает граждан Оренбурга сохранить полное спокойствие, противодействовать всяким контрреволюционным призывам и покушениям, откуда бы они не исходили».

Согласно сообщению представителя оренбургской прессы «на собрании в оренбургском цирке, устроенном большевиками 13 ноября, солдаты подавляющим большинством высказали протест и порицание выступлению большевиков, направленному к захвату власти».

С новыми ежемесячными нормами отпуска продуктов по карточной системе оренбуржцы познакомились через прессу 15 ноября: «муки 1 пуд (пуд — 16 кг. — Т.С.) 5 фунтов (фунт

около 400 г – **Т.С.**) на человека для семейных и 1 пуд 14 фунтов для взрослых рабочих одиночек; крупы 4,5 фунта на человека, сахар по 80 золотников (золотник около 4 г – **Т.С.**) на душу, чаю по 50 граммов, табаку по 250 граммов (исключительно мужчинам старше 14 лет)». Оренбургский городской голова через газеты обнародовал «новые двойные тарифы за пользование электроэнергией» – 1 кв. час стоил 55 копеек.

«Концерт дал возможность уйти от кошмарной действительности»

Номер «Южного Урала» от 15 ноября 1917 года оказался щедрым на информации о жизни мусульманского населения Оренбургской губернии. Здесь и репортаж с заседания архивной комиссии, посвящённого судьбе Караван-Сарая (предполагалась его национализация). Тут же размещено сообщение о закрытии газеты «Вакт» и изданиях с 14 ноября газеты «Янги Вакт» («Новое время»). Хроникёр «Южного Урала» известил о том, что «губернская земская управа обратилась к городской управе с просьбой о назначении стипендии для беднейших слушателей трёхгодичных педагогических мусульманских курсов, открываемых земством».

Революция революцией, а оренбургские кинотеатры продолжали работать. Электро-театр «Кино-Палас» с 18 ноября 1917 года демонстрировал драму в 6

частях «Хочешь мира, готовься к войне», в «Аполло» шёл «всемирно колоссальный боевик» с участием Сары Бернар «Слёзы бедных матерей».

Побывавший на концерте классической музыки оренбуржец, 18 ноября 1917 года, делился впечатлениями: «Концерт доставил переполнившей театр публике истинное художественное удовольствие и дал возможность хоть не надолго уйти от переживаемой нами кошмарной действительности в мир дивных звуков».

С 19 ноября в Народном доме (находился на месте театра музыкальной комедии – **Т.С.**) открыл сезон польский театр. В пользу польского общества помощи жертвам войны была поставлена пьеса Л. Старжинского «Звезда Сибири».

О торжественной панихиде на Форштадтской площади по казакам, юнкерам и офицерам, «убитым в борьбе с анархией», газета «Южный Урал» сообщила 20 ноября 1917 года. Представитель газеты «Оренбургский казачий вестник», информируя читателей о вечере, состоявшемся 23 ноября в городском театре «в пользу семейств казаков, павших в борьбе с анархией», утверждал: «Концерт прошёл с редким успехом. Затем организовали милое кабаре, затянувшееся до 2 часов ночи. В конце вечера с американского аукциона за 725 рублей была куплена бутылка шампанского. Всего в тот вечер было собрано около 4 500 рублей».

«Для борьбы с контрреволюцией»

В разделе «Хроника» 21 ноября 1917 года «Южный Урал» рассказал об аресте большевиков Коростелёва, Мискинова, Мартынова и других, а 23 ноября последовало уточнение, что основанием к задержанию послужили «устные призывы перечисленных лиц к восстанию против Временного правительства». Тогда же был подробно освящён ход заседания оренбургской городской думы, принявшей 21 ноября решение о создании комитета спасения родины и революции для «борьбы с захватом власти большевиками, с контрреволюцией».

На страницах «Южного Урала» 24 ноября 1917 года обнародована резолюция мастеровых и рабочих депо станции Оренбург, протестующих против ареста членов исполкома совета рабочих депутатов и объявляющих голодовку.

Согласно публикации «Южного Урала» от 25 ноября в доме знаменитых оренбургских предпринимателей Хусаиновых общество приказчиков устроило «с целью усиления средств по выдаче пособия семьям призванных на войну лотерею-аллегри с 1500 выигрышами: среди которых облигации «Займа свободы», 2 ящика серебра, баран, чай, мука, сахар и другие».

По данным сотрудника редакции той же газеты от 28 ноября, «комитет спасения родины и революции поручил комиссару

добровольческой революционной армии формировать батальон для внутренней охраны города Оренбурга и окрестностей».

В заметке о ситуации в Оренбурге 29 ноября 1917 года сообщалось: «Вчера в Караван-Сарае местными большевиками организован революционный комитет под председательством Цвиллинга. Комитет постановил арестовать полковника Дутова, захватить власть, разоружить казаков и распустить их по домам. Но пока выносили резолюцию, казаки по распоряжению комитета спасения родины и революции окружили Караван-Сарай, арестовали большевистский комитет. Многие арестованные большевики отправлены на автомобиле в Павловку».

Электротheater «Люкс» 30 ноября пригласил на бенефис исполнительницы цыганских романсов Шуры Новиковой. Зрителям была обещана «совершенно новая колоссальная программа. Полный ансамбль труппы «Юмор». Представлены будут вампиры». В тот же день желающие посетили зал «Декаданс», где состоялся «Концерт-кабаре» в пользу «союза увечных воинов».

«Всякая попытка к погрому будет подавлена вооружённой силой»

Передовая статья в газете «Южный Урал» 1 декабря 1917 года начиналась с цитирования русской поговорки: «Если Бог кого захочет наказать, он того лишит разума. Неизвестно, Бог ли

лишил большую часть демократии разума или просто сама демократия не доросла до разума, но только она наказана. Наказана самым жестоким образом — голодом...»

Сообщая о забастовке мастерских, депо, смазчиков и проводников станции Оренбург, корреспондент «Южного Урала» тогда же писал: «Движение поездов останавливается и сегодня-завтра, видимо, будет прекращено. Озлобленная забастовкой крестьянская и казацья масса отказывается выдавать хлеб и это обстоятельство в связи с прекращением движения грозит в течение ближайших дней вызвать катастрофу».

Публикуя 4 декабря 1917 года подробный отчет о заседании высшего органа власти губернского центра, редакция «Южного Урала» процитировала выступления думских гласных. Впрочем, всё по порядку. Приняв предложение о кредитовании комитета спасения родины и революции, заслушав доклад о ревизии городского банка, выделив пособие детскому саду, члены оренбургской думы, как записал присутствующий, — «без возражений» приняли доклад о расширении венеро-сифилитического отделения больницы с 30 до 60 кроватей».

А что же далее? Воспользуемся свидетельством очевидца: «Попутно с этим вопросом гласный Бродский вносит запрос: упразднены ли дома терпимости? Гласный санитарный врач Дегтярёв заявляет, что, хотя дома терпимости закрыты, но фактически они втихомолку существуют. Гласный

доктор Гречищев обращает внимание думы, что вместе с войной придётся десятки лет вести войну со злейшим врагом человечества — сифилисом...»

Широко в Оренбурге 5 декабря 1917 года отмечался День русского актёра. В городском театре состоялся спектакль и кабаре (в антрактах — японская лотерея). А в Народном доме согласно афише, опубликованной в газетах, организовали «кабаре с блинами».

Призыв от комитета спасения родины и революции опубликован в «Южном Урале» 6 декабря 1917 года: «Тёмные личности распространяют в городе провокационные слухи и призывают к еврейскому погрому. Комитет спасения родины и революции призывает граждан и солдат задерживать черносотенных агитаторов и препровождать их в управление милиции. Вместе с тем комитет предупреждает, что всякая попытка к погрому будет в зародыше подавлена вооружённой силой».

«Закон Божий отодвигается на степень не обязательного предмета»

О том, как революционные события 1917 года отразились на религиозной жизни оренбуржцев, расскажут сотрудники издававшегося 100 лет назад «Оренбургского церковно-общественного вестника».

Прихожане Воскресенской церкви г. Илецкой Защиты (теперь г. Соль-Илецк — Т. С.) ранней осенью вековой давности «сделали

постановление с выражением протеста против захвата синодальных и монастырских типографий советами рабочих и солдатских депутатов и с требованием возвратить эти типографии их прямым владельцам. Приговор препровождён Церковно-Епархиальным Советом в издательскую комиссию при Священном Синоде».

Невзирая на революционное время, «по доброму почину и заботами настоятеля Иоанно-Богословской церкви г. Оренбурга протоиерея А. Полотебнова при церкви открыта народная религиозно-нравственная библиотека. Книги отчасти пожертвованы самим устройтелем библиотеки и прихожанами, отчасти приобретены на средства, собранные путём церковного сбора. В годину, когда взоры всех прикованы к земле, когда забыты небесные идеалы, всякое подобное учреждение является отрадной звёздочкой среди мрачного осеннего неба».

В одном из сентябрьских номеров газеты «Оренбургский церковно-общественный вестник» опубликовано постановление собрания прихожан Серафимовской церкви г. Оренбурга: «Ознакомившись с воззванием членов Всероссийского съезда законоучителей о том, что в Петрограде готовится реформа средней и низшей школы, причём Закон Божий отодвигается на степень не обязательного предмета, постановили: просить Всероссийский законоучительский Союз ходатайствовать пред Временным правительством о том, чтобы при проведении реформы в

новой программе Закон Божий по-прежнему занимал место обязательного предмета в средней и низшей школе». «Мы хотим, — говорится в постановлении, — чтобы дети наши учились, прежде всего, истинам веры и нравственности христианской».

Политические метаморфозы довольно скоро отразились на подрастающем поколении. Хроникёр газеты «Оренбургский церковно-общественный вестник» 16 декабря 1917 года в сообщении под заголовком «Первая ласточка» писал: «Ученица 8-го класса 2-й оренбургской женской гимназии М. заявила председателю педагогического совета, что она не желает изучать Закон Божий. Ученица М-ва — дочь одного из местных жителей, деятеля партии социал-демократов».

«Священник избран орским городским головой»

Революционный 1917 год круто изменил судьбу некоторых представителей Оренбургской Епархии. Согласно публикации в «Оренбургском церковно-общественном вестнике» оренбургский губернский комиссар Временного правительства, «сообщая Духовной консистории, что священник г.Орска о. Владимир Пальмов избран орским городским головой, просил разъяснить — допустимо ли по церковным правилам совмещение сана и должности священника с исполнением выборной должности по городскому самоуправлению. Церковно-епархиальный

совет сообщил, что занятие священником должности городского головы не сопряжено со снятием или изменением сана».

Из «Резолюции служащих Духовной консистории по поводу вступления большевиков», опубликованной в «Оренбургском церковно-общественном вестнике», следовало: «Общее собрание служащих Оренбургской Духовной консистории, состоявшееся 7 ноября (20 ноября по новому стилю – Т.С.), после всестороннего обсуждения вопросов по поводу выступления большевистской партии и незаконного захвата ими в некоторых городах власти, единогласно постановило: «Присоединиться к вынесенной резолюции общего собрания служащих Оренбургской казённой палаты, предлагающей: 1) выразить доверие и благодарность Войсковому Правительству Оренбургского казачьего войска, юнкерам, частям местного гарнизона за те энергично принятые меры, благодаря которым до сего времени поддерживается в Оренбурге порядок и сравнительное спокойствие; 2) в случае выступления большевиков в Оренбурге и захвате ими власти, немедленно прекратить занятия в Оренбургской Духовной консистории впредь до восстановления нормального положения в городе; 3) войти немедленно в сношения с другими учреждениями г. Оренбурга по вопросу об организации обороны против большевистского движения».

Местный житель тогда же горевал: «В последнее время Оренбург

переживает острую нужду в продовольствии. Установленное количество хлеба выдаётся и в учебных заведениях с общежитиями, где порцию в 1 фунт приходится делить ученику на 4 части: два чая, обед и ужин. Ученики духовного училища не чувствуют себя никогда сытыми...»

«Ввиду крайней дороговизны содержания и отсутствия топлива Совет Оренбургского Епархиального женского училища постановил прекратить занятия с 1 декабря 1917 года по 1 февраля 1918 года».

«Вследствие недостатка денежных знаков»

На исходе революционного 1917 года оренбургский комитет спасения родины с войсковым правительством, городским и земским самоуправлениями приняли решение о выпуске денежных знаков на сумму 30 миллионов рублей.

Управляющему оренбургским отделением государственного банка направлено письмо: «...ноября 30 дня (13 декабря по новому стилю – Т.С.) представители местной государственной и общественной власти, при обсуждении на совместном совещании тяжёлого положения края ввиду прекращения связи с центральной государственной властью и полного отсутствия денежных знаков в банках и на рынке, постановили: выпустить временные денежные знаки, которые должны приниматься во всех правительственных, общественных учреждениях и частными

лицами наравне с общегосударственными денежными знаками и подлежат своевременному обмену на общегосударственные кредитные билеты...»

Чуть позже один из оренбуржцев рассуждал: «Перерыв железнодорожного сообщения, удалённость нашего края от Петрограда, а также создавшиеся политические осложнения поставили г. Оренбург и его губернию в такие же затруднительные условия, как и другие места России. Оренбургское отделение государственного банка не получает кредитных денежных знаков от госбанка и несколько дней принуждено прекратить свои операции, а вместе с ним прекратили работы и частные банки. Таким образом, служащие в правительственных и общественных учреждениях не могут содержать свои учреждения, производить закупки хлеба, выдавать пособия солдаткам, частные банки и торговый люд за недостатком денежных знаков принуждены сокращать торговые обороты, не производить закупку товаров...»

«Оренбургское казачье войско — самостоятельная республика»

В Епархиальном женском училище (ныне корпус Оренбургского аграрного университета на ул. Челоскинцев — Т.С.) в декабре 1917 года заседал Войсковой круг оренбургского казачьего войска. По поручению «духовенства и мирян» протоиерей Чернавский приветствовал «сынов казачества

как стойких, мужественных и доблестных защитников Родины». Он поблагодарил их «за спокойствие в городе», охарактеризовал казачество «как оплот гражданской свободы и правового порядка».

Подводя итоги Войскового круга оренбургского казачьего войска, корреспондент «Южного Урала» писал: «Вследствие большевистского мятежа оренбургское казачье войско оказалось изолированным, отрезанным от всей России, подпавшей под самодержавие большевиков, и войско фактически станет представлять из себя самостоятельную республику».

Через газету «Южный Урал» на исходе 1917 года жителей Оренбурга известили о том, что педагогический совет и родительский комитет 1-й женской гимназии «единодушно вынесли постановление, чтобы в здании гимназии не допускались вечера с танцами. Поводом для такого запрещения послужили события переживаемого времени: государственная разруха, надвигающийся голод, печальные события повсюду и небезопасное положение здесь, что должно мысли направлять не к танцам, а в сторону отрезвления от того утара, который как пир на торжестве большевиков несётся по всем увеселительным местам».

«Оренбургский церковно-общественный вестник» информировал: «Во всех местных учебных заведениях предположенные для учащихся увеселения на рождественских

каникулах по случаю тревожного времени отменены».

Тогда же стало известно, что «литературно-вокально-музыкальное утро учеников гимназии Бардина, назначенное на 31 декабря, по постановлению комиссии господ преподающих, ведающих устройством разумных развлечений в гимназии Бардина, переносится на Масленицу». Видимо, жители степного края надеялись, что борьба за власть будет не долгой.

«Красногвардейцы разбиты...»

Новогодние и рождественские праздники 100 лет назад наши земляки встречали в боевых условиях. Именно тогда обнародовано обращение совета оренбургского комитета спасения родины и революции: «Совет призывает всех граждан мужского пола, достигших 21 года, здоровых и способных нести оружие записываться у начальника милиции в городскую дружину, создаваемую для охраны города».

Управление постройки Оренбург-Орской железной дороги через прессу известило о том, что «за израсходованием запасов каменного угля для паровозов управление лишено возможности продолжать движение и таковое прекращается...»

В первый день января 1918 года газета «Оренбургское земское дело» поместила статью, начинающуюся с вывода: «Ушёл навсегда от нас ужасный, кошмарный 1917 год, полный событий,

пронёсшихся через него со сказочной быстротой и хвативших бы при нормальном ходе вещей на несколько десятков лет!»

Автор публикации под названием «Новогодние думы» в «Оренбургском церковно-общественном вестнике» написал: «И стоим мы на рубеже изжитого года и выплывающего в буре междоусобий и кровавом зареве пожаров — года нового, не ведая, что ждёт нас впереди. Гибнет Русь родная, гибнет её юная свобода, её вековая мощь...»

Газета «Южный Урал» сообщила: «Ввиду того, что большевики, захватившие Бузулук, не пропускают в Оренбург закупленных для города хлебных грузов, губернским продовольственным комитетом приняты срочные меры к доставке хлеба через ближайшие станции», «По частным сведениям, силы наступающих на Оренбург большевиков не так уж велики».

Хроникёр газеты рассказал и о попытке захвата губернского центра: «По частным сведениям, отряд красногвардейцев, наступавший на Оренбург, воспользовался пассажирским поездом, прицепив свои вагоны. Таким путём красногвардейцы рассчитывали проскочить в Оренбург и действовать в тылу тех воинских частей, которые охраняют город. На одном из разъездов вагоны с красногвардейцами были оцеплены. Произошло вооружённое столкновение. Красногвардейцы разбиты...»

Бюллетени оренбургского комитета спасения родины и революции того периода гласили:

«Путь отступления большевистских частей отрезан нашими войсками, взорвавшими полотно железной дороги в тылу неприятеля. Наша артиллерия обстреливает эшелоны большевиков на разъезде № 16 (за станцией Каргала)», «Разъезд № 16 занят нашими войсками, причём взят аэроплан, оставленный большевиками при поспешном отступлении».

«События отрезали нас от всего мира»

Характеризуя ситуацию, сотрудник «Южного Урала» в середине января 1918 года в статье под заголовком «Отрезвление» писал: «События отрезали нас от всего мира. Мы живём как бы на острове среди волнующегося моря. Железная дорога должна была остановиться с той минуты, как большевистские эшелоны двинулись на Оренбург. Почта и телеграф также не могут связывать нас с окружающим миром. Мы питаемся только слухами. Призрак голода встаёт над всеми городами. Шайка авантюристов в Бузулуке лишила весь Туркестанский край продовольственных грузов.

Не такими путями можно вывести народ на светлую дорогу новой, лучшей жизни: не в пламени пожаров и не в крови создаётся народное благосостояние. Без внутреннего мира, без прочного порядка в государстве немислимо никакое развитие народного хозяйства».

Тем не менее, оренбургские электротeatры «Кино-палас»,

«Аполло», «Фурор» зазывали на «кино-драму» и «исключительный боевик настоящего сезона» с участием знаменитой Веры Холодной, «сверх программы» была обещана «комедия-фарс «Брачная газета».

Читателям «Гостиного Двора» предлагаю познакомиться с выдержками из «Воззвания гражданина», опубликованного на страницах «Южного Урала» в январе 1918 года: «К вам обращаюсь я с воплем душевным, ибо молчать не могу. Кто бы вы не были: преданные большевизму или его противники, неужели вы не чувствуете ужаса переживаемых дней?! Воскрес древний Каин, и кровь Авеля обогрывает родную землю. Я не буду односторонне называть Каином ни поборников большевиков, ни их противников: каждый убитый братом — Каин, всякий убитый братом — Авель. А у нас эти дни в нескольких верстах падают, обливаясь кровью, умирают наши братья, и что делаем мы?

Если нам выпала доля быть свидетелями и участниками стихийных исторических событий — воспримем их с должной серьёзностью. Если содержатели увеселительных зрелищ не понимают, как неуместны в городе, облечённом в траур, свист и бубенцы петрушки — молодёжь, идите и закрывайте сами всякие зрелища...»

Союз женщин Оренбурга 13 января 1918 года провёл в гарнизонном собрании лотерею-аллегри с 1500 выигрышами: среди них — швейная машинка, 10 пар

галош, живой баран, 2 пуда мыла. Вырученные средства переданы на «оборудование общественных кухонь, прачечных и столовых, в которых сотни нуждающихся женщин найдут себе заработок».

«Положение создалось критическое»

Представители прессы подробно осветили обстоятельства крушения поезда, случившегося в середине января 1918 года: «После отступления большевиков солдаты, находившиеся в Бузулуке и ехавшие домой, заставили пустить три поезда — один за другим. Близ станции Платовка один поезд, шедший сзади, наскочил на другой, шедший впереди. Разбиты два вагона, которые сгорели. Убито 13 и ранен 21 человек».

В «Оренбургском земском деле» опубликована цитата из протокола, составленного солдатами и пассажирами на станции Сорочинская: «Товарищам большевикам, бросившим поезд № 4 и угнавшим паровоз, вагоны с хлебом, а также увезшим аппараты и все средства сношения с ближайшими станциями и, таким образом, лишившим поезд возможности продовольствия и всяких сношений с внешним миром — объявить порицание за предательские действия по отношению к русскому солдату, возвращающемуся больным и голодным с поля защиты своей родины».

Рассказав о погребении жертв гражданской войны, корреспондент «Оренбургского церковно-

общественного вестника» подчеркнул: «Отдать последний долг героям-борцам за истинную свободу собралось множество народа». В заметке под заголовком «Поражение большевиков» сотрудник этого же периодического издания 20 января сообщал: «Попытка большевиков захватить в свои руки Оренбург окончилась для них полной неудачей: теснимые офицерским отрядом, юнкерами и казаками большевики спешно отступили к Самаре».

Но уже 24 января 1918 года в официальном отделе «Оренбургского казачьего вестника» напечатано: «Граждане! Снова нависла гроза над Оренбургом, снова враги света и правды пытаются добраться до Оренбурга... Для борьбы с ними необходимы различные технические средства, дающие возможность защитникам нести свою тяжёлую службу с меньшей затратой сил. В Оренбурге есть спортивные общества, есть лыжники. Вы, любители спорта, люди сильные телом и духом, сейчас должны прийти на помощь тем, кто отстаивает Оренбург. Вы на лыжах ускорите доставку снарядов к боевым линиям, доставку пицци. Угнаться за вами противник при наличии большого снега не сможет...»

На следующий день в разделе «Гражданская война» той же газеты оренбуржцы прочли: «Нашими войсками оставлен разъезд № 14. Противник ведёт энергичное наступление по направлению к Сырту. Положение создалось критическое».

«Осада Оренбурга закончилась победой большевиков»

Подписавшись псевдонимом «Рефлектор», сотрудник редакции «Оренбургского казачьего вестника» в конце января 1918 года в статье под названием «Толстокожие» делился своими размышлениями: «Город переживает страшную минуту: удастся горсти самоотверженных защитников общего блага устоять под натиском большевистских банд — город уцелеет; не удастся — будет предан на поток и разграбление разнузданной черни не менее разнузданных «победителей». Газета «Оренбургский церковно-общественный вестник» рассказала о «зверствах большевиков»: «На станции Новосергиевка, по занятии её нашими войсками, в помойной яме найден труп юнкера, обезображенный до неузнаваемости...»

Рядом опубликована информация об итогах выборов в Учредительное собрание. От Оренбургской губернии в его состав вошли 11 человек — среди них войсковой атаман А.И. Дутов, большевики А.А. Коростелёв, С.М. Цвиллинг.

Цены на предметы первой необходимости в то время резко возросли из-за их дефицита. В прессе промелькнуло известие о том, что если перед Рождеством фунт керосина стоил 17 копеек, то вскоре — уже 2-3 рубля (у спекулянтов). Фунт сахара можно было купить за 6 рублей, а муки за 25 рублей.

Радел «Хроника» этой газеты 27 января 1918 года завершала

тревожная информация: «Успокоившееся было после первого нашествия большевиков население Оренбурга снова взволновано их вторичным движением на город. На этот раз наступление большевиков ведётся с двух сторон — от Ташкента и от Самары. Главный контингент большевистского отряда составляют матросы. В Оренбург каждый день привозятся раненые».

Осада Оренбурга закончилась победой большевиков. Утром 30 января стало известно, что защита губернского центра доживает последние часы. Учреждения и частные лица спешно эвакуировались.

Современник событий позднее опубликовал свои наблюдения: «Покинули город все крупные коммерсанты, многие жители Форштадта и офицеры. Комитет спасения прекратил своё существование. Вечером город вымер. К вечеру местные большевики образовали отряд Красной гвардии и, заняв вокзал, стали готовиться к встрече. В 1 час ночи прибыли первые эшелоны и разместились в Неплюевском корпусе (ныне корпус Оренбургского государственного медицинского университета на Парковом проспекте — Т.С.). Немедленно был арестован на квартире после обыска городской голова Барановский. Газеты «Оренбургский край», «Южный Урал», «Рабочая заря» закрыты. Войсковой старшина А.И. Дутов перед приходом большевиков выехал из Оренбурга».

Так было...

Сергей ЧЕТВЕРИКОВ

«НАСТАЛИ В РОССИИ ДНИ ОБНОВЛЕНИЯ...»

Сергей Алексеевич Четвериков родился в 1990 году в Оренбурге. Окончил факультет гуманитарных и социальных наук и аспирантуру Оренбургского государственного университета. Работает ведущим архивистом отдела публикаций и научного использования документов ГБУ «Государственный архив Оренбургской области».

Революционные события 1917 года оказали значительное влияние на все сферы жизни российского общества. Фактически был разрушен институт брака, упразднена политическая и нравственно-идеологическая цензура, началась секуляризация общественного сознания. В результате жители города Оренбурга получили возможность ознакомиться с различными брошюрами, сценическими представлениями, кинофильмами, затрагивавшими табуированные ранее темы: роль религии в жизни российского общества, личность императора и высших государственных сановников.

Известие об отречении Николая II и великого князя Михаила от престола было встречено в Оренбурге с восторгом. Газета «Оренбургское слово» 4 марта 1917 года опубликовала статью Б. Станиолова «Новая власть», автор которой торжествовал по поводу падения монархии:

«старая власть, запятнавшая себя кровью родной страны, душившая каждое свободное слово, изменявшая стране, нагло издававшаяся над ней — эта власть пала...»¹

Затем, 6 марта — стихотворение С.М. «На волю!», провозгласившее конец эпохи «страданий» и конец тирании²:

*Тюремщик, скорее ключи
от дверей,
От камер холодной неволи:
Конец наступил этих
тягостных дней,
Тоски и мучений о воле...
И ржавые двери тюрьмы
подались,
Послышался голос народа
Товарищи, воли мы все
дождались,
Настала в России свобода...
Вы долгие годы в тюрьме
изнывали,
За правду в неволе томились,
Но дни обновления в России
настали,
Страданья её искупились.
Идите, смотрите, как
солнце горит
Над нашей страной
обновленья...
Светильник тиранов навеки
разбит,
И к прошлому нет
возвращенья!*

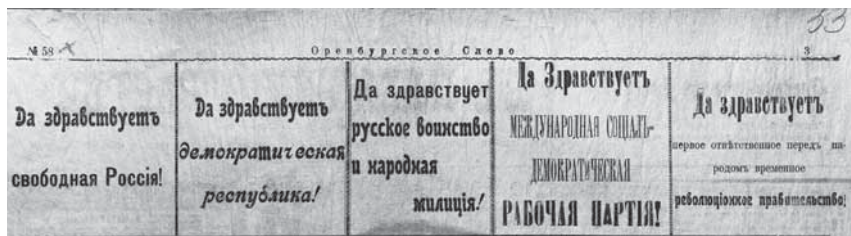
Дальнейшую судьбу страны должно было определить Учредительное собрание.

Весной 1917 года в Оренбурге открыто стали продаваться

политические брошюры, высмеивавшие характер и поступки Николая II «Красное знамя. Как царь Никола лишился престола» (брошюра в стихотворной форме рассказывала о событиях Февральской революции в Петрограде), «Письмо Николая Романова Вильгельму Гогенцоллерну». Брошюры, направленные против самодержавия «Сказочка о красной шапочке и злом волке. Русская свобода и Романовы», «В дни свободы. История государства Российского от Михаила до Михаила». Брошюры, рассказывавшие о необходимости созыва Учредительного собрания «Учредительное собрание и выборы в него», «Солдат-Гражданин» и разъяснявшие новые политические идеи «Что такое социализм»³.

Оренбургские периодические издания «Южный Урал», «Свободное слово солдата», «Оренбургское слово» и «Оренбургский край» начали публиковать статьи о бедственном положении финансов и сельского хозяйства страны.

В ожидании выборов в Учредительное собрание горожане и солдаты, расквартированные в Оренбурге, посещали цирк В.А. Камухина, Свободный театр, Городской театр, электротeatры «Аполло», «Фурор», «Чары», «Кино-Палас» и «Люкс», на деятельность которых революционные события оказали различное влияние. Об этом свидетельствуют афиши оренбургских учреждений культуры, публиковавшиеся

в течение года на страницах местных газет.

Так, цирковые представления в 1917 году не претерпели изменений. Они сопровождалась состязаниями борцов (в том числе и женщин); выступлениями куплетистов, лирипутов, клоунов, акробатов, гимнастов и танцоров; показом антивоенных пантомим («Кто русского солдата побеждает») и проведением конкурсов красоты-изящества, телосложения и мускулатуры⁴. В завершение вечера давалась водевиль (комедийная пьеса с шуточными песнями и танцами), а 20 % от собранных средств отчислялось на благотворительность.

Единственное выступление, на котором цирковые артисты выразили своё отношение к изменению социально-политического устройства общества, было дано в цирке В.А. Камухина 12 марта 1917 года. В представлении на злобу дня все клоуны и куплетисты говорили только «правду матку»⁵.

Репертуар оренбургских театров в 1917 году также не претерпел больших изменений. На сцене Городского театра шли пьесы У. Шекспира, Э. Брие,

А.Н. Островского; ставились произведения Л.Н. Толстого, А.С. Грибоедова, А.П. Чехова, М. Горького, Н.В. Гоголя, С.А. Найдёнова, П.М. Невжина и других авторов⁶.

Вместе с тем в июле 1917 года партии социалистического блока (социал-демократы, социалисты-революционеры, народные социалисты и «Единство») арендовали зал Городского театра для проведения пропагандистского «Митинг-концерта» для разъяснения своей политической позиции, «отличной от партии большевиков»⁷.

Свободный театр Совета солдатских депутатов (Народный дом) наряду с классическими произведениями (детский спектакль «Золушка»; «Преступление и наказание», «Горячее сердце», «Зачем пойдёшь, то и найдёшь (Женитьба Бальзаминова)», «Трильби» и другие) ставил пьесы современных авторов. Так, 3 августа 1917 года зрителям была представлена комедийная пьеса авторства Е.А. Мировича (Дунаева) «Вова революционер» (1917), высмеивавшая юношу из богатой (баронской) семьи, который, нахватавшись революционных идей

и слов, приходит домой и к ужасу родственников «прицепляет красные ленточки к портретам своих предков».

Большим успехом у публики пользовалась пьеса «Чёртова дожина» по рассказам А.Т. Аверченко (1916), отвечавшая на вопросы о том, как заполучить внимание женщины, о сущности любви, о проблеме верности и неверности, о соблазне и неминуемой расплате за него.

В ответ на октябрьские события 1917 года в Петрограде Свободный театр поставил миниатюру «Буржуй», рассказывавшую об общественном неравенстве в государстве⁸.

Рождественский репертуар обоих театров состоял из двух представлений: утреннего (детского) и вечернего. 31 декабря был дан бал-маскарад⁹.

Кинотеатры, имевшие, по мнению Оренбургской городской думы весьма «сомнительное воспитательное значение», являлись учреждениями культуры, доступными для широких слоёв населения. Поэтому, несмотря на сокращение добычи топлива и прекращение его подвоза, Оренбургская городская управа в октябре 1917 года выступила против ограничения их работы, «так как в дни, когда кинематографы не торгуют, его посетители, лишённые развлечений, увеличат число праздных, а возможно и число пьющих. Сокращение числа дней работы может привести к повышению платы за вход, а это

будет наиболее ощутимо для беднейшего населения»¹⁰.

В целях сокращения потребления кинотеатрами электроэнергии время их работы было ограничено (не более 3 часов в рабочие дни, и не более 8 часов — в праздники), с сохранением возможности работать всю неделю. Показываемые в электротееатрах картины подлежали одобрению Городской управы.

В течение всего 1917 года оренбургские кинотеатры в пропагандистских целях показывали военную хронику: официальные снимки с театра боевых действий на западном и кавказском фронтах «Знамена победно шумят»¹¹, снимки британской армии и карту наступления союзников «Англичане на полях сражения», «Летопись войны»¹², «интернациональную» картину об ужасах войны «Кровавый безумец современной войны»¹³. Военные картины «Спите, орлы боевые», «Борьба за свободу народов (Стальные чудовища)», «Под вражьем игом», «Страшен сон да милостив Бог», «Наши враги у нас в плену» и другие. Антимонархические картины «Да здравствует свободная Русь!», «За что страдать и умереть», «Борьба за счастье», «И раб дерзнул!..», «Где правда» и другие.

В августе — сентябре 1917 года электротееатр «Чары» показывал жителям Оренбурга фильм «Быль. Жуткая правда о Ленском расстреле», содержавший рассказ о событиях 1912 года в Сибири,

которые «глубоко потрясли русское общественное мнение». Зрителям показывалась жизнь рабочих, изнемогающих от непосильной работы. «Голод и гнёт» заставил их восстать и потребовать от царя справедливости. На это им было ответом «Пли! Стреляй!» Рабочий класс громко протестовал против избиения своих товарищей. Волна негодования захлестнула и Государственную думу: на заявление министра внутренних дел А.А. Макарова «Так было, так будет» А.Ф. Керенский пророчески заявляет «Так было, но так не будет»¹⁴.

Кинокартина носила явно пропагандистский характер и была направлена на возвеличивание личности А.Ф. Керенского,

противопоставляя республику – тирании монархии.

В середине октября 1917 года «Чары» представили публике картину «За свободу, за народ (песнь победная свободе)», содержащую «Революционные песни. Песни сибирских каторжан. Гимн свободного народа»¹⁵.

Однако большинство фильмов, шедших в оренбургских электротейтрах в 1917 году, являлись:

а) комедиями: «Девичьи уловки», «Без соблазна», «Девушка XX века», «Гоните его», «Чем чёрт не шутит» и другие;

б) драмами: «Похищенное ожерелье», «Невинно пострадавший», «Дама с камелиями», «Все люди рабы, лишь

море свободно», «Тайна печати», «Бездна», «Жизнь барона или На дне» (по пьесе М. Горького), «Симфония скорби», «Горе побеждённым» и другие.

в) историческими драмами: «Стенька Разин», «Под звуки марсельезы» (из времён французской революции), «Жизнь и смерть Гришки Распутина», «Жизнь и смерть лейтенанта

Свободный театръ	
(НАРОДНЫЙ ДОМЪ)	
РОЖДЕСТВЕНСКИЙ РЕПЕРТУАЪ	
Въ Субботу 30 Декабря 1917 года	
Царь Феодоръ Юановичъ	
въ 5 д. 7 карт.	
Въ Воскресенье 31-го Декабря	
I. Новогодняя пасха	II. Визитеры
шутка въ 1 д.	водевиль въ 1 дѣйстви.
Въ Понедѣльникъ 1-го Января 1918 года	Во Вторникъ 2-го Января
I. Однажды вечеромъ	ПРЕСТУПЛЕНИЕ
Въ 2 карт. Леонидъ Лесенко	и наказаніе
II. Дѣвушка XX вѣка	Драма. сцены въ 9 карт. перел. И. А. Дельбю
Въ 8 д. соч. В. Мрвенча.ау	Въ Четвергъ 4 Января
БЕНЕФИСТЪ	ГОРЯЧЕЕ
артиста-режиссера Михаила Ильича	СЕРДЦЕ
ТАМАРОВА	Въ 5 д. Островскаго

Шмидта» (историческая революционная драма).

Кроме того, электротئاتр «Фурор» показывал сценки из жизни бакинских мусульман «В царстве нефти и миллионов», а электротئاتр «Аполло» — скалы Адалары (острова в Чёрном море) и виды города Гельсингфорс¹⁶.

Электротئاتр «Люкс» в декабре 1917 года представил зрителям «боевик» (криминальную драму) «Царь Николай II»¹⁷.

Захват власти большевиками в Петрограде был воспринят в оренбургской прессе как страшная трагедия, грозящая гибелью традиционному укладу и всей русской культуре. В газете «Южный Урал» 24 ноября 1917 года было напечатано стихотворение М. Доминской «В дни великих вселенских страданий»¹⁸, предвещавшее наступление «тяжёлых времён»:

*Не до песен сейчас,
Везде кровь и слёзы,
Не до смеха, острить,
Ликований.
Не до пылкой мечты,
Не до радужных грёз —
В дни великих вселенских
Страданий.
Наша жизнь — это тьма,
Это — траура дни,
Это — гибель культуры
И духа.
В холодеющей мгле
Догорели огни.
И мольбы не доходят
До слуха.
Бесконечная ночь...*

Непроглядный туман...

Притутились и воля

И чувства.

За миражи идей,

За жестокий обман

Всё погублено — жизнь

И искусства.

О, мечты, пережившие

Тысячи лет!

Перед нами топор

И темница...

Сонм творений развей,

Вдохновенный поэт! —

Пусть повергнется в прах

Цевница...

Вы, чья пылкая грудь

Вечно рвётся к борьбе,

Вы, чьи подвига жаждали

Руки, —

Покоритесь своей

Неизменной судьбе,

Позабыв про духовные

Муки!..

О, пророк, что не признан

В отчизне своей!

Ты, несущий заветы

Любви!

Расплещи из сосуда

Священный елей, —

Не для тех он, чьи руки

В крови!..

В электротئاتре «Фурор» с середины ноября 1917 года показывалась аллегорическая картина «Красный демон». Демон (Сатана) появился на земле. «Весь ужас человеческого зла. Всё, что может быть создано человеческим умом, направленным на преступления — мы видим в этом злом гении...»¹⁹

Своеобразный итог году был подведён в кинокартине «На грани Старой и Новой России», показанной в декабре 1917 года в электротeatре «Фурор». Это трагедия в 4-х частях, последняя из которых называлась «Так хотел народ».

Таким образом, революционные события оказали значительное влияние на репертуар оренбургских учреждений культуры в 1917 году. В Свободном

театре ставились пьесы, носившие ярко выраженный политический характер, и затрагивавшие тему социального неравенства. В электротeatрах Оренбурга были показаны пропагандистские картины, противопоставлявшие свободную республику тирании монархии. В конце 1917 года зрителям были представлены первые произведения, пытавшиеся осмыслить произошедшие в стране события.

ИСТОЧНИКИ:

1. Оренбургское слово. — 1917 — 4 марта — Л. 34.
2. Оренбургское слово. — 1917 — 6 марта — Л. 37.
3. Свободное слово солдата. — 1917 — 1 июля — Л. 114.
4. Свободное слово солдата. — 1917 — 8 июля — Л. 124.
5. Оренбургское слово. — 1917 — 12 марта — Л. 52.
6. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 41 Оп. 1. Д. 1531. Л. 174 — 177.
7. Свободное слово солдата. — 1917 — 5 июля — Л. 114об.
8. Южный Урал. — 1917 — 1 ноября — Л. 96.
9. Оренбургский край. — 1917 — 25 декабря — Л. 9об.
10. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 41. Оп. 1. Д. 540. Л. 1.
11. Свободное слово солдата. — 1917 — 15 февраля — Л. 19.
12. Свободное слово солдата. — 1917 — 11 ноября — Л. 98.
13. Оренбургское слово. — 1917 — 2 февраля — Л. 9.
14. Свободное слово солдата. — 1917 — 19 августа — Л. 146.
15. Свободное слово солдата. — 1917 — 17 октября — Л. 192.
16. Свободное слово солдата. — 1917 — 11 августа — Л. 134.
17. Южный Урал. — 1917 — 15 декабря — Л. 154.
18. Южный Урал. — 1917 — 24 ноября — Л. 120.
19. Оренбургский край. — 1917 — 12 ноября — Л. 5.

«СООБЩИЛИ, ЧТО ЦАРЬ СВЕРГНУТ С ПРЕСТОЛА...»

Документ № 1

**Из воспоминаний жителя
Алексеевской волости А.М. Ко-
лыхалова о революционных со-
бытиях 1917 года в Софиевской
волости¹ Исаево-Дедовского
района Оренбургской губернии.**

23 ноября 1925 г.

[...] Перед событиями февра-
ля [1917 г.] деревня² морально
была убита. Дома оставались
лишь женщины, старики и дети.
Взрослое мужское население
было всё на войне. Оставшаяся
часть мужчин и женщин, не видя
конца войны и зная, что без ра-
ботников, взятых на войну, они
много не посеют и не уберут, ста-
рались как можно меньше выки-
дывать на рынок старые хлебные
запасы. Так как хлеб нужен был
фронту и городам, правительство
стало насильно при помощи по-
лиции хлеб забирать по твёрдой
цене. Забираемый хлеб население
само должно было отвозить на

---

¹ В настоящее время — территория
Софиевского сельского совета Пономарёв-
ского района Оренбургской области.

² Установить название не представи-
лось возможным. Вероятнее всего, речь
идёт о месте рождения автора.

ст. Абдулино с[еверо]-з[ападной]
железной дороги.

В то время, когда у крестья-
нина забирали небольшие за-
пасы, у помещиков, имевших
хлеба тысячи [пудов], не трога-
ли. Да и сыновья их были дома,
на учёте, как пастухи своего же
скота. И вдобавок жизнь они
вели разгульную, капиталы их
увеличивались. Как пример при-
веду гр[ажданина] с. Воздвижен-
ки Никона Копилова, который,
имея перед войной тысяч на 10,
перед революцией имел капита-
ла на 200 000 руб. Всё вышеука-
занное в сёлах в сознании масс
внедряло ропот и недовольство
[...] Февральскую революцию
население встретило растерянно,
хотя и чувствовало, что что-то
творится новое, но понять не
могли, что может быть нарушен
тот порядок вещей, при кото-
ром они выросли и родились.
Дальше же этого смотреть не
могли. Отдельные голоса, раз-
дававшиеся за происшедшее но-
вое, терялись, как капля в море.
Как факт приведу пример. Как
я указывал выше, крестьян за-
ставляли вывозить хлеб на ст.
Абдулино. В одну из таких по-
ездок гр[ажданин] с. Алексеевки
Тимофей Филиппов попал как

раз в дни революции. Крупный ж[елезно]-д[орожный] центр ст. Абдулино с большим количеством рабочих встретили её шумно. Филиппов же, сдав хлеб, приехал домой. Дома своим по секрету сообщил, что царя прогнали. Семейные были перепуганы не тем, что не стало царя, а тем, что сказавшего о революции, по их мнению, если услышат другие, заберут и посадят. И бедная семья, когда пришёл урядник справиться, сдал хлеб или нет, так перепугалась, что заплакала вся, чем бессознательно выдала причину плаканий. Урядник, наверное, уже знал, так как лишь только пригрозил никому не говорить. Успокоились окончательно только по получении официального известия из волости.

В дальнейшем до апреля 1917 года крестьянство понемногу привыкало к новому порядку вещей. Но мер к закреплению и использованию того, что немного хотя дала первая революция – не принимало. Даже полиция и всё остальное было по-старому. Лишь в начале апреля, с приходом с фронта солдат, стало чувствоваться революционное настроение [...]

Приходившие вести всегда были извращены и [приходили] с опозданием. Солдат же, проводников революционной борьбы города и фронта в деревне, приходило мало. И отзвуки поэтому были слабые. Из губернского центра за всё время был в волости

только один агитатор, у которого поняли только одно, что жизнь была бы хорошей, если бы не большевики, шпионы Германии, и хвалил эсеров. Но как бы то ни было, плохо доходили известия, настроения были против войны. Все стояли за скорейший конец, не разбираясь, что будет дальше. После этого лишь в конце октября [1917 г.] с фронта понемногу стали прибывать в деревни отпускники и просто бежавшие. Приходившие приносили в село, а в особенности матросы, которые были первыми застрельщиками всех событий на селе, идеи, возмущённые Октябрем.

И деревня всколыхнулась. Новые формы организации власти проходили по-разному, но общее у них было одно: помочь бедноте выйти из затруднительного продовольственного положения, обеспечить её. Средства были намечены – хлебные амбары землевладельцев, которые были полны хлебом. Часть руководителей Советов, видя, что если не принять меры, то стихийно все имения растащат, старались организованным путём забрать первым долгом хлеб, начали раздавать не имеющим его, а остальное взять на учёт и сохранить [...]

**Написал по воспоминаниям
Кольхалов Андрей Михайлович.**

ОГАСПИ. Ф. 7924. Оп. 1. Д. 96. Л. 1 – 2. Подлинник

Документ № 2

Из воспоминаний Д.С. Закопаевой, участницы Гражданской войны, об установлении Советской власти в Орском уезде в 1917 – 1921 гг.

[1958 г.]

[...] В 1917 году мой муж и 13-летний сын Федя работали на вновь строящейся Орской ж.д. станции.

По телефону из города сообщили, что царь свергнут с престола. Железнодорожные рабочие колонной с красными знамёнами пошли в город, а впереди колонны мой муж и отец играли на гармошках «марсельезу» и пели.

В 1918 году моего мужа встретил казак красногвардеец Василий Завадский и сообщил, что на г. Орск наступает [А.И.] Дутов.

В конце сентября со стороны Кумакской горы наступление усилилось. Все наши силы были брошены на защиту города. Лошадь наша не распрягалась — я вместе с Борисовой Евдокией Яковлевной — женой командира роты, подвозили патроны в окопы, а с линии фронта вывозили раненых наших бойцов. Ранним утром наши войска отступали из города. Вместе с малолетними детьми отступила и я [...]

По заданию штаба Орского полка я выехала в г. Орск и должна была вернуться в г. Актюбинск [...] Но белогвардейской охранке стало известно о моём

приезде и рано утром я была арестована.

Во время допросов меня пытали: рвали здоровые зубы и били нагайками, требуя сведений о нашей армии и доставку моего сына Феди, который в каком-то бою им крепко насолил: во время рукопашного боя, когда, не выдержав атаки наших войск, белые стали отходить, а мой сын якобы вслед им играл на оркестровой маленькой гармошке «камаринскую». Да, это могло быть, так как мой сын никогда не расставался с этой гармошкой, она всегда была при нём.

[...] Во время очередного допроса мы встретили орского прапорщика Мещерякова Михаила, которого в детстве мой муж обучал играть на гармошке. С его помощью нам удалось получить разрешение на один день повидаться с детьми [...] Я после сильных истязаний была слишком больна и бежать не могла, поэтому вынуждена была скрываться.

Разыскивая меня, белогвардейские офицеры [...] издевались над моей 12-летней дочерью Марией, но всё же она сумела меня спрятать в погребе в бочку, замаскировав сверху как капусту, накрыв кружками [...] День и ночь просидела я в бочке, а утром пришли наши освободители из 24-й Оренбургской железнодорожной дивизии.

[...] Вспоминаю один из эпизодов. В то время было больно, а сейчас смешно: на ст. Эмба во

время стоянки поезда с помощью бойцов я вынесла большой котёл и на костре варила обед для бойцов. Вдруг началась стрельба из орудий и из пулемётов. Пули жужжали вокруг, ударялись о вагоны, и без сигнала наш поезд медленно двинулся. Я закричала: «А как же котёл, ведь обед почти готов?» На выручку с поезда соскочили бойцы, на ходу погрузили котёл и меня всунули в вагон. Стрельба продолжалась. Пули разбивали окна вагона, мои малолетние дети Мария и Лида забрались под скамейки вагона. Только успели переехать через р. Эмба, как белогвардейцы взорвали за нами мост. Мы были в опасности окружения, но на выручку пришли кустанайские войска и прорвали нам путь.

После разгрома [А.В.] Колчака мы вернулись в г. Орск осенью 1919 года. И тут началась новая жизнь [...]

При укоме партии был создан женотдел под руководством Александры Зябликовой, который сыграл очень большую роль в выполнении задач, поставленных партией и Советской властью.

Через женотделы уком партии проводил большую агитационно-массовую и пропагандистскую работу среди женщин города, в результате чего актив с каждым днём возрастал. Я была женорганизатором [...] С помощью активисток-делегаток [...] мы организовали женщин на посадку огородов для детских домов, для семей погибших воинов и

инвалидов войны. Создавали женские бригады по сбору тёплых вещей и других вещей для Красной Армии.

Большую помощь нам в этих мероприятиях оказывали комсомольцы. В то время часто устраивали субботники по восстановлению города и ликвидации последствий войны. И женщины, организовавшиеся вокруг женотдела, безропотно выполняли все работы: расчистку города от мусора, мазку домов и учреждений и т.п.

Мне было поручено организовать женскую артель по пошиву одежды, вязке пуховых платков и других тёплых вещей.

Несмотря на разруху, уездный комитет партии проводил большую работу по ликвидации неграмотности среди коммунистов. Была организована школа ликбеза, которую посещала и я и ликвидировала свою неграмотность.

В конце 1920 года или в начале 1921 года, точно не помню, по инициативе укома партии [...] была организована 2-я Орская сельскохозяйственная коммуна на конном заводе [...]

[...] Многие коммунары сознательно шли в коммуны и верили в неё. Привезли всё своё хозяйство до последней щепки во дворе и всё обобществили. Но отдельные люди, ещё глубоко проникнутые чувством собственности, шли в коммуны с опасением, с пустыми руками, оставив своё хозяйство на всякий случай дома. Однако весной дружно взялись за работу.

Посеяли 450 дес. одной только пшеницы и ещё много культур, хорошо было налажено огородное хозяйство, свиноводство, птицеводство. Большой энтузиазм в работе проявляли коммунары.

Но вот 1921 год принёс нам большое стихийное бедствие от засухи. Посеянный хлеб не взошёл, огороды погорели. В коммуну ворвался тиф, холера, чума, столбняк и другие болезни. Болезнь косила самых лучших коммунаров, и началась большая смертность. Начался повальный падеж скота, птицы, и голод навис над коммунарами. По решению правления коммуны здоровые коммунары перешли в город на разные работы [...]

Закопаева Дарья Сидоровна

ОГАСПИ. Ф. 6002. Оп. 1. Д. 78. Л. 2 — 7. Подлинник.

Документ № 3

Из воспоминаний уроженца с. Логачёвка Тоцкого района Оренбургской области А. Колесникова о фактах укрывательства хлеба населением села в 1919 году.

27 ноября 1969 г.

[...] Я уроженец села Логачёвка бывшей Логачевской волости Бузулукского уезда, ныне Тоцкого района Оренбургской области.

В то время, т.е. в 1919 году, мне было 14 лет. [...] Я в то время

был учеником Логачёвского сельсовета, одновременно был избран членом совета, несмотря на несовершеннолетие [...]

Дали нам указание вести агитационную работу внутри населения по сдаче хлеба государству. Но как я помню наша агитация положительного результата не давала. В то время местные кулаки, а их было в нашем селе много, тормозили имеющийся хлеб, зарывали в ямы, а нашу бригаду называли молокососами и угрожали. Тогда руководители волисполкома с участием т. Топорова дали нам указание приступить к повальному обыску по изъятию хлеба у местных кулаков. Таким путём нашей бригадой было найдено в ямах хлеба — зерна в пределах в первый период, как мне помнится, 342 пуда и второй период около 500 пудов, который хлеб был обозами отправлен в Бузулук на элеватор. В дальнейшем такими путями мы изымали хлеб и отправляли в Бузулук, но какое количество, я не могу припомнить [...]

Кроме хлеба, была найдена водка выпуска до Советской власти, церковные просвирки мешками [...]

ОГАСПИ. Ф. 8171. Оп. 1. Д. 93. Л. 10 — 11 об. Подлинник*.

---

* Сборник «Повседневная жизнь Оренбургской губернии в условиях революционных трансформаций (1917–1921 гг.)»

Лидия МЕДВЕДЕВА

ВРЕМЯ, ВПЕРЁД!

Лидия Сергеевна Медведева родилась в посёлке Саракташе Оренбургской области. Окончила Оренбургский педагогический институт, Ленинградский институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е.Репина. Искусствовед, член Союза художников России, заслуженный работник культуры Российской Федерации. Работает в Оренбургском областном музее изобразительных искусств заместителем директора по научной работе. Лауреат губернаторской премии «Оренбургская лира» (2010), премии «За верность профессии и многолетнее служение русскому искусству» им. Третьякова (2014). Награждена медалью «Патриот России».

В последнее десятилетие либеральной прессой было сделано всё возможное, чтобы подвергнуть самой жесточайшей, уничтожающей критике значение Октябрьской социалистической революции в дальнейшей истории государства. Пришло время для более объективного, осмысленного отношения к своей собственной истории. Революция знаменовала коренной перелом в политической, экономической и, конечно же, культурной жизни России. Под воздействием сначала событий февраля, а затем октября 1917 года менялись и взгляды художников, степень их участия в общественной жизни. Очень непростым и нелёгким было осознание, что началась новая полоса в истории России. С первых дней революции новая власть активно привлекала художников в работу по строительству новой «народной» культуры.

Первым шагом стало объявление всего культурного наследия общественным достоянием. Уже в первый день были назначены в Петрограде комиссары, должностные возглавить работу по защите музеев и художественных коллекций, в Москве была создана подобная комиссия, когда ещё гремели выстрелы... Нужно было привлечь художников и, кстати, гораздо охотнее, чем художники-реалисты, шли навстречу революции художники новых направлений. Революция нуждалась в искусстве, как в мощном оружии агитации...

С первых лет революции художников привлекала задача передачи общей эмоциональной атмосферы тех дней, характера отношения людей к революционным событиям. На долгие годы тема Октября оставалась востребованной. И сегодня мы с таким же интересом обращаемся к деятелям искусства, создавшим за десятилетия широкую художественную панораму событий Октября, потому и готовилась в Оренбургском областном музее изобразительных искусств экспозиция, посвящённая 100-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

Общие впечатления от выставки — динамичность, неудержимость ритма линий, объёмов, горение, иначе не скажешь, красного цвета во всём богатстве его оттенков — сразу вызывают ощущение обрушившейся лавины событий, мощного ветра, всё

сметающего на пути и видимое, осязаемое ускорение Времени, предельное уплотнение временного пространства — событиями, людьми, надеждой и верой, отчаянием и восторгом. В общем — Время, вперёд!

Так и называется открывшаяся в октябре в областном музее изобразительных искусств выставка «Время, вперёд!» Экспозиция выставки включает работы художников разных поколений, по-разному интерпретирующих события Октября.

Особенно интересны работы 20-х годов прошлого века, т.е. работы художников, очевидцев или, по крайней мере, современников революционных событий. Резкий разворот истории вызвал и разные к ним отношения от резко негативного, — «случилась непоправимая беда, крушение красоты традиций» — до восторженного приветствия в надежде реализовать теперь попытки кардинальных перемен в искусстве, о которых они мечтали ещё задолго до Октября. «Было жутко, ново и весело, мы дышали всеобъемлющей новизной будущего, горели энергией молодости» — писал В. Каменский. Было и другое отношение — более трезвое и аналитическое. А. Сидоров вспоминал, что «революцию принял как необходимость истории. Мои художественные переживания начинаются с жадного ожидания. Наиболее ярко и категорично заявляло о новом, приемлющем Революцию, искусство слова:

литература, поэзия... Появляются как манифесты времени «Мистерия Буйф» В. Маяковского, «Двенадцать» А. Блока.

В изобразительном искусстве революционные события прежде всего нашли отражение в плакате и графике с её мобильностью, тиражностью. И плакаты, и графики того времени – ценнейший художественный документ и очень важная часть исторического художественного наследия. Противостояние тех, кто принял революционные события и тех, кто крайне негативно к ним отнёсся, нашло отражение в экспозиции. Рядом с подробно повествовательными, натурно точными в бытийном плане листами Д. Топоркова («Диспут о новом быте»), гравюры на дереве Н. Прохорова, для которого революция – это прорыв в будущее, в них – полные динамики, романтического пафоса, «прекрасные и яростные» дни Октября. («Штурм Зимнего», «Вся власть Советам»). И тут же, рядом – совершенные по своим художественным достоинствам офорты художника, умеющего «вживаться» в музыку штриха», русско-мексиканского мастера В. Кибальчича (Влади), в них подчеркнуты гротесковые, злобные образы большевиков. («Заборный комиссар»).

Живой взгляд современника тех лет в нашем крае, городе – в живописи и графике ученика академика Б.П. Виллевалде Е. Тихменева («Разгром

белогвардейского обоза», «Разгон демонстрации у Беловской тюрьмы»).

Очень выразительны, эмоциональны листы А. Лабаса, по своему содержанию отвечающие названию выставки «Время, вперёд!» На летящем на зрителя паровозе («На паровозе») ошенившиеся винтовками солдаты, матросы, за ними – развевается на ветру красный флаг, стелется над вагонами чёрный дым, на горизонте вспыхивают отсветы пожаров. Резкость, импульсивность линий рисунка, напряжение цветовой гаммы передаёт грозную, тревожную атмосферу тех лет.

Листы В. Курдова так же, как и листы А. Лабаса, выполнены в 60-х годах, но стилизованы под плакаты революционных лет: повышенная динамичность изображения, соединение изображения с текстом, символичность красного цвета.

На протяжении десятилетий сменялись поколения художников, но тема Октября оставалась востребованной, решение же её определялось как временем, так и индивидуальностью мастера. Небольшая по размеру картина М. Яновского («Выступление М.Н. Калинина в Оренбурге». 1946 г.) посвящено конкретному событию и явно стремление автора добиться предельной достоверности во всём: в облике зала (здание по улице Правды, 6), в типических образах слушателей, сознающих значимость момента.

Брусиловский М.Ш.
(1931-2016) Тревожная
молодость. 1963 г.
Холст, масло

Ерохин Н.С.
(1929-1989) Портрет
М.И. Калинина 1969 г.
Холст, масло

Ершов Н.П. (1936-2004) Изда-читальня. 1969 г. Холст, масло

**В залах выставки
«Время, вперёд!»**

Работы 60-х годов, годы хрущёвской «оттепели», несут иное эмоциональное прочтение событий; художников привлекает романтическая атмосфера тех дней, так звонко и страстно звучащая в знаменитых строках М. Светлова: «Гренада, Гренада, Гренада моя...» Практически нет сюжетной основы в картине М. Брусиловского «Тревожная молодость»: профильные изображения бойца и девушки — в страстном порыве друг к другу.

Юные, красивые, возвышенно одухотворённые, в пересечении их взглядов вспыхивает пламя любви, и сейчас, в ожидании разлуки, нет ничего важнее, автор окружает их пустынным, как бы пульсирующим синим пространством, лишённым каких бы то ни было реалий бытия. Резкая, упругая линия профилей, обобщённая лепка объёмов, уплощённость пространства создают наряду с романтическими нотами эпическую торжественность, монументальность образов. В картине В. Просвирина «Вручение знамени ВЦИК» (1969) отражено реальное событие, но здесь в динамичных линиях фигур, развещающихся знамён, контрастах цвета и тени — романтическое, взволнованное ощущение эпохи больших перемен.

О том, что революция 1917 года была подготовлена всем ходом исторического развития России XX века, свидетельствует картина Ю. Кугача «Забастовка» (1960-е гг.) с её

настороженностью, затаённостью, готовностью к взрыву — в образах рабочих, плотно окруживших хозяина. Отчаянье доведённых до крайности людей, суровость времени, предчувствие приближающегося взрыва — в сжимающемся кольце рабочих, в подчёркнуто сдержанной, тёмной гамме красок. Та же тема в картине «Искра» (1956) Ю. Клячко, само название одновременно является как раскрытием содержания — рабочие читают ленинскую газету «Искра», так и символом готовящейся революции — из искры — пламя. В картине в резком контрасте утонувшего в полутьме помещения и освещённых пламенем фигур таящаяся опасность и готовность к действию.

В произведениях 1970—1980-х годов более аналитический, более осознанный взгляд на прошедшие события. Особенно остро осознаётся значимость результатов революции, так и сегодня трудно переоценить тот факт, что в кратчайший срок безграмотная страна стала страной грамотных, читающих, а значит, и готовых к активной общественной жизни людей. Об этом поэтический этюд Ткачёва к его картине «Между боями» и картина Ерышева «Изда-читальня» (1969) с образами типически обобщёнными — крестьянина, рабочего, раненого бойца, занятых чтением в уютном тепле избы-читальни, взявшей на себя функцию очага культуры того

времени. Уравновешенная композиция — три фигуры образуют равнобедренный треугольник; в тёплой, охристо-коричневой с приглушённым красным цветовой гамме сияет голубым, как прорыв в больший мир — плакат тех лет — неграмотный подобен слепому. Это не просто подсказка зрителю, но художественно-пластическое выражение сущности картины. Картина Н. Ерышева «Оборона Оренбурга» (1974) отнюдь не реконструкция исторического факта, хотя художник был очень внимателен к событиям тех лет, к конкретным деталям. Дорого его признание, что основная мысль картины родилась, когда он в краеведческом музее увидел «...папаху с красной лентой и белогвардейские погоны... трагическая история русского народа — в страшных, когда они под музейным стеклом, приметах...»

В картине не просто предстояние перед боем красных и белых, а трагическая непримиримость представителей одного народа, братоубийственная война, страшнее которой ничего нет на свете. В тёплом, охристо-коричневом колорите картины (как цвет старой фотографии), над тёмной рекой светлой полосой противоположного берега — пламенеющее небо и огромная тяжёлая туча с зловецим свинцово-чёрным подбоем, наползающая на берег. Нет сослагательного наклонения в истории, но в

картине автор своей волей как бы останавливает этот миг, можно разойтись, помедлить, отвести. «У меня не стреляют!!! — писал о картине автор. И это выводит работу из исторической конкретности факта, переводит в философскую, обобщающую мысль о хрупкости нашего мира, о нашей общей ответственности. Удивительная красота живописно-пластического решения, сочетающего упругую силу и гибкость линий, лёгкость как бы перетекающих форм и экспрессивность соединения сдержанной, благородной общей тональности с взрывами красного в тёмном, мерцающем. Живописное решение картины Ю. Григорьева «Тревожные дни. Ф.Э. Дзержинский» (1982) передаёт ощущение завесы времени, которую приподнимает художник, стараясь увидеть, понять происходящее в «тревожные дни» революции, отсюда полумрак, окутывающий высокие своды, неясные силуэты склонённых под столом людей, окружающих строгую вертикаль фигуры Дзержинского, в котором, помимо фанатичной преданности идеалам революции угадывается подлинная человечность деятеля, в те годы взявшего на свои плечи ответственность за тысячи тысяч судеб беспризорников, обязанных ему не просто своей дальнейшей судьбой, но и жизнью.

Героическая и трагическая поступь времени, звучащая в

блоковских строчках «...идут двенадцать человек, винтовок чёрные ремни, кругом огни, огни, огни...», ощутима в батике Т. Беспаловой «Красный патруль» — мощных, неудержимых ритмах шагающих красноармейцев, в контрасте тёмных фигур и пламенеющего, то вспыхивающего, то угасающего красного фона знамён.

Вообще, декоративно-прикладной отдел на выставке не велик, но и в редком образце агитационной ткани «Трактор» 1920-х годов и наборе посуды Л. Григорьевой «Ленинград празднует» — стилизации под агитационный фарфор 1920-х годов — мы ощущаем ритмы и характерную символику того времени.

Существенная особенность выставки заключается в том, что

основу экспозиции составляют сюжетно-тематические картины, жанр практически в наши дни ушедший в небытие. Мы успели забыть о них, мы уже не ждём их на выставках. Но то, как воспринимали их зрители, как долго стояли перед ними, беседовали, спорили, свидетельствует, как необходим нашим зрителям этот серьёзный разговор о жизни, истории, человеке, о нравственных, моральных проблемах...

Конечно же, картина как воплощение большой идеи, как аргументированное обобщение наблюдённого, свершившегося или происходящего, как то, что будит мысль и чувство, как бы заново является перед нами, декларируя большие возможности большого стиля в искусстве!

Александр НЕСТРУТИН

«ОКТЯБРЬ – И СЛОМ, И ГРОМ, – И ЗНАМЯ»

Александр Гаврилович Неструтин родился в 1954 году в селе Скрипникове Калачеевского района Воронежской области. Стихи публиковались в журналах «Русское эхо», «Дон», «Подъём», «Простор», «Сура», «Сельская новь», «Молодая гвардия», «Наши современники», «Роман-журнал – XXI век», «Новая книга России» и других, в газетах «Российский писатель», «Литературная Россия», «Литературная газета», в альманахе «День поэзии». Автор пяти сборников стихотворений. Лауреат премии воронежского комсомола имени В.Кубанева, всероссийской литературной премии «Имперская культура» имени Э.Володина. Член Союза писателей России. Живёт в Воронеже.

* * *

Ждёт не стезя, что в прах
исхожена —
Гусиных стай крылатый путь.
И всё добро в котомку сложено,
Осталось узел затянуть.

А есть ещё талы. И старица.
Рассвет... Их некуда девать!
И половодье снова тянется
Сырые щёки целовать...

И так права синичья перезвень...
И утицей манок зовёт...
И, с головой в зелёнке, селезень
Свинцовый воздух грудью рвёт!

* * *

От капельницы — к венам...
Я — зябкой зыбью строк —
В кровь тех, кто мне поверил,
Давно по капле стёк.

Пусть век нудит, неспрошен,
Что не был на виду...
Я никого не брошу,
Когда от вас уйду.

* * *

Что я скажу теперь июлю,
Зовущему под знамя зорь?
Я сам с собой всю ночь воюю,
Поскольку сам – сплошная хворь.

То мёдом хворь кормлю, то ядом...
Но я встаю – и день встаёт.
И всё белеет по левадам,
Гляжу, – дыхание моё...

* * *

*«И Млечные Пути пылят
Вокруг него с боков...»
Сергей Орлов*

Они прозрели все! Ну, что ж...
Но как молчать, скажи:
Они затеяли делёж –
Не поля, не межи!

В шляхетском мороке поляк
Словес пускает пал –
И Млечные Пути пылят
Лишь там, где он ступал!

«Нет, эта пыль, – блажит
  румьн, –
Лишь на моём следу!»
(Не та ли, что – с донских равнин,
В сорок втором году?).

А в двух шагах – глуха, слепа
И в памяти больной –
Братушек ли, братков толпа
Стоит, давясь слоной.

Братушка, да неужто рад
И ты урвать свой кус?
...А Млечные Пути пылят –
Где Сталинград и Курск.

Где всё гремит последний бой,
Будя Европы стыд;
Где под звездой жестяной
Солдат советский спит...

ПОСЛЕДНИЕ СОВЕТСКИЕ ПОЭТЫ

Мы в этот строй никем не
  призваны –
Высоты брать, идти к вершинам.
И писарями мы не признаны,
И – головная боль старшинам.

Не проигравшие сражение,
А просто сданные вожжами,
Полжизни шли из окружения,
А нас, похоже, тут не ждали.

Стать карандашной строчкой
  стёртою
Не страшно: нас судьба вдаввила
В печаль страны рукою твёрдую,
Когда линияли все чернила.

И чьи-то перья в поздней
  резвости
И в памяти скупой, но ясной,
О нас, давно пропавших без
  вести,
Напишут с новой строчки.
  С красной...

* * *

Он и оплёван, и оплакан,
Как старой веры образа,
Но по плевам – не надо лаком,
Не надо грязью – по слезам.

Всё, что случилось, было — с нами,
Мы с этим жили и росли.
Октябрь — и слом, и гром,
— и знамя,
Что до рейхстага донесли.

Пусть говорят: кумач тот выцвел,
Путь — сотней выю перемело.
Но время и «Авроры» выстрел
На жёсткий диск перевело.

И пусть не лжёт учебник
школьный,
Что он забыл и день, и год.
Иначе тот, не барский, Смольный
Сам за себя сказать придёт.

ОКТАБРЬСКИЕ РИФМЫ

Тени деревьев стоят, не лежат,
А вот деревьям — к земле бы
прижаться...
Рифмы уже не в кружок
ворожат —
Вместе словам помогают
держаться.

Могут и пнуть те слова,
и ругнуть, —
Если их жизнь поглядит, как
чужая.
А по ночам холодят мою грудь,
Настежь раскрывую, —
не выстужая...

ПОЛЫНЯ

Господи, темны мои обиды,
Как за перекатом полынья...

А у полыньи той, тихой с виду, —
Ледяные острые края.

Ни метель её не заметает,
Ни пооблетевшие года.
...Понимаю всё, а сердце тянет,
Никого не слушаю, туда.

Эта жажда ищет след копытца,
А не раны вечные Твои...
Господи, как хочется напиться
Сердцу моему — из полыньи!

Стёжки к людям все заледенели.
Падать в темень сердцу — всё
больней.
...Замерзая, встану на колени —
Неужели, Отче, перед ней?

* * *

Идут твои снега — отсюда ли,
сюда ли?
Но вот сюда тебя по кругу
привели.
Где прошлое сквозит январскими
садами —
От всякого жилья, от всех дорог
вдали.

Январские сады и разглядишь
не сразу.
Синеют, будто след, что
полузанесён.
А в мёрзлых почках мир —
большой, зеленоглазый,
Сокрытый до поры — о жизни
смотрит сон.

Шумерское письмо хранит
сорочья наследь.
Но разгадать его — ни времени,
ни сил.

И рвётся дней кино, и ленту клеит
 — насмерть —
 Вишнёвый клей, что ты невесть
 когда скусил.

И на губах ещё горчит кора сырая,
 Как будто говоря: «Не трожь меня,
 не трожь!»
 Но разве жизнь поймёшь...
 И, горечь с губ стирая,
 Невольно все слова привычные
 сотрёшь.

Но можно ведь сказать —
 сорочьими следами...
 Пусть не поймёт словарь,
 зависнет весь Инет.
 И станет всё, чем жил,
 январскими садами,
 Чтоб там, где нет дорог,
 как чей-то след синеть.

* * *

Звала мамона — не пошёл на
 выучку:
 А с кем бы я оставил дома стыд?
 И он теперь спешит ко мне на
 выручку,
 Со мною вместе по ночам не спит.

«А что я — трус? Или сыночек
 маменькин?» —
 Сопит упрямо. Дал же Бог сынка!
 «Я понимаю, — говорит, — что
 маленький;
 Я вырасту! Ты потерпи пока...»

* * *

«И вечный бой!..» Живём мы —
 по стихам:
 У нас и поле, ширясь, наступает,

Оставив деревенским пастухам
 Овраги, прежде бывшие —
 степями.

И речка — через тину, через
 грязь,
 Через бурьян, что прежде был
 покосом, —
 Всё тянет, тянет, тянет, тянет
 связь
 К названьям нашим —
 Омутинкам, Плёсам.

ЗАТЕЯ

Она лукавей, может быть,
 Всех гревших нас затей...
 Всё-всё, что пожелаешь зреть,
 Ты вынешь из Сетей.

И снова в Сети юркнетмышь,
 Чтобы достать улов.
 И это всё ты сохранишь —
 Одним щелчком, без слов.

Как муху — в золотой смоле...
 Но лишь экран погас —
 Ты вновь на горестной земле,
 Живущий только раз.

И слов озноб — как листьев
 дрожь,
 И — солоно щекам...
 И эту новость не сотрёшь
 Одним щелчком, как спам.

И снова рвётся жизни нить,
 И стынет в горле ком.
 И ничего не сохранить
 Без слов, одним щелчком.

* * *

Не надо предъявлять права
 На эту ночь, на куст жасмина...
 По праву древнего родства
 Мы медленно проходим мимо.

Увидев, тронув, в грудь вобрав
 И тьму, и торжество цветенья.
 И никаких не надо прав
 На путь, на правду, на смятенье.

РАЗГОВОР С КУЛИКОМ- ПЕРЕВОЗЧИКОМ

Берег тот — только бледные лозы,
 Этот берег — румяный тальник.
 Ты кого и зачем перевозишь
 Через тёмную реку, кулик?

Вот и кончилось длинное лето
 Тальников и клопящихся лоз.
 Это видно по смятым билетам
 Тех, кого ты уже перевёз.

Ты взлетишь — их поднимет и
носит
 Вихорь, знающий всё наперёд...
 И никто их на память не просит,
 И обратный билет не берёт.

Вот он — жёлтый, забытый —
сплывает,
 Будто вправду не нужен судьбе.
 Перевозчик-кулик, а бывает,
 Что с уплывшим приходят к тебе?

Вот и свой, пожелтевший,
я вынес...
 Даже смятый, в волнах он
мелькал,

Как платочек ажурный... как
вырез,
 Грудь тугим не отдавший шелкам...

Берег тот — только бледные лозы,
 Этот берег — румяный тальник.
 Ты кого и зачем перевозишь
 Через тёмную реку, кулик?

АВТООТВЕТЧИК

Геннадью Ёмкину

Я теперь на озере Песчаном...
 Леска то провиснет, то звенит...
 Говорю болячкам и печалям:
 Даже не пытайтесь мне звонить!

Буду говорить теперь о личном
 Только с неизбывным, только
с ним —

Только по мелодиям синичьим,
 По шумам на линии лесным.

По глубоким колеям
прибрежным,
 По косульим сбивчивым
следам —

А не с надоевшим неизбежным
 И не по свинцовым проводам...

Не нужны мне их ночные
скидки,
 Минусовый их тариф не мил.
 Расплачусь! Ольховых листьев
слитки
 Ветерок вдоль берега намыл.

Да по щучьим поскребу значкам,
 Серебра наплавлю на ветру.
 Номер, что печалям и болячкам
 Сдуру дал, из памяти сотру...

Виктор БРЮХОВЕЦКИЙ

БЕЛЫЕ СТРИЖИ

Рассказы

Виктор Васильевич Брюховецкий родился в 1945 году в г.Алейске Алтайского края. Около 50 лет проработал на опытном заводе государственного института прикладной химии, служил в рядах Советской Армии. Заочно окончил Ленинградский институт авиационного приборостроения по профессии инженер-электромеханик. Поэт, прозаик, член Союза писателей России, автор 14 поэтических книг, более 100 публикаций в отечественных журналах. Лауреат всероссийских литературных премий им. А.Прокофьева, им. А.Невского, Пушкинской (Нью-Йорк), журналов «Москва», «Наши современники», «Нева» и др. Живёт в пос. Кузьмоловском Всеволожского района Ленинградской области.

ГРАЧИ

Всегда, когда берусь писать новый рассказ, я вспоминаю строчки хорошего поэта Николая Старшинова: «...Возможно, об этом писать и не следует, // А может, и следует. Я вот пишу». Действительно — ну кто может сказать: о чём писать следует, а о чём — нет? А коли никто не знает, то я пишу и — да спасут меня эти старшиновские строчки.

У каждого в детстве были свои грачи. У меня они были вот такие.

Давно это было, я ещё совсем маленьким был, лет пяти-шести. Семи лет в школу пошёл, а в ту зиму, помню, отец меня и на улицу, пожалуй, ни разу не пустил. Трудное время было. Тяжело жили. Одни штаны и те разноцветные, как на клоуне. Ни сапог, ни катанок. Вот и сидел я всю суровую сибирскую зиму в глухой, заросшей тугими снегами саманной избушке. Препным хозяином была поставлена эта

избушка косо к ветрам, и заваливали бураны снегами наши окна и двери так, что приходилось моим родителям рыть в снегах целые тоннели, чтобы на простор выйти. Только откапаются, день-другой свежим воздухом подышим, а буран — сызнава. Весело было. Теперь таких буранов не стало, спокойнее зимы пошли. Мягче. Здесь хочу подметить, что самыми буранными у нас были ветры, которые дули с юга. Сейчас не знаю как, но в пятидесятых годах прошлого столетия, когда я только-только начинал познавать этот мир, эти южные ветры были всегда со снегами, с буранами, с грозами и дождями. А вот северные приносили только холод. Я в те годы никак не мог понять стишок — «мороз десятиградусный // трещит в аллеях парка». Как это — десять градусов и трещит? И у меня было представление, что по железнодорожному парку идёт дедушка Мороз и палкой трещит по забору. Балуется...

Отец мне тогда хорошее занятие придумал. Левое плечо у него пулей немецкой было поломано, не работал он нигде, пенсия грошовая, а жить нужно было, вот и вязал он сеги, зимы напролёт вязал. Вязал быстро, а меня научил нитки для него на челнок наматывать. В ходу было шесть челноков. За день он их спускал все. Сначала мне это занятие туго давалось, а потом ничего, обвыкся. Так зиму и жили. Мать — по хозяйству, отец — с сетями, и я при деле.

Но вот приходила весна. Перво-наперво отогревались окна. В хате светлело, бураны стихали, снег мокрел и оседал. Чем выше становилось небо, тем сильнее мне на улицу охота было. И наступал день, когда батя разрешал мне в галошах, подвязанных верёвочками, выйти в снеговую траншею.

Солнце с каждым днем всё круче и круче забиралось на небо, за огородами появлялись первые проплешины чёрной земли. Утренники были ещё крепкими, но держались недолго — солнце яро входило в силу и первыми лучами сбивало со снегового наста ломкую хрустящую корку. И вот, когда однажды в середине дня в первой весенней лужице начинали с громким чириканьем купаться отогревшиеся воробьи, отец откладывал на подоконник челнок и весело говорил:

— Всё, мать! Перезимовали...

А через день, через два прилетали грачи.

За нашими огородами, на полого раскинувшейся гриве, словно огромный сад, располагался берёзовый колок. Берёзы были старые, высоченные. И каждый год на их вершинах гнездились грачи.

Они наваливались на колок чёрным распахнутым веером, и всё оживало.

Снеговая траншея становилась мельче и мельче, плешины оттаявшей земли шире и шире, и, когда на солонцах не оставалось снега, грачи прилетали к нашим огородам.

Наступала пора охоты. Нет, не на уток — на грачей.

Отец доставал из ларя ковш пшеницы, и однажды утром я рассыпал две-три горсти зерна на чёрной плешине как можно ближе к сараю.

Грачи, наверно, не знали, что они съедобные, и смело садились на приманку. Когда их набиралось достаточно, отец оставлял сеть и брал ружьё. Старенькая тульская двустволка! Я смотрел на неё заворожённо и старался вобрать в себя каждое отцово движение. Вот он кладёт ружьё цевьём в левую ладонь и большим пальцем правой руки нажимает чёрную планку — стволы мягко ломаются. Затем он вкладывает в стволы позеленевшие латунные патроны, незаметное движение и — лёгкий щелчок — сломанные стволы становятся на место. Два латунных патрона, такие позеленевшие! и старенькое ружьё, то самое, что висело всю зиму над кроватью, становится в руках отца чем-то таким торжественным и тревожным, что я слышу, как гулко и сильно стучит моё сердце.

Стрелял отец быстро, целился самую малость. Это я запомнил ещё с тех пор и уже потом не раз отмечал батино умение мгновенно реагировать на летящую птицу. Первый весенний дуэлет — и полтора десятка исковерканных дробью грачей оставалось лежать на земле.

Как мне завидовали соседские пацаны! Не все жили так, как мы, но были и такие, и победней. Моё счастье заключалось в том,

что в нашем доме имелось ружьё, а в их домах ружей не было, а у многих и отцов-то не было.

Наверно, не умерли бы мы в тот год с голоду и без грачей, была в доме и картошка, и лук был, а скоро и рыба на столе появилась бы. Но это я так рассуждаю с позиции мужчины, у которого на кухне стоит не пустой холодильник, и жена которого просыпается утром без тяжёлых мыслей — чем же я сегодня детей кормить буду?

Мне не было и семи лет, и не мог я так рассуждать, я просто жил очарованный весенним солнцем, батиной тульской двустволкой и где-то подсознательно ощущал собственную причастность к извечной мужской заботе о хлебе.

Я стоял около стола, на котором лежали убитые грачи. Были они сизые, с чёрными натруженными клювами и серыми узловатыми лапами, испачканными весенним сырým чернозёмом. И не было мне их жалко. Я ещё совсем не знал жизни, чтобы пугаться чужой смерти. Я приоткрывал им веки, глаза у них были чёрные, бездонные, заглядывал в мёртвые зрачки и видел в них своё отражение — изогнутое, как в начищенном самоваре.

ЛЁНЬКА

Лёнъка лежал на сене и ртом ловил муху. Нос у Лёнъки короткий и плоский, губы толстые. Он только что пришёл с пасеки и теперь лежал за домом на сене и

тихо мечтал. Лёнька всегда любил мечтать: он и в школе мечтал, и в армии, а теперь и дома. Мечтал он, мечтал, о чём попало мечтал, вот уже вроде и мечта в струнку выстроилась, красивой стала, и тут, на тебе, муха! И откуда вывернулась? Губы у Лёньки мёдом пахнут, муха сядет на бороду, крыльшками пострижёт, хоботок лапками почешет и — к губе. Забыл Лёнька о чём мечтал, охотиться начал. Лежит, глаза прикрытые, а нервы начеку — муха по губе ползёт, по самому краешку, но Лёнька знает: пока она ползёт — ловить её бесполезно, внимательная. А вот когда остановится и хоботком щупать станет, то всё её внимание в мёд уходит. Гам! — Лёнька шлёпнул губами, муха улетела. Проходит минута-другая, и муха садится снова на бороду... На шестой или седьмой попытке Лёнька хитрость придумал: губы отворил, дырочку маленькую сделал. Вот если бы муха в Лёнькин рот заглянула, тут бы ей и хана была, но муха в дырочку не заглядывала. Из дырочки мёдом не пахло, мёдом пахло на губе, по губе она и топталась. И всё-таки Лёнька муху гамкнул, резко так — гам! — и мухи не стало.

— Тьфу, зараза, — он даже сел от удивления. Только сел, только сплюнул, только глаза распахнул, про муху враз забыл. В конце огорода стояла корова и спокойно жевала молодые подсолнухи.

— Во даёт, а? — Лёнька присвистнул. Корова была чёрная с белыми плешинами, подсолнухи

были зелёными, и ела она их очень аккуратно: не колготилась, не топталась, ровно стояла и только головой поворачивала: налево повернёт — шляпки нету, направо — ещё шляпки нету, а позади неё уже прокос образовался.

— От жисть, полежать не дадут, — Лёнька встал и запустил в корову камнем. Ёкнул коровий бок, и животина, сминая подсолнухи, галопом перемахнула канаву и направилась в луг. Надо бы огород загородить, подумал Лёнька и почесал затылок. Об этой изгороди он думал всегда, когда в огород залезала скотина, и всегда при этом чесал затылок. Почешет затылок, почешет и рукой махнёт. Махнул он рукой и на этот раз.

Лежать больше не хотелось, и Лёнька направился в дом. На крыльце Лёнькиного дома сидел Венька, соседский карапуз. Было Веньке четыре года, бегал он в одной рубашке, сверкал всякими деталями и был постоянно грязный и сопливый.

— Дядя Лёня, исделай мне рогатку, — он держал в руках красный резиновый шланг.

— О, смотри, какая резина хорошая, — Лёнька взял шланг и растянул его. Венька смотрел, как хорошо растягивается шланг и вопросительно ждал.

— Рогатку, говоришь? Рогатку можно, а почему нет? Только давай вот чего сделаем: давай сначала в шланг подуемся, кто кого передует...

У Веньки заблестели глаза. Это же очень интересно — подуться в

шланг. Щёки у Веньки толстые, Венька об этом знает, а вдруг да и передует он дядю Лёню.

Лёнька сел на крыльцо рядом с Венькой, вытер концы шланга о штаны и подал один из них Веньке. Венька с готовностью засунул конец шланга себе в рот и дуть приготовился. Лёнька тоже конец шланга себе в рот засунул.

— Ну, дуи! — скомандовал он, а сам свой конец прикусил зубами и ждёт.

Напыжился Венька и изо всех сил дуть начал. Дует карапуз в шланг, даже уши покраснели, а обмана не чувствует. Дул, дул, а дяде Лёне хоть бы хны, как сидел спокойный, так и сидит, но тоже вроде старается. Устал Венька, дух перевёл. Только снова дуть решил, только воздуху полный живот набрал, а дядя Лёня его опередил, взял да и дунул в Веньку. Венькин организм этого не ожидал. Полезли пузыри из венькиного носа, а Лёнька захотел и на крыльцо повалился от собственного веселья. Венька — в рёв, да к себе домой.

— Эй, стрелок, резину заberi, — покатываясь со смеху, кричал вдогонку Лёнька...

А было Лёньке двадцать шесть лет, и не был он дурачком, а работал в селе пожарным. На шестидесяти рублях.

БЕЛЫЕ СТРИЖИ

В некотором царстве, в некотором государстве, на берегу красивой синей реки жил да был

восьмилетний мальчик Серёжа. Это был обыкновенный мальчик, как и сотни, сотни других мальчиков. Учился этот мальчик в школе, которая была далеко-далеко, в другой деревне. Учился он хорошо, и в школе его все любили.

Но, наверно, случается так в жизни, что те, кто тебя любить не обязан, любят тебя, а вот те, кто должен любить, не любят. Случилось такое и в Серёжиной жизни: дома его любили не все. Мама любила, а папа не любил. Не родной был папа. Серёжа этого не знал, но понимал, что папа его не любит.

Понимать он это стал давно, как только помнил себя, потому что папа никогда не покупал ему игрушек, никогда не гладил его по голове и почти никогда с ним не разговаривал. Случается, что смотрит он на Серёжу, смотрит, а глаза у него такие, как будто и не видит он ничего, как будто в пустоту смотрит. И Серёжа привык к этому. Настолько привык, что и не больно ему было, а если и больно, то только чуть-чуть, самую малость. А ведь если больно чуть-чуть, разве это больно, это совсем не больно. Так и жил мальчик Серёжа со своей маленькой незаметной болью.

И совсем не странно было, что, когда Серёжа был маленький, боль тоже была маленькой, но он подрастал, а с ним подрастала и боль. Однажды он не выдержал и спросил папу:

— Ты почему меня не любишь?

Посмотрел папа на Серёжу и вместо ответа спросил сам:

— А почему я тебя любить должен?

Серёжа этого не знал и ответить на папин вопрос не мог. Так и расстался он с папой — как будто и рядом жили, а как будто и нет.

Может быть, это, а может быть, что иное, только стал замечать Серёжа, что неуютно ему дома, грустно. Но не бывает так, чтобы человеку, пусть и не взрослому, всюду было плохо, где-то ему и хорошо должно быть. Серёже хорошо было на реке.

У этой красивой синей реки и название было красивое — Алей. В других краях такой реки не найти. Течёт она с гор, вода в ней голубая, берега песчаные, и если с одного бока берег пологий, то с другого — обрывистый. Но если берег и обрывистый, то он всё равно песчаный. Вдоль реки над обрывами и по всему дугу тугими островками кустарник разбросан. Такие островки зовутся забочками. Каждая забочка (за боком, значит) название имеет: Первая забочка, Вторая, Леночкина, Панюшовский Круг и ещё, ещё — вплоть до Орлова Мыса. А уж за Орловым Мысом забочки названий не имеют, идут они там до самой Оби одна за другой всливную, тугие да непролазные, перевитые и перекрученные ежевичником и хмелем.

Напротив Серёжиного дома берег на Алее с этого бока был

обрывистым. Каждое утро, как только на востоке расцветал малиновый околыш и начинало вылезать из-за бугра солнце, обрыв светлел, оживал и наполнялся птичьим щебетом. По всему обрывистому пролёту, изогнутому огромной подковой, ежегодно гнездились береговые ласточки, и если посмотреть на этот обрыв с другого берега, то походил он на огромное выгнутое решето, в каждой дырочке которого жили по две птицы. Это были береговушки, а местные жители звали их просто — стрижи.

Когда утром Серёжа приходил к обрыву, в стрижином огромном поселении поднималась тревога, звучали короткие пронзительные крики, и моментально, в считанные секунды в воздухе начиналась суматоха. Воздух вскипал. Сотни птиц покидали свои норки, тревожно кричали и успокаивались лишь тогда, когда Серёжа, спустившись под обрыв, садился на берегу и замирал. Проходила минута, другая, суматоха прекращалась и начиналось самое интересное. Птицы разбирались попарно и, словно привязанные невидимой нитью друг к другу, начинали кружиться у обрыва — пара за парой, пара за парой. По касательной, почти чиркая крыльями песчаный обрыв, какая-нибудь пара делала несколько заходов и потом, словно сговорившись, отлетала к середине реки, круто разворачивалась и на полной скорости, в упор, друг за другом, влетала

в норку. Смотреть на это было интересно. Серёже было непонятно: как это стрижи умудряются среди сотен и сотен одинаковых норок находить именно свою и как это можно на такой скорости влететь друг за другом в маленькую-маленькую норку и не побиться. Однажды он даже спросил об этом у мамы, и мама сказала:

— Стрижи как люди. У каждого стрижа свой дом. Это тебе кажется, что все норки одинаковые, а ты присмотришься и увидишь — это совсем не так. Весь обрыв разный, а стрижи маленькие, они лучше нас видят всякие малости и по этим приметам запоминают свои норки. Вот и всё.

Серёжа маму выслушал и когда внимательней присмотрелся к обрыву, то оказалось, что мама говорила правду: обрыв был весь разный, с выемками, бугорками, и норки были разные.

Стрижи были неугомонными, но иногда они уставали и тогда садились на песок около самого берега. Взлетали они трудно, крылышки у них длинные, лапки короткие, и первое мгновение всегда казалось, что птицу кто-то держит, она бьёт крыльями по песку, барахтается, но взлетает. Стрижи никогда не летали молча, они постоянно разговаривали. Разговор у них нежный, журчащий. Стрижи замолкали к вечеру, когда солнышко валилось к закату. В такое время по всему обрыву начиналась большая охота на мошек. Великое молчание

этой охоты было зримо и слышимо, и Серёжа в такие минуты чувствовал, как всё в нём замирало и его охватывала какая-то непонятная тревога.

Шли дни и однажды Серёжа прибежал домой очень возбуждённый:

— Мама, мама, а белые стрижи бывают?

Мама сказала:

— Нет, белых стрижей не бывает.

— А вот и нет, а вот и бывают!

И он упрямил маму сходить с ним к обрыву. Оказалось, что белые стрижи и правда бывают. Их было два. Белые, словно молоком облитые. Мама развела руками:

— Странно, в самом деле белые.

Дома за ужином, когда пили чай, она сообщила папе:

— Ты знаешь, а Серёжа нашёл белых стрижей. Двух.

— Как это — белых?

— Очень просто. Совершенно белые стрижи. Я сама видела. Летают, как две звёздочки, и, кажется, спаренные. Может, порода какая другая, а?

— Да ну вас, — папа махнул рукой. — Я стрижей всю жизнь знаю, но чтобы белые — не верю.

— А ты проверь, а ты проверь! — вступил в разговор Серёжа. — Они под нами живут, прямо у омута.

Папа усмехнулся и ушёл на крыльцо курить.

В ту ночь Серёжа долго ворочался и всё думал: а вдруг это и взаправду новая порода, выведут

они белых стриженят и навсегда полюбят этот обрыв. Серёжа знал, что стрижи выводят по шесть птенцов, и подсчитал, что года через три-четыре их будет так много, что уже можно будет не бояться — а вдруг да что случится. А пройдёт ещё несколько лет — и по всему обрыву расселятся только белые стрижи. Хорошо-то как! А как же чёрные, их ведь тоже станет больше? Конечно, обрыв большой, и чёрным найдётся место, а в крайнем случае пусть чёрные селятся у Первой забоки, там вон какой обрыв пустует. Серёжа расселял стрижей и так, и этак, и, в общем-то, получалось всё ладно, места хватало всем. Главное, чтоб прижились.

Когда Серёжа проснулся, папа уже пришёл с реки. Серёжин папа, тот самый, который никогда не покупал Серёже игрушек, никогда не гладил Серёжу по голове и почти никогда не разговаривал с Серёжей, ходил на реку смотреть белых Серёжиных стрижей! Уходя на работу, он сказал:

— Видел я твоих стрижей. Интересно...

Теперь чёрные стрижи Серёжу интересовали мало. Их было много. Белых было два и Серёжа очень за них переживал. Он долго боялся: не будут ли чёрные стрижи обижать белых. Но боялся он напрасно, чёрные стрижи белых не обижали, они приняли их в свою стаю как равных, вместе летали над обрывом, щebetали о чём-то известном лишь им

одним, как будто ничего особенного в том, что стрижи были белыми и не было. Белые стрижи, в свою очередь, вели себя мирно, так же, как и чёрные, садились на песок и так же трудно взлетали, ловили по вечерам мошек и ловко пили на лету из реки воду. Норку их Серёжа знал наизусть.

Каждый вечер он рассказывал маме и папе про своих стрижей. Серёжа рассказывал и не замечал того, что замечала мама. А мама замечала, что папа становился каким-то другим в отношении к Серёже. Он внимательно выслушивал эти рассказы, чему-то улыбался и даже разговаривал с Серёжей. В семье поселилась радость.

Но радость была не долгой. Скоро пришло горе. Про белых стрижей узнала вся деревня. На белых стрижей приходили смотреть. Смотрели, смотрели людские глаза на это чудо, и нашёлся-таки в деревне человек, который позарился на белую стрижиную жизнь. Мишке Воропаеву шёл двадцать второй год и работал он трактористом. Потом он будет говорить, что хотел подарить этих стрижей своей девушке. Дурак. Какой ещё девушке? Подарил бы двух кур!

Стрижей он зорил старым известным способом. Делается это просто: берётся проволока с метр длиной, с одной стороны загибается крючок и всё. Потом нужно сесть под обрывом, дожидаться, когда стрижи залетят в норку и быстро заткнуть норку камушком. После этого необходимо хорошо

примоститься на обрыве, вынуть камушек и, прикрывая норку одной рукой, другой при помощи проволочного крючка начать вываживать птиц из гнезда. Если работать крючком осторожно, то стрижи повреждены не будут и достанутся в руки целыми и невредимыми. Если крючком в норке крутить, то стрижей можно попортить, а то и подавить. Первого белого стрижа Мишка задавил.

Серёжа увидел Воропая под обрывом, когда тот пытался достать второго стрижа. Мёртвый стриж белым пятном валялся около Мишкиных ног. Запыхавшийся Серёжа вбежал домой вслед за пришедшим с работы папой. Папа был уже босой, он переодевался. Серёжа тяжело дышал и не мог говорить, но папа понял всё.

Они бежали к обрыву вдвоём — впереди, босиком, папа и сзади Серёжа. Второго стрижа Мишка вынул удачно. Он забросил крючок в Алей и, зажав птицу в кулаке, уже почти вылез из-под обрыва, когда перед ним возник Серёжин папа.

— Отдай стрижа, Михаил! Отпусти!

— Ох, герой! Отпусти! — Мишка был выпивши. — А вот этого не хотел? — и, сложив правый кулак в кукиш, поднёс его к папиному лицу.

Папа был ниже Мишки на голову, и Серёжа понимал, что Мишка сильнее папы и стрижа просто так не отпустит. Мишка тоже знал, что он сильнее, и,

чувствуя своё превосходство, куражился.

— Босой прилетел! Птичку ему... А я вот сейчас её давану — и тю-тю твоей птичке. — Он протянул вперёд левую руку со стрижом и хотел уже показать, как он его задавит. И тогда папа спокойно отвёл Мишкину руку в сторону и залепил Мишке пощёчину. Стриж вылетел. Потом Мишка ударил папу кулаком в губы. Папа пошатнулся, но устоял. Тогда Мишка ударил ещё раз и Серёжа даже не понял, как это получилось, что папа остался на обрыве, а Мишки не стало. Просто папа пригнулся и Мишка упал с обрыва вниз головой.

На следующий день папа на работу не пошёл. Он надел новый костюм, взял у мамы денег и ушёл на железнодорожный разъезд. Вернулся поздно вечером и привёз Серёже новую бамбуковую удочку и целую сетку детских книжек. Книжки были с картинками про птиц и животных. А Серёже сказал:

— Я узнал в городе, эти стрижи — альбиносы. Ты не переживай. Такое бывает и у птиц, и у зверей. Ничего, ничего — и вдруг все белые.

Задавленного стрижа Серёжа похоронил. Оставшийся в живых белый стриж исчез. До самой осени ходил Серёжа к обрыву, но белого стрижа не было. А Мишка до снега в гипсе ходил; когда с обрыва падал, руку сломал. Сломал как-то не хорошо. Ему её два раза складывали, а потом два раза ломали.

Геннадий ЁМКИН

«Я СРОДУ ЧУВСТВА НЕ ТАЮ...»

Геннадий Максимович Ёмкин родился в 1961 году в городе Арзамас (ныне – Саров) Горьковской области. Окончил Лукояновское педагогическое училище, биолого-химический факультет Арзамасского педагогического института им. А. П. Гайдара. Воевал в составе ограниченного контингента войск в Афганистане. Работал инструктором по спорту, преподавателем, инженером, кочегаром, таксистом. Член Союза писателей России. Автор нескольких поэтических сборников и многочисленных журнальных публикаций. Лауреат премии литературного журнала «Арина». В настоящее время трудится в сфере строительства. Живёт в городе Саров Нижегородской области.

СВЕТ ОСЕННИЙ

Римме и Вячеславу Лютым

Там за садами, по оврагам
Сегодня птиц не слышно, нет.
И на листву тишайшим благом
Полуденный ложится свет.

Ещё не канули желанья,
Но, чу! Как будто лития...
И всё же краски увяданья
Созвучны краскам бытия!

Созвучно всё...
И не пристало,
Уничижено и шутя,
Сказать о песне птицы малой:
«Не стоит песен Бытия!»

А дни всё тише, глубже, строже...
Но завтра на листву опять
Прольётся свет Дыханьем
Божьим,
Чтоб без остатка просиять.

РАССВЕЛО

Ночь — напролёт.
И, словно выпрастан...
Зато ни жижи, ни трухи —
Такие за ночь, братцы, выросли,
Верней вросли в мои стихи
Цветы, деревья, птицы разные,
Что — будто вечно жили тут!
Что — за собою солнце красное,
Под белы рученьки ведут!

ПОЭТ

В этих листьях бродит осень.
В этом парке бродит вечер.
А поэт стихи забросил,
И они легли на ветер.

С этим ветром им уютно,
С ним играютя шутя,
И с минуты на минуту
Доберутся до тебя.

Скажут: — Брось своё пустое
И готовку, и шитьё.
Посмотри, всё золотое
В этом парке и — твоё!

Даже нас на ветер бросил
Ради этого поэт,
Бродит там, где бродит осень,
А любимой нет и нет и нет...

ТРИПТИХ

1
... и вспомнилось мне вдруг
Совсем не о любви...
Горбатых дней испуг
Пришедший на крови.

Поскольку героин
В крови детей течёт,
Всё меньше героинь,
Героев — в перечёт.

И от себя побег
Оболганных людей,
И Василиска смех,
И стоны площадей.

Кричали эти дни,
Безбожные насквозь,
О Родине: «Расни!
Озолочу, небось!»

И шли, и распинали,
Под свист теле-бичей.
Кривляясь, те кричали:
— Ты тля! И ты ничей!

Едино возводили
Мамоне пьедестал.
Единое делили,
...Довольно! Я устал!

...и что мне это вдруг —
Совсем не о любви,
Оскалившись, испуг
Вскричал про эти дни?..

2

То в ранешнее время, милый
друг,
Услышать было ангела, пророка
Возможно. Ныне — замкнут круг
Ключом измены на замок
порока.

Ты помнишь, в детстве снег
такой летал!..
А что теперь летает, наважденье?
Вчера я слышал, что парад
настал,

Нет не планет! Содомского
движенья.

Взыграла Бездна мерзостью
земной,
Но видится, что это лишь в
начале...
Яви, Господь, тому, кто встал со
мною
Гоморры против, ангелов с
мечами!

Яви Святых, Всевышний! Сам
явись,
Во огненном сияя облаченье!
Дабы низвергнуть порченное семя
И возвеличить Праведную
Жизнь.

3
Вот говорят, что Крым приплыл
назад,
(А раньше говорили «дело к
ночи»)
И звёзды, словно прежние, горят!
И по церквам иконы мироточат...

Ну, дай-то Бог! Пора вернуть
назад
И Божий Свет, и Воинскую
Доблесть.
Ну, дай-то Бог, что громче
говорят:
— Продолжим, братья,
«Временную повесть»!

О, Родина! О, Русь!
О, Благодать!
Пусти по кругу братину за это,
Чтобы и впредь державно нам
стоять,
Любви согласно, Славе и Заветам.

КУПАВЫ

Цветы!
Я вам с рожденья друг,
Я не играюсь этой ролью.
И потому любой испуг
Ваш принимаю с крайней болью.
Всегда улыбки вам дарю.
Идите, лютики и кашка!
Ну что сторонисься, ромашка?
Я сроду чувства не таю.

И вы живите так всегда
И не стесняйтесь веселиться.
Я стану приходить сюда,
Чтоб с вами радостью делиться.
Я и сейчас сказать готов,
И прежде говорил вам тоже,
Что среди прочих всех цветов,
Мне скромные всего дороже!

2
Я, вот запомнил сон один;
Цветком мне выпало родиться
Неброским, скромным полевым,
Чтоб в человека превратиться.
А в мире на таких сейчас
Идёт охота, гон идёт!
Скажите, нет ли среди вас,
Кто видел сон
Наоборот...

Ну, что качая головой,
Вы проситесь ко мне в объятья?
Конечно, я любому — свой!
Вы все друзья мои и братья!

Живёте выше суеты.
Да вас и сиверко не студит!
Но вот скажите мне, цветы,
А вы не слышали о чуде?
Быть может, кто, когда то вам

Напел: «Давнишнею порою
Здесь парень с девушкой одною
Смеялись, радуясь цветам!»

Шумят:

— О, сколько было их!
И все прошли, смеясь, играя...
— Не говорите о других!
Она одна была такая!
Ну что кивая головой,
Вы снова проситесь в объятия?
Конечно, я любому свой.
Но я прошу вас, вспоминайте!

3

Семнадцать лет...
Июнь в цвету...
Живая будто бы картина.
И звать единственную ту
Волшебным именем —
Марина...

Всё было много лет назад;
Сгуচ্ছে красок, тихий вечер...
Волшебно — жить и забывать,
Что кто-то есть ещё на свете...
Идти по полю до конца,
А поле длится, длится, длится...
И светлый локон у лица,
И невозможное случится
Уже вот-вот...

...она просила,
Освобождая локоток,
Ну что ты... нет...
И теребила,
Смущаясь, светлый завиток.

Закат горел что было сил.
Но сил и красок стало мало.
И тёмно-синий цвет сдавил
Его до кромки узкой алой.

И тихо...
Словно мир родился...
Но не придуманы слова...
И только локон шевелился,
Дыханьем движимый едва...

4

Я рад, что с вами здесь стою
Душица, мята и цикорий!
От вас ни капли не таю,
А вспоминаю про такое.

Об этом с кем и говорить...
«На люди» это не выносят.
За это нынче станут бить!
И потому все маски носят.

И только вам
Скажу сейчас,
Что в этом мире я на грани...
А в самый рост и в самый раз
Мне с вами, лотики, герани.

А там —
Неладное вокруг,
Любой себе — оракул, лидер!
Мои цветы! А всё же вдруг
Вот ту, из чуда, кто-то видел?

.....

И увели цветы меня
На луговину у дубравы,
Где долго любовался я
На скромные цветы купавы.

ПОЛНОЧЬ

Часы молчат.
Уснули зеркала.
Волшебное, мой друг, царит,
витает...

Всё через «полу...»: сон,
сквозняк, луна
В полуоткрытый флигель
затекают.

Упали полутени из окон,
За полумраком штор —
полувиденья.
А волшебство всего лишь —
полутронь,
Оно стужится до стихотворенья.

Полночь тиха...
Но мысли, чувства, взгляд
Не укроти! Позволь им не
сдержаться!
Подставь ладони, в них слова
слетят,
Что только полуслышатся и
мнутся...

* * *

Как это можно — слова
не любить?
Как это можно — стихи
не писать?
Птицей немой в поднебесье
кружить.
Как же мне птицам об этом
сказать?

Чтобы огненные запеть —
не стремиться!
Чтобы на горло — молчанья
печать!
Птице от этого надо
разбиться!
Птице за этим не надо
родиться!
Надо — убитой по небу летать.

Сергей ПЫЛЁВ

МАТУШКА

Повесть

Сергей Прокофьевич Пылёв родился в 1948 году в городе Коростень (Украина). Окончил филологический факультет Воронежского государственного университета. Служил в Советской Армии, работал электриком, грузчиком, редактором отдела прозы журнала «Подъём», главным редактором журнала «Воронеж». Член Союза писателей России, автор 10 книг прозы. Публиковался в журналах «Москва», «Берега», «Молоко», «Север» и др. Лауреат премии «Кальцовский край». Награждён медалью общественного Совета ВДВ России «За верность долгу и Отечеству». Живёт в Воронеже.

Так радостно установилось у матушки Валентины, чтобы ей летом всякий раз просыпаться ещё до зари, в изначалье дня: как говорила бабушка — «до свету». Когда на часах около четырёх.

И тогда у тебя на глазах начинается то великое, чудное сотворение светлого неба и безвидной, пока ещё будто бы пустой земли, зеленеющих трав, а также древ плодовых, в раскидистые ветви которых словно только что Бог любяще пустил «всякую птицу пернатую». И её, Валентины, «душу живую», как новоявленную.

И вот наконец в это сокровенное предутренье вступает Солнце. Заботливо оглядывает мир через край горизонта. Так радостно встретить его улыбкой... Сегодня же матушка, проснувшись, едва не вскрикнула от боли: она вспомнила, что днями в её жизни появился некий Родион Романович Володин.

Вошёл, внеся ощущение тревожного смятения. Точно срок пришёл, и началась для неё та испытательная пора, которая редкую женщину обходит стороной, требовательно, взыскующе повелевая ей страдательно пережить предусмотренное. Ибо так почему-то надо.

С Володиным матушка Валентина познакомилась на днях в областной детской больнице на заседании Попечительского совета у главного врача. Хотя слово «познакомилась» не совсем уместно. Даже вовсе неуместно. Главный врач Илья Сергеевич Гнездилов лишь представил их друг другу, блюдя протокольную обязанность. Как, кстати, представил Володина и всем тем членам Попечительского совета, кто в тот поздний вечер собрался у него в кабинете на совещание: включая первого зама мэра Владимира Петровича Четвертакова, разнокалиберных депутатов и обоиму близких к власти, своих, прирученных бизнесменов, а также двух колоритных «вумен» с внешностью фотомоделей.

И ведь произошло всё это с особой искуственной дерзостью — именно под день пятнадцатой годовщины их венчания с мужем. Она, любящая жена, каждодневно живущая делами своего милейшего батюшки Романа, вдруг ощутила со стыдом, с неприязнью к самой себе повышенный интерес к постороннему человеку, практически незнакомому мужчине...

Последнее время матушка Валентина словно предчувствовала наперёд со смутной опаской, что в её жизнь вот-вот просочится некая сумятица, а то и, не дай Бог, нежданная беда. Так было у неё перед рождением их позднего, вымоленного единственного ребёнка, Ангелинушки. И тогда её страхи оказались не напрасными. Ей рожать приспело под 1 Мая: уже воды отошли, а врачи и медсёстры на поляне перед больницей шашлыки организовали. Когда спохватились о рождении, ребёнок в ней уже перевернулся. Начали щипцами тянуть, так он ножкой застрял. Вот так нескладно, с болью и пришла в этот мир восемь лет назад их Ангелинушка. Росла медленно, не говорила и словно бы, так ещё и не покинув мать, жила в том особом, нутряном мире, как в коконе. Всякие диагнозы на ней перепробовали врачи, пока через несколько лет не объявили «аутёнком». Правда, этот диагноз то подтверждался одними знаменитостями, то отрицался другими, не менее знаменитыми. Отец Роман с дочерью какие только святые православные места не посетили, но речь у Ангелины не объявлялась. Лишь порой прорывались звуки каприза или слёзного завывания. Ничего не изменили ни уколы кортексина, ни дорогущий нэирофитбэк, ни высокочастотные токи или сенсорная французская Томатис-терапия. Они её дважды проходили: первый раз в Украине, а недавно в благотворительной

бельгийской клинике, — и тогда впервые появился у Анжелины какой-то смутный, путанный интерес к окружающей жизни, невнятно прозвучали первые исковерканные слова, но тем и закончилось, — уже через пару дней всё это приглохло.

И теперь вот — Володин... Хотя они ещё толком и познакомиться не успели, но она чувствовала, что невольно выделяет этого человека среди всех. Это тревожило её все больше и больше. Наконец волнение Валентины объявилось и в её снах. То приснится матушке, что потолок у них в квартире на головы падает, то их город исчез, а всюду на его месте плещется сияющая ярко-синяя вода. Днями так и во все видела она себя замерзающей насмерть в бескрайней снежной степи. Как матушка, Валентина не дерзнула прибегнуть к помощи «Сонника», но и равнодушно отмахнуться от таких ночных испытаний не могла. Они всё острее терзали её.

Хотела открыться подруге, матушке Ольге, но вовремя нашлись правильные причины этого не делать. По крайней мере, пока. Что она сможет ей сказать? В чём открыться? Ведь пока одна смутная блажь.

Однажды ей даже показалось, что и Анжелина, Бог знает как, углядела в матери её потаённые страхи. И это материнское волнение каким-то образом передалось девочке. Последнее время матушка Валентина всё чаще

замечала на себе остановившийся, скорбный взгляд дочери.

А тут ещё пугающе заявил о себе тот факт, что матушка Валентина исповедовалась мужу. Такое редко случается в священнических семьях, но у них это повелось по необходимости ещё с той поры, когда Роман после рукоположения первые три года служил в глухом сельском храме, куда автолавка добиралась раз в месяц. Так и повелось, так было и поныне. Отец Роман каждый раз так вдохновенно наделал епитрахиль и так чутко, так бережно, но в тоже время столь взыскующе исповедовал жену, с благодатным усердием помогая исторжению мучительной тяжести греховной нечистоты, что она нередко, склонив голову над Евангелием, плакала от умиления перед всесвятой силой Господа нашего.

Одним словом, вопрос, у кого исповедоваться матушке, был особой тонкости. И сейчас, может быть, как никогда до сих пор, поставил её в тупик. Привычное, определённое ими время покаяния приближалось.

Она как исповедь сама себе устроила с пристрастием: «Ты влюблена в этого Володина? Нет! Он хотя бы нравится тебе? Нет! А что же ты маешься? Не знаю. Врёшь! Вру. И вру, потому что не могу толком объяснить своего состояния...»

Валентина с самого детства знала насчёт себя, что будет матушкой, и никак иначе. Другой жизни в роду Покровских у девочек

никогда не было. Её не смущали вопросы, какие обычно волнуют мирянок, собравшихся стать жёнами батюшек: среди первых та, что жизнь матушки — бесконечное ожидание мужа. Её тётя, недавно ещё игуменья здешнего Казанского Свято-Богородичного монастыря матушка Софья, ныне возглавлявшая женсовет, не раз говорила: «На совести жены священника души всех тех людей, которых он не смог утешить из-за их семейных нестроений. Матушка — это есть истинный камертон: какой тон с утра задаст батюшке, так день у него и пройдёт. Порой достаточно одного недовольного выражения лица жены, чтобы испортить на весь день настроение мужу. А священнику, как никому, необходимо благостное состояние духа, чтобы щедро дарить радость о Господе всем, приходящим к Нему».

Пятнадцать лет назад в старинном храме Успения Пресвятой Богородицы на светлой Пасхальной службе Валентина вмиг стыдливо влюбилась в читавшего на клиросе сочным, рокочущим баском прыщавенького тощего дылду-семинариста. С той поры он не нарадуется на свою Валентину. И словно впритык не видит мирянок, годами тоскливо страдающих по статному батюшке: ростом отец Роман вымахал с нападающего волейбольной команды; в плечах сажень косая, а лицом поныне мило-детским светел, как озарённый, притом

радостно кроток и застенчив в каждом слове.

Так и сошлись два молодых человека из старинных священнических семей: Покровские и Яковлевы. Прапрадед отца Романа Фёдор Яковлев недавно был причислен к лику священномучеников для общецерковного почитания. Был он из семьи сельского пономаря, и воспитан с малолетства в православном благочестии. Увлёкшись научными успехами начавшегося двадцатого века, обучался на физико-математическом факультете университета, а ещё, от ненасытности к знаниям, — в сельскохозяйственном институте. В науках славно преуспевал. Но когда объявилось повсеместное поругание веры, принял в защиту и укрепление её дерзкое решение наперекор властям: бывший красноармеец, бывший милиционер Фёдор Яковлев в самый разгар гонений на Церковь стал священником. А летом 1930 года был осуждён и расстрелян без доказанной вины за какой-то вымышленный заговор.

А вот прапрадедушка Валентины батюшка Владимир Покровский, кандидат богословия, был ещё до Первой мировой настоятелем кафедрального собора Преображения Господня. Это он устроил при храме странноприимный дом, в войну приютивший с фронта увечных инвалидов, а в эпидемию сыпного тифа помогал собирать средства для больных. Кроме всего прочего, был законоучителем в женском

Епархиальном училище и в мужской гимназии, организовал духовные воскресные чтения. Его проповеди не раз печатались в здешних «Епархиальных ведомостях». Прапрадедушка, по преданию, обладал особенным даром слова, и отец Валентины батюшка Пётр на всю жизнь с раннего детства запомнил его особо любимое выражение, какое тот нередко повторял на разрешительной проповеди: «Сейчас мы беззаконие пьём как воду, Господи, утверди веру!» Оно по сей день волновало его душу: как просто, и как много этим сказано...

Священничество никогда не было утрачено в их семье: и ныне её отец благочинный Пётр Покровский вместе с Романом Яковлевым какой уже год сослужат в кафедральном пятиглавом соборе Преображения Господня. Том самом, про который и здешние клирики, и миряне важно пошучивают, что его могучий, бодрый-благовествующий перезвон при хорошей лёгкой погоде в самой Москве, коли прислушаться, так внятно слышать. Оттого было замечательно заведено у них в семье, что, прийдя домой, батюшка Роман с аховой высоты своего знатного, колокольного роста, подтверждённого древнерусской косой саженью в плечах, первым делом как бы мимоходом, но всё равно весьма значительно, мудро интересовался:

— Что, матушка, слыхала нынче наш литургический перезвон? Такой славный да весёлый

состоялся! Так во все девять душевных, аки живых колоколов!

Её же ответ всегда был обязательно новый и такой, словно отвечая про их разнокалиберных громовержцев, славно отлитых по точной рецептуре старины, она сообщала, в каком настроении сама провела день и с чем на душе встречает вернувшегося из храма, как с небес сошедшего, просветлённого службой мужа:

— Вот же, Ромушка! А как ещё! Они сегодня так порадовали меня, слов нет. Такой говор был красивый, весёлый, точно на Святой неделе!

Дом священника — это его домашняя церковь, его келейная, где он насыщается силами, где размышляет, молится и готовится к храмовому служению. Добрая жена — его тыл, помога в несении креста иерейского. Сонаследница благодатной молитвенной жизни.

Перед венчанием Роман и Валентина поехали за благословением в края Псковские, к старцу Николаю Гурьянову на остров Залит — тот между паломниками имел название острова Божественной любви. К Гурьянову советские власти тогда народ ещё без напряжения допускали, поперву толком не поняв сути его прозрений. Добирались сюда люди со всей России испросить провидческого совета.

Был конец марта, день густо-солнечный, осиянный, и словно бы радостно гулкий. Роман с Валентиной дошли к дому старца

напрямик через блиставшее ледяной синью озеро. Даже шутили дорогой, несмотря на особенный момент. Наперегонки друг с другом порывались скользить по матёрому глубинному льду. Одним словом, оба несносно волновались.

Николай Гурьянов открыл им двери, прежде чем они успели постучаться к нему. Сквозняк аккуратно встревожил его пушистые седые власа, точно вокруг старческого лица небесный нимб воссиял.

— Голубкам моим на кормушку пшеница сыпанули? — спросил бодро, любезно.

Только добрые люди наперёд просветили Романа и Валентину, что такую мелочь надо обязательно исполнить самим без напоминания.

— А то! — мальчишески засмеялся Роман да тотчас смиренно запунцовел от внезапного смущения.

Улыбнулся старец, аккуратно поставил самоварчик с грушёвой щепой, тягу поющую наладил и скоро чай определил с мелкими сухариками.

Да под него вдруг проговорил неожиданно:

— Ну что, парень, показать будущую жену приехал?

Роман растерялся:

— Наказа вашего на брак нам бы испросить...

— Молодец. Так что длинного разговора у нас не будет. Красавицу в жёны берёшь, но опаски тебе от неё не будет. В монахи

подаваться не придётся. Всё у вас идёт и будет идти своим добрым чередом, коли ваше Боголюбие не оскудеет. А за посещение неприятностей не огорчайтесь: это спутники жизни во имя нашего духовного оздоровления. Верующий человек, он должен любвеобильно относиться ко всему, что его окружает. Любвеобильно!

А на прощание взял за руки Валентину:

— Знаешь, дева, что это такое быть матушкой? Она как есть мать всего прихода. А путь священника труден. И лёгких не бывает. Его путь — всегда путь крестный. В общем, будет тебе испытание... Попозже... Не забудешь про меня — дам сил. Так что, может, и устоишь. Вдвоём как нам не справиться?..

Словно во исполнение слов Святого апостола: «...кто не умеет управлять собственным домом, тот будет ли пещись о Церкви Божией», Роман и Валентина как сроднились с домашним церковным порядком. Роман, возвратившись со службы, малость передохнув, принимался с женой на пару за пение акафистов. А когда вдруг оказывалась этому непреложная помеха, так они печально скучали. За делами домашними и женсоветовскими Валентина радовалась, если складывалось у неё успеть покормить супруга между службами, бдительно следила за состоянием его рясы и подрясника, всегда вовремя успевала подшить ему новые, свежие,

сияющие лаковой белизной подворотнички.

Только бывает, что и у них порой не обходится без житейских контроверз.

— Что-то вы, батюшка, последнее время стали часто менять подворотнички? Откуда такая повышенная озабоченность своим внешним видом? — аккуратно нагрешит Валентина.

Роман всплеснёт руками:

— В храме после зимы вентиляция плохо работает. Все двери распахнём — всё душно. Плюс влюблённость в тебя то и дело кидает меня в эдакий жар...

— А мне был другой тайный доклад именно насчёт вас... — смущённо приотвернётся Валентина. — У меня, прости Господи, есть свои шпионы! Шутка, конечно. Только кое-кто настойчиво шепчется, будто последнее время околицерковные «дамочки» вас особенно плотно окружили. С тех пор как я стала отвлекаться на разные дела в женсовете. Ох, весьма опасны эти девы! Тут непростые материи взаимодействуют. Ибо дочери такой желается верить и надеяться, что станет она соучастницей великих трудов батюшки. Вот он, сияющий, выходит из алтаря, а полученная им там пресветлая Благодать обильно изливается и на неё. А между собой они страсть как любят поговорить о том, будто матушка-де мешает церковному служению «нашего дорогого батюшки». Имена тебе таких наших рясофилок назвать?

— Пустое. Не беспокойся, душа моя, я блюду должный порядок, — вздохнёт отец Роман.

Матушка Валентина, как бы желая переменить тему, всыскательно оглядит фиолетовую камилавку, которой её мужа наградил митрополит Никодим. Кажется, ни пятнышка, вся бархатно сияет.

— Поверь, батюшка, я предлагала им подключиться к работе нашего женсовета... — разведёт руками Валентина. — Но конкретные дела, ответственные, не всех интересуют. Некоторые любят придумывать всякие несущественные занятия в храме и на приходе, только чтобы быть рядом с вами. Я уверена, они уже давно освоили послушание кормить вас вместо жены между службами, если я вдруг в женсовете зарапортуюсь и запоздаю с вашими любимыми пирогами с капустой и луком.

— Сие истинно так и доподлинно есть... — особенно старательно, внятно перекрестится отец Роман. — Спаси, Господи...

Но в этот раз в таком их привычном и безобидном разговоре Валентину как-то ни с того ни с сего вдруг занесло:

— Дайте, я вам сама скажу на этот счёт своим простым бабским языком! — заалелась она. — Эти дамочки скоро захотят встрять сопomoшницами в мои домашние, а то и, прости Господи, в супружеские обязанности. А всё от неосознаваемой влюблённости в вас!

— Женщин подобных следует гнать палками, как Христос торговцев из храма... — строго объявил отец Роман. — Знаемо, порой ряса для них не менее притягательна, чем мундир офицера. Но давай диалектики ради осмотрим этот вопрос наших с тобой отношений во всей его содержательной многогранной полноте. Мы редко по-настоящему видимся, редко вместе отдыхаем. Я в храме, на приходе, а ты сама по себе в женсовете или дома. Так вот... Разве я тебя испытываю мучительными требованиями типа житейской грешной ревности? Мол, а не было ли у тебя, Валюша, за все наши годы хотя бы малого искушения, скажем, на дружбу с каким-нибудь интересным человеком мужского пола? Не согрела ли тебя хоть раз пусть и зыбкая, но так-таки реальная влюблённость в другого кавалера? Эдакое невесомое, вроде как беспредметное очарование? Тихонькое, уютное... Чтобы чувства твои сугубо женские малость оживить...

Валентина растерянно замолчала. Как осеклась.

Ей стало больно, боль по всей груди разлилась оттого, что подобное вопрошание мужа насчёт «интересного человека» пусть и интуитивно, но вот же практически проявилось. И не на пустом месте. Словно за ней незримо уже грешок есть, пусть пока лишь паутинкой тянется.

Володин...

Тут батюшка Роман и сам через такие свои твёрдые, ёмкие

слова с нажимом почему-то отчаянно смутился. Он словно почувствовал неуклюжую беспардонность своего неловкого желания проникнуть, пусть и под прикрытием шутки, в ту сокровищницу заветную женских чувств, где неприлично присутствие даже самого близкого человека.

— Прости, матушка... — потупился Роман. — Не куксись.

«Прости, Господи, и помилуй!» — строго вскрикнула про себя Валентина.

До сих пор её семью миновали обычные испытания, какие, случается, претерпевает немалая часть молодых (и не только) батюшек с их матушками. Первая причина неодолимая — священник тот же военный: куда пошлют, туда и поедет, взяв под козырёк. Вон ведь муж Оли отец Андрей первое время вообще служил в армейской штабной палатке. А прихожан на селе всего ничего. Само собой, причта практически нет, хора нет. В общем, начинали с нуля. Всё свободное время уходило на ремонт в храме. Оля поначалу во всём соучаствовала: окна красить, на колокольню лезть выметать застарелый помёт голубиный, крышу латать. Поселили их в неказистой избушке-развалюшке на курьих ножках с забытыми ставнями. Так поперву она ахнула отчаянно. На что отец Андрей тогда строго глухо сказал: «Нам с тобой ничего не надо: не надо ковров, хрусталей, мы будем жить скромно: носить воду, топить русскую

печку, ладить просфоры». Он был счастлив нести сей крест. А Оля?.. Когда родился первый их ребёнок, стало так сложно, что она в отчаянии вдруг бросила мужа и умчалась туда, где в областном центре в роскошной пятикомнатной «сталинке» мама, депутат областной Думы, и папа, отставной генерал некогда всеотличного КГБ СССР, терпеливо ждали возвращения своей «схватившей» на религии дочки...

Только, несмотря ни на что, поньне есть девочки, мечтающие женить на себе будущих священников, которые, по их мечтательности, будут непременно служить в приходе ни мало ни много на Рублёвке, ездить в дорогой иномарке, отдыхать на Сейшелах. Вот и летят они как мотыльки на свет в регентские и иконописные классы, устраиваются на любую работу в семинарии, старательно ходят на здешние храмовые службы, чтобы их заметили... Знающие, что к чему люди насмешливо зовут их «хабээмками» («хочу быть матушкой») или «хабэшками» («хочу батюшку»). И они нередко успешно достигают своего. Известное дело: семинарист, если не вдохновился монашеством, обязан жениться до рукоположения в сан. И где же он, сердешный, найдёт себе невесту? На сайте знакомств в Интернете или на дискотеке?

А толку что? Об этом почему-то мало кто задумывается. И вот потом у некоторых таких умных девочек начинаются отрезвляющие будни...

Оля со школы видела себя ни мало ни много современной Марией Склодовской-Кюри. Окончила с красным дипломом физико-математический факультет университета. Искала места в Курчатовском институте, чтобы заняться проблемами «термояда». А нашла в бывшей «Ленинке» своего Андрея за чтением древних новгородских летописей. Был он в те ельцинские времена студентом лестеха, играл на гитаре песни Ножкина, вступил в Компартию, и прямой путь ему лежал в Белый дом под танковые снаряды или пули снайпера с крыши американского посольства. Только кто-то на очередном митинге Андрею голову разбил бейсбольной битой, когда он кинулся на БТР взахлёб, оглашённо орать, чтобы народу вернули СССР! Прямо Ильич, призывающий солдат, матросов и рабочих к мировой революции с броневика на площади у Финского вокзала.

А зимой девяносто четвёртого вдруг куда-то странно исчез Андрей, когда они уже три месяца как поженились. Искала его Оля, как и водится, по моргам, больницам, отделам милиции. Наконец её отец, Николай Семёнович, подключил прежние кэзэбистские связи и вскоре объявил дочери, что муж её жив-здоров и скоро будет рядом с ней. Правда, эту новость проговорил он сухо, чуть ли не раздражённо.

Через месяц Андрей вернулся. Вернулся уже верующим человеком. Всё это время он жил

трудником в Оптиной пустыни, под Козельском. Оля чуть с ума не сошла. Перед ней стоял совсем другой человек, чужой. Но с какими-то непривычно сияющими глазами... Вот и началось тогда: Андрей стал в храме пономарём, чтецом, позже ему поручили воскресную школу.

Оля чувствовала себя не просто брошенной: Андрей словно предал её. И ради идеи, которую она совершенно не принимала. Попыталась успокоить себя, что это у него временная дань моде. Тогда словно поветрие такое пошло. Даже высшие руководители, бывшие яростные атеисты, взяли себе в правило по воскресеньям стоять на лучшем месте у алтаря с грустно капающими воском свечечками. Правда, потом эта их храмовая суета у большинства заметно поулеглась. Вот и Оля обнадёжила себя, что сойдёт сия блажь с Андрея, опять возьмётся он за гитару: вон какие известные барды ему посейчас нет-нет да и звонят, своего в нём видят.

— Разве я, Андрюшенька, против Господа? Или тебя осуждаю в вере?... — всплакалась Оля. — Но нет его во мне. Не забывай, я дочь генерала КГБ!

— Они там тоже разные всякие, прости Господи... — поморщился Андрей, взволнованно оглаживая свою рано начавшую сесть и местами желтеть жиденькую раскидистую бородёнку.

Как бы там ни было, но когда три года назад при епархии

организовали женсовет, матушка Валентина чуть ли не первой вызвалась исполнять в нём послушание: по благословению митрополита в Неделю жён-мироносиц провести День православной женщины. Само собой, с пасхальной благотворительной ярмаркой, разными весёлыми представлениями и песнями. Оля ни убедить, ни уговорить, ни умастить себя не дала, — так и осталась в стороне, живя сама по себе в своём сокрытом страдании.

Отец Роман поправил свою косичку, чтобы та не торчала на затылке как фига, и сообразительно поцеловал у Валентины руку:

— Только, матушка, ты, пожалуйста, за всеми своими славными женсоветовскими заботами постарайся не забыть о скором юбилее нашего венчания. Он у нас уже на следующей неделе?

— А как же... — приобняла мужа Валентина. — Пятнадцать лет, милый, мы вместе! Пятнадцать самых счастливых лет в моей жизни.

— Пора бы нам определиться с гостями. Кого будем на этот раз звать? — вдумчиво сощурился отец Роман.

— Как это кого, милый батюшка? — смутилась Валентина. — Как всегда всех наших. Родителей, твоих братьев, моих сестриц, обязательно Олю с Андреем, матушку Софью...

— Да, да... — покивал отец Роман. — Только матушка Софья на

этот раз вряд ли придёт. Я слышал, она уже не встаёт. Храни её Господь. Как-никак девяносто седьмой год человеку пошёл. Мы завтра же проведаем её.

Они оба союзно вздохнули.

— Одна наготовить на такое сообщество управишься? — улыбнулся отец Роман.

— А что, кто-то из твоих прихожанок мне в помощницы напрашивается?... — взволнованно засмеялась Валентина. — Одна всё отлажу. А где надо, так и наша Ангелина присоединится ко мне. Что сможет доченька — поможет.

Роман взял руку жены, нежно погладил и аккуратно приложил к щеке:

— А как ты отнесёшься, если я к этой замечательной компании так-таки присочиню двух незнакомцев? За порядочность их ручаюсь. Пусть в нашей устоявшейся и чуточку старомодной компании дохнёт свежий ветерок.

— Да ради Бога! А кто они?

— Оба из Москвы. Значит так, один — это иеромонах Василий Правдолюбов. Он же — молодой, но уже известный писатель. Будет у нас в университетах рассказывать о вере православной и современных семейных проблемах.

— Замечательно, — покивала Валентина. — Я так буду рада с ним познакомиться! Только скажу тебе честно, милый мой батюшка, если его проповеди и в самом деле помогают скрепить семейные узы, так надо его и к нам

в женсовет зазвать. Давай будем прямо смотреть правде в глаза: немало наших священников весьма молодого возраста остались одни без всякого права на вторую семью — сбежали от них матушки, не выдержали испытания. Не дождались роскошных лимузинов и замков в Англии.

— Не суди, да не судим будешь... — нагнул голову отец Роман. — Оно так. Воин Христов второй раз жениться не может. Второбрачие ведёт к извержению из сана. Но давай я продолжу насчёт праздника.

— Конечно, мой хороший. Итак, кто же второй гость, который нацелился к нам отведать моих пирогов?

Отец Роман вдохновенно зажмурился, показывая свой умильный восторг перед знатной снедью Валентины.

— Второй из столичных известных предпринимателей... Он спонсирует отца Василия: издание книг, выступления. И разное прочее.

— Тебе бы такого добродетеля... — улыбнулась Валентина. — Хотя бы полы в храме перестелить. Того и гляди провалятся. Уже скрипом своим певчих заглушают!

— Верно, Валюша. Да, так... — сконфузился отец Роман. — Но чего я пожелал бы прежде всего, так это микроавтобус. Чтобы инвалидов и больных, особенно детишек, хотя бы на большие праздники привозить в храм...

Да к кому только не обращался, кому не кланялся...

— Боженька не оставит тебя своим милосердием... — поцеловала Валентина руку мужа. — А что за фамилия у второго нашего нового гостя? Ты что-то так и не сказал.

— Каюсь, забыл... Засуетился что-то и должным образом не вник. А мне же называли его. Вот голова садовая... Волков? Одинцов? Нет. Не то. Может быть, Воронов?

— Не Володин ли?.. — вдруг проговорила матушка, будто подчиняясь какой-то потаённой интуиции.

— Точно! — обрадовался отец Роман. — Облегчила мне душу! Вот умница. Володин. Родион Романович!

Однако Валентине даже немного страшно стало, что она так влёт взяла да и угадала.

— Вот это да!.. — тщательно перекрестился отец Роман. — Прости Господи, ты, матушка, не имела ли в роду каких-нибудь знаменитых вольфов мессингов?

— Вот уж нет... — сконфузилась Валентина и наморщила лоб тонкими, паутинными морщинами, как это всегда бывало с ней, когда её охватывало необъяснимое сильное смущение. — А твоего Володина я, кажется, немного знаю. Если только это не однофамилец.

— Что-то мы разрозвелись, — бережно насторожился отец Роман. — Не давление у тебя

поднялось?.. Принести тонометр, Вальшечка?

— Это так. Пустяки. Не волнуйся.

Она собиралась сказать, как это у неё уже давно вошло в привычку в домашнем разговоре «Не волнуйся, милый», но почему-то именно сейчас на слове «милый» вдруг тормознулась и по непонятной причине его опустила. Или это через того самого Володина она в такое категорическое смущение озадаченно вошла?

Родион Романович Володин, московский олигарх средней руки, которого пока ещё не упоминали в российской версии журнала Forbes, но это явно было не за горами, недавно открыл в их городе строительный бизнес. Московского, «инопланетного» в нём было на первый взгляд разве что аристократический лондонский костюм под военную выправку от легендарных мастеров со знаменитой улицы Сэвил Роу, словно Володина пригласили на фотосессию для мужского журнала. Да ещё манера, сходная с привычкой столичного мэра Сергея Собянина, отдельные свои наиболее важные слова подтверждать короткой отмашкой правой руки. При всём притом голос у Володина был тихий, мягкий, даже аккуратный. Но к нему почему-то невозможно было не прислушаться и почти невозможно было возразить. Обращало внимание ещё и то, что у него под короткой боксёрской причёской было лицо взрослого мальчика, правда, который не

сегодня-завтра начнёт ускоренно стареть. Он не был красив, но производил впечатление: чёткие скулы и как подрезанный подбородок спортсмена, женские голубые глаза с «крылатыми» ресницами и романтические чёткие морщины на щеках, словно результат серьёзных испытаний, им пережитых. Понятно, что он невольно притягивал чужие взгляды, само собой, в первую очередь женские.

Увидев первый раз Володина на том совещании Попечительского совета, главный врач внимательно пригляделся к нему как бы в поисках источника той особой гравитации, исходившей от этого человека, которую он тотчас ощутил и на себе. Вряд ли этим источником могли быть серьёзные миллиарды Родиона Романовича. Скорее, его необычные увлечения. Поговаривали, что он с мальчишеской безбашенностью помешан на авиации и высшем пилотаже. Его шестимиллионный воздушный акробат «Интеравиа» И-3, любимый даже пилотами реактивных истребителей пятого поколения, никогда не стоял подолгу на лётном поле, скорбно зачехлённый в ожидании хозяина. Трудно сказать, что искал и находил, если находил, в небе Родион Романович. Молодёжный миф про будоражащий вброс адреналина в кровь в этом случае ничего не объяснял. Даже профессиональные военные лётчики из знаменитой пилотажной группы «Стрижи», первые

друзья-сотоварищи Володина, не могли объяснить его жадную, ошалелую тягу рвать небо трёхлопастным пропеллером своего «ишачка», кидая этот бело-алый рычащий «ястребок» то в восходящий по петле иммельман, то опрокидываясь в стремительной мёртвой петле или вёртко сваливаясь в смертельный вираж штопора, который всегда может стать последним.

Вечерний, поздний час тогдашнего делового совещания у главного врача был определён особым стилем руководства Четвертакова как высокопоставленного чиновника муниципальной службы. Он, во-первых, тем самым подчёркивал масштабность своей деятельности, которой явно недостаёт времени суток, во-вторых, он этим напоминал, кто в городе хозяин. Вопрос его перемены на должность мэра по всему мог решиться в самое ближайшее время.

Усиливали значимость совещания ещё и несколько «смишников», джинсовых сонно-бледных парней с треногами, которые лениво-отстранённо работали съёмку. Как обычно у продвинутых компьютерщиков, так и у них налицо был некий сектантский, заговорщицкий вид людей, обременённых тайными особыми знаниями, недоступными остальным в силу непоправимой тормозности и косности.

— Позвольте, господин Володин, представить вам от женсовета епархии матушку Валентину

Яковлеву-Покровскую... — проговорил в тот поздний вечер главный врач Илья Сергеевич, с отвращением чувствуя как вместо обычной для него интонации доброго, заботливого хозяина, у него как бы само собой, словно против его воли, чёрт знает что получается. Даже более чем. Непонятно откуда и каким образом в нём объявилось перед этим Володиным некое слащавое лакейство. И в срывающемся на самоуничужительные интонации пришёптывающем голосе, и в заискивающем, чуть ли не восторженном взгляде.

— Очень рад, — просто, с привычной ему интонацией независимости, негромко проговорил Родион Романович.

Он был или ровесник Валентины, или на несколько лет моложе. Одного с ней роста, худощав и жилист, как бегун-марафонец.

«Какой-то он особенный, ни на кого не похожий...» — бессознательно отметила Валентина. Она давно никого так не оценивала: по-мирскому. Чисто по-женски.

Ей стало неловко.

— Вы рады?.. И что же вас порадовало? — улыбнулась Валентина, при этом выглядывая в толпе сегодняшних заседателей-реально нужного ей человека, который обещал помочь перекрыть крышу детского отделения психоневрологического интерната в одном отдалённом районе. Да так что-то и не развернул до сих пор эти работы.

— Первый раз приходится разговаривать с матушкой. Я даже думал, что их сейчас нет. Они остались где-нибудь в повестях Лескова... — с радостным удивлением проговорил Володин. — Мне почему-то из его «Соборян» такая фраза навсегда застряла в голове: «При жизни диакон обращался к матушке-попадье: «ваше преподобие, честная протопопица Наталья Николаевна».

Напряжённо озабоченная проблемой с крышей интерната, Валентина не отозвалась.

«А детки там мокнут, всё в комнатах отсырело, и никому до этого дела нет...» — нервно думала она, невольно отлетев душой от необязательного светского разговора с московским гостем.

— Извините, я, кажется, помешал вам?... — виновато улыбнулся Володин.

— Да, да... Мне надо отойти. Да и обсуждение сейчас начнётся, — смутилась Валентина.

Заместитель мэра коротко рассказал о масштабной значимости создаваемого при больнице Гнездилова уникального проекта паллиативного отделения. Архитектор города, невысокого роста чика стареющий кукольный красавчик, эстетски продемонстрировал цветные слайды с впечатляющими картинками будущих сказочных домиков, в которых неизлечимо больные дети будут умирать уже с европейским комфортом.

Илья Сергеевич, в свою очередь, ещё раз строго объяснил всем, что паллиативное отделение

будет для местной медицины и властей очень серьёзным, ответственным и даже драматическим проектом. Ведь в новом отделении, которое они, здешние врачи, между собой называли «хосписом», будут находиться особые дети.

— Особо одарённые? — раскованно усмехнулся один молодой, энергичный депутат, которого его коллеги между собой беззастенчиво именовали «Откатом».

— Особые потому, что у них ограниченный срок жизни... В основном через неизлечимые онкологические заболевания. Они будут находиться у нас от нескольких дней до нескольких месяцев. В зависимости от прогрессирования заболевания. Я ясно выразился?

— Извините... — вздохнул «Откат». — Я о таких детях как-то даже и не слышал никогда. Неужели... В наше время?! В эпоху прогресса?!

— Идём дальше... — перебил его Илья Сергеевич. — Проект нас устраивает. Мы, медики, всем вам очень благодарны. В свою очередь, постараемся создать максимальную степень комфорта и уюта для детей и их близких. Областной бюджет выделил на создание хосписа 86 миллионов рублей. На 30 миллионов уже приобретено оборудование, 25 миллионов ушло на строительные работы. Ещё один миллион дали присутствующие здесь уважаемые члены Попечительского совета, чтобы мы смогли

закупить мебель, инвентарь. Благодарность вам от всего сердца... В том числе и от самих больных детишек и их несчастных родителей. Но пока не завершена отделка фасада и нет игровой площадки. Нет компьютеров. А это минимум два миллиона, которых у нас уже нет... Одним словом, без вашей помощи нам не справиться. Кроме того, отделению нужны вентиляционная система, кондиционеры, климат-контроль, микроавтобус и санитарная машина. А это ещё миллиона полтора.

В кабинете внезапно погас свет.

Было хорошо слышно, как в коридоре больничного административного корпуса хлопают двери кабинетов, как кто-то бежит то ли на поиски дежурного электрика, то ли распределительного щитка. Даже раздался озорной девичий взвизг, понятно какой причиной вызванный.

— Электрическая сеть не выдерживает напряжения наших проблем... — с мудрой интонацией провинциального актёра-трагика былого девятнадцатого века сокрушительно проговорил в темноте главврач Илья Сергеевич.

— Советание продолжается! — каким-то новым голосом, возможно, уже голосом мэра, сказал никому не видимый Четвертаков. — Итак, Илья Сергеевич, прошу чётко и выразительно озвучить, сколько на данную минуту в общем и целом весят все ваши проблемы?

Было слышно, что Гнездилов, несмотря на темноту, встал со всей возможной резвой бодростью:

— Пять миллионов рублей, господда! Хотя точнее — пять с половиной... — проговорил он глухо, натужно, как видно ненавидя в себе вынужденного просителя.

— Почему-то я сейчас насчитал за вами только три с половиной? — озвучил Четвергаков свои соображения лукаво-скептическим голосом высокого руководителя, деятельно берегущего каждую государственную копейку в своей самоотверженной работе во имя процветания Родины.

Однако ни он сам, несмотря на все свои способности и номенклатурные связи, ни кто-либо из собравшихся, за исключением, правда, Родиона Романовича, который имел свои особые московские источники, не знал, не предполагал, не предчувствовал, что завтра утром у входа в мэрию на Владимира Петровича сотрудники ФСБ наденут наручники: он будет взят под стражу по подозрению в превышении должностных полномочий, попросту — в коррупции особо значимых размеров.

Гнездилов, возможно из-за переутомлённости, позволил себе раздражённо хмыкнуть:

— Вынуждают реальные обстоятельства. Сама жизнь уже требует отказаться от первоначального замысла создавать пятиместное отделение. Его необходимо расширить вдвое. Число

смертельно больных детей растёт день ото дня. Хоспис должен быть рассчитан на приём минимум как десяти детей и десяти их родителей! Число палат придётся увеличить. Потом же нужны средства облагородить прилегающую территорию. Чтобы детям там было комфортно играть на свежем воздухе. Тем, у кого ещё будут силы...

Кажется, заместитель мэра ударил в темноте ребром ладони по столу. Звук был похожий.

— Не вам, господда, объяснять ситуацию, в которой сейчас оказалась наша страна! Запад, как говорится, пошёл ва-банк на новую Россию. Нас обложили жёсткими санкциями, предательски сбили цену на нефть, отменяют уже заключённые контракты... Господин Гнездилов! Может быть, вы пересмотрите с учётом момента ваши почти маниловские прожекты?

— Лучше тогда бросить всё к чёртовой бабушке... — хрипло отозвался Илья Сергеевич.

— Свято место пусто не бывает, — хмыкнул Четвергаков. — Не задирайтесь... Ладно, будем думать. Затем мы здесь и собрались. Заметьте, в столь поздний час. Дети — высшая ценность нашей жизни!

— Я дам на всё про всё семь миллионов... — вздохнул в темноте кто-то из мужчин, словно только затем, чтобы прекратить пикирование.

Валентина не узнала, кому принадлежит этот приятный, несколько снисходительный и даже

самоуверенный голос. Возможно потому, что она сидела как всегда на отшибе ото всех. Нет, в школе круглая отличница Валя Покровская никогда не была замечена на «камчатке», её место было всегда на первой парте перед самым учительским столом, но сейчас во многих её поступках само собой, бессознательно сказывалась генетически усвоенная ею особенность кроткого, смиренно-отстранённого ощущения себя в мирской жизни.

Не сказать, что неожиданное щедрое предложение удивило её. Зная движущие силы и пружины нынешних околовластных кругов, многие невольно подумали, что некто расчётливо пожелал заработать для себя дополнительные бонусные очки в глазах руководства города. Сознывая, что потраченные им сейчас деньги позже однозначно вернутся стоицей. Ведь вопрос с паллиативным отделением был на личном контроле у министра здравоохранения и губернатора; и в Епархии внимательно отслеживали, как в этом отношении развиваются дела. Владыка Никодим за последние полгода, как начали строительство детского хосписа, дважды сам приезжал в больницу, каждую неделю лично звонил Илье Сергеевичу: само собой, это благословенное внимание главы митрополии регулярно сопровождалось существенным материальным содействием.

— Семь миллионов? Широкий жест! Правда, не вижу в темноте, кто вы? Благодарю... Надеюсь,

когда включат свет, вы от своих слов не откажетесь... — вздохнул главный врач. — Только вполне и пяти с половиной, спасибо, хватит... Будем благодарны безмерно! Родители больных детишек станут вам в ноги посреди улицы кланяться!

— А вот этого вовсе и не надо! При всём притом моё решение остаётся в силе, — снова сказал тот человек, которого не только Валентина, но и многие другие ещё так и не установили по голосу.

В кабинете возникло некоторое весёлое оживление. Само собой, несколько глуповатое в духе времени: раздалось предложение начать делать ставки, кто же такой есть этот затаившийся в темноте эксцентричный благодетель.

— Вы не учли, извините, несколько важных моментов, — тактично продолжил пока так и не узнанный голос. — Первое: здесь сейчас с нами присутствует из женсовета епархии матушка Валентина и она, думаю, поддержит меня, как, уверен, и вы. Такому особому заведению, где детки будут доживать свою малую жизнь, крайне нужна молебельная комната и часовенка!

И тут грянул свет.

— Фу-у-у! — вздохнули все с облегчением, радостно оглядывая друг друга.

— Я готов выписать чек на нужную сумму прямо сейчас, — добавил только что говоривший мужчина.

Конечно же это был Родион Романович Володин.

Главный врач машинально представил его ещё раз. И это оказалось кстати: все сейчас словно увидели этого человека впервые. Даже такой многоопытный и пронизательный чиновник, как заместитель мэра. Конечно, при этом каждый оценил Володина по-своему. Большинство с опаской; некоторые с облегчением, ибо у них свалилась с плеч проблема изыскивать по сусекам деньги на благотворительность. Были же и люди, которые восприняли москвича задиристо. А вот сам Гнездилов — с радостью. С той, какую Илья Сергеевич всегда испытывал при виде выздоравливающего ребёнка. Это было главным мерилom его работы. За это его любил весь коллектив больницы и охотно прощал ему властную строгость. Так, на днях Гнездилов с треском уволил молодого хирурга, который забыл тампон в горле прооперированного по части гланд трёхлетнего ребёнка, и тот едва не погиб. Спасла мальчика чистая случайность. А хирурга Гнездилов просто-таки вышвырнул за двери больницы, невзирая на то, что двоюродным дядей этого человека был один из твёрдо стоявших на ногах заместителей самого министра здравоохранения.

— Простите, матушка, — обернулся Володин к Валентине, — что я предварительно не согласовал с вами вопрос о часовой пенке. Пришло в голову уже в

ходе разговора, неожиданно. Но если эта тема не актуальна или по ней имеются другие мнения, моё предложение отменяется. Или мы внесём в него нужные коррективы.

— Ваши пожелания... — глухо заговорила Валентина, — достойны уважения. Они радостно совпадают с помыслами нашего правящего архиерея Высокопреосвященнейшего митрополита Никодима. Учитывая серьёзность вашего предложения, я имею благословение владыки предложить вам личную встречу с ним. Вот его и моя визитки.

Он протянул руку. Жест был естественный, обыденный, но, тем не менее, выдававший ту воспитанность, которая достигается не выпколенностью, а передаётся по наследству, правда, далеко не всем и не ото всех. Слово «джентльмен» матушке Валентине чем-то не нравилось, но Володин именно им и был. Он элегантно принял между пальцев простенькую, с надломленным углом карточку Высокопреосвященнейшего. Гибкость его руки показывала ту её натренированность, которую обычно дают упорные занятия с детства на фортепьяно, или, скажем, саксофоне. Ко всему на ней не было никаких шокирующих цапек. Всякие приметы и знаки олигархической принадлежности вовсе отсутствовали. То есть никаких там часов за пять миллионов долларов или гирлянды печаток стоимостью, сопоставимой с ценой океанской яхты.

Когда матушка Валентина передавала визитки, их с Володиным пальцы невольно соприкоснулись. Она не могла не почувствовать, что они у него странно горячие. Матушка Валентина впервые отчётливо посмотрела на этого нового в их городе человека. Его щёки едва ли не светились, будто он держал в рту горящую лампочку.

— Извините, я, кажется, немного простужен... — кивнул Володин с той сдержанностью, которая обычно выдаёт человека с острой головной болью. — Наверное, ваши здешние вирусы не по зубам моим изнеженным столичным лейкоцитам.

Услышав слово «вирусы» и «лейкоциты», главный врач воспрянул как старая полковая лошадь при звуках трубы и явно почувствовал себя главным дирижёром этого такого удачного для него совещания.

Он что-то нажал на своём айфоне, веско проговорил в микрофон «Пора!», и тотчас двери кабинета гостеприимно распахнулись: как в «Поле чудес» господина Якубовича, радостно вошли рослые, молоденькие медсестрички с самыми замечательными формами, озарённые шаловливыми, нежно лукавыми улыбками. Многообещающие подносы грациозно плыли перед ними словно сами по себе. Тотчас на столы пали свежие, пахнущие свежестью скатерти и по ним в чётком порядке выстроились традиционные субъекты

провинциального праздничного набора: среднего качества шампанское, непонятого происхождения дорогой коньяк, приличная местная водка, всякие соки, разножанровые мясные и сырные нарезки, игрушечные канапе и тарталетки с салатом. Особенно весело, даже как-то несколько лихорадочно оживились гости, когда сочно запахло королевским жанром любого пикника — им был, им мог быть только он, ибо так повсюду отныне на Руси принято, — его величество шашлык. Шашлык, азартно сотворённый в густом жару разъярённых углей из самой что ни на есть курдючной баранины, до того сутки вызревавшей в гуще волшебного маринада, составленного по таинственному рецепту руками достойного сына Кавказских гор лучшего детского нейрохирурга детской больницы Айсана Гаджиева. Как бы даже послышались у многих в ушах далёкие, приглушённые звуки лезгинки.

Когда внесли серебряное блюдо с огненными, смуглыми, вязко сочившимися большими кусками мяса, воинственно топорщившегося острыми шпажками шампуров, в духе времени раздалась аплодисменты. Которыми сейчас ещё и хоронят в определённых случаях, и благодарят командира авиалайнера при посадке за то, что он не разбил в пух и прах своих крайне заробевших пассажиров.

Зам мэра Владимир Петрович Четвертаков, заложив почему-то

руки за спину (после завтрашнего ареста этот жест будет мистически расценён многими), смачно подёргал носом и потребовал медленно автора.

Обнявшись с нейрохирургом Гаджиевым, заместитель мэра попытался изобразить несколько па лезгинки. И снова бодрый всплеск счастливых аплодисментов.

— Господа! Господа! Прошу вас перекусить! И перепить! То есть выпить всё до капли! — бодро, прыгуче выступил главный врач навстречу основательно приутомившейся публике эдаким цирковым объявлялой, то бишь шпрыхшталмейстером, или, как ныне принято говорить, инспектором манежа.

Никто не организовывал, никто тому не содействовал, но матушка Валентина и Володин оказались у стола рядом.

Она безотчётно попыталась отодвинуться от него, да некуда было: сбоку основательно, непоколебимо стоял сам первый заместитель мэра Четвертаков, вооружённый шампуром.

— На зелень налегайте, товарищи! — бодро сказал Гаджиев, высоко подняв перед собой руки в порыве кавказского гостеприимства. — Шашлык любит зелень! Больше сельдерея, петрушки, кинзы! И — наливайте!

— Наливайте! — подхватил Илья Сергеевич. — Двадцать секунд уже прошло! Повторим! И-и-и!

— Почему вы не едите сей чудный мясопродукт? — любовно оглядев свой шашлык, сказал матушке Валентине Родион Романович, не видя у неё в руках ничего, кроме бутерброда с одной-разъединственной шпротинкой.

Она ничего не ответила. Объяснять настоящую причину человеку, которого Валентина первый раз видит, ей показалось неприличным, а лгать ещё более того.

— Понял. Вы держите пост... — осторожно улыбнулся Володин, как бы давая понять, что осознаёт своё наивное, может быть, вовсе нелепое вторжение в ту область, которая ему неведома, и есть для него настоящая загадочная Terra Incognita.

— Слушайте доктора: ешьте больше зелени... — вздохнула матушка.

Больше Володин не пытался говорить с ней. Он вообще ни с кем здесь слова уже не произнёс. Да и матушка тоже. Они молча стояли неподалёку друг от друга.

При всём притом Володин не заметил, когда Валентина ушла. На прощание Четвертаков и Гнездилов поцеловали её руку. А некая прокуренная дамочка из когорты «бизнес-вумен» попыталась испросить у неё отпущение грехов.

— Изнываю душой очень! Раба Божья Тамара!

— Приходите в храм к батюшке... — тихо проговорила Валентина.

— А хотя бы благословить меня?! — страдающе, просто-таки

болезненно вскрикнула та и вдруг искренне заплакала, словно не имея никаких сил сдержаться.

Мужчины отвели её в сторону. Каждый норовил сказать ей что-то приятное, успокаивающее. Потребовали ещё шампанского для прекрасной царицы Тамары.

Кто-то начал читать Лермонтовского «Демона». Матушке Валентине показалось, что это был голос Володина.

*В глубокой теснине Дарьяла,
Где роется Терек во мгле,
Старинная башня стояла,
Чернея на чёрной скале.*

*В той башне высокой и
тесной*

*Царица Тамара жила:
Прекрасна как ангел*

*небесный,
Как демон коварна и зла...*

Фуршет продолжался часов до двух ночи, потому что заместитель мэра Четвертаков раньше никогда не уходил с подобных мероприятий. Именно в такое время он вдруг спохватывался, искал по карманам какие-то спасительные таблетки, нехотя прощался.

Своё праздничное звание застолье на день венчания Валентина и батюшка Роман установили как обычно на три часа пополудни. Хотя она была бы рада найти причину вовсе отказаться от замысла с гостями. Валентина не хотела снова видеть Володина.

«Или я лгу себе?..» — тревожно задумалась она.

Он явно не был для неё, как говорят, роковым мужчиной. Он

пока был для неё никем. И всё же что-то между ними как бы вчерне формировалось, медленно, но складывалось. Независимо от её воли. Как эта теперь предстоящая встреча на юбилее.

«Случайность, совпадение...» — говорила она себе, но с каждой минутой чувствовала, что это не так.

— Что-то блазнится мне, Валюшечка, озадачили тебя сверх меры наши новые гости... — мягко, сдержанно усмехнулся отец Роман. — Боишься в грязь лицом ударить? Всё славно обойдётся. Ты у нас особенная мастерица.

Во многих священнических семьях по возможности не забывают и о мирских праздниках. Правда, у Яковлевых-Покровских не было принято, чтобы стол, как говорится, ломился от яств. Хотя и к пустому гостей они не приглашали: выставляли обычно бутылочку свойского доброго напитка на кориандровом меду, салаты с кальмарами да, само собой, классическую «селёдку под шубой», сияющую изжёлтым лаковым блеском домашнего пахучего майонеза с травами, в которых отец Роман славно знал толк. Мяса у них скромно сторонились. А заглавным и всеми радостно ожидаемым событием на здешнем столе всегда становились с особым природным мастерством сотворённые пироги Валентины. Хотя как-то неловко их называть так обыденно. Ведь это вовсе никакие не пироги. То есть, конечно же, по сути

исполнения и составу всех замечательных ингредиентов, как есть они самые, пухлые да весёлые. Но... Но не всякий гость рисковал за них так сразу и взяться, отважно ухватить самый радующий глаз кусмень. К ним приступали, как говорится, с чувством, толком, расстановкой. Даже постоянным гостям здешнего дома до сих пор было непонятно, чем так зазывны пироги матушки Валентины: то ли особого приготовления начинкой, то ли тайной нежного, лёгкого и словно даже валяжного теста?

В общем, это всегда была особо торжественная десертная минута, когда на стол приезжали её пироги: эдакие пухлощёкие молодцы с густейшим сиянием огненного румянца и богатым выбором внутреннего содержания — белорыбица, толчёнка картофельная с луком да грибами, морква распаренная шафранная или шинкованная тушёная белокочанка с ядрёными разлитыми желтками особого отбора домашних деревенских яиц. К ним же следовало всякое первостатейное питьё из свежей земляники или яблочно-терновый компот. Чай и кофе подавались по желанию.

Сегодня пироги у Валентины не удались. Вот и вся песня. Как бы тесто недостаточно подошло, как ни старалась она над ним. В общем, Валентина уже готова была выбросить их в мусорное ведро. На ней лица не было. Она откровенно страдала, слёзно перемаргивая.

— Не задались пироги, мамочка?.. — осторожно подступил отец Роман. — Можно поглядеть?

— Ни в коем случае! Фу...

Отец Роман ласково приподнял с ведра ярко-красный домотканый рушник, как врач, который слегка забирает для осмотра рубашку у больного.

Ведро полно было дородных, самовито возлежащих стопкой сочных пирогов. Ароматно пахучие, ещё пышущие остатками печного жара, они смотрелись вполне исполненными дебелого благообразного достоинства и приятной важности.

— Всё отлично! Слава Богу! Милая, ты слишком требовательна к себе!

Он взял верхний, самый огненный, просто-таки живой пирог, и весело перекинул его с руки на руку, так как был тот резко горяч.

— Экий матёрый! — с подъёмом воскликнул отец Роман. — Успокойся, Валюшечка.

Он живо вышел.

Вернулся бегом: в руках воздет собранный сегодняшним ранним утром, едва ли не до свету, раскидистый, пёстрый букет луговых цветов. Они только совсем недавно обсохли дома от переливчатой росы. Такая у них жила пятнадцатый год традиция. Только каждый раз отец Роман изыскивал новое цветочное место. Задачу облегчало то, что жили они на окраине самого настоящего леса, дубравы Нагорной. Правда, это сейчас были

уже остатки его славной могучей старины, но при желании в здешней мрачной тени под кронами тридцатиметровых дубов, ясеней, осин да кленового разнообразья можно было с помощью самой бесхитростной фантазии почувствовать себя настоящим древлянином. Здешние уютные опушки и просторные поляны были первыми снабженцами отца Романа по части букетного разнотравья: стройные колокольчатые синяки, гроздья жёлтого донника, который так и хочется назвать северной мимозой, потом же застенчивые жёлто-фиолетовые анютины глазки, печально-синяя луговая герань да бордовая лесная и, само собой, в буйной россыпи по вырубкам и гарям после огненного лета две тысячи десятого года — розовая поволока соцветий райского иван-чая. А поверху всего этого благолепия бледно-сладкий, крапчатый аромат перезрелой земляники...

Валентина вдруг представила такую забавную картину: лесная поляна, сквозь которую прозрачными длинными лентами лениво тянется зоревой туман, и высоченный богатырь Романушка в сияющем белом подризнике до пят, какие священники надевают под фелонь на исполнение храмовой службы, азартно, по-мальчишески, рвёт росные цветы. И, прости Господи, хор ангелов над ним...

Матушка Валентина бережно, влюблённо обняла букет. И вдруг болезненно ощутила

неожиданный приступ стыда... Да такого резкого, который до сих пор в ней никогда не объявлялся, не смел... Повода не было. Но зачем-то именно сейчас, когда Валентина словно стояла на той лесной поляне рядом с мужем, она вдруг ни с того ни с сего подумала, что Володин сейчас, наверное, уже собирается идти к ним?..

«Бес меня хороводит!» — вспыхнула Валентина.

Так что первых гостей, её и Романа родителей, она встретила с некоторой растерянностью. Отцы Пётр да Григорий и их матушки Прасковья с Екатериной во всё были люди прежнего времени, когда Церковь десятилетиями каждый день ходила под угрозой нового атеистического запрета, если не жёстче того. Они всему радовались сдержанно. Родители провозгласили Божье благословение юбилярам, старательно перещеловались, — как добрую работу исполнили.

«Сейчас с минуты на минуту придут отец Василий и... этот... как его... — Валентина неожиданно забыла и имя, и фамилию Володина.

Роман могуче обнялся с родителями, своими пятью братьями, которые также были все как один духовных чинов, потом с семерыми сёстрами Валентины, ныне славными матушками, хотя со всех сторон был обвешен счастливо визжащей малышнёй из племянников и племянниц,

норовивших взобраться на него
аки на Вавилонскую башню.

Тут и вошли иеромонах отец
Василий да тот самый Родион
Романович. У обоих на лицах
мелькали одинаковые задорные
улыбки. Это они только что,
поднимаясь по лестнице, по-при-
ятельски оживлённо говорили о
том, что на дне самой Мариан-
ской впадины были недавно об-
наружены консервные банки из-
под «Спама». Вот, мол, где уже
человек надумал обустроить себе
мусорные свалки. Эх ему гадить
планету неймётся!

Монашеский черноризной об-
лик всегда имел на матушку Ва-
лентину особое строго-почтитель-
ное действие. Так было и сейчас,
несмотря на то, что отец Василий
оказался человеком весёлым,
простым с виду: небольшого ро-
сточка, с обветренным лицом,
какое бывает у заядлых рыбаков,
и быстрыми, пронзительными ма-
ленькими глазами, при всём при-
том таившими в себе глубинную,
мужичью мудрость. Его шерша-
вые, большие рабочие руки гово-
рили о привычке хватко, азартно
исполнять всякое тяжёлое, каза-
лось бы, неподъёмное дело: сено
косить, кирпичи класть, колодец
рыть. Келейные чёрно-лаковые
стозерновые чётки для частого
чтения молитвы Иисусовой ка-
зались в них паутинкой, которая
лопнет от его первого к ней при-
косновения. Камилавка с намёт-
кой была то ли несколько велика
отцу Василию, то ли это он себе
просто такую привычку усвоил

очень плотно её натягивать свер-
ху на свои большие, мальчишески
розоватые уши. Через такую их
прижатость к голове в лице у него
резко проглядывало выражение
решительной стремительности.

Наряду с этим всё монашеское
в этом усердном, старательном
человеке не только не выглядело
странным, но вовсе даже смо-
трелось благолепно. Особенно
в контрасте с экстравагантным
светским «прикидом» Володина,
начиная с его синих слиперов, за-
уженных льняных брюк оловян-
ного цвета и брутально-милита-
ристского чёрного бомбера, типа
американских лёгких курток пя-
тидесятых прошлого века. Одна-
ко держался Родион Романович
так, будто на нём был последней
модели представительский ко-
стюм от самого Тома Форда.

Валентина взволнованно по-
дошла к отцу Василию под бла-
гословение. Какая-то странная
оторопь охватила матушку. Два
инок быстро внесли коробки с
подарками, и так же быстро ис-
чезли.

Все гости, кажется, сошлись.

Началась обычная светная,
неуклюжая процедура взаимных
рукопожатий налево-направо, на-
звания имён, которые многими
были тотчас забыты.

Матушка Валентина как бы
ненароком куда-то вдруг исчез-
ла. Однако сделать это совсем
незаметно ей не удалось. Сестри-
цы скоро разыскали свою стар-
шую, зная ещё с детства места её
обычных захоронков в этом доме.

На тот случай, если надо поплакать, одуматься, перемочь горькую досаду.

— Что вы все на меня набросились?.. — по дороге в зал сердито отбивалась Валентина от шумной свиты празднично взволнованных сестёр. — Я ходила проверить в кладовке квас!

— Что на тебя нашло, подружка? На тебе лица нет... — строго проговорила матушка Оля, когда сестрицы привели виновницу торжества обратно всем кагалом.

Далее по сценарию, придуманному матушкой Ольгой, юбиляров осыпали ворохом сверкающих лепестков белых роз. Будто снегопад устроили.

Володин ловко поймал на лету несколько таких «светлячков» и весело съел их.

— Очень вкусно! — забавно объявил он. — Это я их, господа, на счастье употребил! Вдруг после этого и мне свезёт в личной жизни?

Эти сказанные мельком, играючи слова произвели радостный переполох в женской половине гостей. Володин мигом стал центром внимания.

— Вы не женаты? Разведены? Кто была ваша жена?!

Володин сделал несчастное лицо.

— Кто она?...

Матушке Валентине вдруг показалось, что он именно для неё затеял этот разговор. Ей стало особенно неприятно.

Родион Романович назвал имя. Но оно никому ничего не сказало.

И вдруг из-за спин отозвалась до сих пор едва ли не годами молчавшая Ангелина:

— Зоя Сурмина? Про них с дяденькой Родионом каждый день в Интернете пишут. Она теннисистка. Чемпионка. Очень известная и красивая... — тихо, спокойно проговорила дочь, словно все свои четырнадцать никогда и не молчала, несмотря ни на какие диагнозы.

Отец Роман растерянно огляделся. Валентина вскрикнула, крепко обняв Ангелину, со слезами глядя ей в глаза.

Родион Романович присел возле Ангелины и внимательно взял её за руки. Будто бы как доктор. Матушка Валентина смутилась, словно это он так сокрыто к ней самой прикоснулся.

— Здравствуйте, дядя... — вздохнула Ангелина. — Вы мне сразу понравились. Мама, правда, дядя хороший?

— Очень хороший! Замечательный... — быстро сказала Валентина и побледнела.

— Всё дышащее да хвалит Господа... — шепнул отец Роман и украдкой перекрестился.

А сама Ангелина, словно потратив все свои силы на такой для неё впервые длинный и сложный разговор, стомлѐнно притихла. Тѣтушки всем кагалом одна перед другой нежнее нежного подхватили её и ловко перенесли в детскую.

Стали рассаживаться за столами. Конечно же вышло шумно. А где вы видели такую особую по смыслу процедуру, чтобы всё сложилось тихо да размеренно? В Кремлёвских залах на президентских приёмах и то умудряются притом опрокидывать тронные стулья и бить бокалы. Роль хозяев вообще в такую минуту неведомо ответственно и политична: проблема кого и где посадить? Одна головоломка ранжирная.

Матушка Валентина вдруг ясно, каким-то неведомым образом почувствовала, что её сейчас обязательно посадят напротив Володина. Лицом к лицу. И тогда ей словно бы откроется что-то очень важное. Неужели всё с ней происходящее в этой их обыденной домашней обстановке на самом деле есть самые что ни на есть изощрённые происки супостата?.. Мелкая она для него мишень. Не победная. Да не ей судить...

Матушка лихорадочно усмехнулась: ей-богу, с минуты на минуту Володин окажется напротив неё. Именно это место сейчас ещё пустует. Да вон его сам Роман сюда ведёт. Именно так.

Она почувствовала, словно ею заговорщицки помыкают. Её словно бы ставят в безвыходное положение. Как подталкивают к грешным помыслам. Некие неведомые силы.

Только с Володиным их напротив друг друга не посадили. Не угадала матушка.

Её и Родиона Романовича устроили бок о бок. И постарался об этом никто иной, как главный распорядитель праздника отец Роман.

— Посидите-ка рядком! — засмеялся он, наклоняясь над ними обоими. — Родион Романович оказал волшебное влияние на нашу дочь! Приглядишься к нему да разведай, в чём здесь сфинксова загадка.

— Действуйте смело и без оглядки, — радостно наклонился Володин к матушке Валентине. — Если разгадаете, я в пропасть с вершины горы не кинусь. В наше время мифам уже нет места.

«А чему есть?» — чуть было не сорвалось с языка у Валентины. В нём действительно было нечто опасное, невольнo настраивающее на откровенность. Вон как он вмиг, не ведая, разговорил Ангелину.

(Продолжение следует)

Нина ЯГОДИНЦЕВА

МАЛИНОВЫЕ ХОЛОДА

Нина Александровна Ягодинцева родилась в Магнитогорске. Окончила Литературный институт им. А.М. Горького. Кандидат культурологии, доцент Челябинской государственной академии культуры и искусств. Секретарь Союза писателей России. Автор поэтических книг и монографий в литературной и научной периодике. Лауреат всероссийских литературных премий им. П.П. Бажова (2001), им. К.Нефедьева (2002), им. Д.Н. Мамина-Сибиряка (2008), Сибирско-Уральской литературной премии (2011), литературной премии Уральского федерального округа (2012), Международной премии «Ак Торна» (2012) за лучшие переводы тюркоязычной поэзии. Председатель жюри Южно-Уральской литературной премии. Живёт в Челябинске.

БЛАГОДАРЕНЬЕ РЕЧИ

1
Радость говорить — пробовать
на вкус
Воздуха сырой серебряный
хруст,
Корочку морозца ломая
До горячей мякоти мая...

Кто для нас с тобой этот хлеб
растил?
Кто его питал солнцем спелых сил,
Песни пел над зреющей нивой —
Молодой, влюблённый,
счастливым?

Прижимал к груди запад и
восток,
Растирал в руках крепкий
колосок —
И высокой светлой страдою
Проходил бескрайней страну...

Собран урожай, смолота мука,
Мякоть горяча, корочка сладка —
Ешь, дитя, расти, не печалься,
На лихом ветру не качайся!

2

Спасибо тебе, светлорусая
русская речь,

За все твои имена!
За ветер оплечь
И золотые зёрна, коим в
холодную пашню лечь,
Высокую, как волна.

Но пока я храню их в огне
беспомощных рук,
Согреваю на все грядущие
времена:
«Здравствуй!» — и я живу, и
небо вокруг.
«Спасибо!» — и спасена.

3

Спаси тебя Господь!
За каждым словом — твердь.
И смысл его — зерно.
И жить ему дано, одолевая
смерть,

И прорастать дано
В младенческих устах молочной
чистотой,
Прозрачной белизной...
Спаси тебя Господь! Как ясен
голос твой!

Поговори со мной!
У жизни — удержишься, у края —
удержишься

За выдох ли, за вдох...
За каждым словом — твердь.
За каждым словом — жизнь.
За каждым словом — Бог.

4

И хлеб, и ласка, и огонь в ночи,
И рук усталых нежная
прохлада...

О жизнь моя, спасибо за ключи
От шумного взволнованного
сада!

С какого-то иного языка
Перевожу я до самозабвенья
Ручей, цветы, грозу и облака,
И танец пчёл, и ветра
дуновенье —

И каждый звук, и каждый
отклик мой —
Как будто лёгкий шаг на
шаткий мостик,
Как за руку вести к себе домой
Нежданного, но дорогого гостя.

Но все мои слова — твои ключи:
Небесным открывается земное...
О, говори со мною, не молчи,
Благодарю за то, что ты
со мною!

5

Сердце-то ведаёт: только по
воле Творца
Свет никогда не избудет себя
до конца.

Даже порою не зная о Нём
ничего,
Греемся мы, словно зёрна в
ладонях Его.

«Благодарю» — это ниточка
света к Нему.

Луч, проходящий сквозь
душную зыбкую тьму,

Слабый росток, набирающий
силу любви...

Мир мой, земля моя, сердце!
Спасибо!
Живи!

* * *

Показалось — уже темно,
А на самом деле — с утра...
Это клён заглянул в окно
Из заснеженного двора.

Что ты мне говорил, о чём —
Было слышно, словно сквозь лёд.
И часы над твоим плечом
Безнадёжно ушли вперёд.

Мне казалось, что это — всё,
Дальше просто сплошной
Delete.

И декабрь погрузился в сон,
И душа уже не болит.

Оказалось, что всё светло,
И до ночи не меряя путь.
И лучи за окном свело
И нацелило прямо в грудь.

* * *

Мне нечего сказать — и я тебя
целую.

Спокойной ночи. Спи.
Однажды рассветёт.
Декабрьскую тоску, холодную
и злую,
Июньскую тоской по крыши
заметёт.

Где воздух с молоком? Где
радостная полночь,
Бокалов лёгкий звон, шуршание
фольги?
Всё было и прошло. Не говори,
что помнишь —
О чём-нибудь другом,
пожалуйста, солги.

Всё заново. С нуля.
С немислимой пустыни.
Учить себя словам. Спасать себя
от лжи.
Растапливать очаг — но уголья
остыли.
О чём-нибудь другом,
пожалуйста, скажи.

Ещё грядёт июль, ещё придут
грозою
И влага, и огонь, и нежный
плеск листвы...
Спокойной ночи. Спи. Мой
ангел над тобою,
Он не смыкает глаз, не клонит
головы.

* * *

Как тут выбирать, коль попал
спроста
В спелую солому — сухую
тишь:
Вымолвить хоть слово —
спалишь уста,
Ну а промолчать — изнутри
сторишь.

В общем, эта жизнь — чистый
самопал:
Воздуха вдохнул — и уже
пропал...
И таких пропащих немерено,
Только знать об этом не велено.
Да и выбирать — было б из чего...
Даже смертный снег не студит
чело.
А кому посмеешь пожалиться
Среди уголья на пожарище?

Прощевай-прости, да не помни
 зла,
 Было или не было — всё зола,
 А добром нечаянным —
 вспомяни
 Лоскуток согревшего пламени.

* * *

Грязь летит на обочины —
 Зимних ночей извѣстка.
 Ангел, кривь позолоченный,
 Спит за стеклом киоска,

Пряча за мятым ценником
 Грубую позолоту...
 Что же им делать, пленникам,
 Если вы позовѣте?

С неба печати сорваны,
 Словно во время оно:
 Спящими загипсованы.
 Крылышки из капрона.

В гибельной непохожести
 Гаснет душа живая,
 Кому наивной пошлости
 Молча пережидая.

* * *

Крестильный крестик на тесьме.
 Россия — радуга во сне.

Всегда во сне — и только радуга:
 Над полем, городом, рекой...
 Душа моя, скажи — взаправду ли
 Ей быть высокою такой?

Повыцвела тесѣмка узкая,
 Позеленела медь креста...

Но полыхнѣт гроза июльская —
 И мѣдом пахнет высота!

Не мы в своей тревоге первые —
 Но это наши век и час
 Одной немислимою верою
 Внезапно озаряют нас —

И где гуляла тьма крошечная,
 Где свет жестокий бил в глаза,
 Взмывает многоцветно-нежная
 Живая арка в небеса...

* * *

На крещенском морозе, на
 полном серъѣзе,
 На хрустящем снегу золотые
 полозья...
 Золотые, литые из солнечной
 стали —
 Словно свет растворѣн в
 ослеплённом металле...

На крещенском морозе, горячем
 на выдох,
 Ни судьба не обманет, ни
 случай не выдаст:
 Если день ненадолго, то ночи —
 с лихвою,
 От собачьего лая до волчьего
 воя.

На крещенском морозе под
 лунной заплаткой
 Жизнь покажется краткой,
 покажется сладкой,
 И покатится весело в санках
 под горку,
 И окажется долгой, окажется
 горькой,

Ах, когда б мы, наивные,
вызнали сами,
Кто на ярмарке шумной дарил
леденцами,
Раздавал да прихваливал
сдобным словечком,
Всё-то накрепко помня о
детском и вечном...

* * *

Ненасытной удалью молодой
тоски
Воровская музыка мечется в
такси.
Бьётся в стёкла, поймана
чёрным коробком...
Что она, о ком она? Больше
ни о ком.

Вспоминать не велено, всё
пошло не так:
От проспекта Ленина на
Свердловский тракт,
Дальше — Комсомольского
бурная река...
Помяни их, Господи: мальчиков
зека,

Девочек без вызова, ужас
чёрных трасс...
Музыка неистово обвиняет нас,
Выживших в развалинах,
помнящих едва:
Музыке позволено, музыка
права!

Слов не слушай, Господи: лгут
слова навзрыд.
Плотный сумрак в городе
фонарями взрыт,

Высверками высвечен, фарами
в упор —
Музыка неистово продолжает
спор

Не за души сгинувших в ужас и
во тьму —
За невинных нынешних, за себя
саму,
Разудало-жалкую в гиблой
слепоте,
С неизменно ржавою финкой
в сапоге...

* * *

Стынут в тоске вчерашней
Ближние берега.
Жизнь, а тебе не страшно? —
Нет, говорит. Пока.

Да, говорит, наверно, —
Эти ли, или те...
Перебирает нервно
Блузку на животе.

В пальцах прохладно мнётся
Синий цветной сатин.
Выйдешь-то — до колодца,
А идти — до седин.

Хоть бы глоток — да где там! —
Высохло всё дотла,
Словно бы за ответом
Да не туда пришла.

Жизнь, а тебе не страшно? —
Страшно, а всё терпи.
Скудно цветёт ромашка
На подоле тропы.

Зыбкой надежды ради,
Радости наперёд

Взять бы да погадать бы? —
Жалко, пускай растёт.

* * *

Так останься же тайной отградой
Для моих неприкаянных дней,
Как сирень за церковной оградой
И фонарь потускневший над ней!

Сквозь безумие и отречение
Пред тобой на колени паду
Под его золотое свечение
В полуночном церковном саду.

Ибо кто в этом мире не ищет
Гиблой славы страстей и обид?
Кто потом над своим пепелищем
В покаянной тоске не стоит?

Кто не молит золу золотую:
Озари, воскреси, оживи
Беспощадную, честную, злую,
Беззащитную правду любви...

Так останься же памятью майской
За оградой прожитых лет,
Где сияет прощальной лаской
Фонаря остывающий свет...

* * *

Сошла высокая вода...
Душа, откуда столько боли?
Несёт черемуха в подоле
Малиновые холода.

Идёт, боса и весела,
В прозрачном облаке остуды,
Не сетуя на пересуды
На шумных улицах села,

Навстречу ей сквозит трава,
До солнца воздух пробивая,
И жизнь такая молодая,
И лишь поэтому права.

И ладно — лишь бы всё цвело,
Не вспоминай в весенней силе,
Что руки нежные застыли
И пальцы тонкие свело.

* * *

*Юрию Васильеву и
Николаю Бодрову*

Так сбивается в масло небесное
Молоко любви.
Наклоняется ангел над бездною,
Говорит: живи,

Осенью дыши, говорит,
Шурши листвою,
Дождинки лови за шиворот —
Я твой

Собеседник на веки вечные...
Я молчу,
Потому что ответить нечего.
Он спускается по лучу,

Словно лист на плечо, свет на
уста,
Воздух в перехваченную
гортань...

Я говорю: устала.
Перестань

Обещать несбыточное, дарить
Невозможное — удержу ли?
Удержишь, говорит.
Я дежурю

Круглосуточно, всемирно.
Качнёшься — я подхвачу.
И уходит вверх по лучу.
Листву собирают в чёрные
пластиковые мешки.
Воздух пустеет, с белого неба
летят мечты —
Прозрачные, невесомые — и
тают почти у самой земли.
Снега пришли.

* * *

...И уже не забудутся никогда
В перекрестье дел и больших,
и малых
Налипание снега на провода,
Штормовые заносы на
перевалах...

И уже растворилась огнём в
крови
Молодая метель над ночной
страною,
И уже бессмысленно о любви —
Ибо только она, и ничто иное.
А мороз на Урале привычно груб,
И теперь от него заслониться
нечем,
Но уже не отнять воспалённых
губ
От шершавого горлышка
русской речи.

То ли просто зима, то ли
впрямь беда
Высекает слёзы из глаз усталых...
...Налипание снега на провода,
Штормовые заносы на
перевалах.

Анатолий АВРУТИН

«ОТЧИЗНУ НЕ ТРОНЬ!»

Анатолий Юрьевич Аврутин родился в 1948 году в Минске, окончил Белорусский государственный университет. Автор 20 поэтических книг, изданных в России, Беларуси и Германии. Главный редактор журнала «Новая Немига литературная», в 2005 – 2008 гг. – первый секретарь правления Союза писателей Беларуси. Публиковался в «Литературной газете», «Дне поэзии», журналах «Москва», «Наши современник», «Молодая гвардия», «Юность», «Нева», «Аврора», «Невский альманах», «Сибирские огни», «Дон», «Подъём», литературных изданиях Германии, Чехии, США и др. Член-корреспондент Академии поэзии и Петровской академии наук и искусств. Лауреат международных литературных премий им. С. Есенина и им. С. Полоцкого, российских премий им. А. Чехова, им. Б. Корнилова, им. Н. Минского, «Русь единая», премии им. «Молодой Гвардии» (Украина) и др. Название «Поэт Анатолий Аврутин» в 2011 году присвоено звезде в созвездии Рака. Живёт в Минске.

* * *

Валерию Хатюшину

Мы пришли в этот мир
Из холодных квартир,
Где под примус скворчала
   картошка,
Где за стенкою жил отставной
   конвоир,
Всё приученный слушать
   сторожку.
Где динамик хрипел от темна до
   темна
И нигде его не выключали —
Вдруг внезапно объявят, что
   снова война
И по радио выступит Сталин?..
Этот круглый динамик меня
   одарил
Знанием опер, столиц и героев.
Душу «Валенки» грели,
«Орлёнок» парил,
И танкистов-друзей было трое...
А Утёсов хрипел нам про шар
   голубой,
Но мы знали — объявят тревогу,
И пойдём «на последний,
   решительный бой»,
Так что, «смело, товарищи,
   в ногу...»

А теперь ни динамиков нет,
 ни святынь...
 И давно нет в быту керосина.
 Телевизор посмотришь:
 «Нечистая, сгинь...»
 Где был дух, там одна
 Хиросима.
 Слышу старых друзей голоса
 из-под плит —
 Им так больно, что мир
 разворован!
 И отрада одна — белый аист
 летит
 Всё же выше, чем каркает
 ворон...

* * *

Узколицая тень всё металась по
 стареньким сходням,
 И мерцал виновато давно
 догоревший костёр...
 А поближе к полуночи вышел
 отец мой в исподнем,
 К безразличному небу худые
 ладони простёр.
 И чего он хотел?.. Лишь ступнёй
 необутой примятый,
 Побуревший листочек всё рвался
 лететь в никуда.
 И ржавела трава... И клубился
 туман возле хаты...
 Да в озябшем колодце звезду
 поглотила вода.
 Затаилась луна... И ползла из
 косматого мрака
 Золочёная нежить, чтоб снова
 ползти в никуда...
 Вдалеке завывала простуженным
 басом собака
 Да надрывно гудели о чём-то
 своём провода.

Так отцова рука упиралась в
 ночные просторы,
 Словно отодвигая подальше
 грядущую жуть,
 Что от станции тихо отъехал
 грохочущий «скорый»,
 Чтоб во тьме растворяясь,
 молитвенных слов не спугнуть...

И отец в небесах...
 И нет счёта всё новым потерям.
 И увядший букетик похож на
 взьерошенный ил...
 Но о чём он молился в ночи,
 если в Бога не верил?..
 Он тогда промолчал... Ну а я
 ничего не спросил...

* * *

Шепоткам назло, глазам
 колючим,
 Недругам, что ждут невдалеке,
 Я пишу на русском, на могучем,
 На роднящем души языке.

Я пишу... И слышится далече,
 Сквозь глухую летопись времён,
 Исполинский рокот русской
 сечи,
 Звонниц серебристый перезвон.

И живот в бою отдав за друга,
 Друг уходит в лучшие миры...
 И по-русски просит пить
 пичуга,
 И стучат по-русски топоры.

И рождён родного слова ради,
 Будет чист прозренья чудный миг,
 Как слезинка кроткого дитяти,
 Что стекла на белый воротник...

* * *

Догорала заря... Сивер выл над
змеистым обрывом,
Умерла земляника во чреве
забытых полян...

А он шёл, напевая... Он был
озорным и счастливым...
— Как же звать тебя, милай?..
И вторило эхо: «Иван...»

Он шагал через луг...
Чертыхаясь — несжатой
полоской,
Ну а дальше, разувшись,
по руслу засохшей реки.
— И куда ты, Иване? — Туда,
где красою неброской
Очарован, стекает косматый
туман со стрехи...

— Так чего тут искать? Это ж в
каждой деревне такое,
Это ж выбери тропку и просто
бреди наугад.
И увидишь туман, что с утра,
зародясь в травостое,
Чуть позднее стекает со стрех
цепенеющих хат...

Эх, какая земля! Как здесь всё
вековечно и странно!
Здесь густая живица в момент
закливляет ладонь.
Здесь токует глухарь... И родится
Иван от Ивана —
Подрастёт и вражине промолвит:
«Отчизну не тронь!»

Нараспашку душа... Да и двери
не закрыты на ночь.
Золотистая капля опять замерла
на весу...

— Ты откуда, Иван? — Так
автобус сломался, Иваныч,
Обещал ведь Ванюшке гостинца...
В авоське несую...

* * *

*«...что русский исход тяжелей,
чем еврейский исход...»*

Надежда Мирошниченко

А время кричало в пустом и
безветренном поле,
Что русский исход тяжелей, чем
еврейский исход.
И аист кружил... Он в полёте
не думал о воле —
Не думает вовсе о воле
свободный народ!...

И что-то мешало идти и не
думать о бренном,
И что-то велело укрыться в своё
забытьё.
А это Россия торопко струилась
по венам,
В висках выбивая росистое имя
своё.

И что-то гудело в далёкой,
нехоженой чаще,
Да так, что казалось — вот-вот и
уже бурелом...
Но аист летящий, но аист
о чём-то кричащий,
Взрезал беспросветность своим
осторожным крылом.

И вроде светлело... Всё больше
являлось народу —
Следили за птицей, чубы к
поднебесью задрав.

И вброд перешли они стылую
чёрную воду,
Что в скользких обломках несла
очертанья держав.

И даль содрогнулась... И что-то
вдали заалело.

И плечи негнулись под вечное:
«Мать-перемать...»

А тело болело... Да в венах
Россия гудела,
И в тромб собиралась, готовая
сердце взорвать...

* * *

Чуть курчавится дым от
воткнутой в салат папиросы,
Не идёт разговор... И не пьётся...

И мысли не в лад.
Все ответы даны... Остаются всё
те же вопросы:

«Что же делать теперь?..»
И конечно же: «Кто виноват?»

Да, характер таков у смурного
от жизни народа,

Всё: «Авось, перебьёмся...
Авось, доживём до поры...»

Будут мёд добывать, а себе
не останется мёда,
Воздвигают палаты, а хаты
кривы и стары.

Угорая в чаду, что дарит
позабывая вьюшка,

Всё боятся чего-то и вечен тот
давящий страх.

Но наутро из хаты — чуть свет!
— выбегает девчушка,

И сама, как росинка, и солнце
несёт в волосах.

И её узнают и деревья, и рыбы,
и птахи,
И листок золочёный всё тщится
в ладошку слететь...

Крикнет: «Папа, гляди!..»

И отцы забывают про страхи,
И шеломистый купол на храме
спешит золотеть.

Засочится смола вдоль недавно
ошкуренных брёвен,
Мужики пожалеют, что вечером
слабо пилося...

— Кто виновен? — спроси.

И ответят: «Никто не виновен...»

— А что делать-то нужно?

— Так выживем, людцы... Авось...

* * *

Время метаний... Основа основ.

Пусто и голо.

Вроде Микола стоит Лупсяков...

Як ты, Микола?

Переступлю через снежный
сумёт,

Прошлое — рядом.

Толя Гречаников руку пожмёт:

«Што з перакладам?..»

От недовольных супружниц
тайком,

Ближе к вечерне,

С Мишей Стрельцовым пойдём
с коньяком

К Хведару Черне.

Гришка Евсеев, Володя Марук:

«Вып’ем і годзе...»

По корректуре размашисто:

«У друк!» —

Павлов Володя.

Небо нахмурилось, тени струя.
 Стежечка в жите.
 Где вы?.. В какие уплыли края?
 Хлопцы, гукнице!..

А с поднебесья: «Ушедших — не
   тронь!..» —
 Грозно и строго.
 Толькі валопка казыча далонь...
 Цёмна... Нікога...

* * *

Первое августа. Завтра Илья.
 Серым дождям ни конца,
   ни начала.
 Сохнет-не высохнет стопка белья,
 Что накануне жена настирала.

Лето на позднем своём рубеже,
 Сколько Илью ни зовите
   Илюшей...
 И поселяется осень уже
 Первого августа в стылую душу.

Значит, мне старые книги
   листать,
 В небе выискивать светлые
   пятна.
 Значит, мне с птицами вдаль
   улетать,
 Точно не зная — вернусь ли
   обратно?..

* * *

Что лучше — слава или
   безвестность?..
 Я к лишним спорам не привык,
 Мне мама — русская
   словесность,
 Отец мне — русский мой язык.

Так и живу в краю прозрений,
 Где воинство — певучесть строк,
 Где вся политика — Есенин,
 А вся величественность — Блок.
 Где словом жалуют на царство,
 Где бессловесен пистолет,
 Где слово — высшее бунтарство,
 И жизнь, и музыка, и свет...

* * *

Отчество... Отчество... Отчизна...
 Отчий дом, где шепчешь
   «Отче наш»...
 Родиной дыша, но ей не
   признан,
 Ты Отчизной взят на
   карандаш...

Чтоб хромал безвестным по
   перрону,
 Как из детства выплывший
   Антон —
 Ногу из Антоновки Антону
 Жизнь сожгла «антоновым
   огнём».

Он твердил: «Маруся, ты —
   царевна,
 Отжалей рублишко на вино.
 Станет враз на Родине душевно,
 А пока бездушия полно...»

И качались чёрные берёзы
 На крутом изломе сентября.
 И хромал Антошка нетверёзый,
 Об Отчизне трезво говоря.

Мчится время, подлостью богато.
 Я же сну навязчивому рад,
 Где Антошка шепчет виновато,
 Что никто пред ним не виноват.

* * *

Три клёна — три калеки,
Копёнок череда.
Сюда, как в прошлом веке,
Не ходят поезда.

А что возить? Дорога
Одна на сорок вёрст.
Путь к фельдшеру... И к Богу —
Из хаты на погост.

Старик, бутыль припрятав,
На лавочке притих.
И нету адресатов
У писем заказных.

Всё было... Всё не ново
Для этих скудных мест:
Худой пастух, корова,
Понурий лес окрест.

И кто тебе ответит
Сквозь морось и сквозняк —
Чем кончится столетье,
Начавшееся так?..

* * *

Дождь сутки льёт... Ветрило в
трубах воеет,
Больное небо съёжилось в окне.

— Поговорим?.. Про искренность...
— Не стоит,
Сегодня всё неискренно вдвойне.

Сегодня всё светло забилося в
кокон
И спряталось под стёкла фонарей.
И ржавь листвы взлетает выше
окон,
И за грудиной колет всё острее.

Такое время... Позабывать про лето
И помнить, что октябрь впереди,
Что не согреть того, что не
согрето,
Когда под сердцем нудные
дожди.

И ты себя не чувствуешь в покое
Под женским взглядом — робким,
роковым...

— Поговорим?.. — Про что-нибудь
другое,
Про искренность потом поговорим.

Когда замёрзнет морось на
перилах

И без пальто не выскочишь уже,
Когда вокруг так холодно,
так стыло,

Что сразу потеплеет на душе...

Иван ВЕНЕВЦЕВ

УРАЛ – БЫСТРА РЕКА*

Роман

Иван Степанович Веневец (1896-1974) родился в посёлке Благословенском станицы Оренбургской (современное село Благословенка Оренбургского района Оренбургской области). Вместе со старшим братом Василием вступил в войско атамана Дутова. После разгрома белой армии был осуждён на два года тюрьмы, затем, в 1941-м на полтора года, и в 1943-м – за антисоветскую агитацию – на 10 лет. В Карагандинском исправительно-трудовом лагере написал автобиографический роман с авторским названием «Михаил Веренцов». В 1960 году был реабилитирован. Скончался в пос. Долинка, месте своего поселения, так и не повидавшись с родиной. Журнальный вариант романа мы публикуем в литературной обработке Валерия Кузнецова.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

1

В первый же вечер одиночества Мишка почувствовал, как тяжела разлука. День ото дня он всё больше не владел собой. Он теперь понял, как могут зажать в клещи речь, ласки, обращение — всё, чем так отличалась Галя от станичных девушек, особенно от Надёжки.

Он пытался завязнуть в учебниках, которые привёз брат и требовал отчёта об учёбе. Но тоска глодала сердце, он не находил себе места. Ночами метался в постели, вставал и украдкой шёл к дому, где квартировала Галя, садился около ворот против Галиной квартиры и смотрел на то окно, через которое в первый раз попал к ней. Смотрел на ворота, в которые она входила и выходила, на ту скамейку у ворот, на которой Галя часто сидела, таясь,

---

* Продолжение. Начало в журнале «Гостинный Двор» № 3

подходил к этой скамейке, по долгу сидел на ней. Кружил за станицей по тем местам, где они были с Галей, ходили под ручку, где сажал он Галю на коня и водил его в поводу, а она весело хохотала. А когда принимал её с коня, она долго висела у него на плече, не хотела опускаться на землю, а он её нёс и нёс без усталости; выходил на берег Урала, смотрел на то место, где она купалась, где он поднимал брошенные ею записки. Ему казалось: а может быть, каким-нибудь чудом одна из записок осталась не замеченной тогда и до сих пор лежит на земле. Но на земле ничего не было. Он вспоминал каждую подробность встреч с ней.

Бывало, сидя ночами напротив Галиной квартиры, Мишка прятался от проходивших мимо, ничего не подозревавших людей. Иногда вздрагивал от какого-то женского голоса, издали похожого на Галин: звонкий, серебристый, необыкновенный. Он часто слышался ему среди разговоров хозяев во дворе Галиной квартиры. Он подбегал к воротам, смотрел с улицы в щёлку, но на дворе никого не было, хозяйка давно спали.

Возвращался домой разбитый, истерзанный горем и тоской, шатаясь, как пьяный; ложился спать и слышал стук в ворота, в окна, в дверь, слышал шаги под окном. Вскakiвал, выбегал на улицу, но там никого не было, лишь могильная тишина и пустота. Тогда он разражался безутешным плачем и засыпал в слезах.

Если бы ему сказали, что однажды в детстве он тосковал так же, он, скорей всего, удивился бы. Но ни для радости, ни для горя возраста нет...

И в свою рошу несколько раз ходил Мишка. С глазами, полными слёз, стоял около куста, где впервые встретил барскую дочь, где убирал листочек с её груди, где впервые увидел её руки, белоснежное, не мятое, как сама девственность, платье.

Тоска, галлюцинации лишили его сна, аппетита. Как когда-то в детстве, он заболел, и опять у него была горячка. Он пролежал около месяца.

2

После выздоровления прошёл ещё месяц, и Мишка полностью пришёл в себя. На полях уже пахали, готовили зябь. Наступала осень.

Однажды, катаясь верхом по своим степям, Мишка въехал на высокую гору, с которой далеко открывались киргизские степи, усеянные пасущимся скотом. Группами и в одиночку виднелись разбросанные юрты. Мишка знал, где расположена юрта знакомого киргиза Кулумгарея, до неё было вёрст пять.

Не раздумывая долго, Мишка в карьер поскакал под гору, направляясь к Бердянке, чтобы переехать на киргизскую сторону.

Через полчаса он подъезжал к юрте Кулумгарея. Две огромные собаки выскочили откуда-то и с диким лаем понеслись Мишке

навстречу. Около юрты, встревоженные шумом, соскочили два телёнка, привязанные за верёвочки, и в недоумении потягивались. Собаки стали прыгать на коня, хватать за губы.

Из юрты вышла жена Кулумгарея, молодая, полнолицая, черноглазая киргизка. На ней было широкое с массой оборок белое с цветами платье и разноцветные башмачки, на голове громадный белый платок, покрывавший голову не углом вдвое, а квадратом в одну рядь, край платка зашпилен под подбородком. И платок, и платье засинены настолько густо синькой-ультра-маринном, что их цвет из белого превратился в цвет неба. Весь наряд был безукоризненно чистый.

Поверх платья надет расширенный позументами цветной бархатный, очень короткий жилет с массой серебряных монет на груди. Ниже платья, до ступней, ноги закрывали широкие ситцевые шальвары.

Выбежавшая женщина, которую Мишка хорошо знал, закричала на собак: «Кэт, кэт» и грубо выругалась по-русски.

Мишка рассмеялся, расхохоталась и киргизка, показав красивые зубы. Собаки виновато склонили головы, облизываясь и ворча, разошлись в разные стороны.

— Ай, Мишка, здрастуй! А Кулумгарейка дома нет, — закричала она. — Зачем гармонь не тащил? Так-перетак, — ругалась красавица.

— А где же он? — спросил Мишка.

— На гостя пошёл. Шорт, собака, совсем далеко пошёл. Неделя, два, тогда придёт. Шорт с ним, айда кибитка...

Мишка не сходил с коня, думал: «Куда же мне теперь поехать? Кулумгарейки нет, поговорить не с кем».

Тем временем хозяйка кибитки уже вырвала повод коня и тащила Мишку с седла за брюки, захватив их с телом.

— Ай, пожалуйста, Мишка, айда кибитка. Кулумгарейка узнает: ты не пошёл кибитка, бить меня будет, скажит, звать не умела, — пересыпая слова матерщиной, старалась блеснуть знанием русских слов Балкуныс.

Ветер рванул на голове туземки платок и перекинул через голову, обнажив шею. Будто из чёрного шёлка, эластичные кольца волос украшали смуглую шею Балкуныс. Две огромные косы, как две тройки переплётшихся чёрных змей, зигзагами извивались по спине, заканчиваясь ниже пояса. А там рисовались полные ноги, обтянутые тонким ситцем, прижатым к телу ветром. Балкуныс забросила платок через голову, подняла лицо, пожирала Мишку глазами.

Чёрные, тонкие, высоко поднятые брови огибали углы глаз с синеватыми белками. Пухлые губы обнажали два ряда белых, как сахар, ровных и мелких зубов. Лицо Балкуныс не было куластым. Ни чертами, ни

бледно-розовым цветом кожи Балкуныс не походила на своих соотечественниц.

Глаза женщины умоляли казака сойти с коня и побыть в юрте, где Балкуныс, юную, цветущую, гложет непонятная истома одиночества, где она сгорает, прежде чем заснёт, от какой-то непонятной страсти, приходящей к ней вслед за скрывшимся солнцем.

Балкуныс снова выругалась и продолжала тащить Мишку за ногу с коня. Мишка смотрел на неё сверху вниз, обмерял глазами с ног до головы. А невидимая иголочка покалывала где-то под ложечкой... Мишка вспомнил Галю. На сердце стало тяжело и стыдно, как будто Галя была где-то здесь и смотрела укоряюще на него. Он тронул поводья, чтобы ехать.

– Нет, Балкуныс, я поеду, мне надо ещё заехать в одно место, я опоздаю, отец ругать будет.

Балкуныс чуть не со слезами просила:

– Кулумгарейка совсем меня ругайт будет, бить будет, если не пойдошь на гостя. Скажит: «Мишка приезжал, а ты ничего не давал, шай не давал, махан-мясо не давал, што потом будет?»

Мишка знал обычай киргизов. Действительно, если не зайти в юрту, то Кулумгарей изобьёт свою жену, а с ним год не будет разговаривать.

Он спрыгнул с коня. Собаки, как окаменелые, лежали, не шевелились, наблюдая исподлобья. Балкуныс опроретью побежала

в юрту. Мишка вошёл вслед за Балкуныс. Его обдало непривычным запахом копоти с перепрелым чёрным чаем.

Балкуныс постлала на пол кошму, положила на её край подушки, предварительно их взбив.

– Садыс, Мишка. Я шай таскаем. Ах, так-перетак, зачем гармонь не таскал? – Мишка смеялся, мерил её взглядом. Принесённый с очага чай Балкуныс стала разливать против Мишки, сев на корточки, подол платья убрала до пояса, нисколько не смущаясь, – чтобы не мешал. Мишка отвернулся и рассмеялся. Туземка спросила о причине смеха. Он ответил:

– Вот Кулумгарей узнает, что я был у тебя в гостях, тебя и меня побьёт.

Балкуныс по-мужски свистнула:

– Ха, шорт, собака. Если ты на меня ночь будэш спайт, и то Кулумгарей сапсем не ругайт. Яй буга, не ругайт, – сверкнув чёрными глазами, с детской улыбкой сказала Балкуныс.

Мишка смущённо замолчал, не отвечая.

Через несколько минут Мишка встал и начал собираться, прощаясь с хозяйкой.

Балкуныс провожала гостя и гладила ему руку и плечо. Около коня сказала:

– Мишка, не надо уезжай, сиди на кибитка, а я буду махан варить.

Мишка отказался, он спешил. Глаза Балкуныс то возбуждённо горели, то выражали страдание.

Когда Мишка сел уже на коня, Балкунис стала просить взять её с собой в станицу на этом же коне, посадив верхом сзади, но Мишка ответил, что едет не в станицу, а на поле, и тронул поводья. Балкунис шла рядом шагов сто, держала его за руку, потом хлопнула ладонью по коленке, отстала.

Мишка несколько раз оглядывался. Балкунис стояла, как окаменелая. Он погнался в карьер.

С тяжёлой грустью на сердце и непонятным волнением и досадой от прерванного утешения Балкунис стояла лицом на запад и сквозь застилавшие глаза слёзы смотрела, не моргая, на удаляющегося всадника.

Вдалеке огнём горела светлая вода большого лимана Бердянки. Красные блики заходящего солнца отражались в этой воде, уступая огромное место голубой небесной дали, расплывшейся в этом прозрачном лимане.

Изваянием стояла красавица Балкунис, прикованная к земле. Она ничего не видела и не слышала, не замечала, что вокруг темнело. Потом как будто очнулась от тяжёлого сна и, вздохнув, поплелась в юрту.

Её родной дом — степная юрта, уже не только не манила её, а была противна, скучна, неуютна. Её кто-то звал на запад, туда, за горизонт, где скрылся на коне молодой казак Мишка. Сердце тянуло в его объятия, которые Балкунис ещё не познала

по-настоящему со своим старым мужем.

Она вошла в юрту, остановилась у двери. Слёзы до краёв заполнили глаза и потекли на холодные щёки.

Сегодня в юрте было как-то особенно темно и тоскливо. Томил непонятный запах безволя и гнёта. Балкунис подошла к разостланным одеялам и подушкам, на которых лежал Мишка. В верхней подушке вмятина. «Вот здесь лежал он сам, а здесь была его голова». Комок горечи подкатил к горлу. Балкунис, не раздеваясь, упала на эту постель, лицом на вдавренность в подушке. Её забила нервная дрожь. Слёзы текли по щекам потоком. Она не слышала, как кричали телята, просили вечернего поила, время которого уже прошло. Она не помнит, когда уснула. Ей снилось: на коне подъехал к ней Мишка, она сидела одна на зелёной траве около юрты. Мишка обнял её и долго держал в своих руках, потом подарил ей какой-то подарок, которому она была до безумия рада, но рассмотреть его не успела, проснулась.

Солнце уже стояло высоко над горизонтом, его прозрачные сентябрьские лучи падали внутрь юрты через отверстие в куполе, служившее дымоходом. Балкунис тяжело дышала, всё тело болело. Ей не хотелось переходить к горькой действительности, хотелось продолжать сон, хотелось получить от Мишки ещё что-то, хотелось смотреть на Мишку без

конца. Но капризна явь, не выполняет она наших желаний...

Тяжёлыми шагами, как больная, Балкуныс вышла из юрты и первый взгляд бросила на запад, левее Родниковского холма, где за горизонтом скрылась вчера чёрная точка. Балкуныс на пальцах стала считать, сколько дней осталось до русского праздника – воскресенья. Уезжая, Мишка сказал, что приедет в воскресенье, хотя и не думал приезжать, а сказал для того, чтобы Балкуныс его не задерживала и отпустила с миром.

По дороге от Балкуныс Мишка думал: «Да разве можно с ней было хотя бы пошутить? Она Кулумгарейке всё расскажет, да ещё приврёт, а он приедет к нам и всё расскажет, да ещё от себя приврёт, ну, тогда от стыда вешаться беги. Вот ведь они, бабы, какие черти. Вот и Галя чуть меня не порешила. Сейчас немножко будто отвалило, да и то из головы не выходит, а тогда – ну чуть не сдох. Сроду не знал, что так люди могут тосковать, а вот теперь поверю...»

3

Прошло две недели. Мишка уже забыл о своём обещании быть на праздник у Балкуныс. Приехав домой с поля, он стал входить в ворота. Посреди двора, широко расставив ноги, со злобным видом стоял Кулумгарей. Мишка подумал: «Наверно, эта что-нибудь разболтала, расхвалилась, да ещё приврала, ну, он и сердится».

– Здравстуй, Мишка, – сказал Кулумгарей и как-то недружелюбно сунул Мишке свою руку. – Зашим обманул Балкуныс? Зашим не пришёл на гостя на праздник? Балкуныс сапсем плачил, ждал, а ты не пришёл, собака. Балкуныс махан варил, конфет купил, ждал тебя, а ты обманул. И гармошка не тащил. Я только чара¹ пришёл домой.

– Ладно, ладно, Кулумгарей, не ругайся, отец не пустил, его ругай. Как время будет, в долгу не останусь, приеду, и с Балкуныс спать буду, – пошутил Мишка.

– Да, да, да, спай, спай, шорт с ним, дай буг. Так её перетак, – Кулумгарей повеселел.

«Вот заразы, – думал Мишка, – да разве можно было ехать? Да они сочинили бы бог знает какую историю и ездили бы сюда, хвалились. А Балкуныске теперь хоть на глаза не попадайся. Она насует матушек во все места».

Чтобы не сердилась Балкуныс, Мишка решил послать ей с Кулумгареем посылоч-гостиниц. Он проник в сундук матери, отрезал стеклярусу аршин пять да три аршину плису, да набрал ещё каких-то побрякушек и послал с мужем. Вину свою Мишка свалил на отца, мол, он не пустил, а против Степана Андреевича Кулумгарей выступить не мог.

До безумия обрадованная, Балкуныс втайне решила отдарить Мишку так, как, может быть, никто ещё его в жизни не дарил...

Через несколько дней Кулумгарей собрался ехать в станцию в бакалейную лавку, чтобы купить разную мелочь и продукты. Балкунис неотступно просила взять её с собой, муж согласился, и они поехали. Из бакалейной лавки Кулумгарей и Балкунис решили заехать к Веренцовым. Степана Андреевича дома не было. Елена Степановна шла по двору, когда знакомая ей Балкунис вбежала во двор, и первые слова, обращённые к Елене Степановне, были: «Сапсем здрастуй, пожалуста! Сапсем кароший ваша Мишка, мать-перемать...» — схватив руку хозяйки дома, ругалась по-русски Балкунис. Она совсем было уже начала рассказывать о подарках, но ничего не подозревавшая Елена Степановна перебила ответным приветствием и весело сказала, что Мишка, действительно, хороший, что все его любят.

К этому времени во двор вошёл Кулумгарей и занял Елену Степановну всевозможными расспросами и поздравлениями, как будто не видел Веренцову лет пять.

Балкунис стояла и ждала очереди, чтобы досказать о Мишкиных подарках, она несколько раз уже раскрывала рот, как рыба на песке, но Кулумгарей тараторил своё, не давая жене высказаться по существу. Не успел Кулумгарей закончить здорования, за воротами послышался голос Мишки.

Балкунис, как ужаленная, сорвалась с места и побежала к воротам, в них входил Мишка.

— Здрастуй, Мишка! Так-перетак! — весело, не своим голосом закричала Балкунис вздрогнувшему юноше. — Спасипа, спасипа, Мишка! — больно кароший селяу (подарок) давал, — и крепко щипала Мишку за бок.

Он покраснел и сказал ей тихо по-киргизски, чтобы она не говорила о подарке при матери, которая будет ругать его.

Балкунис умолкла. Гости стали тянуть Мишку за руку в дом, чтобы там он поиграл на гармошке.

Елена Степановна смеялась над вольными обращениями Балкунис с Мишкой, считая их просто детскими, с простой, детской, непреднамеренной любовью. И упрасивала сына пойти в дом и выполнить просьбу гостей.

Мишка отказывался: мол, нужно ехать в поле. И сегодня не праздник, в гармонь играть нельзя, но Балкунис и слышать не хотела, она повисла у Мишки на руке и не отпускала от себя.

Пришлось согласиться. Вошли в дом. Мишка поставил стулья гостям, взял гармонь и стал играть. Но гости сесть на стулья отказались, говоря, что им на полу сидеть удобнее, чем на стульях, и сели на пол перед хохотавшим Мишкой. Мишка играл. Балкунис всё больше и больше улыбалась, и гости двигались по полу то взад, то вперёд. Потом Балкунис вскочила, ущипнула Мишку за щёку и сказала мужу: «Болна кароши, так-перетак». Кулумгарей, как видно, был

восхищён поступком жены, он беспрерывно хлопал супругу по плечу и другим местам, оказавшимся ближе, и повторял: «Болно кароши марджа, жена, джигит, собака, так её растак».

Мишка отказался от обеда, вырвался из цепких рук Балкуныс, убежал на улицу, где стоял запряжённый конь с бочкой для воды, ускакал на Урал, налил воды и уехал в поле другой дорогой. Он обещал Кулумгарею приехать в гости, когда будет свободное от полевых работ время.

4

Шли дни, набирался месяц и оставался позади. Пашня под зябь была уже закончена. Почти все жители станицы приехали с полей. Осень стояла тёплая, сухая.

Мишка обещания не выполнил, в гости не поехал. Балкуныс скучала, терзалась. Пролетали недели за неделями. Жёлтое выцветшее поле наводило щемящую тоску. Балкуныс подолгу сидела у юрты, ждала.

Подули холодные, сильные ветры. В юрте холодно, неуютно. Ветер табунами гнал тучи, свистел на ветру пожелтевший ковыль, склоняясь до земли. На юг улетали перелётные птицы: гуси, журавли, лебеди, утки. Поля опустели. Скот жался к лесу, укрывался в глубокие овраги. Светлое и прозрачное солнце не грело. Морозный ветер пригнал снежные тучи, полетел мелкий, частый, а за ним – редкий, крупный, хлопьями снег. Он усеял

всю землю, как фруктовый цвет в тенистом саду весной. А потом одел землю в плотный белый саван. Изумрудами сверкали снежные звёздочки ажурной, ручной работы мороза.

Скот стал на зимовку. Юрты давно сняли с кочевья, перебрали в аулы. Потянулись нескончаемые обозы на санях по дорогам, проложенным по снегу.

Веренцовы возили сено из лугов через аул. Каждый раз, проезжая мимо дома Кулумгарея, Мишка закрывался на возу тулупом, чтобы не увидели Кулумгарей или Балкуныс, от которых никакими молитвами не отговоришься: свяжут, но затащат в гости. Мишке хотелось побывать у Балкуныс, но ведь с ней можно попасть в такую историю, что стыд задушит до смерти.

Однажды Балкуныс шла с вёдрами по улице аула. Обозы с сеном тянулись из лугов беспрерывно. В общей массе шли сани Веренцовых. Балкуныс свернула в сторону от дороги и ждала, когда пройдут возы. Едущие впереди казаки что-то острое закричали по адресу Балкуныс, она рассмеялась и погрозила им кулаком, а у самой что-то кольнуло в сердце. В каждом казаке она теперь видела если и не Мишку, то что-то близкое к нему, родственное, братское. Она не только не обиделась на остроту, а, наоборот, ей была она приятна. Она жадно стала всматриваться в каждого, чтобы найти Мишку.

Мишка заметил Балкунис, его воз доезжал до неё. Он закрылся тулупом и лёг. Вдруг послышался голос, и все возы остановились. Балкунис узнала коня Веренцовых, бросила в снег вёдра с водой, подбежала к коню, схватила за повод.

Работник Веренцовых, шедший за передним возом, вышел вперёд.

— Мишка где? — спросила Балкунис.

— Вон, на заднем возу, — ответил работник. — Ох, ты какая смазливая, шут тебя бы взял. Зачем тебе Мишка? — Но Балкунис уже юркнула между возов, бежала к заднему возу. Работник рассмеялся, взглянув на брошенные вёдра, тронул переднего коня, поехал. «Вот как её распекло, — думал он, — и воды не надо стало. А хорошенькая киргизочка, наверное, девка. Ну и чёрт же этот Мишка, всех с ума сводит».

Пока задняя подвода стояла, Балкунис по оглобле и по верёвке залезла на воз.

— Мишка, такую твою-сякую, зачим спайшь? Зачим на гостя не ходишь? — сквозь слёзы говорила Балкунис. В жгучих чёрных глазах и на открытом простом лице была искренняя, неподдельная печать страдания и упрёка.

Мишка не в силах был заставить её слезть с воза. Конь с задним возом пошёл, Мишка и Балкунис поехали. Мишка показал кнутом на вёдра, которые остались далеко позади. Балкунис махнула рукой.

— Шорт с ним, — сказала она и стала тащить Мишку за руку, убеждая, что Кулумгарей очень обидится, если он не пойдёт в гости. Мишке было приятно с ней — и жаль её. Он любил её сейчас за неподдельную привязанность. Он закрыл её тулупом, заставил вытереть слёзы и стал уверять, что он завтра приедет обязательно, но Балкунис не верила, она показала ему два пальца и презрительно, по-детски нахмурилась. Это означало, что она считала за ним уже два обмана. Она бесцеремонно растегнула Мишкин полушубок, протянула руку под полы и сняла наборный, с серебряными бляхами казачий ремень, рубашку одёрнула, ущипнула за живот и застегнула на все крючки полушубок.

Мишке нравились проказы этой повеселевшей молодой азиатки, он смеялся и целовал её, но она не знала поцелуев и на них не отвечала.

Успокоенная Балкунис стала слезать с воза.

Мишка на ходу спрыгнул и стал снимать проказницу. Он подхватил её обеими руками и несколько шагов нёс позади саней. Она гладила ладонью ему щёки, лоб, голову, сняв шапку.

Успокоенная и обрадованная Балкунис побежала по дороге, вертясь, как ребёнок, и заливаясь смехом. Она высоко поднимала пояс, показывая его Мишке, он грозил ей кнутом...

Дома Мишку ожидал большой конверт, набитый бумагами

– письмо от брата Дмитрия. В нём было много разъяснений по Мишкиным вопросам в письмах, много примеров, задач по ряду предметов. Мишка посмотрел всё это, и его бросило в жар.

– Уж тебе теперь, сынок, наверное, придётся засесть и не вылезать из-за стола с неделю, – весело сказал Степан Андреевич, – уж за сеном я сам буду ездить, а скотину убирать надо заставить девочку Дуняшу. После обеда садись и долби, как дятел, если уж взялся по правде. Когда офицером будешь, тогда отдохнёшь, а сейчас зубри, дай Бог тебе счастья, – с улыбкой погладил Мишкину голову и похлопал по плечу отец.

Мишка задумался. Не подняли ему настроения отцовские слова. «Ну что это значит? – думал он. – До сих пор нет ответа от Мити на моё письмо о Гале. Прошло ведь уже больше месяца, как я передал его Ваське, когда он ехал в город, чтобы тот прямо опустил на почте. Просто Митя решил отмолчаться, мол, барыня уехала, с ним дурь пройдёт, а я будто бы не знаю ничего. Надо будет сегодня же написать второе письмо». Он стал писать второе письмо. «Хороший друг» Васька отдал-таки это письмо Надёжке, чтобы обозлить её против Мишки. За Надёжкой Васька давно ухаживал, но не мог добиться взаимности, Надёжка же всё льнула к Мишке, как она сама высказывалась подругам: «Ну, язви ево, тянет и тянет меня к

нему, как верёвкой, он привязал меня по-наплавошному альбо мёртвой петлёй...»

«Да-а-а, не придётся тебе, Балкунис, дожждаться меня. Уж когда свалю эту работу, тогда приеду. В гостях хорошо, слов нет, но за учёбой полезней. Вот уж когда не раскаешься, что учил, тратил время». Он писал: «Здравствуй, Митя! Получил от тебя письмище, еле конь довёз. На задачи-то ты не поскупился, а вот про Галю до сих пор не пишешь ничего. Пиши скорее, пока прошу твоего совета, а то уеду к ней в Калугу, и меня там с собаками не найдёте».

Получив это непонятное письмо, Дмитрий потребовал от Мишки разъяснения, что за письмо было и что за Галя. Мишка написал всё подробно и отвёз в город сам, надеясь получить ответ в январе.

Мишка упорно готовился на вольноопределяющегося, как того требовал брат. По получении последнего письма от Дмитрия он сидел уже четырнадцатый день. Во второй половине этого дня вошла к нему Дуняша; она потянула его за чуб и сказала шёпотом:

– Иди хоть на улицу сходи, ведь сегодня воскресенье.

– Да обожди ты, Дуняша, не мешай уж мне этой чепухой заниматься, – ласково сказал Мишка. Он её уважал, как сестрёнку.

Дуняша подошла и стала заглядывать через Мишкино плечо.

– Уйди, Дуняшка, к шуту отсюда, а то мама заглянет в дверь,

тогда почешет тебе мягкое место. — Прислуга с хохотом побежала в другие комнаты, а потом снова вошла.

— Миша, а там Кулумгарейка тебя ждёт. Он давно уж сидит, развалился, как пан, на стуле за столом.

Мишка попросил позвать его сюда.

Кулумгарей тихо, двумя пальцами открыл дверь в горницу и так же тихо, как будто боялся провалить пол, на цыпочках вошёл. Закрывая дверь, он два раза перекрутился, потом повернулся к Мишке лицом, широко улыбнулся, пошлёпал губами.

— Сапсим здрастуй, Мишка! — сказал он. Далеко протянув обе руки вперёд, шёл от порога, как бы крадучись, здороваться.

Мишка любезно поздоровался и попросил гостя сесть около столика. Кулумгарей засунул руку далеко за полу халата, вытащил наборный Мишкин ремень.

— Вот, Балкунис сказал: «Давай твоя, а ишо сказал — зашем гостя не ходил?» Он сапсим плакил, он сказал: «Мишка скоро придот, нада», — говорил беспечный простодушный Кулумгарей. — Я шичас город идом. Два день тогда прийдом и твоя на гостя таскам.

— Хорошо, хорошо, приезжай, поеду, — согласился Мишка. — Тебя в той комнате угощали? — спросил он.

— Нет, не угощал, торка² обед кушал, шай не давал, — пояснил гость.

Мишка рассмеялся. Он знал, что киргизы очень любят чай, а обед почти не считают за угощение. Он попросил мать угостить Кулумгарея чаем.

Оставшись один, Кулумгарей рассматривал сверху донизу всю комнату, этот уютный, красивый зал, уголок богатого деревенского двора. Он мечтал построить когда-нибудь дом, который был бы похож на русские дома, но из всего аула только Чукубатор да Сарсенька смогли построить по русскому образцу, жители же всего аула спокон веков в землянках, да побогаче его, а где же ему, Кулумгарею, построить русский дом?

От Веренцовых Кулумгарей выехал только через час, он задержался за чаем, который пил с таким удовольствием, что пот лил с него ручьями. Боясь, что его захватит в дороге ночь, он поскакал от двора Веренцовых в карьер по городской дороге, даже забыл подтянуть чересседельник.

Проводив Мишку с сеном, Балкунис с поясом за пазухой, как победитель, весёлая шла с вёдрами. Она ехала с Мишкой больше версты, которая показала ей не больше десяти саженьей. Она пришла домой. Сказала мужу: «Я видела Мишку и его работника, они ехали с сеном с лугов. У них два коня гнедых, два рыжих, один карий и три серые, — подчёркивала Балкунис свою наблюдательность, присутствующую её соотечественницам. — Я звала его в гости, а он сказал, что

приедет завтра. А когда я не поверила, сказала, что опять обманешь, то он снял вот этот пояс и отдал мне».

Кулумгарей обрадовался, засуетился. Он расхвалил жену за то, что она так хорошо умеет приглашать гостей, и что он был бы рад, если бы она умела так хорошо угощать гостей, как приглашать.

Прошёл день, второй, третий, за ними потянулись скучные, томительные дни и ещё более длинные, холодные зимние вечера и ночи. Балкунис ждала, но Мишка всё не ехал и не ехал. Проходила уже вторая неделя.

Балкунис посылала мужа на дорогу и выходила сама, чтобы утащить Мишку в гости, но Кулумгарей пришёл однажды и сказал, что встретил Веренцовых, был очень рад, но Мишки не было, а ехал с сеном сам хозяин, который никак не согласился пойти в гости, даже рассмеялся и обещал приехать после.

И стала Балкунис искать выхода.

Давно муж поговаривал о том, что нужно купить хорошую корову, а свою, которая даёт мало молока, продать. В воскресенье Балкунис проснулась рано, долго лежала, потягивалась, придумывала способ проводить куда-нибудь мужа. Вдруг она вскочила, позвала Кулумгарея, стала говорить:

— Сегодня воскресенье, ступай в город на ночь, там отдохнёшь, а утром выйдешь на базар

или пройдёшь по постоянным дворам и найдёшь корову. Завтра к вечеру вернёшься. Вот тебе пояс, заезжай к дяде Степану, отдай его потихоньку Мишке.

Кулумгарей уехал. Балкунис радовалась своей находчивости, она стала готовиться к встрече с Мишкой: ватные стёганые брюки сняла, надела бархатный жилет с монистами, осмотрела себя кругом, осмотрела и комнату: везде ли и всё ли чисто; заварила жирное мясо, считала время, когда муж доедет до Мишки, когда скажет Мишке и уедет дальше. Пожалуй, Мишка приедет верхом.

Проходило положенное время, даже с наброской на все непредвиденные обстоятельства, а Мишки всё не было и не было.

Балкунис выходила на крайние дворы аула, откуда была видна вся дорога до Мишкиной станицы, стояла, ждала...

Люгыйй морозный ветер со снегом нёсся под широкое ситцевое платье, как иглами колол тело, она убегала домой, к горящему очагу, подняв платье, отогревалась и опять шла смотреть на дорогу.

Был уже вечер. Смеркалось. Истерзанная горем, досадой, Балкунис вернулась в землянку. Нет, теперь уже не приедет, теперь он побоится, его могут дорогой обидеть какие-нибудь русские. Надо надевать брюки и ложиться спать, нечего ждать. Теперь надо ждать завтра, если один не приедет, то Кулумгарейка привезёт. Пусть мясо остаётся

в котле, шорт с ним. Я есть не хочу. Даже думать про пищу не могу, тошнит. Аппетит пропал сразу... Уф! Ой! Аллах, аллах — помощи...

Разбитая, истерзанная тоской и рухнувшими надеждами, стояла у догорающего очага Балкуныс. Из жизнерадостного, свежего её лицо превратилось в искажённое, посеревшее. Она казалась постаревшей, похудевшей, плакала без слёз. Мишка теперь где-нибудь в своей станице играет с девушками. Он, наверное, не любит Балкуныс. Она думала и пристально смотрела чёрными глазами на окно, промёрзшее на палец льдом и снегом. Мишка не приехал.

ГЛАВА ПЯТАЯ

1

Потекли скучные, однообразные дни. Без особой радости и интереса прошли рождественские праздники и святки. С фронтов приходили грустные сведения: русские давно очистили Восточную Пруссию, Либавя была отдана противнику в мае 1915 года. Варшаву отдали осенью, наступая на неё, немцы кричали: «Отдай Аршава!» Русские очистили и Карпаты. Линия фронта изогнулась непонятным и неправильным зигзагом. В телеграммах экстренного выпуска ежедневно сообщалось одно и то же, всё известное: «Под давлением превосходящих сил противника наши части

отошли на новые позиции... Ввиду необходимости выровнять фронт наши отвели войска с такого-то боевого участка... Дабы избежать крупных потерь, наши части не оказывали сопротивления немцам и отвели войска на более удобные позиции...» И так далее.

На румыно-австрийском фронте, где русские помогали своим союзникам румынам, дела шли ещё хуже: румыны бежали от наступающих на них австро-венгерцев, особенно от немцев, кто куда, а неприятельские солдаты кричали им вслед: «Эй, роман, куда бежишь? Обожди!» Длинные румынские кавалеристы на своих маленьких лошадках, на которых садились, как на велосипед, с успехом обгоняли пехоту, отступая вглубь страны.

Русские, видя такую «защиту» румынами своего отечества, плевали в их сторону, крепко ругали по-русски и тоже отходили, за что румыны кормили их одними галетами.

В Турции глубоко увязла нога русских и их союзников, хотя правое наше крыло и овладело Эрзерумом и Трапезундом, а левое вышло к озеру Ван. Французы же и англичане топтались в Месопотамии — до проливов Дарданеллы и Босфор было далеко, и проблема овладения вместе с союзниками этими проливами оставалась неразрешённой.

Со стороны Эгейского моря по Дарданелльским фортам грохотали англо-французские орудия с первоклассных боевых кораблей,

но батареи фортов не допускали корабли на досягаемость выстрела, так как сами бросали снаряды дальше их. Русские боевые корабли также не могли атаковать Босфор, опасаясь минирования и огромных, дальнобойных турецких береговых батарей. Даже гулять по Чёрному морю было опасно, потому что турки грозили двумя германскими сверхреднотами «Гебен» и «Бреслау». Эти губительные для противника германские корабли были переданы туркам перед войной для борьбы с русским Черноморским флотом.

Англичане и французы, чтобы координировать действия с русскими и, выбив турок из Азии в Европу, овладеть Малоазиатским полуостровом теми же проливами и соединиться с русскими у Черноморского побережья, — стали наступать из Сирии, но дальше Месопотамии так и не продвинулись.

Вступление же Болгарии в войну на стороне Германии и Австрии усугубило проблему соединения англо-французов с русскими через Дарданеллы — Мраморное море — Босфор.

Нерадостные были фронтовые дела, да и война-то всем надоела. Народ уже интересовался не тем, что сообщалось о победах, если бы они даже и были, а тем, не написано ли что-нибудь в газетах об окончании войны. У всех было на языке: «Когда же мир, не слышно ли что о мире?» А другие шептали: «Мир в вас самих, мир в серых шинелях ходит».

Намекалось на неподчинение приказам идти на фронт, намекалось на революцию...

А в армию всё брали и брали.

Чёрной змеей подползла очередь к Мишкиному году. Он знал, что и ему придётся хватить горюшка по горло. Хотя он был уверен, что к маю — июню закончит курс на вольноопределяющегося, но это не спасёт его от фронта, от горя, а может, и от гибели.

Война чуть не ежемесячно вырывала жертвы из его станицы, начиная с первых дней, когда впервые раздался вопль: убит любимец станицы Петя Тырсин. Произведённый в первые дни войны в офицеры, он командовал казачьей, лёгкой, конногорной батареей на австрийском фронте. Он был сражён наповал осколком снаряда в голову. Вслед за ним потянулись жертвы, около полутора десятков, а потом и счёт потеряли.

Не редки были пропажи без вести. Немцы, захватив одного-двух казаков, не доводили их до штабов, расстреливали в кустах, в оврагах. Не любили немцы казаков. Не подходящие были им эти противники, не давали немцам ни отдыха, ни срока. Ни кавалерии, ни артиллерии, ни пехоте нет от казаков покоя.

От Мишкиного зятя Пантелея шли письма из германского плена. Диковина: казак, а в плену, да ещё и живой.

Он служил во втором Оренбургском казачьем полку в Варшаве, к началу военных действий

попал в армию генерала Самсонова, которая, вторгшись вглубь расположения противника, была окружена немцами у Мазурских озёр-болот. Ей неизбежно грозило полное уничтожение и пленение, но многим разрозненным частям удалось вырваться из окружения. За что кайзер Вильгельм отстранил от должности командира восьмой германской дивизии генерала Притвица. Отсюда начиналась карьера Гинденбурга³, вызванного кайзером из резерва чинов.

Мишкиному зятю не суждено было прорваться к своим, под ним убило лошадь, легко ранило самого. В кустах он сбросил брюки с голубыми лампасами и казачью фуражку, снял с убитого солдата всё солдатское и, одевшись, осмотрел себя кругом, рассмеялся: «Галка в чужих перьях, язви ево». Немцам он назвал себя солдатом Уфимской губернии такого-то полка, что на ум взбрело.

Теперь он писал письма из Германии о том, что находится к западу от Берлина. На фотокарточке из второго письма, где он сидел с какими-то солдатами, на коленях брюк ясно виднелась заплатка, над которой мать жены, Елена Степановна, пролила немало слёз. Он вскоре был отдан рабочим в крестьянское частное хозяйство. Жилось ему неплохо, но волка тянуло в лес. Лучше своей оренбургской станицы с её вольными степями, Уралом, в котором кишит рыба, а в лесу зайцев хоть руками лови, он не

находил, даже если бы жил в самом Берлине. Он ждал случая. Ночами подолгу лежал на спине, не спал, думал о доме, о молодой жене-казачке, о её огромном родстве⁴, с которым хоть целые годы пируй, никогда не надоест. Все так лобят выпить, что повисшую на рюмке последнюю каплю языком слизывают, а пойдут драться — кольца трещат. Да что там говорить: вспомнишь обо всём этом — душа радуется, а тут что? Нет, родная сторона так и тянет, так и тянет...

Но родная сторона только тянула, а не выгибала. Впереди ничего не было видно. Война полыхала по-прежнему.

2

И всё же у событий свой век. Они созревают своим чередом, независимо от желания видеть их или не видеть, знать или не знать.

Уже начался мясоед⁵, начались свадьбы. Некоторые из Мишкиных друзей уже сидели за столами со своими невестами, у них шли девичники (время от сватовства до свадьбы с ежедневными вечёрками).

Мишка прятался от приглашений на вечёрки. Дома он ежедневно слышал слова матери, обращённые к нему или к пришедшим собеседницам.

— Вот разберут хороших невест, останемся на бобах, а женить нынче обязательно надо, — говорила Елена Степановна, — вот, сынок, кого захочешь, того и пойдём сватать, воли с тебя не

снимем. Но на сторону не поедем, бери здесь, у нас тоже много девушек хороших. А свадьбу надо начинать, нечего ждать.

Мишка отмахивался и уходил, думал протянуть весь мясоед, а весной видно будет: или на службу возьмут, или в Калугу уеду, лишь бы Митя приехал.

Он пошёл к своему другу Ваське, чтобы поделиться горем: мол, родители припирают с женьбой. Уж если устоять не удастся, то чтобы жениться обоим. Он Ваське доверял, иначе не послал бы с ним письмо, адресованное Дмитрию, в котором просил брата помочь жениться на Гале.

Дом Васьки гудел родственниками, которые сразу умолкли, как только Мишка появился в дверях. Он поздоровался и прошёл в спальню, где Васька расчесывал чуб.

— Уж не женить ли тебя кружит эта орава? — показал он на родных. Васька замаялся, ничего не нашёлся сказать Мишке.

— А мне житья не дают, не хочется домой показываться. Так рвут, ключья летят, — горевал Мишка. — Пришёл к тебе посоветоваться. Уж если жениться, то надо обоим, — продолжал он, не зная о предательстве друга.

Мишка скучал без Паньки, тот сейчас болел: где-то в драке ему изрядно помяли бока, а потом пристала лихорадка.

Через паузу Васька стал божиться, что кое-кто из родных пришёл просто поболтать, а

жениться в этом году он не будет, и родные его не притесняют.

Успокоенный Мишка ушёл. Васькины же родители по просьбе сына в этот вечер послали сватать Надёжку. Васька постарался увидеть её и сказать, что он сейчас от Мишки, и тот ему объявил, что он совсем бросил Надёжку и женится только на будущий год на какой-то барыне, вероятно, на той самой, о которой писал в письме Дмитрию.

Обиженная и взволнованная Надёжка в тот же вечер дала согласие выйти за Ваську. Надёжкины родители три дня тянули с окончательным ответом, поджидая Мишку, который, по их мнению, должен знать о Васькином сватовстве. Как раз эти дни Мишка пребывал в неведении.

Узнав, Мишка собрался, пошёл к другу, уж очень было задело его самолюбие. Он быстро вбежал на Васькино крыльцо, рванул дверь, вошёл в комнату. Его встретили Васькины отец и дядя, оба пьяные.

— Здравствуй, Миша, здравствуй, — здоровались они заискивающе, — а вот мы своему солонью голову свистом скрутили, а уж он упирался, да ничего не вышло. Проходи, проходи, Миша.

— А где же он, этот самый ваш соловей-то? — хмурясь, спросил Мишка.

— Да он побежал кое-кого ещё позвать, — тянули Мишку за рукав к столу. Мишка шёл, как бык к ярму, через родных в зале.

Сегодня они пойдут к невесте в дом, где родные невесты в торжественной обстановке вручат им платок или шаль с головы невесты. Это значит, что невеста за жениха просватана, вот ему от неё задаток. После этого у невесты начнётся вечерка, ежедневно повторяемая до дня свадьбы.

Мишку усадили около стола, лезли наперебой с вилками и рюмками, как будто он был причиной удачного сватовства. Мишка сидел, широко расставив ноги, смотрел исподлобья.

На пороге появился Васька, увидел Мишку, приостановился, покраснел, как варёный рак, неуверенной походкой подошёл к Мишке, сел рядом, предательски скользнул взглядом по Мишкиному лицу и стал чуть не сквозь слёзы жаловаться на своих родителей: насильно его женят, да ещё и усватали такую девку, которую ему страшно не хочется брать.

В Мишке клокотала злоба, но подошла Васькина мать и ласково заговорила с Мишкой, справляясь о здоровье матери и отца. Мишка остыл, но всё же поднялся уходить. Васька повис на его руке:

— Миша, сейчас пойдём с тобой на вечерку. — Он боялся, чтобы Мишка не увидел Надёжку. Но тот не собирался этого делать и у Васьки не остался. Дома, лёжа на печке, предался невесёлым раздумьям: «Что же делать? Жениться на Гале — ведь от неё дети будут полуказачата, полумужичата, и сам чёрт их

тогда не поймёт. Их, наверное, на коне не выучишь ездить. Да и пойдёт ли ещё она? Здесь-то любила меня, а туда приехала, наверное, уж давно забыла. Ведь их, образованных, сам чёрт не поймёт: на словах одно, а на душе — другое. Надёжка, пожалуй, лучше, она казачка, правда, уж больно бойка, зараза, но у ней уж дети будут настоящие казаки. Нет, придётся посватать Надёжку, уж если не пойдёт, то чёрт с ней, на Гале женюсь».

Мишка послал вдову-родственницу к Надёжке.

Родственница принесла вести только на другой день. Она подала знак Мишке, чтобы он шёл в зал.

— Надёжка вот что сказала, — начала она, — если, говорит, он бросил меня совсем с потрохами и подходить ко мне не подходит уж сто лет, то я хочу его маленько проучить, теперь моя берёт, пусть поклоняется. Пусть он на барыне теперь женится, кляп ему в дыхало, а не Надёжку! — да ка-а-к ишо больше матюкнётся, инды я испугалась. А родители её сказали, чтобы я вечером ишо пришла.

Ни вечером, ни утром Мишка ходить не велел. Он был доволен, может быть, теперь от него отстанут. А Надёжка раскается не десятки, а сотни, тысячи раз.

Его не беспокоили целую неделю. На улицу он тоже не ходил, стыдно было. Слух распустили такой, что будто Мишка сам ходил к Надёжке и упрашивал, в ногах валялся: «Выйди,

ради Бога, за меня замуж, а то повешусь».

А вот она поставила на своём: «Нет и нет...»

«Правильно сделала Надёжка, молодец. Надо хоть одного Беренцова проучить», — не бесцельно одобряли и расхваливали некоторые Надёжку.

В то же время агентура работала: многим хотелось не прозевать момент и породниться с Мишкой, выдав за него родственницу, другим хотелось просто погулять на Мишкиной свадьбе, третьи хотели услужить его родителям.

Через неделю пришла сноха — жена Дмитрия, отозвала Мишку в сторону, стала говорить, как дипломат:

— Миша, я не знаю, кто тебе нравится, но вот я одно скажу, что лучше невест не найдёшь, как во-о-о-он там, в том конце живёт Наташа, ух, хороша девка. Ты её знаешь или нет?

— Нет, не знаю, — отрывисто отрицал Мишка.

— Она краси-и-и-вая, сми-и-и-и-рная, работа-я-я-я-щая и родители хорошие. Её сестра приходила ко мне и сказала, если пойдёшь сватать, то её отдадут.

— Так ведь я же не знаю её и никогда не видел! Что вы все пристали ко мне?

— Ничего, ничего, Миша, узнаешь, понравится она тебе, — невозмутимо, спокойно стояла на своём сноха.

Мишка молчал.

Когда сказали Степану Андреевичу и Елене Степановне,

на какой невесте остановились родственники, то они от удовольствия расцвели: уж больно родители-то невесты хорошие.

Сноху поддержали большинство родственников, и вопрос был решён.

Вечером Мишка пошёл к Паньке в дом.

— А-я-я-я-й, Миша, ты совсем забыл своего товарища, — заметила Панькина мать, — совсем был нас, с неделю не был. Что у тебя со сватовством-то?

— Нос утёрли, тётя, проучить вздумали. Вот теперь и буду век мучиться неженатым, — покраснел и против желания рассмеялся Мишка, проходя в переднюю к Паньке.

— Да уж вот и я говорю: дураки дураками и подохнут. Отказали, а потом будут бегать, сучить голяшками, жаловаться на самих себя, да будет поздно. Их подзудили, дураков, а они рады стараться: трах-бах и отказали, — провожая Мишку, говорила Панькина мать.

Мишка прошёл в светлую спальню, закрыл двери. Панька лежал на спине, не спал:

— Ну, что же не заглядываешь, аль об Надёжке всё плачешь? — смеясь, сказал он.

— Плакать-то не плачу, а вот стыд задушил. Надёжку бы я теперь надвое перерубил за такую обиду. Позавчера гонял коней поить на Урал, увидел её около платяной проруби, она полоскала бельё. Совсем было пошёл к ней, хотел столкнуть в прорубь и

вилами под лёд наладить, но какие-то бабы шли, я вернулся. Теперь вот и сижу, как кобель в своей конуре, никуда не вылезаю, стыдно. Ну а ты скоро из своей берлоги вылезешь? Мне ведь ходить не с кем, вот и сижу на своём пчельнике.

— Если надо, то я сейчас с тобой пойду, — сказал Панька и стал одеваться.

Мать просунула в дверь голову и тихо сказала:

— Миша, тебя домой зовут.

Мишка попросил Паньку обождать, пока он сходит и узнает, в чём дело.

Дома уже собралось около десятка родственников, которые встретили Мишку с особой подчёркнутостью, упрашивая выпить.

Мишка волновался, злился, догадавшись о причине появления родственников, выпил подряд две рюмки. Все занимались отвлечёнными разговорами. С выпивкой наседали на Мишку несколько человек. Он отказался, и так уж выпил, сколько никогда не пил. Тогда его отвели в сторону и передали желание всех родных, а особенно матери и отца — женить его, тем более женитьба уже начата и бросать её на полдороги, значит вызвать насмешки у всей станицы. Мишка позвал «дипломата» в отдельную спальню, закрыл дверь.

— Я себе невесту уже усватал, у меня невеста есть. А Надёжку я сватал — просто пожалел её, дуру, а она, вот видишь, что сделала. А эту саму Наташу, про которую

ты говоришь, я нигде не видел и не знаю. А жениться я до службы теперь не буду. Теперь война, весной могут взять на фронт, за два года раньше времени.

— От-та дурак, неужели ты мне не веришь? Наташа лучше Надёжки в тысячу раз, я её хорошо знаю. А потом вот чего, — вкрадчиво говорил «делегат», — женись, чёрт с ней, чтобы не скучно было, а если весной возьмут на службу, тогда ты — вольный казак: куда надо, туда и поедешь, на ком надо, на том и женишься. А в хозяйстве работница останется, а на тебя и рукой махнут. Вот ты што пойми.

Мишка задумался, он почти дремал. И вдруг, выругавшись, махнул рукой и лёг спать.

Жест приняли за согласие. И отрубил этот жест Мишкину холостяцкую жизнь. С этого момента события, связанные с его женитьбой, развивались как бы сами собой, без него.

Проснувшись среди ночи, Мишка думал: «Что это за Наташа такая? Ведь я же её никогда не видел. Ну ладно, только до службы, а там к Гале подамся». Он отвернулся к стене и снова уснул.

3

Наташа была засватана на второй же день.

Смеркалось. Шумной ватагой повалили Мишкины родственники к дому Наташи, чтобы нализаться до сшиба и получить платок или шаль с головы невесты,

в знак полного её согласия. А потом Мишкины родные привалят назад, прихватив с собой родных Наташи, которые будут смотреть здесь жениха так же, как те смотрели там Наташу, с той лишь разницей, что здесь Мишка новых родных будет угощать самогоном, а там Наташа выходила просто так, напоказ, как на базаре.

Невеста Мишкина уже засватана, его родные уже пошли её смотреть, но Мишка ещё не видел, он пойдёт лишь через час, и хорошее ли она произведёт на него впечатление или плохое, — события будут уже колесить своим чередом.

Пьяная орава, увеличившаяся вдвое, как грозовая туча, двигалась обратно по улице, к дому Веренцовых. Она ввалилась в дом, осаждала спальню, приникала туда, висела на Мишке. Целуют Мишку мужчины, целуют женщины, его ли это родственники или родственники невесты — понять трудно. Они до тех пор надоедали с такими любезностями, пока их кто-то не выгнал из спальни и не загнал за столы, куда были уже усажены все старшие. Со всех сторон кричали: «Жениха давай, жениха смотреть! Может, он плохой, а то и пить не будем, откажемся и уйдём», — преимущественно шутили те, кто хорошо знал Мишку. Не знали его лишь некоторые старшие с другого конца станицы, и совершенно не знали отец и мать невесты.

— А шут их знает, — говорили отец и мать Наташи, когда их спрашивали, знают ли они жениха, — ходят и ходят они целыми табунами по улице, где их знать.

А когда им сказали, что жених очень похож на брата Дмитрия, то они перекрестились и сказали: «Час добрый, мы не супорствуем».

Когда пьяные кричали, требовали жениха, им несколько раз вталкивали из входной двери в комнату какого-нибудь казака, наряженного в лохмотья, измазанного сажей, с криком и руганью:

— Натё, заразы, вот вам жених, только не зевайте.

Толпа с хохотом и руганью выталкивала этого «жениха» обратно, требовала другого, хорошего, а вваливался в дверь ещё страшней. Старшие тоже хохотали над молодёжью. Так продолжалось долго, пока не наигрались досыта. Потом все смолкли, гости приняли серьёзный вид. Мишке подали знак, он вышел из спальни, поздоровался, поклонился, грустно, утомлённо ожидал подноса с налитыми рюмками.

Отец Наташи что-то часто глотал и выгирал ладонью с растопыренными пальцами усы, губы и бороду, потом часто заморгал и зашептал: то ли потихоньку ругался, то ли читал молитву.

Степан Андреевич сидел в переднем углу рядом со своими новыми сватами, вопросительно заглядывал им в глаза, в глаза других гостей, как будто спрашивал:

«Ну как вы находите того, которого я таким сумел приготовить для вашей невесты? Не хвалитесь своей невестой, мой жених лучше!»

Молодёжь выкрикивала похвалы жениху, другие шутили, кричали: «Плохой, не годится...»

Елена Степановна вытирала слёзы.

К Мишке подбегали девушки, посланные невестой, сообщали: невеста ждёт.

По дороге Мишка зашёл за Панькой. Ватага девушек осталась у двора. Панька сидел одетый в спальне, ждал.

— Ну говори... Как и што... — поторопил Панька друга.

— Закружили башку и всё, что я больше могу сказать, — вздохнув, ответил Мишка.

— Но она будто ничего девка, я её немного знаю. Косили как-то в лугах рядом сено. Ну а ты-то её знаешь хоть немного? — спросил приятель.

— Да ни черта не знаю, и не видел сроду. Вот сейчас только смотреть иду, пришёл за тобой. Давай вместе пойдём смотреть, а то один влипнуть могу: молока не будет давать и телят не будет, — смеялся Мишка.

— Да теперь она хоть век без молока будет ходить. Так всё равно уж купил, — смеялись оба, выходя к девушкам.

В комнате невесты полно народу. Шум, говор, смех, подаются голоса грудные дети. Свободное место лишь на два-три шага от порога. Полукругом стояли

девушки, за ними любопытствующие женщины.

Мишка с Панькой перешагнули порог. В глазах зарябило от разноцветных полушалок, платков, лент в косах. Все, как на невидаль, уставились на жениха, рассматривая с головы до ног. Любопытно до слёз!

Но вот гости притихли, подались к дверям горницы, из которой появилась фигура, одетая в старое пальто и закутанная шалью до глаз. Поддерживаемая под руку свахой, она ковляла к жениху, прихрамывая на обе ноги.

Мишка побледнел: «Вот влип! Пока не поздно, надо бежать». оглянулся — кругом женщины, не убежишь без свалки. А Панька подлил масла в огонь:

— Здорово ты врезался, Мишка!

Кто-то крикнул:

— Это не она, не невеста! Мы-то знаем!

«Хромая» громко рассмеялась и убежала.

Робея, из горницы вышла в окружении подруг полная девушка в светло-коричневом шерстяном, отделанном по подолу и рукавам кружевными узорами платье. В руках поднос, на нём наборный серебряными пластинами казачий ремешок — подарок жениху. Шагнула навстречу Мишке, он остановил на ней упорный взгляд: «Она! Других-то всех знаю. А красивая!»

Под Мишкиным взглядом невеста отступила назад, показав

из-под платья белые туфельки на низких каблуках – Мишка решил, что она выше его – на мгновение остановилась и, как будто собрав силы и храбрясь, кем-то подтолкнутая в спину, пошла вперёд.

Мишка смотрел на её тёмно-русую голову с невидимой отсюда – он знал – тугой косой с бантами, на искристые оборочки на шее вокруг белого воротничка, на золотые серьги – подарок снохи Анастасии и брата Василия.

Теперь и все смотрели на Наташу. Она вспыхнула всем своим нежным лицом, но тут же взяла себя в руки, улыбаясь до ямочек на щеках, остановив на женихе взгляд тёмно-серых глаз. Мишка не выдержал, быстро подошёл к ней, взял подарок и обняв, поцеловал в полуоткрытые губы.

Наташа подала Михаилу мягкую ладошку и повела через расступившуюся толпу. Он искоса взглянул на невесту, и его обдало изнутри пламенем. Он крепко сжал Наташину ладонь, та тихо ойкнула и усадила жениха перед маленьким столиком.

Здесь, за этим столом, жених и невеста будут сидеть каждый вечер – от одной до трёх недель, пока родители не договорятся о дне свадьбы.

На столе яблоки, конфеты, печенье, другие сладости и грызковые семечки. Сюда подходят и садятся девушки, парни, родственники, знакомые, чтобы поиграть в подкидного с женихом и невестой.

В других комнатах танцы, игры, шутки, одним словом – веселье.

За день до Мишкиного платка Надёжка обвенчалась с Васькой, а к концу Мишкиного девишника по станице поползли слухи, что Надёжку невзлюбила свекровь за какие-то «круглые слова», и Надёжке от мужниной матери нет житья. Васькины братишки обзывают Надёжку разными скверными словами, а та посылает их вместе с матерью ко всем чертям, а то и дальше... Вот теперь Надёжка подол в зубы и бежит к родителям, жалуется на свою горькую долю...

Настал день Мишкиной свадьбы. Как только кончилась обедня, молодые мужчины стали выезжать на тройках с колокольцами, с лентами в конских гривах и хвостах, на дугах и хомутах. Это приглашённые Мишкой товарищи и родственники со своей и невестиной стороны. Вечером они должны везти поездом жениха и невесту в церковь венчать. А сейчас катаются, развлекаясь, по улицам.

После того, как от невесты приехала с её добром пьяная орава на двух-трёх подводах и её выпроводили, предварительно залив водкой, как сельдь уксусом, Мишку стали собирать к венцу.

На полу перед образами разостлали огромную кошму. Мишка, склонив голову, встал на эту кошму перед сидящими родителями, крёстным и крёстной, чтобы они благословили его иконой

и хлебом. Он в это время кланялся три раза в пояс и три раза в землю. Теперь со своим поездом он должен ехать к невесте, которую к этому времени свои тоже благословили и ожидали жениха, чтобы благословить их вместе и повезти в церковь.

Во дворе Веренцовых готовились ехать за невестой: четыре тройки впряжены в убранные коврами санки, коренники — серые в яблоках, пристяжные — карие. На конях попоны. Под дугами коренников — бубенцы и колокольчики. Дуги в кумачовых и голубых лентах, ленты вплетены в конские гривы, чёлки, хвосты. Сбруя коней, уздечки, хомуты, шорки, шлеи искрятся наборными пластинками. Кони не стоят, рвутся с места, хотят скакать на просторе. Рукава коротких бекеш казаков белеют повязками — свадьба!

Женщины в полусапожках, в разноцветных широких юбках из дорогих тканей, на головах пуховые платки или цветные кашемировые полушалки. Верхняя одежда слепит расцветкой, она чуть ниже талии и подчёркивает стройные фигуры. Все ядрёные, пышные — кровь с молоком. Лица весёлые, одно красивее другого, одним словом, — вольные казачки. Во дворе — шум, смех, веселье, гармошка играет частушки. На первых санках жених, дружка Николай, двоюродный брат Мишки, сваха Анна, разбитная, красивая, средних лет. На других санках родные и друзья.

Некоторые на конях верхами будут сопровождать поезд.

— Все ли сели? — крикнул дружка.

— Все, друженька! — нестройно, шало ответил поезд.

— Всё ли взяли?

— Всё, друженька!

— Тогда с богом! — крикнул дружка и махнул рукой вперёд.

Тройки одна за другой выскочили из ворот Веренцовых. Толпа у двора и на улице, наблюдавшая выезд жениха, отхлынула на обе стороны. Кучер, сидящий на передних санках у жениха, пронзительно свистнул. Кони, испугавшись, присели и рванулись, готовые выскочить из упряжи, понеслись стрелой вдоль улицы, выбрасывая из-под копыт шматки снега во все стороны. Заиграли гармошки на санках, и в такт им хрястнула разудалая оренбургская частушка с присвистом и гиканием, захватив, как ураганом, своим весельем несколько улиц станицы. Женщины махали испуганно платочками.

У ворот невесты такая же огромная толпа ожидала поезд жениха. Некоторые уже «погрелись» и навеселе.

— Што-то долго нет жениха?

— Можя, отказался? А то мы вмиг жениха другова найдём. Невеста-то вон какая сдоба! — шутят у ворот.

Вдали, по улице, появились скачущие во весь опор тройки.

Слышна игра гармошек и разудалая игристая частушка. Тройки вихрем влетели во двор

Бурлуцких. С шумом и смехом ссыпались поезжане с санок.

Дружка соскочил, подал руку жениху и повёл его к надворному крыльцу. За ними толпа поезжан.

Взошли на крыльцо. Двери закрыты, за ними слышны смех, хихиканье. Дружка постучал черенком нагайки в дверь, громко сказал:

– Господи Иисусе Христе, помилуй нас!

– Аминь! – откликнулись в сенях.

Дружка три раза повторил стук и заклинание.

– Можно зайти?

Двери открыли.

– Пожалуйста, дорогие сроднички, милости просим, – сказала сваха и поднесла дружке стакан самогона: – Примите с поклоном! – и низко поклонилась.

Поезжанам во дворе подносили по две рюмки и закуску. После этого они с большим подъёмом играли на гармошках и пели в припляс частушки.

В горнице под образами сидела Нагаша в полном убранстве. На одной стороне стола – родня невесты. За маленьким столиком перед невестой на табуретках блестяли сапожками два мальчика лет по двенадцати – её охрана, «торговцы» косою в белых рубашках, расшитых цветочками по приполку, воротнику и рукавам. Чубы расчёсаны набок. У одного в руках свёрнутая вдвое нагайка. На столике деревянная, круглая, крашеная, в цветочках чашка.

Николай вынул из кармана щепоть медной мелочи и бросил в чашку. Оба «продавца» как по команде заглянули туда.

Один из них ударил нагайкой о стол. И оба в один голос:

– Э, мало! Не продадим косу невесты!

Николай из другого кармана вынул щепоть серебряной мелочи и положил в чашку.

«Продавцы» заглянули в чашку – и снова удар нагайки о стол: – Э-э... – закричали «продавцы» – мало! Не продадим косу!

Николай опять опустил руку в карман, теперь уже брючной, достал два полтинника и положил в чашку.

Ребята оба заглядывают в неё, смотрят друг на друга, ухмыляются и опять «хлоп» по столу нагайкой:

– Э-э-э, – ещё громче затянули «продавцы». – Мало! Не продадим косу!

У дружки выступил бисером пот на носу.

Николай опустил руку в другой карман брюк, вынул две бумажки по рублю: «Если ещё запросят, – хоть беги домой за деньгами или покупай в долг косу. Вот бестии! Взять бы нагайку да отхлестать вас, шельмецов!»

В это время кто-то из родных дёрнул за чуб одного из «продавцов» – хватит тянуть.

На этом «продажа» косы невесты закончилась. Николай подал жениху один конец платочка, держась сам за другой, повёл его к невесте.

Здесь родители Наташи благо- словили их иконой, хлебом и со- лью, осыпали хмелем на счастье.

За длинным столом, в конце которого под образами посадили жениха с невестой, все выпили и закусили. И поехали в церковь на венчание.

Было уже поздно. Тройки вы- скочили со двора невесты на ули- цу, к ним присоединились санки её родственников, и весь поезд полетел в центр станицы, к церк- ви.

Мишка с Наташей сидели на передних санках, с ними дружка. Ноги до пояса укрыты тулупами. Ветер свистит от быстрого бега тройки.

Вот мелькнули окна Надёж- киного дома. Как будто шилом кольнул Мишку в сердце позор, нанесённый ему. Он задумался... Пустырь, летевший навстречу, напомнил детство, когда они с Панькой выскакивали отсюда верхом на свиньях, и те в сумас- шедшей гонке скакали со своими седоками. И теперь Панька был рядом. Он скакал вслед за Миш- кой как ближайший друг и весело смеялся со своей Веркой и её под- ругой. Мишка улыбнулся.

Резко вырос, надвинулся дом, в котором жила Галя. Вот её комнаты, сюда он пришёл к ней впервые, за этим окном он полюбил её... Здесь сидел ноча- ми после её отъезда. У Мишки стало ломить виски, ему стыдно было смотреть на её окно. А дом как будто иронически улыбал- ся. Мишка отвернулся. Забывая

было тоска подкатила комом к горлу. Мишка хотел заплакать, соскочить с санок и убежать, но незнакомое оцепенение удержало его на месте...

Тем временем безжалостно быстро двигалась навстречу цер- ковная площадь. Вот она уже у ног передних коней.

Страшная, пирамидальная, тёмная громадина церкви со мно- жеством слеповатых, решетчатых глаз — как тюрьма, тускло осве- щённая изнутри, смотрела из глу- бины площади на Мишкин поезд.

Огромные церковные две- ри, словно две необыкновенные губы, пропустили Мишку и На- ташу в пасть этого призрака, что- бы обсосать с жертвы красоту и волю и выплюнуть.

Церковь встретила живой стеной народа, заворожёнными взглядами женских глаз. Мишка и Наташа стояли рядом. Миш- ка свирепо смотрел на аналой, словно приходя в себя, думал: «А ведь так и женят они меня, да уж без малова женили», — и беззвуч- но, бессловесно ругался. Наташа несколько раз вскользь посмотре- ла на Мишку.

В толпе выделялась высокая женская фигура, это была учи- тельница Анна Григорьевна Голо- щапова, старая дева. Она ходила к Веренцовым и любила Мишку, как сына или брата. Вздохнув, она громко сказала:

— Ах, какая хорошая пара, какая красота, ну просто восхи- щение!

Женщины молча кивали голо- вами в знак согласия.

Наташа ещё раз посмотрела на Мишку.

– Вот ещё, нашла где хвалить, и так стыдно, все вытаращили зенки, как на медведей, – шёпотом сказал Мишка. Он свирепо, вскользя посмотрел на людей, как на место казни, где преступника окружают только враги.

Поодаль, сбоку стояла низко подвязанная шалью, с бледным лицом и виноватым, страдающим взглядом Надёжка.

Мишка не слышал, что говорил и пел священник, и только когда он со словами: «И положил на головах его венцы» подошёл к ним, Мишка увидел, как священник взял венцы с подноса в руках псаломщика, чтобы надеть на их головы.

Тяжёлый, бронзовый, под цвет золота, холодный венец придавил косички волос на Мишкином лбу. Как символ гнёта и вечных уз, венец тесным, острым обручем сдавил голову со всех сторон.

Мишке показалось, что по нему дали залп, но совсем не убили, а только изранили. Наташа нервно переступала с ноги на ногу. Ей хотелось, чтобы всё закончилось поскорее.

Новобрачных повели из церкви. Они шли рядом, держась за платочек. Толпа следовала за ними. Ближе к Наташе шла сзади Надёжка, она что-то шептала. А когда пришла домой, набросилась на Ваську:

– Ну што, брехун, язззви-те! Говорил, Мишка на барыне, на

барыне будет жениться, да в этом году и не будет жениться. Да ты и письмо-то, наверно, сам написал, дурак...

– Что орёшь? – отговаривался Васька.

Из церкви новобрачных встретили Мишкины родители. В дом Веренцовых вошли по той же кошме, на которой новобрачных благословляли иконой и хлебом с солью.

Чего только не было в горнице на столах, накрытых белоснежными скатертями! Варёное и жареное мясо, заливная красная рыба, жареные сом, судак, осётр. Холодцы из свиных, утиных и гусиных ножек, гуси, утки, куры в соусах с картофелем, пироги с рыбой, утиным мясом, огурцы и помидоры в рассолах, в глубоких чашках куски солёных арбузов в своём соку, пирожки с калиной, ежевикой, вишней, клюквенные, вишнёвые и ежевичные кисели и ещё множество всякой всячины. Не было на столах свободного места! А посреди этих груд яств возвышались, как наблюдатели за порядком, четверти с самогонном. Для новобрачных – бутылка дорогого вина.

Ничего не пожалел Степан Андреевич для младшего сына. Приглашённых с обеих сторон немало – около шестидесяти человек. Нужно показать товар лицом, чтобы гости не осудили в жадности – это было бы позором на всю станицу.

Отец и мать Наташи смотрели на всё это убранство со своим

интересом — прикидывали, как бы завтра «не упасть в грязь лицом», ещё лучше приветить своих гостей.

Новобрачных усадили в передний угол, под образа. Мишке в своём доме было легче, а бедная Наташа сидела, как в тумане, всё, казалось, происходило не с ней. Щёки пылали, как будто жгло их пламя костра. Когда кричали «Горько», она машинально вставала, подставляла губы для поцелуев: «Скорее бы кончились эти мучения». Этому вечеру, казалось ей, не будет конца.

По обе стороны рядом с новобрачными — их родители. Дальше — крёстные отцы и матери, потом почётные, убелённые сединами старики — у многих на мундирах два-три Георгиевских креста, а то и целый бант, и медали за военные кампании. За ними остальные приглашённые.

Наконец все расселись, успокоились. Всем налит самогон в рюмки, стаканы. Родители жениха и невесты первыми чокаются с молодыми, поздравляют их с законным браком, целуются с ними. Все встают с налитой посудой в руках, поздравляют молодых, протягивают руки с рюмками, чокаются, кричат: «Горько! Ура!» Всем распоряжается дружка. Молодожёны только пригубливают, пить не полагаются, грех.

После первых рюмок наливают ещё, а потом пошло и пошло, и закружилось в удалом вихре. Поминутно слышны выкрики:

«Горько!» Кто-то кричит после поцелуя: «Сладко!» Веселье берёт верх. Под гармошку по полу, как по булыжнику оцинкованными колёсами, отстукивают плясуны каблуками «казачка», «цыганочку», «барыню». Под гармошку, в пляске, поют разухабистые частушки с разбойничьим присвистом, хоть уши затыкай. Шум, крик, смех, шутки. Одним словом — гулянье.

4

Елена Степановна не переставала плакать в последние дни: за два дня до свадьбы, когда Мишка уезжал за сеном, принесли письмо от Дмитрия. Елена Степановна попросила сноху прочитать письмо. Дмитрий писал брату о Гале. Из письма женщины поняли, что Михаил хочет жениться на какой-то Гале, не иначе как учительнице соседней станицы, а Дмитрий не только соглашается, но и настаивает не упускать хорошей и образованной женщины, привести её в дом, но пока не венчаться, а под её руководством закончить курс учёбы, поступить в юнкерское училище, тогда обвенчаться, так как женатого в училище могут не принять, даже не считаясь с военным временем.

Елена Степановна и сноха поспешили запрятать это письмо, чтобы оно не попало в руки Миши до свадьбы, иначе он переломает всё дело и всё приготовленное пропадёт. Столько наготовили самогона, кислушки наварили, разных сладостей из

города навезли, а тут вдруг — на поди! Самогон весь прахом пойдёт, его выжрут за одну неделю мужчины-родственники, пронюхают и будут являться чем свет каждый день. Кислушка тоже вся прокиснет, разные сладости из города тоже съешь, не утерпишь. А стыда сколько? Скажут: «То сватали, а потом сами отказались». Нет уж, видно, что Бог даст. Они решили отдать письмо после свадьбы.

Елена Степановна запрятала письмо, вздохнула: «Ну, как Бог миловал, не попало письмо Мише. Сколько бы оно горя принесло. А изъяну-то, изъяну сколько? Рублей на триста».

Не понимала мать, как можно исковеркать жизнь самого любимого из детей.

Теперь она сомневалась не только в своём поступке, но и в прочности Мишкиного брака — и плакала. Не знала Елена Степановна, что те триста рублей, которые она боялась потерять, были бы много раз возмещены восемнадцатью тысячами Галиного приданого...

Кругом кричали: «Горько!» Мать не могла смотреть на Мишку без слёз. А Мишка думал о Гале. Если бы она нашла Анну Григорьевну и договорилась учительствовать, то та допыталась бы у Гали о её цели и, любя Мишку, специально выехала бы в станицу, чтобы повлиять на Веренцовых, тотчас женить Мишку на Гале, и теперь рядом с Мишкой сидела бы она, а не Наташа...

Если б Дмитрий был дома к приезду Галиного отца, он пошёл бы к Борису Васильевичу, договорился с ним, привёл Галю за руку в дом отца и сказал бы: «Вот вам сноха, а муж её — мой младший брат!» И сейчас Галя сидела бы рядом с Михаилом, пусть не обвенчанная, но уже обручённая... А если бы осталась учительствовать в станице, то Мишка гулял бы с ней, приводил домой, под её руководством учился, а к окончанию Галиного учебного сезона и он закончил бы курс за шесть классов гимназии. А там, пользуясь связями старшего брата с войсковым начальством, поступил бы в юнкерское училище и тут же обвенчался бы с Галей.

Ну а что теперь? Один выход: не ждать призыва, убежать в Калугу. Мишка не слышал, что ему кричали.

Балагур и песенник на всю станицу племянник Степана Андреевича Егор Веренцов затягивает любимую всеми песню «Скакал казак». Вначале пробует высоту: кому каким голосом петь.

У Егора высокий, бархатный голос, он сразу привлекает внимание. Эта песня вызывает у всех жалость к казаку, стремившемуся в свою станицу, где его встречает беда, и судьба резко меняется. Они чувствуют, что такое могло случиться с каждым. Правдивую песню любят.

Егор начинает протяжно:

*Ска-а-кал ка-а-за-ак через
до-ли-и-ну-у...*

Подхватывают вначале вразброд, потом выравниваются:

Через Ма-аньчжурские
поля-я.

Скакал он, вса-а-дник
оди-но-о-кий,

Блестит колечко на-а руке-е.

Песня ведётся голосами то
вверх, то вниз, как бы загухая,
и представляется: скачет казак по
долине – то вверх, то вниз, и пес-
ня скачет вместе с ним.

Егор продолжает плавно:

Кольцо ка-а-за-а-чка
по-о-дари-ла-а...

Хор голосов не вразброд,
стройно, подхватывает:

Когда ка-а-зак шёл во поход –

Она да-а-ри-и-ла,
го-о-во-ри-и-ла...

На слове «дарила» Егор под-
нял высоко голос и продолжал:

Что через год буду-у твоя.

Песня возбуждает, захватыва-
ет и тех, кто не пел, а только
слушал уже в сотый, может быть,
раз. Женщины высокими голо-
сами тянут на самую вершину.
Егор повествует:

Вот год прошёл, ка-а-зак
стрело-о-ю-ю...

Хор вклинивается возбуж-
дённо:

В село-о ро-о-дное
поскака-а-л,

Завидел ха-а-ту под горо-о-ю,

Забилось сердце ка-а-зака...

Песня хватает не только за
сердце, – забирается под рубаш-
ки, вызывает мурашки по коже.

Егор повторяет ещё раз, чтобы
все прочувствовали ситуацию:

Завидел ха-а-ту по-од
горо-о-ю-ю,

Хор тянет:

Забии-и-лось сердце
ка-а-зака...

Навстречу шла ему
стару-у-ушка

И что-то шепчет про себя...

Егор ведёт судьбу:
Напрасно ты, казак,
стреми-и-шься-а...

Голоса подхватывают:
Напрасно мучаешь коня,
Тебе ка-а-зачка изменила,
Другому сердце отдала-а-а.

Егор продолжает своим бар-
хатным голосом:

И повернул казак налево-о-о...

Все, опустив головы, взды-
хают:

И в чисто поле поскакал,
Он снял с плеча свою
винтовку

И жизнь покончил навсегда-а,

Егор повторяет:
Он снял с плеча-а свою
винтовку-у...

Весь хор подтягивает:
И жизнь покончил навсегда.
Пускай казачка вспоминает
Меня, лихого ка-а-за-ка-а.

Песня возбудила давно про-
житое и забытое, но в глубине
души оставшееся. Может быть,
вот так же кто-то из сидящих
здесь скакал в родную станицу
с надеждой, а получил разоча-
рование... нужна была разрядка.
Давай гармошку! Она развеет
грусть. И пошли разухабистые
припевки с приплясом, с при-
свистом.

Сват, Наташин отец, скло-
нившись к Степану Андреевичу,
говорил:

– Эх, Егорка-то, и мастак...
песню вести, за груди хватает.

Кто не умеет петь, дак и тот запоёт. Давай, сват, выпьем за молодых. Дай им Бог мира и благополучия в жизни.

После частушек затагнули про Ермака Тимофеевича. Егор, опять лаская душу, начал:

*Ревела буря, дождь шуме-е-л,
Во мраке молния блистала...
Стройно подхватили:
И беспрерывно гром
греме-е-л...*

Басы низили последнее слово, а Егор поднял свой голос до той высоты, где гремит гром и молнии блистают. И — тихо:

*И ветры в дебрях бушевали...
Егор вёл дальше:
Ко славе страстию дыша,
В стране суровой и
угрюмой...*

Хор голосов на подъёме:
На диком бреге Иртыша-а-а
Хор понижает:
*Сидел Ермак, объятый
думой...*

Егор:
*Това-а-ри-щи его трудов,
Побед и громкозвучной
славы...*

Голоса — с подъёмом:
*Среди рас-ки-ну-тых
ша-а-тров
Беспечно спали средь
дубравы.*

Кому-то эта песня показалась слишком длинной, предложили другую — украинскую:

— Давай Дороша!

Егор и эту хорошо знает.

Наташин отец встрепенулся, как же, бурлуцкие — потомки запорожцев. А он — Пётр Бурлуцкий,

сердце зажглось! А песня о запорожцах.

Егор тянет:

*Тай на, тай на горе жницы
жито жнуть,
Тай на, тай на горе жницы
жито жнуть.*

Хор подхватывает:

*А по-тид горо-о-о-ю, ярм,
дольно-о-о-ю*
Казаки йдуть.

Гей! Дольною гей!

Широкою — хорошенько!

Егор продолжает:

*По-не, попереду Дорошенко,
По-не, попереду Дорошенко...*

Хор как громом ударил, даже стёкла задребезжали:

*Веде своё вйско, вйско
запорижско —*

Хорошенько!

Гей! Дольною, гей! Гей!

Широко-о-ю — хорошенько!

Егор своим высоким бархатным голосом витал где-то в небесах — не уловишь:

*А-но, а позади Сагайдачный,
А-но, а позади Сагайдачный...*

Хор тянет укоризненно:

*Шо промэнав жи-и-нку, за
тютюн да люу-ульку*

Необбачный.

Гей! Широко-о-ю. Гей!

Широко-о-ю — необбачный.

Егор как бы слушает Сагайдачного:

*Мэнэ, мэнэ з жинкой
нэ возыться,*

*Мэнэ, мэнэ з жинкой
нэ возыться.*

Хор утверждает:

*А тютюн да лю-у-у-лька
казаку в доро-о-зе*

Прыгодытсья.

Гей! Дольною, Гей!
Широко-о-ю

Пригодьтсь!

Егор следит за конницей запорожцев и зовёт:

Тай, вер, тай, вернься,
Сагайдачный,
Тай, вер, тай, вернься,
Сагайдачный.

Хор как бы приказывает:
Возмы свою жинку и тютюн
да люльку необбачный

Гей! Широко-о-ю, Гей!
Широко-о-ю необбачный.

Украинские песни умели петь, половина станицы была из украинских казаков, близки были всем тягучие, прелестные песни. А эта, про запорожцев, в сердце каждого казака-благословенца. После неё затянули тоже казачью «Солнце скрылось за горою». Потом про Стеньку Разина, потом про цыгана: «Один цыган не пьёт, не гуляет» и припев искристый: «Стояла, думала цыганочка молодая»...

Веселье продолжалось до глубокой ночи... Разошлись по домам кто как мог. Тех, кто жил далеко, на краю станицы, развозили на санях навалом.

От шума, нервного напряжения у Мишки разболелась голова. Он не помнил, как уснул. Проснулся поздно, Наташи около него не было, ушла, видно, помогать матери-свекрови и женщинам стряпать.

«Куда же она убежала? Уж очень что-то заботливой хочет себя показать... А что если бы на Балкуньс жениться да пойти по

улице, а она шла бы в брюках с забранными в них платьями... Вот потехи-то наделал бы, ребятишек собрал со всей станицы», — с грустной беспешачностью думал Мишка.

На другой день назначили сбор у родителей Наташи.

Новобрачные приехали на санках. Приглашённые пришли почти вовремя, некоторые уже навеселе.

Столы ломились. Бурлуцкие даже превзошли Веренцовых: под конец вечера выставили свежие арбузы и дыни.

И песни пели тоже старинные, казачьи — русские и украинские.

Брат Наташи — Василий незаметно отлучился и появился уже в украинской одежде: в широких красных бархатных шароварах, заправленных в хромовые полусапожки на низком каблуке; в белой рубашке, расшитой на рукавах и груди замысловатыми рисунками и заправленной в шаровары. В тонкой талии перетянут голубым кушаком. На голове — чуть набок — папаха из мелкого каракуля с голубым верхом. Изпод папахи падает смоляной чуб. Глаза у Василия большие карие, брови чёрные, усы мышинными хвостиками опускаются по углам рта. Едва показавшись он среди гостей, все повернулись в его сторону, разглядывая и улыбаясь.

— Василь, «казачка» резани! — закричали гости.

И Василий «резанул». После «казачка» станцевал чечётку, да так, как будто только этим и

занимался всю жизнь. Ноги летали неуловимо, а сам улыбался, показывая из-под усов белые, как сахар, ровные зубы.

Ему кричали: «Молодчина, Василь! Ура Васе!»

И опять гуляли до глубокой ночи. Домой развозили на санях, как и от Веренцовых, навалом.

Гулянки продолжались почти две недели. Родственников с обеих сторон много, у всех нужно побывать, и везде шумно, весело, пьяно. Песни, пляски, припевки под гармошки. И всё же не до всех дошла очередь. Устали от суеты, шума, да и хозяйством нужно заняться. Скотина вовремя не поена, не кормлена, не убрана. Коровы выглядывают через ворота заднего двора, орут во всё горло трубным призывом: просят напоить и подоить.

Весёлая толпа по несколько раз в день проходила по улицам станицы с плясками, пением под гармошку. Молодые женщины забегали на Надёжкино крыльцо, испуганно плясали на нём и кричали среди улицы: «Можа, суда зайдём?» Надёжкины родные не показывались даже в окнах.

Мишка и Наташа за толпой не ходили. Они ездили на санках или уходили другой дорогой.

5

После окончания свадьбы Елена Степановна достала из сундука письмо Дмитрия, адресованное Мишке. Бледная, как стенка, с опущенными глазами, мать дрожащей рукой подала

Мишке письмо и отошла в сторону, а потом, вытирая фартуком слёзы, ушла в другую комнату, готовясь выслушать всё, что может сказать оскорблённый сын. Она с минуты на минуту ждала этого, как ждут облегчения своим страданиям, ясно сознавая, какую обиду, а может, несчастье могла принести сыну.

Взяв письмо от брата, Мишка поблудил, потом щёки загорелись. Руки тряслись, болью сжало сердце. Мать всегда торжественно вручала ему письма от старшего брата, с радостью слушала чтение до конца. Исчезновение матери указывало на какую-то непонятную связь её с письмом, какую-то вину.

Мишка поднёс к глазам лист бумаги, исписанный родным почерком: «Здравствуй, Мишенька! Я очень и очень рад твоему счастью, которое ты приобретёшь, женившись на этой Гале. Вы будете гордостью не только нашего родства, но и всей станицы. Много говорить на эту тему не буду. Сейчас же, не медля ни минуты, веди её в дом, каких бы трудов и какой бы цены это ни стоило. Женщине, о которой ты пишешь, нет равных не только в станице. Моя задача тебе такая: к моему приезду ты должен быть на ней женат. Об этом скажи тятю и маме. Несмотря на женатое положение, добьюсь твоего зачисления в юнкерское училище — поможет образование твоей жены. Итак, договорились. Других разговоров на эту тему не может быть. Если встретишь какие-нибудь

препятствия, шли мне сейчас же телеграмму. Надеюсь, не пройдёт и месяца, как ты будешь женат на ней, если ты – мужчина и казак. Действуй смелее, решительно, независимо. Целую всех! Дмитрий».

Мишка несколько раз прерывал чтение – в висках стучало, тошнило. Дочитав до конца, он, как больной, поплёлся в другую комнату. Там с вопросительным-покаянным видом стояла мать.

Походя мимо с опущенной головой, Мишка без слов, укоряюще взглянул на неё. Он лёг на кровать и словно провалился в сон. До вечера он не вспомнил о еде, не ел и на другой день.

Подходила Наташа, не зная причины болезни, клала на голову руку. Мишка нежно гладил её руку, как будто говоря: «Оба мы с тобой несчастные, а особенно – ты...» С Наташей Мишке было скучнее, чем одному. Пытался играть с ней в снежки, игра не получалась. Наташа скоро убегала в комнату и больше не возвращалась. Мишка со снегом нападал на мать и Дуняшу, те ему отвечали, и он играл с ними. Вечером уходил к товарищам, сидел там до полночи. Придя домой, находил Наташу всегда спящей, а просыпаясь, она никогда не делала ему замечаний. Он не уделял ей внимания, которого она и не требовала, как будто не нуждалась в нём.

6

Приехав домой, Галя испытывала гложащую её со всех сторон тоску. Первое время с часу на

час ждала почтальона. Хотелось увидеть из Мишкиных писем, насколько откровенен он и прям с ней. Строчки писем даже показывала матери, особенно чуткой к чужой психологии – этому учила и Галю. Вдвоём они заключали, что Михаил не из тех, кто лжёт, глядя в глаза и не краснея. И что такой же он и в письмах.

С наступлением лета мать Гали решила ехать в Благословенную, посмотреть Веренцова, а если удастся, то и поговорить с ним, не выдавая себя. Конечно, если до начала лета Михаила не мобилизуют на фронт.

Борис Васильевич давно уже понял бесполезность уговоров дочери, теперь он ждал или приезда Веренцова или отъезда Гали. Пожалуй, в обоих случаях придётся продать дом и предприятие и переселиться в Оренбург. Он был уверен, что Михаила к Калуге надолго не привяжешь, будет рваться в станицу, в свои степи.

Борис Васильевич дал согласие на поездку жены с наступлением лета.

Мишка тем временем писал письма, зубрил учебники и вечерами похаживал на улицу к товарищам. Наташа ему не препятствовала.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1

Третье марта 1917 года.

Рано утром к Веренцовым в волнении прибежала соседка

и тихо зашептала Елене Степановне:

— Кума, что я слышала: будто бы царя сменили. Вот ей-богу, Агафья говорила, — она часто крестилась, что-то глотая. У Елены Степановны вытянулось лицо, она перекрестилась.

— Што ты, што ты, кума! Бог милостив, не допустит. Гы, помазанника Божьего, да чо там говорить, да кто может его сменить? Пусть не болтает эта Гашка, ей всегда все книги в руки. Ты уж, кума, при Степане-то не говори, а то он нам обеим хвосты накрутит да твоему скажет, а тот прибавит, — шёпотом предостерегла Веренцова. В коридоре послышались шаги. Кто-то крепко рванул морозную дверь. На пороге появился Степан Андреевич с белой от мороза бородой.

— Вот оно, было начало таять, а потом опять заковало, инды дух захватывает. Здорово, кума Васильевна! Чо кум делает? — спросил Веренцов.

Васильевна подвинулась раза два по скамейке взад и вперёд, виновато поморгала и, как будто оправдываясь, сказала:

— Да мой уехал в город, а я вот пришла к куме Степановне, да так, кое о чём болтам. Бабы ведь: чо правда, чо неправда, всё болтам.

Степан Андреевич испытующе посмотрел на обеих. Он догадался, что между ними был какой-то разговор, прекращённый с его приходом, и, раздеваясь, спросил:

— Ну чо же вы, кума, здесь болтали-то? Мне тоже охота послушать. Кума нет, дак хоть с вами поболтать. — Женщины переглянулись. Васильевна смотрела вниз, размышляла: «Если сказать, то этот только поматерит, да и только, а уж если мужу скажет, то тот обязательно задницу напорет. Вот ещё с этой Агашкой связалась, подь она вся к чёрту». Елена Степановна тоже взвешивала про себя: «Ишшо тут эту чёрт принёс, теперь, если сказать, то как бы обеим не наклал, но слух-то уж больно интересный».

— Да вот как бы тебе сказать... Кума говорит, Агафья сказывала, чо, мол, дескать, там с царём, с батюшкой неладно, — вспотев, говорила Веренцова, часто утирая нос и моргая глазами.

Степан Андреевич нахмурился и насторожился. Васильевна рысью затрусилась к порогу, на ходу подвизывая спадавшую юбку:

— Ах, батюшки, у меня там калачи, наверное, сторели... Приходите к нам, — уже за дверью крикнула кума.

Степан Андреевич ходил, потирая холодные руки. А когда доходил до передней стены, где около стола стояла Елена Степановна, та с каждым разом пятилась подальше за печку, чуть-чуть поворачиваясь в сторону мужа, боялась.

Опасное, неловкое положение матери спас Мишка. Он вбежал со двора, куда только что пригнал коней с водопоя, закрыл двери и вкрадчиво сказал:

– Тятя, все люди говорят, что царя сменили и на его месте пока никого нет... Да не маши рукой. Вот сейчас на прорубях казаки говорили, вчера из города газеты привезли и читали.

– Язык надо под корень отрезать, кто говорит, – возразил Степан Андреевич. – Ну, если бы нашёлся какой дурак сменить, то сейчас другой был бы: ну, Николай Николаевич или ещё кто, а то – никого нет. Да как же мы-то сейчас с тобой живём без царя? Ведь это же, что без Бога... Нет, сынок, ты не верь бабским словам. Вот оне, черти лупоглазые, – показал Степан Андреевич на жену, – сейчас мне тоже сказывали, что Агафья им говорила. Ну уж если Агафья сказала, то, значит, правда, – горько улыбнулся он. – Ну, вот уж кума дождёмся из города, он привезёт газету. Посмотрим, что это за музыка...

Обеду помешал соседский мальчик, посланный отцом, вернувшимся из города: «Отец скорее зовёт дядю Степана читать больно антиресную газету». Степан Андреевич бросил ложку, бегом побежал за новостями.

Не прошло и десяти минут, как он возвратился с соседом-кумом и газетой в руках. Под крупным заголовком «ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ» газета сообщала, что по требованию Государственной Думы государь император Николай Александрович, самодержец Всероссийский, подписал манифест об отречении от престола в пользу своего брата Михаила.

Подробностей отречения не было, это обстоятельство всё как-то комкалось и переиначивалось, однако назревшие события чувствовались ещё с декабря шестнадцатого года, когда газеты объявили о первой неприятности царского дома. Об убийстве Распутина сообщалось, что в ночь на такое-то декабря в квартире князя Юсупова убит Григорий Ефимович Распутин, тело которого наутро было найдено в Неве.

Кто такой Распутин, где работал, в какой должности, кем убит и за что – ничего не объяснялось.

О Распутине никто ничего не знал. Называли его и монахом, и священником, а некоторые – просто вышибалой из заведения. Говорили, что уж очень плакала о нём сама государыня. И чего верить всякой болтовне, что плохой человек, о плохом не стала бы плакать сама царица.

Прочитав газету, Степан Андреевич и кум в испуге переглянулись, будто жестоко осуждённые без права на помилование. Они молча крутили «козьи ножки» и жадно, нахмурив брови, курили одну за другой. Оба плевали на пол около порога, сосредоточенно думали. Наконец Веренцов сказал:

– Ни черта я всё-таки этому не верю. Тут какая-то ошибка. Ну как же это, кум? Ну ты сам посуди: ведь царь-то, он – хозяин России, кто может его сменить?

– Аль верить, аль не верить, я уж не знаю, что делать. Я всю дорогу из города думал и так

ничего не надумал, инды сердце всё изболело, и жрать не хочу. Давай, кум, вечером в правление сходим. Там у атамана полно казачков будет, там всё узнаем.

Через несколько дней газеты под тем же заголовком сообщили, что Михаил Александрович не принял престола императора, что государством управляет Дума под председательством Родзянко. О Распутине если и появлялись заметки, то всё как-то вскользь.

Газеты не рассказывали о том, что Распутин был духовником-воспитателем наследника Алексея, что он скоро заслужил особое внимание к себе императора, его жены и матери, что, пользуясь мягкостью царя, стал вмешиваться в государственные дела, заменяя собой фамильную и придворную знать из окружения царя; что «старца» пригласили во дворец князя Юсупова и угостили пирожными, начинёнными ядом, и что Григорий Ефимович не только не отравился ими, а расхвалил, что вынудило заговорщиков «помочь» отцу Григорию отправиться к праотцам; что эту неприятную миссию возложили на князя Дмитрия Павловича, который должен был по выходе Распутина застрелить его в коридоре, но храбрый князь трусил, и пришлось Юсупову спешно стрелять вслед убегающему гостю, преследуя его даже в саду; что убитого Распутина засунули в мешок и выбросили в реку, а на вопрос околоточного надзирателя о шуме и выстрелах

Юсупов телефонировал, что беспокоиться нет оснований: им и его гостями убита забежавшая в сад собака... Но об этом не рассказывали газеты.

Фронтовые новости разногласно комкались. Прошло несколько дней с отречения царя. Тема свержения уже надоела, всем стало ясно, что не только с царём, но и без него можно жить. В его отсутствие было всё то же, как и прежде.

2

Мишка без особого интереса отнёсся к перевороту. Надёжка пыталась завести знакомство с Наташей, но у неё ничего не вышло: не из таких Наташа, чтобы с кем попало дружить: одной веселой и спокойной.

Летом Надёжка ушла от Васьки в дом отца. На Мишку это не произвело впечатления. Он как будто и не слышал, когда ему говорили об этом.

В праздничный день Мишка и Наташа сидели за столом в горнице, лузгали семечки, беседовали, когда к ним вошёл Васька.

— У вас вроде как перевернулось всё вверх тормашками в избе, с тех пор как я был последний раз зимой, — сказал, виновато улыбаясь, Васька, не глядя на друга и его жену. — Изба вроде меньше стала, да светлая, аж глаза режет.

Мишка равнодушно, молча смотрел на Ваську. Он до сих пор не знал о его интригах.

Наташа пошла навстречу Ваське, стоявшему у порога.

– Проходи, проходи, Вася, – тянула его за рукав к столу.

Васька сел к столу. По-прежнему равнодушный Мишка спросил:

– Как дела?

Наташа перебила:

– Ну, что у вас там случилось? Почему ушла Надя?

Васька безнадежно махнул рукой.

– Да с матерью не поладили. Она ведь какая холера, эта Надёжка-то. У-у-у, ладно тебя Бог избавил, друг.

Мишка, поднимаясь, с фальшивинкой пошутил:

– Не беспокойся, дружок, у меня она жила бы – ни на кого не обижалась, а наоборот, бегала бы и расхваливала всех семейных и родных до десятого колена. Приведи её сюда, они у меня вдвоём с Наташей будут жить и скандалить не будут, – как киргизки.

Наташа ревниво замахала рукой и искусственно рассмеялась:

– Ну уж, сказал, она и здесь бы так сделала. Хороша штука, не хвали, пожалуйста, знаем её. Ну а всё-таки ты, Вася, помирись, она неплохая, сойдитесь да живите. После этого, знаешь, как будете жить? Душа в душу.

– Да я-то не супорствую, да мать её никак не хочет. Нет уж, видно, придётся развод брать, теперь вон слобода вышла по этим делам.

Наташа в волнении подхватила:

– Нет, нет, нет, Вася, бери опять Надю, она хорошая. Разводную больно трудно хлопотать, и всё равно лучше Нади не найдёшь, – она боялась свободной, разнузданной Надёжки – попадёт где-нибудь Мишке под крыло.

– Да ладно уж тебе, Наташа, уговаривать, а то он опять к нам не будет ходить, – смеясь, сказал Мишка.

Весёлый шум нарушил посылный огневщик из правления, от атамана. Пришедший вынул из кармана список, нашёл в нём фамилию Веренцова, ткнул пальцем в строку, поднёс к Мишкиным глазам:

– Вот, смотри, атаман зовёт, ментом⁶ скачи, все твои ровесники там давно, – сказал он. – А ты, соловей болотный, вдовец соломенный, тоже здесь? – обратился он к Ваське. – Давай тоже расчеркнись – и подол в зубы, скачи.

Они расписались, посылный तोропил.

Около правления толпился народ – вызвали сразу два года.

Жёны объявленных по списку пришли с мужьями. Не было только Васькиной жены.

Узнав, что сына вызвали для призыва, Елена Степановна в слезах прибежала к правлению. Собранным объявили, что они должны быть готовыми, могут взять внезапно, даже среди ночи. В городе не ночевать, на мельницу несколько дней не ездить... Молодых казаков распустили,

и началась обычная в таких случаях пирушка.

Мишка домой не пошёл. Они с Васькой проводили успокоившуюся Елену Степановну до полпути и отправились к задушевному другу Паньке. Панька провёл друзей в дом, где Верка отругала Мишку за то, что ни он, ни Наташа к ним не заходят. Она отвела его в спальню, усадила на стул:

— Вот только сейчас ушла Надёжка, чуть-чуть вы её не застали. Говорит, больно хочет тебя видеть, о чём-то поговорить. Я ей говорю: «Рада была, дура, что ума нема, а теперь бегаешь, голяшками стучишь. Ладно, скажу ему, а там как хотите». Ты, Миша, уж увидь её да натри ей бока, ради бога, может, она успокоится, да и мне-то надоедать не будет.

— Я с ней разговаривать не хочу и не буду. Так ей и скажи, Вера.

— Вы што тут, заразы, прячетесь? — сказал вошедший в спальню Панька. — Вот я сейчас уйду в одно место, тогда как хотите. Ну-ну, не обижайтесь, — шепнул он, — я скоро вернусь.

С его возвращением всё закружилось колесом. Васькина вторая выпивка в этот день дала себя знать, и свалился он в Панькиной спальне на полу.

Под вечер Мишка и Панька вышли за ворота. Станица гудела. Пирующих было много, в нескольких местах играли

гармошки, то слышались ча-стушки с присвистом, то протяжные песни. Глухо или отчётливо плыли они в прекрасном, свежем вечере. Дробью бил соловей, качался где-то над водами Урала. Смеркалось.

Мишка и Панька сидели у ворот, Верка несколько раз выходила, звала в комнату, но друзья не шли. Вдруг из-за кучи брёвен, как призрак, выросла Надёжка, посмотрела на обоих в упор и попятилась. Она так растерялась, что не могла опомниться и переминалась с ноги на ногу.

— Ну што заметалась, подходи ближе! — сказал Панька и толкнул Мишку в локоть. Тот безразлично смотрел на Надёжку.

— А Вера дома? — каким-то виноватым голосом спросила Надёжка.

— Дома, а где ей быть? — ответил Панька. — Иди в избу, она там в спальне спит, на полу. Всё ей что-то жарко на кровати кажется. Если там темно, то ложись с ней прямо под одеяло, а мы сейчас с Мишкой придём.

Мишка тихо смеялся и шепнул Паньке:

— Иди, скажи Вере, чтобы спряталась, а Ваську накрой одеялом, пусть она под одеяло лезет.

Панька быстро встал.

— Подожди, Надя, посмотрю, не проснулась ли Вера, а если дрыхнет, то прямо пойдёшь её громить.

– Что ты всё хохочешь? – тихо спросила Надёжка, как только скрылся Панька.

Мишке ещё больше стало смешно:

– Было время, я чуть не плакал, а ты смеялась, теперь я смеюсь, а ты, пожалуй, плачешь.

Надёжка хотела что-то сказать, но из ворот вышел Панька.

– Будил, будил, будил, так и не добудился. Ну вот дрыхнет, да и шабаш. Иди, Надя, лезь прямо к ней бегом под одеяло.

Надёжка проскочила в ворота. Панька тихо сказал ей вслед:

– Да ты тише иди, чтобы мама не увидела, а мы с Михаилом придём.

Друзья смеялись, глядя в ворота, как Надёжка, крадучись, вошла на надворный крылец и скрылась за дверью.

– Ну, мне, ей-богу, надо удирать домой, – отсмеявшись, сказал Мишка. – Ты начудишь, на всю станицу потехи хватит.

Он ушёл за угол.

– Вера, Вера, ну Вера же, – будила Ваську Надёжка.

Верка за печкой-голландкой держалась за живот и грудь, не могла дышать от смеха.

Васька вначале мычал, Надёжка продолжала будить, потом он зевнул и сказал: «Это я, тётя, а не Вера», – думая, что это Панькина мать.

Надёжка отскочила от Васьки, выбежала из комнаты.

У ворот друзей уже не было. Панька хохотал в коридоре.

Надёжка пробежала, не заметив его. За воротами она тяжело вздохнула и поплелась домой. Всё это она приписала Панькиным проделкам.

3

Мишка рвался в Оренбург. На предварительном экзамене его экзаменатор, друг Дмитрия, Волженцев заверил, что в успехе можно не сомневаться. Он показал Мишке письмо Дмитрия, в котором тот извещал о своём скором приезде в Оренбург из Иркутска по окончании офицерской школы.

Обрадованный похвалами и новостями, Мишка чуть не в карьер погнал коня к сестре. Он уже представлял себя сдавшим экзамен, уже юнкером училища, уже окончившим его, уже с погоном хорунжего.

– Митя прислал письмо, – объявила сестра, как только Мишка появился у неё, – он скоро приедет, и поедem к вам. А вот самое главное, Мишенька: письмо от Гали, – подала она брату конверт.

– Да ты, милый мой, совсем оробел, а я не соображу, что ты стоишь на ногах. Садись за стол и читай, а я сбегаю к подруге, возьму кое-что... Для веселья, – сестра вышла.

Ах, если бы все желания наши сбывались, как их задумывали, не было бы ни нужды, ни горя, но не было бы и воли для преодоления препятствий...

А без борьбы не было бы и интереса к жизни, которая вся для нас почему-то в будущем, а не в настоящем.

Мишка надеялся, что приезд брата поможет решительному перелому в отношениях с Галей, хотя и побаивался обвинений Дмитрия в безволии, в странной его женитьбе. Но окончание учения, Мишка верил в это, должно выручить его из беды.

Он приехал домой в прекрасном настроении. Степан Андреевич тихонько спросил около коня:

— Ну как, сынок, впустую учился столько?

— Нет, тятя, не напрасно просиживал ночи, могу ручаться, что на экзамене провала не будет. Я и сам это чувствовал, и экзаменатор сегодня подтвердил.

«От-то, сукин сын, — подумал отец, — у него всё колесом крутится: и баб не обижает, и хозяйство на нево не в обиде. Умница и работающий, што уж говорить — весь в меня удался, только вот баб-то, баб уж больно... По этим делам не в меня... язвы ево...»

Мишка с работником косили траву на залежной земле⁷, не приезжали домой уже несколько дней, ночевали в степи. Однажды проспали чуть не до обеда. Кони уже напаслись и пришли в стан, в жажде толпились около бочки. Подъехавший вплотную к ним Панька закричал:

— Эй, вы! Работнички поповские! Кони-то у вас собрались, пить хотят, а вы дрыхнете, собаки.

Мишка и Михайло вскочили оба, побежали поить. Панька стал отпрягать коня, в телеге у него лежали два седла. Мишка подошёл к телеге.

— Не смотри, не смотри, одно — моё, а одно — твоё. Вот отсюда прямо в карьер на войну поскачем, — сказал Панька, отвечая на вопросительный Мишкин взгляд. — Дядя Степан послал за тобой, Дмитрий Степаныч приехал. Я думал поехать верхом, но решил запрячь телегу, взять сёдла, а там оседлаем коней, поджигуем дорогой, а телегу мою привезёт Михайло. Ну так и сделал. Да ты всё позёвываешь, инда весь рот разодрал! — Мишка рассмеялся.

— Михайло, давай Гнедого, — сказал Мишка. — Фу, мы только успели задремать, и тебя леший принёс. Может быть, позавтракаем?

— Ну ещё время вести, што ты? А на джигитовке брюхо лопнет, и завтрак пропадёт. Как нажрёшься, а то уж лопнет обязательно, — смеялся Панька.

Оседлали коней.

— Ну вот, — сказал Панька, — ладно тётка Степановна, а то бы ещё с месяц собирались. А всё ты: то покос, то навоз, так и тянул.

— А ты, Михайло, тяпни немало под рыдванкой, после

завтрака-то, а потом закончи копнить и приезжай со всем станом домой, — сказал Мишка и поскакал догонять друга.

Они выехали на гладкую дорогу, по которой до станицы было вёрст восемь. Панька погнал своего коня полным карьером, чтобы развить скорость для джигитовки. Мишкин конь становился на дыбы, рвался вперёд, Мишка его держал, чтобы потом конь бежал быстрее, догоняя своего друга. Панька был уже в версте, уже стал делать темпы⁸ через круп коня, когда Мишка пустил Гнедого во всю мочь. Как только Гнедой развил предельную скорость, Мишка приступил к темпам.

Не знал он, что когда Панька вёз на телеге Мишкино седло, то пахвички-нахвостник, не позволяющий седлу съезжать на шею лошади — возле самого седла чуть не насквозь перетёрлись о тележное колесо. Седлая гнедого, Михайло тоже не досмотрел.

Мишка схватился за пахвы и привычно выбросился из седла. Конь, как гончая собака, бежал во всю мочь. Пахвы оторвались, Мишка с пахвами отделился от коня и полетел по инерции ножницами поперёк дороги. Сколько раз он перевернулся и как далеко катился, Мишка не помнил. Он потерял сознание и лежал, распластавшись по земле с раскинутыми руками, белый, как воск. Конь сделал огромный

круг, перешёл на галоп, потом на рысь и бежал к своему хозяину.

В последний момент Мишка уже догонял Паньку, а теперь тот был в версте от него. Гнедой подошёл к Мишке, опустил голову и стал нюхать ему лицо, а потом, смотря в сторону ускакавшего вперёд Паньки, заржал, будто призывая. Он смотрел во все стороны, ища помощи.

Остановившийся Панька понял, что с другом какая-то беда. Он как сумасшедший поскакал назад. Мишка не шевелился. Панька подошёл к нему, сел у ног. Лет десять Панька не плакал, а сейчас его глаза застилали слёзы. Мишка тяжело дышал, в левой руке были пахвы. Панька взял их, осмотрел и всё понял.

— Ах, такую-сякую её, телегу, житья ей только до вечера, как привезёт её Михайло, так, суку, изрублю и заставлю бабу баню истопить. Я ей наделаю делов...

Мишка открыл глаза, будто проснулся, но вначале не понял, в чём дело. Он везде чувствовал боль.

— Ну скажи, как и што? Где ушиб? — спросил друга Панька. — Уж совсем испугался, думал натло⁹, а это ничего, пройдёт. Ну, вставай.

Мишка тихо шептал, что он не знает, где ушиб. Везде. Панька положил Гнедого, Мишка

тихонько сел на коня. Шагом поплелись к станице. Панька сказал Мишке о причине беды и ещё раз выругался, что телеге житья только до вечера.

С огромным трудом Мишка сошёл с коня. Елена Степановна прибежала с горькой полынью, упрашивала выпить: «Лихорадку как клином вышибет». Предлагали «умыть сглазу». Но Мишка молчал, у него болело всё.

Степан Андреевич уже сидел в доме Дмитрия, ждали туда и Мишку, но посланная от Дмитрия девочка сказала, что дядя Миша приехал с поля хворый, лёг и немножко стонет, не идёт.

Степан Андреевич, Дмитрий и гости пошли в дом отца. Дмитрий шёл впереди всех. Мишка отчётливо слышал, как Дмитрий вбежал на крыльцо. Вот его весёлый разговор с кем-то, он вбегает в комнату, открывает дверь...

— Ну как браток, некому было тебя поколотить? Дурень ты стоеросовый, — говорил запальчиво Дмитрий. Он сел рядом с кроватью, дверки закрыл на вертушку. Мишка, преодолевая боль, ждал от брата главного.

— В чём дело? Что случилось? — притворно спросил он, — ты хоть поздоровайся, а тогда уж пыли.

Дмитрий крепко пожал и задержал руку брата.

— Как «что случилось»? Женили-то кого? Быка разве, а не тебя? — нервничал брат.

— Ну, а я-то при чём? Это им захотелось женить, — показал Мишка на дверь рукой. — Я ведь сам-то не женился и не считаю себя женатым.

— Ты чушь не городи: «не женился». А вон на дворе кто это бродит, не твоя ли половина? Ты можешь считать себя не только холостым, но и королём Испании, но ты — женат. По закону.

— То, что я узнал о Галине Борисовне... Эх, излупить бы тебя, остолопа! Писал, распинался, я мозговал ответ, а ты ответа не дождался, бух в болото. Ну как же, надо было спешить, а то вдруг кто перехватит и останешься навек холостяком, — зло засмеялся Дмитрий. — Эх ты, ерунда, дурацкая ерунда. Ты знаешь ли, дурацкая голова, что счастье твоё пропало? Ты знаешь, что ты сам его погубил? Сердце плачет, жаль тебя и зол на тебя. Говори, чем болеешь. Я вижу, у тебя лихорадки ни в одном глазу нет. Тебе, видно, намяло бока, вот на это больше похоже.

Мишка не думал скрывать от брата причину болезни, он рассказал Дмитрию всё, на что тот равнодушно заметил:

— Ну ничего, пройдёт, поосторожней будешь. Скажи спасибо, что лицо не изуродовал, а

только бока, да ещё под рубашкой, там не видно, присохнет, как на собаке. Вставай.

Мишка, светлея лицом, за-гипнотизированно смотрел на офицерский погон брата: галун с просветом был нашит на голубое поле. Он попросил Дмитрия

помочь встать с постели, они вышли из спальни под руку, направляясь к столу.

Со всех сторон кричали гости: «Ура офицеру Веренцову! Ура будущему офицеру Веренцову-младшему!»

Рано утром Дмитрий уехал.

(Продолжение следует)

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Чара – искажённое «вчера».
2. Торка – искажённое «только».
3. Гинденбург Пауль фон (1847–1934), президент Германии с 1925, ген.-фельдмаршал (1914). В 1-й мировой войне командовал с ноября 1914 войсками Восточного фронта, с августа 1916 нач. Генштаба, фактически главнокомандующий. 30 января передал власть в руки фашистов, поручив Гитлеру формирование правительства.
4. Родство – родственники (местные).
5. Мясоед – скоромные дни, Рождественский мясоед между Рождеством Христовым и Великим постом.
6. Ментом – искажённое «моментом».
7. Залезная земля – поле, покинутое 8–10 лет назад по истощении почвы.
8. Темпы – конные казачьи приёмы – перебрасывание через лошадь на полном скаку с одной стороны на другую.
9. Натло – совсем (каз.).

Виталий МОЛЧАНОВ

ДОНЕЦК

Поэма

Виталий Митрофанович Молчанов родился в 1967 году в Баку. Окончил Московскую академию нефти и газа. Служил в армии. Печатался в «Литературной газете», в журналах «Дети Ра», «День и Ночь», альманахах «Лёд и пламень», «Паровозъ», «Гостинный Двор», «Башия», «Чаши круговая», в «Антологии русской поэзии XXI века» и др. Лауреат региональной литературной премии им. П. И. Рычкова (2014), премии им. С.Т.Аксакова (2014), премии «Оренбургская лира» (2014), Международного литературного конкурса им. А.И.Кутрина (2016), Всероссийской премии им. Д.Н.Мамина-Сибиряка (2016), Волошинской премии (2016). Председатель Оренбургского регионального отделения Союза российских писателей, директор оренбургского областного Дома литераторов им. С.Т. Аксакова.

Земля — корабль!
Сергей Есенин

1

Нырнешь в сон, выныриваешь
в явь.
Мы по шоссе-реке несёмся вплавь,
На «шевроле» штурмуя расстоянье,
Земные мили вспенив за кормой.
Новоазовск объят вечерней тьмой,
За долгий день он вымотался
крайне.

Таможня из окна глотает пыль,
К автомобилю льнёт автомобиль,
Полощет стяг осенний дымный
ветер:
Там уголь чёрен, кровь на нём
красна
Под синью неба... «Нет, не допоздна.
Досмотрим быстро», — прапор
нам ответил.

Получены обратно паспорта,
Шофёр смеётся басом: «От
винта!» —
Рубаха-парень с выучкой
шахтёрской.

В Донецк, на полуостров ДНР
«Лачетти» правит на лихой манер,
И семечки мне сыплет полной
горсткой.

2

До фронта километров двадцать
пять,
Здесь о войне не любят вспоминать,
И так она пылает в каждом слове,
В поступке, взгляде, жесте
и судьбе.

– В пятнадцатом вернулись мы
к себе,
Считай, весь год промаявшись в
Ростове...

Плывём в Донецк сквозь шхеры
блокпостов:

Погашен свет, порядок здесь
таков –
Без фар включённых проходить
проверку.

«Случалось, дальний врубят,
и – огонь, –
Перевернул водитель наш ладонь:
«Мы, словно карпы, сразу пузом
кверху».

Не льётся водопадом разговор.
Вопрос – ответ. С низины – на
бугор.

Мелькают на обочинах лисицы.
– Зверья полно, но есть
большое «но» –
Охотиться в войну запрещено.
Подумают, что враг сумел
пробиться.

3

Пейзаж донецкий с оренбургским
схож.

Всё степь да степь... А тракт
похож на нож,

Нацеленный Донецку прямо в
сердце.
– Враг был отброшен, сломлен,
не разбит.

Украины трясёт, и центр дрожит, –
Вдавил педаль шофёр тяжёлым
берцем.

Прекрасный город миллиона роз,
В край терриконов корневищем
врос,

С вождём одно носивший
прежде имя,
Вновь по тебе стреляет подлый
татъ –
По школам бьёт, не в силах дух
сломать...

Стерев слезу, прощаешься с
родными.

Поверь, Донецк, Россия за спиной.
Ребёнок узнаёт снаряда вой:

– То ж мина, дядя. Видишь –
пролетела?

Нырнешь в сон, выныриваешь
в явь:
«Спасибо, брат, к причалу катер
правь».

Час комендантский нарушать
не дело».

4

Стреляя в брата, попадёшь в себя.
Дырявый чёлн хлебнёт воды,
скрипя

В последний раз над бурною
стремниной.

– Без Авеля скитаюсь, не живу,
Рассудку вопреки его зову,
Над бездною склонившись –
Украиной.

Распахнуто в гостинице окно,
Мы смотрим невесёлое кино –

Погибшим — память, а живым —
урок.

Остановись, не нажимай курок
По злобной воле западного бонзы.

В музее — залы новые войны.
Заблудших души в лапах сатаны
Дрожат от страха и харкают ядом.
Летит в Донецк пыляющий свинец.
Мать, всю в слезах, прижмёт к

себе отец:
— Сынок наш пал на поле
битвы с адом.

Библиотекарь — юная вдова,
Находит сокровенные слова:
«Приехала к родне да и осталась.
Я здесь нужней, война ж не
навсегда,

Вновь расцветут в Донбассе
города,
Осталось подождать всего лишь
малость».

8

В Макеевке читающей стихи
Готов простить огрехи, не грехи —
Неточность рифм и ритма
спотыкачи.

В четырнадцатом начала писать —
И горем переполнилась тетрадь,
Такая, что не плачущий заплачет.

К ней Муза приходила между дел,
Когда закончен вражеский
обстрел

И раненые помощь получили.
Харону медный уплатив обол,
Садилась медсестра за шаткий
стол

День превращать в рифмованные
были.

Бушует Украины водоём —
Майдан, скандал, коррупция,
погром.

Неправедные праведными правят.
Лишь доллары иудины в глазах,
Пора прикрыть от срама образа...
В Донецке снова сталь в
мартенах плавят.

9

Я в Оренбург вернусь не налегке.
Слова друзей на русском языке —
Стихи и прозу — соберу в дорогу.
Флаг чёрно-сине-красный и

значок
С орлом двуглавым — в сумку
на бочок,
И можно в путь обратный,
слава Богу.

Опять плывёт по трассе
«шевроле»,
А мысли о растерзанной земле
Тревожат душу, беспокоят
сердце:

Одна страна, один родной народ
В прицеле вражьем скоро
пятый год.

Откройте дверь, раз растворили
сенцы!

В Россию из России — только
вслух,
Земля — корабль, и мощный
русский дух —
Бессменный кормчий яростной
планеты.

Пусть розы, прорастая, рвут
снаряд,
Враги в костре истории сгорят,
И город роз пожнёт свои
букеты!

Александр ФИЛИППОВ

МЕЛГОРА*

Записки тюремного врача

Александр Геннадьевич Филиппов родился в 1954 году в Ворошиловграде (ныне Луганск) на Украине. Окончил Оренбургский государственный медицинский институт, Академию государственной службы при Президенте РФ. Работал терапевтом, служил в армии, органах внутренних дел, консультантом в информационно-аналитическом отделе аппарата Законодательного собрания Оренбургской области, заместителем главного редактора газеты «Южный Урал». Майор внутренней службы запаса. Прозаик, печатался в журнале «Москва», альманахах «Каменный пояс», «Гостинный Двор», коллективных сборниках. Автор нескольких книг прозы, член Союза писателей России. Лауреат губернаторской премии «Оренбургская лира» (2004), региональной литературной премии им. П.И. Рычкова (2007). Живёт в Оренбурге.

12

По многолетней традиции понедельник у начальника медицинской части — чёрный день. С утра начинается обход и врачебный приём осуждённых, содержащихся в ШИЗО и ПКТ. В этом мне обычно помогал санитар по кличке Гоша-Людоед.

На самом деле его зовут Герихан, он ингуш по национальности, осуждённый за разбойное нападение и убийство к пятнадцати годам лишения свободы. Гоша родился в Казахстане, куда его семью сослали в конце войны. Позже родители вернулись на Кавказ, а Гоша работал на шабашках по колхозам, потом сколотил банду и после нескольких вооружённых налётов на сельские магазинчики и сберкассы сел. Мается за колючей проволокой он уже больше десяти лет.

---

* Окончание. Начало в журналах «Гостинный Двор» № 2, 3

Своей кличкой обязан внешности: высокий, здоровенный, физиономия зверская, на большой лысой голове торчат в растопырку мясистые, толстые уши.

Гоша бережно несёт мой чемоданчик, в котором хранятся медицинские инструменты, лекарства.

Перед обходом мы поднимаемся на вахту. Сегодня дежурный по колонии — капитан Батов.

— Прэвет, дарагой! — встречает он меня. — В крякушник пойдём?

Потом нажимает кнопку селекторной связи на стоящем перед ним пульте:

— Дядя Ваня! Открывай калитку в ШИЗО, доктор идёт!

Штрафной изолятор и помещения камерного типа отгорожены от основной территории жилзоны забором. В одноэтажном домике, возведённом из монолитного бетона (для крепости), размещалось десять камер ШИЗО и четыре ПКТ.

Камеры штрафного изолятора представляли собой помещение два на четыре метра с бетонными стенами и полами. Запирались они массивными, окованными полосами металла дверями, снабжёнными смотровым глазком и форточкой для подачи пищи — кормушкой. За основной дверью располагалась ещё одна, сваренная из металлических прутьев. Никаких столов, скамеек в камере не полагалось.

Небольшое окошко закрывалось толстой, крепкой решёткой, затем проволочной сеткой и уже

снаружи — металлическими жалюзи, практически не пропускающими света. Так что никакого «неба в клеточку» из камеры видно не было.

Утопленная в специальной нише над входной дверью лампочка, тоже закрытая решёткой, не могла разогнать царящий в камере полумрак.

Шершавые, општукатуренные «под шубу» стены, голый цементный пол, откидные деревянные нары, поднятые и привинченные на день к стене, ржавый зловонный чан в углу с фанерной крышкой — «параша» — вот и вся обстановка камеры изолятора. Курить в ШИЗО запрещалось.

Отбой в десять вечера, подъём в шесть утра. С подъёма нары откидывались к стене и закреплялись специальным штырём. Так что зеку, водворённому в ШИЗО, оставалось либо переминаясь с ноги на ногу целый день, либо сидеть в худой одежонке на ледяном цементном полу. Впрочем, если в ШИЗО водворяли с формулировкой «с выводом на работу», то день заключённый проводил в большой «рабочей» камере. Здесь пилили школьные мелки, которые расфасовывались затем по коробкам и отправлялись в учебные заведения по всей стране.

Школьники, естественно, и не догадывались о том, что палочку мела, которым пишет на доске учитель, старательно выпиливал, выгачивал из бесформенной глыбы мела какой-нибудь убийца,

грабитель, к тому же злостный нарушитель режима содержания в ИТУ.

В ПКТ было чуть «покомфортнее». Камеры оборудовались столом, длинной скамьёй, прикреплённой к полу, полы были деревянными, а нары на день не убирались. Впрочем, лежать на них в дневное время было запрещено. Водворённым в ПКТ полагались матрас и одеяло с подушкой. Кроме того, здесь разрешалось иметь кое-какие запасы продуктов питания, купленные в ларьке, письменные принадлежности, сигареты, махорку, спички. Сюда ежедневно доставляли газеты — центральные, областные и колонийскую многотиражку «За честный труд!», прозванную зеками «Сучий вестник».

Такая разница в условиях содержания объяснялась тем, что в ШИЗО водворяли на срок не более пятнадцати суток, а в ПКТ — до шести месяцев. Правда, в случае нарушения режима можно было, уже находясь в ШИЗО, схлопотать дополнительную «пятнашку», а из ПКТ по той же причине не вылезать годами.

Нормы питания для содержащихся в «буре» были занижены, а в ШИЗО и вовсе кормили через раз. В «лётный» день выдавалось четыреста граммов серого хлеба, кружка кипятка и соль «по вкусу».

Но особенно тяжело переносили заключённые в ШИЗО запрет на курение.

При водворении их «шмонали», переодевали в специальную робу, так что не было возможности пронести даже табачные крошки.

Сопровождавший нас прапорщик, орудуя огромным ключом, открыл замок «тюремного типа» в опутанной колючей проволокой калитке, и мы прошли на территорию изолятора. У входа нас встречает контролёр по прозвищу Полтора Ивана. Он пригибается в дверном проёме — низковатом для его двухметрового с гаком роста.

Мы входим внутрь. В нос привычно шибает застоявшийся запах табачного дыма, параша, невымытых тел. Дядя Ваня лениво шмонает Гошу — доверяй, но проверяй. Чтоб не передал чего в камеры.

— Стучат? — интересуется Батов.

— Колотят, козлы! — возмущается прапорщик.

Узнаю, в чём дело. Дневальный, приписанный к штрафному изолятору, он же «баладёр» — разносчик пищи, отказался втихаря нелегально передавать «малявы» и «дачки» из жилзоны в камеры «отрицаловки». Хотя такая возможность у него была. В отместку зеки плеснули на него мочой из кормушки, после чего сочли «активиста» «опущенным». И теперь отказывались принимать пищу из рук «петуха».

— Из какой хаты плеснули? — спросил Батов.

— Да из третьей. Там Бес сидит, он и кипишует, — пояснил контролёр.

Дежурный по колонии подошёл к указанной камере, приказал коротко прапорщику — открой!

Тот отпер, с ржавым визгом распахнул тяжёлую дверь, гаркнул зычно:

— Встать!

Арестанты, плохо различимые в сумеречном свете, вяло поднялись с цементного пола, встали вдоль стены — человек пять.

— Что, абorigены, не сидится спокойно? — угрожающе спросил Батов. — Вы ведь, козлы, не только дневального, а и кормушку в хате своей мочой облили! А жратву через неё получаете. Так что, по понятиям, вы все теперь пидарасы!

— Фильтруй базар, начальник... — подал голос кто-то из обитателей камеры.

— Я тебе, козёл, щас мозги профильтрую! — рявкнул Батов. — Дубинкой резиновой! То же мне, блатной нашёлся... Срал я на таких блатных! Для меня на Мелгоре воров нет. Я для вас здесь главный вор! Короча. Ещё раз стукнет кто в дверь — вместо доктора «чекистов» приведу. Они вам дубинал пропишут!

Угроза Батова не была пустой. В случае массовых неповиновений, беспорядков в зону вводили солдат конвойного батальона, экипированных устрашающе бронезилетами и касками, вооружённых щитами и дубинками. Делалось это не часто, на моей

памяти лишь однажды, и расценивалось в те годы как ЧП всесоюзного масштаба. Впрочем, тюремное руководство шло на хитрость. Чтобы не нервировать высокое тюремное начальство в Москве, скрыть собственные упущения в обеспечении должного режима содержания осуждённых, в главк докладывали о «проведении тактических учений внутренних войск по пресечению и ликвидации массовых беспорядков на базе такой-то колонии». А учения — это уже не ЧП. А плановая боевая подготовка конвойных подразделений, за что колонийское руководство не то что ругать, а поощрять впору.

В тот день всё обошлось. Дневального всё-таки сменили, назначив на его место ещё более «отмороженного козла», зеки успокоились, и я начал приём.

Содержалось в ШИЗО и ПКТ обычно человек шестьдесят — семьдесят, к врачу записывалось не менее сорока. При обнаружении серьёзного заболевания врач имел право ходатайствовать перед начальником колонии о переводе осуждённого в санчасть. Вот и шли к доктору на приём все кому не лень. Кто-то, действительно, прибалывал, кто-то «замастырился», надеясь «упасть на крест», кто-то — просто «приколоться с лепилой», разнообразить грустное камерное бытие или разжиться «кайфовыми» таблетками: кодеином, димедролом, на худой конец — каким-нибудь жаропонижающим аскофеном.

В последнем содержался кофеин, и препарат в какой-то мере мог заменить запрещённый в ШИЗО крепкий чай.

Работать приходилось в тесной комнатухе, где были только заляпанный чернилами с незапамятных времён однотумбовый канцелярский стол и две привинченных к полу табуретки.

Заключённые входили по одному. Контролёры и ДПНК обычно не утруждали себя присутствием и занимались своими делами, а я оставался один на один с осуждёнными. Подстраховывал меня от всяческих неожиданностей только Гоша. С учётом того, что по данным медицинской статистики 80 процентов зеков, содержащихся в местах лишения свободы, имеют отклонения в психике, в основном разного рода психопатии, это было совсем не лишним.

Я не верю в сказки о неприкосновенности медиков в колониях, бывало всякое. Впрочем, за все годы моей службы нападений не случилось. Иногда считавшие себя в чём-то ущемлёнными заключённые скандалили, «брали на горло», доказывая наличие несуществующей болезни, или наоборот, «давили на слезу», однако обычно всё решалось миром. Пару раз за всю мою тюремную практику наиболее нахрапистые и наглые в ухо от меня всё-таки получали.

Вообще, штрафной изолятор был тем гадюшником, где годами копила злобу «отрицаловка»,

содержались самые агрессивные, опасные заключённые, а потому и контролёров сюда ставили, как правило, из числа опытных прапорщиков, старых служак.

Однако «проколы» в надзоре случались.

Помню, как-то в ШИЗО зеки задушили сокамерника. На прогулки содержащихся в штрафном изоляторе не выводят, пересчитывают утром и вечером «по головам». А потому того, что один из обитателей камеры мёртв, никто не заметил.

Три дня сокамерники перетаскивали труп утром с нар на пол, вечером водружали обратно, лопали его пайку, а дежурный прапорщик при пересчётах в нарушение должностных инструкций не заставлял зеков строиться, не устраивал переключки и не тормозил якобы «спящего». На четвёртый день зеки не выдержали и застучали в дверь камеры.

— Эй, командир! Забери «жмурика»! А то он, в натуре, воняет...

В другой зоне в штрафном изоляторе зеки, убив сокамерника, умудрились на костерке из обрывков робы сварить в чугуном сливном бачке и съесть его печень...

Поэтому заключённых при каждой проверке заставляли выстраиваться вдоль стены в камере, а дежурный контролёр, заглядывая в форточку, считал вслух:

— Один... два... эй, покажись! Ты весь там целый, или только голова на палку надета?

Администрация постоянно ждала от ШИЗО неприятностей. Содержащиеся там частенько объявляли голодовки — групповые и индивидуальные.

При этом шли на ухищрения, чтобы не слишком страдать. Один «голодающий» загодя вымочил белую нательную майку... в сахарном сиропе. И потом посасывал в камере клочки, изображая из себя умирающего голодной смертью.

Иногда, отправляясь в ШИЗО, прятали во рту «мойку» — обломок лезвия бритвы, которым можно было в подходящий момент «покоцаться», «вскрыться», порезав кожу на предплечье или на животе.

Обычно такие раны обрабатывались прямо в изоляторе. Медики накладывали повязку и возвращали членовредителя в камеру. Такие эксцессы никогда не расценивались, как попытка самоубийства, суицид, а лишь как способ оказать психологическое давление на администрацию колонии, добиться своего.

Впрочем, бывало, что резались и серьёзно, так, что выпускали себе кишки. Опять же — не в попытке лишиться себя жизни, а чтобы гарантированно оказаться на койке в санчасти.

Таких выводили «на больничку», ушивали рану послойно, а через пару дней возвращали в ШИЗО, добавляя новый срок и не засчитывая время пребывания в санчасти — за членовредительство

по тогдашнему законодательству на осуждённого накладывалось дополнительное взыскание.

13

В жизни вольного человека врачи не играют такой главенствующей роли, как в зоне. В колонии медицинская часть оказывается в самом центре событий. Она одинаково важна как для заключённых, так и для администрации.

В силу своего должностного положения колонийские врачи контролируют практически все сферы тюремной жизни: питание, бытовые условия, трудоустройство, производственный процесс. Даже наказание заключённых за нарушения режима вершилось при непосредственном участии медиков, дававших заключения о трудоспособности, возможности водворения в ШИЗО и ПКТ, а также досрочное освобождение из них по состоянию здоровья...

Из-за этого медработник нередко оказывался в двусмысленном положении. С одной стороны, будучи людьми «самой гуманной профессии», они были обязаны всемерно заботиться о здоровье осуждённых. С другой, как офицеры, сотрудники ИТК, должны способствовать процессу исправления и перевоспитания преступников, укреплению режима содержания в местах лишения свободы, выявлению симулянтов, членовредителей, незаконно

уклоняющихся от общественно полезного труда.

По заключению доктора о трудоспособности отказчика от работы водворяли в ШИЗО, наказывая таким образом, по сути, руками медиков.

Неудивительно, что со стороны заключённых врачи не пользовались полным доверием.

Да и тюремные доктора, что там греха таить, с годами теряли квалификацию, делались чёрствыми и равнодушными. И обидные клички «на фене» — «лепила», «коновал», в отношении их часто, увы, оказывались справедливыми.

Может быть, поэтому колонийские врачи даже внешне отличаются от своих «вольных» коллег. Приходя в зону этакими жизнерадостно-добрыми «айболитами», выходят на пенсию угрюмыми, равнодушными ко всему циниками.

Ещё одна особенность зонской медицины заключается в наблюдении, которым поделился со мной старый тюремный доктор:

— Если зек хочет жить — его ломом проткни — не убьёшь. А если помереть решит — ничем не вылечишь!

И действительно, я видел, как почти без следа затягивались жуткие раны, срастались переломы. Которые «вольного» человека неминуемо привели бы к инвалидности. Но видел и заключённых, которые вдруг начинали угасать и умирали, не смотря на интенсивное лечение.

При этом даже патологоанатом бывал в растерянности: какую причину смерти вписать в диагноз?

Как-то утром на вахту поднялся зек — из «блатных». И обратился к ДПНК:

— Мне бы, гражданин начальник, доктору показаться...

— Чего это тебе приспичило? — недовольно поинтересовался дежурный по колонии.

— Да вот... Вытащить надо...

Зек повернулся спиной. Под левой лопаткой у него торчала деревянная рукоятка. Кто-то всадил в него заточенный сварочный электрод, проткнув насквозь — так, что на груди, возле левого соска, остриё показалось.

С таким ранением он разгуливал по зоне, потом доехал с конвоем до ЦРБ, где этот электрод из него извлекли хирурги. А ещё через пару недель вернулся как ни в чём не бывало в отряд.

В колонии ежегодно умирало в среднем пять-шесть человек. Случались убийства, самоубийства. Одного заключённого застрелил часовой на вышке — спросонок стал вдруг палить из автомата длинными очередями по жилой зоне. И уложил наповал шальной пулей выскочившего полубопытствовать на стрельбу дневального.

Но чаще всего гибли от производственных травм.

Забота об умерших и погибших ложилась на медицинскую часть и начальника отряда.

Все скончавшиеся в колонии в обязательном порядке направлялись на судебно-медицинское вскрытие. Судмедэксперт, работавший в соседнем районе, никак не зависел от тюремного ведомства, так что его заключения носили объективный характер.

По каждому факту смерти проводилась прокурорская проверка. А потому скрыть что-либо, втихарию «списать» погибшего администрация не имела возможности.

Впрочем, как рассказывали мне коллеги, были столь удалённые, «лесные» лагеря, где никаких судмедэкспертов за сотни вёрст вокруг не было. Там умудрялись «списывать» как погибших от заболевания, например, пневмонии, даже зеков, распиленных на куски корешами за какую-то провинность на пилораме...

Умершего в зоне санитары на носилках несли к вахте и клали у входа. Выходил начкар конвойных войск, обычно молоденький лейтенант, пугливо взирал на тело, а потом, чтобы продемонстрировать свою «крутость», обязательно трогал покойника носком сапога, с сомнением вопрошая у сопровождающего доктора:

— Он чо, точно крякнул? А то убежит ещё...

Выслушав заверения медика, что «крякнул» зек точно, наверняка, начкар давал команду часовому открыть двери вахты, и со стороны воли носилки принимали уже бесконвойники.

С шутками и прибаутками — чужая смерть в зоне обычно не вызывала ни уважения, ни сочувствия — покойника отвозили на пожарку и запирали в сарай, где хранился негодный инвентарь и прочий хлам. После чего отрядник начинал хлопотать, заказывая в столярке гроб, выписывая на складе новое бельё и робу, оповещая родственников покойного.

Сопровождать труп на судебно-медицинскую экспертизу, которую проводили в соседнем Соль-Илецком районе, поручали обычно мне. Выделяли грузовой автомобиль, почему-то всегда с одним и тем же придурковатым, предпенсионного возраста шофёром, который до дрожи боялся покойников.

Тело клали в гроб, сбитый из наскоро обструганных сырых досок и оттого неподъёмный, за таскивали в кузов, и мы трогались. Водитель с застывшим от ужаса лицом гнал машину, рискуя вместо одного покойника доставить трёх. Обычно на въезде в Соль-Илецк нас останавливал постовой ГАИ, но, взглянув в кузов, махал рукой: езжайте скорее от греха...

В морге всем заправлял верзил-санитар, татарин, из бывших зеков, вечно пьяный и по отношению к «ментам» особенно наглый.

— Привёз? — всякий раз недовольно вопрошал он, радуясь возможности покуражиться над зоновским «лепилой». — А на хрена мне ваш «жмурик»? Вон их

сколько, штабелями лежат, воняют уже. Сегодня вскрывать не будем... Ну ладно, волокни его вон туда, на стол, пусть до завтра лежит — не протухнет...

Сделать его стоворчивее позволяла только бутылка чистого медицинского спирта. Увидав её, санитар мигом преобразился. Начинать улыбаться приветливо, торопливо хватал стоящий на столике среди перепачканных кровью анатомических инструментов мутный, заляпанный бурными пятнами трупной крови стакан, наливал половину, великодушно предлагая мне:

— Будешь? Ну-ну, как хочешь... — и выпивал, не закусывая.

Потом энергично потирал руки:

— Ну, где там наш братан? Пошли, командир, помогу дотащить...

Водитель отрешённо бродил в отдалении в прибольничном садике, засаженном чахлыми, изломанными суховеями карагачами и кустами акации, и мы вдвоём с санитаром, кряхтя от натуги, стаскивали тяжёлый гроб с кузова, и, матерясь сквозь зубы, волокли в морг.

— Одежку привёз? — интересовался заботливо подобрешший от спирта санитар, — давай! После вскрытия обмою, переодену братана в новый прикид. Будет выглядеть как огурчик!

В те годы существовал приказ МВД, запрещающий выдавать тела умерших заключённых родственникам.

Бригада бесконвойников на райцентровском кладбище рыла могилу и в присутствии начальника отряда предавала грешные останки земле. После этого отрядный обычно крепко выпивал, помянув покойного, а бесконвойники в это время разбрелись по кладбищу, созерцая могилки, размышляя о бренности всего сущего. А заодно прихватывая оставленные по русскому обычаю на скорбных холмиках немудрёные угощения — конфеты, печенье... И, колупая в кузове на обратном пути варёные вкрутую трофейные яйца, бормотали со вздохом: «Вот и освободился кореш...»

14

Удивительно, но особенно трепетно к своему здоровью относились осуждённые за самые жестокие, садистские преступления.

Помню, как намучились доктор и медсёстры с заключённым, на чьей совести было три человеческих жизни. Будучи шестнадцатилетним, он убил обрезком трубы двух стариков, попытавшихся выпроводить его с дачного участка, куда юноша забрёл пьяным. Суд приговорил его к максимальному сроку наказания, существовавшему в те годы для несовершеннолетних убийц, — десяти годам лишения свободы. Оказавшись на «малолетке», он задушил сокамерника, завернул в одеяло и сжёг. Ему добавили ещё год или два — до тех же десяти.

С этим сроком он и пришёл во «взрослую» колонию на Мелгору. И стал завсегдатаем санчасти. Предъявлял массу жалоб на состояние здоровья, жаловался во все мыслимые инстанции на недостаточное, по его мнению, оказание ему медицинской помощи, при этом падал в обморок при одном виде шприца.

Другой заключённый ежедневно скрупулёзно записывал в специальную, замызганную от долгого употребления «общую» тетрадь своё состояние — пульс, артериальное давление, температуру тела. Туда же он заносил все прегрешения администрации: такого-то числа в столовой ему выдали прокисшее молоко, в порции мяса оказалась косточка, медсестра на пятнадцать минут позже выдала назначенное лекарство...

На основании своих записей он составлял длинейшие, написанные бисерным, аккуратным почерком жалобы, рассылая их в медицинский отдел областного УВД, прокурору по надзору за ИТУ, в партийные органы, народным депутатам...

Пятнадцатилетний срок лишения свободы он получил за то, что ограбил, изнасиловал и задушил родную бабушку...

Другого жалобщика я запомнил особенно хорошо, потому что схлопотал за него выговор. Фамилия его была Каров. Свои тринадцать лет усиленного режима он получил за изнасилование падчерицы, которая училась в

первом классе. На следствии Каров, не моргнув глазом, предъявил в своё оправдание некую «расписку». В ней детским почерком только что научившегося писать ребёнка сообщалось, что она «вступает в половые отношения добровольно».

Каров тоже любил лечиться, ежедневно отираясь в коридорах санчасти.

Как-то раз я застал этого соркалетнего заскорюзлого мужичонку за подглядыванием. В процедурной, присев на корточки, он пытался заглянуть под халат медсестры, которая нагнулась в этот момент, раскладывая лекарства. Изо рта его текла струйка слюны...

Каюсь, не выдержал. И в формулировке приказа о наложении мне дисциплинарного взыскания значилось: «за допущенное рукоприкладство»...

Но встречались среди жалобщиков и чудаки, этакие зоновские бессребреники, «адвокаты преступного мира». На Мелгоре к этой категории относился татарин по имени Хайрулла.

Срок он отбывал за изнасилование, но история там была тёмная. Сам Хайрулла утверждал, что «посадили» его, припаяв уголовную статью, за правозащитную деятельность в Казани. Напомню, что случилось это ещё в конце 70-х годов. Тщедушного Хайруллу обвинили в изнасиловании одновременно... двух женщин. До этого они втроём пили водку в какой-то гостинице, и,

ознакомившись из любопытства с его уголовным делом, я, честно говоря, так и не понял, кто кого изнасиловал...

Тем не менее, Хайруллу осудили на девять лет усиленного режима, семь из которых к моменту нашего знакомства он уже отсидел.

Это был невероятно энергичный, хлопотливый зек.

Карманы его широченных, длинных не по росту, отродясь не глаженных мелискиновых штанов пузырились от толстых пачек замусоленных газетных и журнальных вырезок с какими-то разоблачающими, по мнению Хайруллы, советскую власть статьями, письмами, отпечатанными на официальных бланках ответами на его обращения и жалобы в самые высокие инстанции, вплоть до ЦК КПСС и Верховного Совета СССР.

Почти ежедневно он входил ко мне в кабинет и торжествующе клал на стол очередную вырезку из газеты. Все они касались каких-то нарушений, допущенных представителями органов государственной власти. А поскольку о подобных вещах в начале восьмидесятых годов писали не часто, Хайрулла выписывал в зону невероятное количество центральных газет и журналов. Наиболее вопиющие факты он старательно подчёркивал красным карандашом, обводил в рамочку, и, тыча грязным пальцем в печатные строчки, вещал:

— А вот ещё прочтите, гражданин доктор, что ваши коммунисты вытворяют!

И хотя я никогда не был коммунистом, Хайрулла клеймил меня как пособника «преступного режима», восклицая с пафосом:

— Как вы, человек гуманной профессии, врач, можете слушать этой власти?!

Впрочем, безнадёжным «пособником режима» меня Хайрулла, по-видимому, не считал, а потому и старался, как говорили тогда, «распропагандировать».

Но известен стал высокому тюремному начальству далеко за пределами Мелгоры Хайрулла не поэтому. Свои обвинения в адрес администрации колонии, руководителей МВД и Советского Союза он фиксировал в виде татуировок на теле. «Раб КПСС» тогда накалывали себе на видимых частях тела многие уркаганы. Но Хайрулла пошёл дальше. На лбу его вкривь и вкось красовалась татуированная надпись «Медведь — убийца». Из-за оригинальности фамилии «хозяина» зоны это обвиняющее утверждение смахивало на подпись под клеткой грозного животного в зоопарке. А при тщедушности Хайруллы выглядело и вовсе комично.

На груди Хайруллы было вытатуировано «письмо председателю КГБ СССР Ю.В. Андропову». С текстом, разоблачающим происки оренбургских тюремщиков. На спине, плечах, руках и ногах, занимая всё свободное место, густо теснились наколотые

фамилии ответственных работников УВД и МВД с краткими комментариями, вроде: «преступник», «фашист», «душитель свободы».

Кстати, по существующим в те годы инструкциям, татуировки на теле осуждённых, носящие «нецензурный, антисоветский или оскорбительный характер» подлежали принудительному удалению. После того, как Хайрулла добавил к своему списку фамилию начальника УИТУ (управления исправительно-трудовых учреждений) с определением «пособник Берии», его отправили в тюремную больницу. Однако, как рассказывали мне позднее, удалять татуировки из-за их многочисленности не стали. А перечели Хайруллу в психбольницу тюремного типа. Где он, судя по всему, и сгинул навечно.

Ибо, останься Хайрулла жив, то наверняка принял бы в грянувшей вскоре перестройке самое активное участие. При его энергии, расписанной внешности, он непременно бы частенько попадал в объективы телекамер. А может быть, и в политические деятели, депутаты какие-нибудь на популярной в те годы критике КПСС пробился. Но я, увы, о нём ни разу не слышал. Значит, не дожил до своего звёздного часа...

15

Сроки лишения свободы у большинства заключённых на Мелгоре были огромные — десять,

пятнадцать лет лишения свободы. Приговоры в три, четыре года считались тогда среди зеков смехотворными. Впрочем, советская власть вообще была щедра на жёсткие приговоры. Вот картинка с натуры тех лет.

Начало 80-х, Соль-Илецк, колония особого режима (теперь это известный на всю Россию «Чёрный дельфин»). По продолгу ходит невероятно длинный, за два метра, и страшно худой зек-«полосатик». В руках у него буханка хлеба — «кирпичик», он откусывает от неё на ходу. Половину уже съел. На табурете сидит старый прапорщик. Маленький, но с роскошными «будёновскими» усами, закрученными вверх. Говорит хрипло зеку:

— Задолбал ты, чего маячишь?!

— Да, дядя Вась, три Петра отсидел, пятнадцать лет от звонка до звонка, освобождаюсь сегодня... Рамсы попутались!

— Подумаешь, пятнашка... У нас давеча басмач помер, с тридцатых годов не выходил. А ты — три Петра... Да такой срок на одной ноге простоять можно!

Само преступление поминалось осуждённым только однажды — при распределении этапа. Больше администрация к вопросу «за что сидишь?» не возвращалась. В практическом плане суть преступления, статья УК, по которой осуждался тот или иной заключённый, не имела большого значения. Смертельно опасным в зоне мог оказаться валютный

спекулянт с высшим образованием, а бандит, вроде упомянутого Гоши-Людоеда, — надёжным помощником администрации. Конечно, в той мере, в которой можно доверять любому осуждённому.

Помню, в разгар «перестройки», когда по зонам начал витать дух «гуманизации наказания», пошли волной забастовки, массовые голодовки и захваты заложников. Несколько «авторитетов» решили «разморозить сучью зону» — Мелгору. Для этой цели подыскали «торпеду» — готового на всё дебиловатого цыгана, осуждённого всего-то на три года лишения свободы за торговлю палёной водкой. Ему вручили заточенный электрод, которым он должен был завалить любого сотрудника. После этого, по задумке «авторитетов», в зоне должны были начаться массовые беспорядки.

Олигофрен, недолго думая, заявился с этим электродом в санчасть. Жертвой мог стать кто-то из врачей, медсестёр. Однако «торпеду» вычислил и нейтрализовал Гоша, отобрав заточку и накомстыляв цыгану по шее. Об этом инциденте мне рассказали оперативники, посоветовав «быть осторожнее». Сам Гоша о том, за что набил морду цыгану и едва не угодил в ШИЗО, слова не проронил.

Что касается приговоров, которые администрация редко принимала во внимание, строя взаимоотношения с тем или иным

осуждённым, то была в этом доля вины и нашего судопроизводства. В те годы в зоны косяком шла молодёжь, получившая приличные сроки за «изнасилование» по обоюдному согласию, часто попадались колхозники, укравшие мешок комбикорма.

Помню, я как-то разговорился с только что пришедшим этапом в зону добродушным стариком-заклочённым. Деду было за семьдесят, а статья, указанная на медицинской карточке, свидетельствовала, что осуждён он... за разбой. Срок — десять лет лишения свободы.

Выгирая трясущимися руками старческие слёзы, «разбойник» поведал мне историю своего преступления.

Работал он колхозным сторожем, охранял с ржавой берданкой ток. Хранилось зерно вблизи воинской части. Ночью к старику подъехал на мотоцикле с коляской зять, и они насыпали полную люльку зерна. Дело в колхозе обычное — кормов для личного подворья крестьянам всегда не хватало.

Кражу заметил солдат-часовой на вышке у забора рядом расположенной воинской части. Проявив бдительность и комсомольскую принципиальность, он по телефону сообщил о противоправных действиях расхитителей социалистической собственности начальнику караула.

Примчался молодой лейтенант с нарядом — все при оружии. Собака-дворняжка сторожа

вцепилась «чужому» в сапог. Лейтенант бабахнул в неё из пистолета, убил. Дед тоже с перепугу схватился за берданку, пальнул в воздух...

В итоге ему пришлось вооружённый грабёж государственного имущества и осудили, как говорится, на всю катушку.

В середине восьмидесятых в зону стали приходить отголоски андроповского правления — работники торговли, общепита, хозяйственные руководители. Общественность тех лет приветствовала крутые меры борьбы с расхитителями социалистической собственности. По телевидению прошла череда сюжетов, рассказывающих о разоблачении, аресте и осуждении целого ряда крупных руководителей Краснодарского края, Ростовской области, Ставрополя. Был среди них и репортаж из камеры смертников, где содержался приговорённый к высшей мере наказания за хищения в особо крупных размерах директор мясного магазина по фамилии Гуркин.

А ещё через несколько дней старый, хорошо за семьдесят, еврей Гуркин стоял на распределении этапа в нашей колонии. Оказывается, его помиловали, как участника Великой Отечественной войны, орденосца, и заменили расстрел на пятнадцать лет лишения свободы в колонии усиленного режима.

В личном деле осуждённого была подшита наложенная кем-то из высоких тюремных чинов

резолюция: «В связи с исключительной опасностью совершённого преступления направить для отбывания наказания в одну из отдалённых колоний Российской Федерации...» Так особо опасный Гуркин оказался на Мелгоре.

Удивлял необычайно огромный по тем временам денежный иск, который «честным трудом» в местах лишения свободы должен был погашать заключённый — миллион двести тысяч рублей.

Я уже упоминал, что, попав в колонию, лица, достигшие пенсионного возраста, всё равно обязаны были трудиться. Впрочем, Гуркин и не собирался отлынивать. Будучи по зонамским меркам глубоким стариком — под семьдесят лет, он категорически отказался идти в «инвалидный» отряд, куда собирали всех нетрудоспособных и стариков.

— Без дела я с ума тут сойду, гражданин начальник! — заявил он Медведю на распределении этапа.

— Хорошо, — согласился «хозяин». — Посоветуемся с доктором, подыщем вам занятия по силам.

К вечеру того же дня Гуркин появился в моём кабинете в медицинской. Вежливо поздоровался, теряя в руках кепку, кивнув благодарно, присел на предложенный стул — деликатно, на краешек.

— Мы, Александр Геннадьевич (узнал уже имя-отчество, обратился не по-уставному, но в отношении докторов это позволялось), донские казаки — народ

благодарный. Сегодня вы мне поможете, а завтра, глядишь, и я пригожусь. У меня сын в Москве в больших чинах, связи на самом верху имеет. Не вечно же вам в этой дыре служить! Могу похлопотать о переводе — куда-нибудь на юг, ближе к морю...

— Мы, дорогой станишник Гуркин, свой Урал любим, — ответил я старику в его же манере. — И никакие моря нам не нужны. Давайте лучше вместе подумаем, чем вас в зоне занять. Что вы умеете?

— Всё! — с гордостью привстал Гуркин. — Я умею главное — руководить людьми! А люди у нас в стране, я вам скажу, золотые! Если их организовать, правильно настроить, то они даже здесь, в неволе, способны выполнить любые задачи!

— Вот и возьмитесь за банно-прачечный комплекс, — предложил я. — У нас там вечные проблемы. Бельё плохо отстирывают, не проглаживают, в душевых половина кранов не работают, грязно. Дезкамера постоянно барахлит... Только вот не уверен, что вы сможете организовать наших парней...

— Смогу! — убеждённо заявил Гуркин. — Сделаю банно-прачечный блок образцовым. Комиссии будете туда водить и показывать с гордостью!

И, между прочим, действительно, смог!

Вначале он, нацепив очки и шевеля губами, внимательно прочёл, примостившись у меня в

кабинете, все эмвэдэшные и санитарные инструкции, справочники по постановке банно-прачечного дела в местах лишения свободы. Кое-что выписал себе в блокнот. Потом, подобрав среди заключённых специалистов, отремонтировал с их помощью стиральные машины, утюги. Нашёл парикмахера — бывшего дамского мастера из азербайджанцев, который умудрялся стричь наголо так, что лысина выглядела модельной причёской.

Короткое время спустя баня и прачечная превратились в чистенькое, хорошо отлаженное хозяйство. Сам Гуркин попивал чаёк в уютном кабинете, переоборудованном здесь же из захлавленной прежде «бендюжки», с табличкой золочёными буквами по стеклу на двери: «Заведующий банно-прачечным комплексом». Вот что значит — прирождённый руководитель!

Периодически он появлялся в санчасти. Быстренько просчитав, с кем имеет дело, с «гнилыми подходами» ко мне больше не обращался. Но всегда старался подчеркнуть, что добро помнит.

— Там, Александр Геннадьевич, ваши дневальные постельные бельё и пижамочки из стационара в прачечную принесли. Так я распорядился, мои хлопцы кое-где подштопали, починили. Да вот и шторки в вашем кабинете... невзрачные какие-то, блёклые. У меня в заначке новые есть, тюлевые. Шикарные, я вам скажу, шторки! Дам команду,

чтоб поменяли... да, и просьбочка будет к вам. Я тут списочек составил моих подчинённых. Вы уж походатайствуйте перед «хозяйном» об их поощрении. Ну, там посылочка внеочередная, свиданьище... Я там, в списочке-то, пометил, кому, что... Ребята хорошо работают, отметить бы надо!

Вообще, массовый приход в зону «хозяйственников», как звали осуждённых за экономические преступления — взяточников, расхитителей социалистической собственности, оказался на благо колонии. Сноровистые, хватистые, толковые мужики с огромными сроками наказания, ставили перед собой одну цель — освободиться как можно быстрее, досрочно.

Тем более, что «хозяйственные» статьи были льготными. По отбытии одной трети срока наказания при примерном поведении можно было выйти из зоны «на химию», где какая-никакая, а всё же свобода. По отбытию двух третей срока — освободиться и вовсе условно-досрочно.

Например, подсобным хозяйством Мелгоры заведовал бывший директор общепита города Сочи Другов. В свои пятьдесят лет он умел, кажется, всё. Начинал водителем самосвала на кирпичном заводе. Потом вышел на «бесконвойку», попал на подхоз. Здесь управлял трактором, пахал обширный колониийский огород, запрягал лошадей, лечил коров, прививал поросят и умел делать

ещё много необходимых в крестьянском хозяйстве дел, обладая обширными познаниями, странными для «подпольного миллионера», сочинского взяточника советской поры. Кроме того, Другов построил на подхозе теплицу, в которую зимой за свежими огурцами и помидорами приезжали посланцы всех руководителей УВД области.

Я как-то поинтересовался у него, где он сумел приобрести все эти необычные для горожанина навыки.

— Вы знаете, Александр Геннадьевич, — доверительно сообщил Другов, — до войны мой отец был первым секретарём одной из национальных республик. Так вот, он не хотел, чтобы сын его оставался баловнем. С десяти лет я уже рулил его служебной машиной. С двенадцати — на тракторе. Каждое лето на каникулы — не в Артек, а к бабке в деревню, работать в колхозе. На поле, на ферме... Отца перед войной репрессировали. Вот и мне эти навыки на старости лет вдруг пригодились...

Я читал в личном деле Другова, что при обыске у него в кладовой изъяли целый таз (подобный тем, в которых для стирки хозяйки замачивают бельё), наполненный золотыми украшениями — кольцами, перстнями, цепочками. Несколько килограммов ювелирного золота. На вопрос следователей, почему ценности хранились в таком неподобающем месте, ответил искренне:

— Да это всё подарки... А куда мне их было девать? Я ж это всё на себя не одену! Сплошная безвкусица...

Как-то Другов прибежал ко мне домой в выходной день. Объяснил взволнованно, что его завтра освобождают условно-досрочно. Чтобы оформить все документы пораньше, нужна была моя подпись на справке, что он ничего не остаётся должен медчасти.

Был день 1 мая. Мы отмечали праздник скромно, по-семейному. Жена, тёща, сын — детсадовского возраста. На столе — нехитрое угощение на фоне тотального продовольственного дефицита в стране: тушёная картошка с мясом, винегрет. Дело было в 1988 году, во времена жесточайшего «сухого закона». По этой причине середину стола украшал графинчик с чистым медицинским спиртом.

Я пригласил Другова к столу, налил ему стопочку. Он едва не прослезился, сказав прочувственно:

— Приходилось мне сидеть за роскошными банкетными столами, пить самые изысканные вина и коньяки. Всё забылось, стёрлось из памяти. Но вот этот винегрет, эту рюмку неразбавленного спирта я буду с благодарностью помнить всю жизнь!

Долгое время не удавалось навести порядок в столовой жилзоны. Вольнонаёмная заведующая вконец проворовалась. Однажды оперативники по «наколке» зеков

хлопнули её, как говорится, с личным. Запершись от них в туалете, дама попыталась запихнуть в унитаз несколько килограммов «сэкономленного» ею на зековских порциях сливочного масла.

Другой вольнонаёмный завстоловой сам не брал ничего, но позволял растаскивать пищу кому попало. Целый день из столовой в отряды шныряли гонцы, неся миски, бачки с мясом, жареной картошкой и прочими тюремными деликатесами для активистов и блатных.

Один повар из числа заключённых, умыкнувший несколько пачек чая, который должен был «запарить» на завтрак в общем котле, решил спрятать их в ящике электроцита. И коснулся лысой головой оголённых контактов. От удара током бедолага умер мгновенно, щедро присыпанный чёрными чайнками из разорванных в конвульсиях пачек...

Порядок в столовой навёл осуждённый к четырнадцати годам лишения свободы бывший генеральный директор треста столовых и ресторанов Краснодарского края Шведенко.

Молодой, лет тридцати пяти, холёный, умудрявшийся выгладеть вальяжно даже в зековской робе, впрочем, с иголки новой, тщательно отутюженной, Шведенко как-то незаметно отвалил от котла всех — и активистов, и блатных. А вскоре заверещали недовольно и вольнонаёмные вороватые складские бабёнки. Знающий своё дело зек

категорически отказывался принимать в столовую залежавшиеся, подпорченные продукты, которые за бесценок скупала где-то и норовила скормить зекам интендантская служба. В этом вопросе, к слову, он обрёл в моём лице, как начальника медчасти, надёжного союзника.

В конце восьмидесятых годов все «хозяйственники» попали под амнистию и с полученным в зоне опытом, знанием блатного мира наверняка хорошо вписались в как раз только набирающую обороты «рыночную» экономику...

А вот Гуркин не дождался амнистии несколько месяцев. Сын его и впрямь ходил в высоких столичных чинах. Приехав к отцу на свидание, он накормил его деликатесами, в том числе копчёной колбасой. У старика случился приступ панкреатита. Спасти в районной больнице Гуркина не смогли. Связей сына хватило даже на то, что вопреки существовавшему в те годы законодательству, ему выдали тело умершего отца-заклочённого с тем, чтобы он смог похоронить его на кладбище в родном городе.

Другов, как мне рассказывали, скончался от инфаркта через год после освобождения.

16

Однажды на вахте Медведь с раздражением наблюдал за вознёй четверых сотрудников, пытавшихся надеть наручники на

разбушевавшегося пьяного зека. Здоровенного парня били под дых, крутили руки, но тот всякий раз стряхивал с себя и разбрасывал дежурный наряд. Наконец один из прапорщиков направил в лицо пьяного струю «черёмухи». Но тот только вращал бешено налитыми кровью глазами и скалил фиксатые зубы.

Зато вся дежурка мгновенно наполнилась режущей глаза вонью, и сотрудники, бросив хохочущего мстительно зека, опрометью бросились вон.

Медведь, взяв за воротник буяна, выволок из комнаты в коридор, и совсем не по инструкции отправил своим пудовым кулачищем в глубокий нокаут. А потом, оглядев утирающих слёзы офицеров, приказал в сердцах:

— Чтобы завтра, мать вашу, все были на спортподготовке. Позор! Толпой с одним зеком справиться не можете!

Впрочем, ничего путного из этой затеи не вышло. Несколько вечеров колонийские офицеры собирались в наскоро оборудованной под спортзал комнате и, помахав для вида руками, брались за кий и гоняли шары на стоящем здесь же бильярдном столе. Потом откуда-то появлялась бутылка водки, затем другая...

На этом спортивные занятия кончались.

Весной и осенью в колонию из УВД приезжали подтянутые, щеголеватые проверяющие. Колонийские офицеры заторможено,

будто на замедленной съёмке, демонстрировали им знание приёмов самбо. Потом, хрипло дыша, вялой трусцой преодолевали километровую дистанцию. Болтались, пытаясь подтянуться, на турнике — показывали, как «мясо на базаре висит». В завершение «проверки» бабахали в меловом карьере из взятых напрокат в конвойном батальоне пистолетов — личного огнестрельного оружия сотрудникам колонии иметь в те годы не полагалось.

Проверяющие, презрительно кривясь, рисовали в своих журналах двойки и тройки, после чего убывали, а в колонии о физподготовке никто не вспоминал до следующего года.

Меня от всеобщего позора спасала медицинская сумка и ртутный тонометр с фонендоскопом. Поскольку при сдаче спортивных нормативов должен был непременно присутствовать врач (мало ли что, вдруг кого-то из соркалетних «спортсменов» кондрашка хватит?), я и присутствовал. Садился с важным видом, изображая в случае необходимости готовность бороться за чью-то жизнь, и таким образом в сдаче физнормативов не участвовал. По итогам проверяющие ставили мне по всем упражнениям «удовлетворительно», с чем я легко соглашался.

Впрочем, напряжённая колонийская служба не оставляла времени на такие «глупости», как спорт. Бесконечные дежурства, наряды, «усиления», тревоги,

изматывали так, что в пору до дома бы дотащиться. А там многих сотрудников ждали огороды, скотина и птица в сараях...

Однажды на одном из «коммунистических субботников» молодые сотрудники затеяли шутливую борьбу. Распалившийся Колька Мамбетов принялся демонстрировать окружающим приёмы популярного в те годы каратэ, предложил даже побороться с ним начальнику колонии, здоровяку Медведю. Тот только хмыкнул добродушно, но Колькиных выпендрёжес не забыл. И вскоре на очередном собрании личного состава объявил громогласно:

— Тут нам из УВД разнарядка пришла — направить одного сотрудника на первенство управления по борьбе самбо. Мы посоветовались... и решили откомандировать на соревнования самого достойного — капитана Мамбетова!

Колька уехал на соревнования — и пропал. Прошла неделя. Встревоженный Медведь поручил мне выяснить, в чём дело. Я пошёл навестить Мамбетова дома, благо жил он здесь же, в посёлке у Мелгоры. Во дворе меня встретил Колькин отец — старый казах.

— Здрасьте, бабушка! Что-то Николая на службе нет. Начальник велел узнать: может, случилось что? — поинтересовался я.

— Ой-ой, — запричитал дед, — балной Колька, совсем балной!

— Что с ним?

— Ой, Колка — дурак! На соревнованиях боролся. Теперь двери зубами открывает...

Оказалось, что капитан Мамбетов пал жертвой своего гонора. Прибыв на соревнования, большинство участников которых составляли такие же, как он, колонийские неумехи, Колька выкатил грудь колесом и, поигрывая бицепсами, усиленно изображал из себя опытного борца. На том и попался. Организаторы состязаний приняли его за серьёзного спортсмена и в первой же схватке свели с настоящим самбистом, каким-то там мастером международного класса. Тот, введённый в заблуждение самоуверенным видом соперника, крутанул его и шваркнул на ковёр от души. В результате у Кольки оказались вывихнуты сразу обе руки.

Позже, поняв, что имеет дело с дилетантом, самбист, извиняясь, укорил Кольку:

— Ты бы шепнул мне, что приёмами не владеешь, я бы аккуратненько тебя положил. А так — подумал, что ты и впрямь чемпион какой-то...

И ещё, коль речь зашла о спортсменах.

«Поднялся» как-то на Мелгору настоящий каратист — из тех, что кулаками доски ломают и кирпичи крушат. Он как-то удачно прошёл следственный изолятор и не понял вовремя, куда попал. Принялся с «карантина» демонстрировать свои боевые навыки, заявив во всеуслышание, что в зоне он любого «уроеет», и

что на авторитеты ему плевать. Такая наглость по «понятиям» не прощается. Однажды ночью, дождавшись, когда каратист уснул, зеки навалились гурьбой, придавили ему шею полотенцем, и засунули в задний проход ферзя — в просторечии «королеву». А «петуху», как известно, уже никакие кулаки не помогут...

В конечном итоге, профессионализм тюремщика состоит вовсе не в том, чтобы метко стрелять или кирпичи кулаками крошить. Применение физической силы против осуждённого — ситуация хотя и вполне реальная, но всё-таки достаточно редкая. Ибо настоящий тюремщик просто не допустит ситуации, чтобы заключённый вышел из повиновения до такой степени, когда требуется лупить его палкой и руки крутить.

Вот почему колонийские офицеры с таким пренебрежением относились ко всяческим военным атрибутам — умению маршировать строем, стрелять метко, подтягиваться на перекладине. Главным во все времена для них оставалось выйти победителем в психологическом поединке с зеком, морально возвыситься над ним, суметь, не прибегая к угрозам и насилию, заставить выполнять все законные требования.

Тот же горе-самбист Мамбетов прекрасно справлялся с отрядом, в котором насчитывались две сотни заключённых.

Я часто задумывался: почему полторы, а то и две, три тысячи

опаснейших преступников, в общем-то, довольно смиренно сидят, «тянут срок» в ограниченном колонийским забором пространстве? Ведь, по большому счёту, не четыре автоматчика на вышках по углам периметра удерживают их от попыток вырваться на свободу! Такая орава вмиг смела бы все режимные ограждения, и никакие жидкие автоматные очереди толпу бы не остановили. Однако даже в ходе многочисленных бунтов, сотрясавших исправительно-трудовые колонии в конце восьмидесятих годов, зеки чаще всего ограничивались тем, что крушили и жгли всё внутри зоны, не стремясь особо на волю.

Связано это, скорее всего, с тем, что при всей внешней браваре, отрицании законов, в глубине души каждый из преступников осознаёт вину и считает справедливой свою изоляцию от общества.

Вот здесь-то и кроется преимущество сотрудников колонии. Если тюремщик честно, добросовестно исполняет свой долг — заключённый в конце концов всегда окажется в моральном проигрыше.

Будучи в большинстве своём людьми нечестными, совершившими в прошлом самые дикие и мерзкие преступления, зеки особенно пристально и щепетильно следят за тем, чтобы сотрудники ИТК оставались непогрешимыми. Вот почему офицер с незапятнанной репутацией, даже предъявляющий жёсткие требования,

всегда пользуется уважением в зоне. А соблазнившийся на подачки крохобор, взяточник, вступивший с заключёнными или их родственниками в «незаконную связь», особенно презираем и ненавидим зеками. Ибо тем самым такой сотрудник как бы встаёт в один ряд с ними, совершает преступление, оказываясь по «их сторону баррикад». И, по сути, тоже должен содержаться за решёткой. А он командует, чего-то требует...

Тем не менее, осуждённые активно ищут таких сотрудников, подкупают, вербуют, что, кроме прочего, даёт им право тешить себя мыслями: «Все люди сволочи! И мы, преступники, не хуже других...»

Чтобы понять всё это, тюремщику требуется многолетний опыт. Наверное, поэтому старые колонийские офицеры даже внешне чем-то неуловимо похожи друг на друга. Да и бывшие зеки, встречаясь с ними на воле, несмотря на схожее обмундирование, никогда не спутают тюремщика с другими «силовиками».

Помню, как-то в командировке в Москве шёл по многолюдной столичной улице. Вдруг откуда-то чуть ли не с объездами на меня кинулся незнакомый мужик. Безошибочно «вычислив» зоновского офицера, он обратился ко мне, как к родному:

— Командир! Слушай, я три дня как «откинулся». Хожу по столице как дурак — кентов не осталось. Давай хоть с тобой

посидим, выпьем, за жизнь по-толкуем... Я угощаю!

Такой вот принцип единства и борьбы противоположностей...

17

Ещё о взаимоотношении сотрудников правоохранительных органов и, так сказать, представителей криминального мира. Первые впечатления о зоне, заключённых относятся к столь раннему периоду моего детства, что от них у меня остались лишь очень короткие, в несколько секунд, отблески воспоминаний.

Вот история, которая случилась, когда мне и пяти лет от роду не исполнилось, а стало быть, не позднее 1960 года.

Отец мой тогда служил в исправительно-трудовой колонии, именуемой окрестными жителями по старой традиции «лагерем». Колония стояла на самой окраине города, и дощатый забор с рядами колючей проволоки по верхнему краю, вышками часовых по углам периметра, «запретной зоной» со свежевспаханной «следовой полосой» тянулся далеко в степь.

Штаб этого учреждения располагался за пределами зоны, на втором этаже општукатуренного и выбеленного мелом цитового дома, а на первом, в тесной квартирёшке, ютилась наша семья.

В нынешние либеральные времена такое, наверное, даже в голову никому не придёт, но в ту

пору штаб со всеми таящимися в сейфах по кабинетам служебными секретарями, материальными ценностями, а может быть, и оружием доверяли охранять расконвоированным заключённым.

В год, о котором я рассказываю, сторожем при штабе состоял высокий, крепкий, а мне, малышу, и вовсе казавшийся великаном зек, которого мы, ребятыня, звали дядей Андреем.

На досуге он любил возиться с нами, жившими по соседству, мальчишками. Мастерил нам «самокаты», колёсами для которых служили подшипники, занятные игрушки из чурочек и фанеры, в том числе и категорически запрещённые рогатки, но какой же уважающий себя окраинный пацан в ту пору мог обойтись без рогатки! Из них мы пуляли гольшами по птицам, что, конечно же, нас не красит, а извиняет лишь то, что ни я, ни кто-либо из моих знакомых мальчишек, насколько мне помнится, в птицу камнем так ни разу и не попали.

Осталось в памяти, как какой-то военный, скорее всего из конвойной роты, однажды отчитал при мне мою маму.

— Как вы можете позволять ребёнку общаться с зеком! Он же за убийство сидит!

На убийцу дядя Андрей совсем не походил. Мама моя, судя по всему, не вняла предупреждению тюремщика. Так что, общение моё и другой детворы с заключённым-сторожем,

обитавшим в сараюшке на задах штаба, продолжилось.

У отца был служебный мотоцикл «Урал», настоящий, военный, как утверждали старшие мальчишки, со знанием дела указывая на какую-то штуковину, приваренную спереди к люльке. На неё якобы в боевой обстановке крепился пулемёт. Мотоцикл, когда не требовался отцу, стоял на приколе здесь же, в тенёчке чахлой акации, возле здания штаба.

Однажды летним днём, нысая со сверстниками во дворе, я споткнулся и упал на доску с торчащим из неё ржавым гвоздём. Огромным, сантиметров пятнадцать, не меньше. Со всего маху я насадился на него животом, как жук на булавку. При тогдашней моей тщедушности он должен был проткнуть меня почти насквозь!

От ужаса я даже не плакал, а лишь подвывал, потихоньку поднимаясь и снимая себя с гвоздя. Никто из взрослых не видел этого. Кроме сторожа-заключённого дяди Андрея.

Не мешкая, он завёл отцовский мотоцикл, подхватил меня, усадил в люльку и помчался в близлежащую больницу.

Не помню, как отреагировали тамошние доктора, увидев зека в чёрной робе с биркой на груди, доставившего малыша с колотой раной. Возможно, о чём-то моего спасителя и спрашивали, но в моей памяти остался только длинный никелированный,

и, отчего-то казалось мне, очень холодный зонд, который врач вводил в рану, чтобы исследовать мои внутренности.

Оказалось, что громадный гвоздь непостижимо-чудесным образом ничего серьёзного мне там, в животе, не повредил, скользнув мимо жизненно важных органов. И через пару часов меня отпустили, щедро намазав ранку зелёной и вкатив пару болючих уколов — от столбняка.

Тем временем день скатился к вечеру, бесконвойника-сторожа в штабе хватились, началась переполох. Это же представить только: исчезли пятилетний ребёнок — сын сотрудника, мотоцикл и зек, осуждённый за убийство!

Сегодня в такой ситуации наверняка бы подняли на ноги всю полицию, ОМОН, привлекли к розыскам разных там волонтеров-общественников, а тогда не шумели особо. Да и с возвращением дяди Андрея всё как-то разрешилось само собой, без особых последствий для заключённого. Его не то чтобы поблагодарили, а не наказали никак за самовольную отлучку. И на том, как говорится, спасибо.

Через несколько лет, отбыв срок, дядя Андрей остался работать в колонии вольнонаёмным сотрудником, заведовал гаражом. Мы изредка встречались, здоровались. Я узнал, что Андрей Ильич Пугаченко в прошлом был фронтовиком, офицером. Одевался он всегда в одно и то же: полушерстяную, затянутую

коричневой португеей гимнастёрку защитного цвета без погон, брюки-галифе, надраенные до антрацитного блеска хромовые сапоги. На голове носил полевую фуражку без кокарды. Так щеголяли тогда многие отставники, а фронтовиками в 60-е годы были практически все мужики, кому перевалило за сорок.

Наша семья переехала из квартирки при штабе, само здание штаба в 70-е годы снесли, и я много лет не встречал Андрея Ильича.

Впечатления детства оказались сильны, и после окончания медицинского института, в 80-х годах, я стал работать доктором в исправительно-трудовой колонии усиленного режима. Располагалась она в Акбулакском районе Оренбургской области, в глухой степи, почти на границе с Казахстаном. Народ в окрестных сёлах здесь обитал разный. С дореволюционных времён ещё было много переселенцев с Украины, Молдавии. Были казахские и немецкие сёла.

Как-то в разговоре с сослуживцем я припомнил случай с дядей Андреем.

— Так Пугаченко же наш, акбулакский! — воскликнул мой собеседник. — Боевой лётчик, майор, орденосец. Когда его в начале 50-х годов осудили, народ возмущался: ни за что дали срок мужику!

И рассказал мне, как угодил в тюрьму бывший майор.

Здесь надо уточнить, что Андрей Ильич был человеком большой физической силы. Говорили, что он уже в зрелом возрасте трактор «Беларусь» за передок поднимал. А известным на весь район он стал после того, как во время войны прилетел на побывку в родную деревню на своём боевом самолёте. С бочкой спирта, привязанной к шасси. Тогда в голодный военный год всем миром вволю гульнули, отведав угощение фронтовика. Такое не забывается.

После демобилизации жизнь отставного майора наладилась. Бывший лётчик работал главным механиком в МТС, пользовался уважением начальства и подчинённых. Но всё перечеркнула трагическая случайность.

В выходной день на рынке райцентра, куда Андрей Ильич отправился с женой за покупками, к нему привязался местный пьянчуга. Оскорбил жену, полез драться. Пугаченко и приложил его в сердцах пудовым кулачищем. Да силы не рассчитал — зашиб до смерти. Произошло это на глазах многих свидетелей, и они в один голос оправдывали бывшего лётчика. Но его судили за убийство, дали десять лет.

Надо заметить, что в те годы власти с фронтовиками особо не церемонились. Мой отец, в 60-е годы занимавший должность начальника исправительно-трудовой колонии строгого режима, обмолвился как-то, что почти все содержащиеся там зеки в возрасте

старше сорока лет были участниками Великой Отечественной войны.

Впрочем, в колонии быстро определили, что Пугаченко за человек. Кого попало, на бесконвойку не выпускали, штаб сторожить не доверили бы...

В последний раз я повстречал Андрея Ильича на железнодорожном вокзале Оренбурга. Было это уже в разгар «перестройки», в конце 80-х годов, накануне 9 Мая. Пугаченко и в восемьдесят лет производил впечатление могучего, сильного человека, только на трость опирался.

— В Москву еду, — не без гордости объяснил он. — Мне же звания и награды восстановили, но долго документы найти не могли. Они в архиве КГБ отыскиались.

— Почему? — удивился я, — вы же боевым лётчиком были, а причём госбезопасность?

— Да потому, что я в личной эскадрилье Сталина служил. Мы его в воздухе на истребителях прикрывали. И наши личные дела по ведомству НКВД проходили. Потом в КГБ оказались. Теперь вот на Парад Победы пригласили. В первый раз за все годы...

До сих пор клянусь себя, что не переговорил с Андреем Ильичём, открывшимся вдруг мне совсем с другой стороны, подробнее. Торопился — влекли какие-то дела, казавшиеся чрезвычайно важными тогда, а на самом деле настолько пустыми, что и не вспомню о них теперь. И упустил, как водится,

главное. А вот прощальное рукопожатие старика, как стальными тисками сжавшего мою руку в своей огромной, не потерявшей силы лапище, до сих пор помню. Таким и остался он в моей памяти — высокий, широкоплечий, в военной гимнастёрке, перетянутой португеей, с частоколом орденских планок на мощной груди. Настоящий сталинский сокол!

18

Между прочим, я всегда ходил в форме, даже в тяжёлые, «перестроечные» годы не прятался, как другие тюремщики, переодевавшиеся после службы «в гражданку». Может, это у меня от отца. Но, подозреваю, он постоянно щеголял в форменной одежде — зелёной рубашке, такого же цвета кителе и синих брюках — от бедности. У него был один костюм. У меня их было уже три или четыре, но форму свою я любил. Народ в массе своей принимал нас, работников ИТУ, за военных. Даже патрули в Москве не знали, кто мы. Помню, меня остановил такой. Долго крутил удостоверение сотрудника МВД.

— А где военный билет?

— Дома.

— Почему?

— По военному билету я гвардии старший лейтенант медицинской службы, а в МВД — целый майор внутренней службы!

Но зеки нас распознавали безошибочно.

Когда в восьмидесятые годы царил «сухой закон», за водкой в Оренбурге выстраивались огромные очереди. Так вот, будучи «в форме», в них я ни разу не стоял. Обязательно находилась какой-нибудь «блатной», который требовал «пропустить командира».

Однажды в райцентре на автовокзале меня чуть не зарезали.

Был зимний вечер, темно. Стою себе, ожидая рейсового автобуса, покуриваю. И вдруг на меня прёт мужик с ножом! Я как-то не очень удачно нож у него выбил, но он мне полпальца чуть не срезал. Шваркнул я мужика на снег, врезал пару раз под дых яловым сапогом. И тут он из-под шубы увидел зелёное галифе! И стал извиняться: «Командир, прости, я тебя с вольным ментом спутал!»

— А что, вольного мента валивать можно?

— Да достали, падлы... Прости...

— Ты мне, сука, полпальца отрезал!

— Шас, братан, пока лабаз открыт, водки куплю, промоем...

Промыли.

Однажды на Мелгоре шёл после службы, уставший, домой. Вдруг из кустов метнулась ко мне цыганка.

— Гражданин начальник! Помоги! Надо сына в Куйбышев, на больничку отправить... Вот, возьми...

И суёт мне платочек с пригоршней золота — там кольца,

серьги, ещё какие-то цацки, грамм двести, а может, и поболее.

Честно, у меня и мысли не мелькнуло всё это взять. Я даже не обиделся. Сказал: «Спрячь, мамаша. Я твоего сына (не помню фамилию, что-то молдавское) и так в Куйбышев отправлю. Ему по показаниям положено...

Может, за это нас, советских ментов, и блатные уважали? Ещё в середине девяностых я мог в форме подойти в ресторане к раскипевшимся блатным и успокоить. А то и прогнать. И они меня слушались. А сейчас бы зарезали...

За таким отношением — десятилетия уважения к «органам».

Кто-то скажет, что здесь первичен страх перед «карающим мечом» государства. Возможно. Но и чисто человеческое уважение со стороны «блатных» к нам, «ментам», по большому счёту, тоже присутствовало.

Для иллюстрации — маленький эпизод.

В начале 90-х годов мне, уже в бытность сотрудником пресс-службы УВД, дали адрес милиционера-фронтовика, награждённого за боевые заслуги орденом Красной Звезды. И поручили написать о нём статью в областную газету к 9 Мая.

Звали фронтовика Миша. Татарин преклонных лет. Жили они с женой тётей Розой в двухэтажке на Аренде, старом районе Оренбурга, немислимой степени изношенности. Дом — не

дом, барак — не барак. И туалет на улице.

Дядя Миша охотно рассказывал мне про войну. Он был кавалеристом и больше вспоминал своего коня Васю, чем бои. Например, Вася страшно боялся бомбёжек и артобстрелов. И при шелесте подлетающего снаряда прятался в любом близлежащем окопе.

— Артобстрел начинается, я в окопчик, и Вася за мной! — рассказывал дядя Миша. — А окопчик — два метра длинной. На меня сверху туша в полтонны. Я кричу: Вася, ты ж меня раздавишь! А он, зараза, втиснется в окоп, и ещё голову пригнёт... Но в атаку, на пулемёты, скакал смело...

О бое, за который ему дали орден, дядя Миша рассказывал похода: атаквали кавалеристы высотку, немцы их из пулемёта косили. Командир заприметил в полукилometре домик и послал туда молодого расторопного татарчонка Мишу. Бегом, в обход, в снегу по пояс, Миша обежал, влез на чердак, перед ним немецкие окопы — как на ладони.

— Два диска из ПППШ выпустил, всех уложил, — вспоминает дядя Миша. — Ну, тут наши и пошли...

Но мне отчего-то запомнился из его рассказа и другой эпизод.

Начало 60-х годов. Горисполком Оренбурга запретил рыбачить на удочки с моста через Урал на Беловке.

— Иду, — бесхитростно повествует дядя Миша, служивший

тогда постовым, — а там два полковника стоят. В милицмейской форме. И рыбачат. Я к ним подхожу и говорю: нарушаете! Они мне: старшина, свободен... Как так?! Я удочки у них из рук выхватил, об колено сломал, на мост бросил. Они мне: в управлении встретимся!

— И что? — замираю от интереса я.

— А ничего. Комиссар (генерал, по-нынешнему) поругал. А потом вывел из кабинета и за дверью сказал: «Молодец! Правильно сделал! Постовой — и для генералов начальник! А для полковников — тем более!»

Сегодня, подозреваю, дядю Мишу за это бы в порошок родное ведомство стёрло.

Но я вернусь к тому, с чего начал. Побеседовав, старший милиционер, покосясь на жену, предложил: «А что, сынок, может, по стаканчику? Ради встречи... Я место одно знаю — тут рядом...»

— И не вздумай! — орлицей налетела тётя Роза. — И пожаловалась мне: — Уж как я с ним, сынок, намучилась! Бывало, напьётся до упаду, а шпана несёт его домой, пьяного-то, и мне передаёт. Не волнуйтесь, говорят, тётя Розочка, вот и фуражечка его, и пистолетик...

Однако вернёмся на Мелгору. Повседневную жизнь зоны

контролировали две службы — режимная и оперативная.

«Режимники» отвечали за охранные сооружения, изымали запрещённые к использованию заключёнными предметы, следили за соблюдением правил внутреннего распорядка, проводили досмотры и обыски.

Оперативники, которых с незапамятных времён звали «кумовьями», работали тоньше. В их главную задачу входило знать всё, что творилось в колонии и за её пределами, пресекать готовящиеся массовые беспорядки, предотвращать или раскрывать преступления, совершённые осуждёнными, перекрывать каналы проникновения в зону запрещённых предметов — оружия, водки, наркотиков. Они должны были «пасти» сотрудников, вступивших в незаконную связь с заключёнными или их родственниками. Чтобы обладать информацией об этом, «кумовьям» приходилось вербовать агентуру не только среди зеков, но и сотрудников, жителей посёлка. За это их не любили. Ибо редко какой прапорщик не нырял на подхоз за комбикормом для скотины на своём подворье, а местные жители не брезговали при случае возможностью стянуть что-нибудь из колониальных запасов на складах для собственных нужд.

Вот типичная для Мелгоры ситуация. На складе работали вольнонаёмные бабёнки из местных. Одна приворовывала, другая — нет. Нечистая на руку

опасалась, что честная в конце концов разоблачит воровство, и решила избавиться от неё с помощью оперчасти. Заметив, что сарай возле дома простушки не заперт, вороватая складская бабёнка налила ведро краски и велела зеку-бесконвойнику отнести и поставить ведро в сарай. Тот указание исполнил. После чего вороватая баба позвонила в оперчасть и сообщила, что её напарница совершила кражу государственного имущества. Похищенное хранится в сарае преступницы.

Прибежали оперативники, обнаружили злосчастную краску, составили протокол. В результате ни в чём не повинную жертву интриги вышибли с работы с формулировкой «за утрату доверия». А она, плача, чуть позже поведала мне эту историю.

В такие игры оказывалась втянутой даже местная детвора. Нередко пацаны сообщали в оперчасть важные сведения. Однажды, проследив за приезжими на свидание, они обнаружили припрятанный в разваленном сараюшке склад наркотиков — несколько упаковок ампул морфия, предназначенных для передачи в зону.

В то же время справедливо считается, что заключённый всегда способен в конечном итоге перехитрить тюремщика. Потому что думает об этом круглые сутки на протяжении многих лет, а тюремщик — только в служебные часы.

И действительно, возможности осуждённых в различных ухищрениях кажутся беспредельными. Во время проведения обысков добычей режимников становились вещи самые неожиданные: электрические самогонные аппараты, радиоприёмники (запрещённые в местах лишения свободы), подслушивающие устройства.

Помню, меня всегда удивляла информированность зеков о жизни посёлка, сотрудников. Они прекрасно знали, кто в каком доме живёт, с кем дружит. Как проводит досуг, кто из офицеров и у кого побывал накануне в гостях и «болеет после вчерашнего»...

Оказывается, заключённые часами наблюдали за жизнью приколониёского посёлка в самодельные подзорные трубы, которые мастерили из линз «плюсовых» очков и скрученного в трубочку картона.

Нередко режимники изымали у зеков... рогатки. Из этого нехитрого детского метательного оружия осуждённый мог извлечь немалую пользу. При посредстве рогатки можно было легко запулить на волю через колониёский забор «маляву» — записку с вложенным внутрь камушком. А можно было методическим обстрелом довести до иступления часового на вышке, проявившего принципиальность и отказавшегося вступать с заключёнными в незаконную связь.

Даже зажигалка в умелых руках превращалась в мину замедленного действия. Например, если пристроить её, горящую, под бензобак заехавшего в зону по какой-то хозяйственной надобности автомобиля...

Из куска провода и двух ржавых металлических пластин изготовлялся кипяtilьник, которым можно было даже в ШИЗО «поднять», «запарить» кружечку чая. А можно было просто, добравшись до электролампочки в камере, подсоединить провода к замку двери. И с замиранием сердца ждать, когда прапорщик-контролёр коснётся его железным ключом...

Из вполне доступных в зоне продуктов питания квасили брагу к празднику. Делалось это так: в полиэтиленовый пакет засыпается сахар (закладывали и конфеты, если сахара не хватало), добавлялся хлеб для закваски, вода. Пакет завязывался так, чтобы оставалось место для брожения, газа. Пакет засовывался, например, в валенок, и пристраивался где-нибудь на тёплой батарее в сушилке.

На производственных объектах брагу заквашивали в пустых кислородных баллонах, которые используются при газосварке. Валяется такой «снаряжённый» водой и сахаром баллон у всех на виду, на солнцепёке. Подходи и цеди в кружечку хмельной пенный напиток!

Из пустого стержня для шариковой авторучки получается

шприц, которым удобно вколоть себе дозу наркотика...

Вообще, зоновская голь на выдумку хитра.

Например, нанесение татуировок в те годы было строжайше запрещено. Более того, существовал приказ о принудительном удалении татуировок, носящих нецензурный или антисоветский характер. Естественно, что и приспособления для создания картинок на коже беспощадно изымались при обысках. Но всё было напрасно. Заклочённые продолжали расписывать свои тела, обходясь подручными средствами.

Краска для татуировки делалась так: сжигался кусок резины (например, каблук от ботинка), сажу разводили мочой, и вкалывали полученный раствор в кожу, используя вместо иглы тонкую проволоку или гитарную струну.

Режимники и оперативники вели постоянную войну с проникновением в зону водки, наркотиков, сильнодействующих лекарственных средств («колёс»). Всё это частью изымалось при обысках и досмотрах посылок, передач, во время свиданий с родственниками, но кое-что всё-таки проносилось, попадало в зону.

Однажды ДПНК обратил внимание на то, что тракторист-бесконвойник везёт зачем-то в тележке в зону старую ржавую батарею центрального отопления. При тщательном осмотре оказалась, что она до краёв залита... водкой.

Частенько заклочённым с воли перепали сильнодействующие таблетки — снотворные препараты, транквилизаторы. Таблетки прятали внутри конфет, запекали в печенье... При этом никаких инструкций по применению, естественно, не прилагалось. Чтобы выяснить их эффект и подобрать оптимальную для «кайфа» дозу, часть таблеток скармливали какому-нибудь «чёрту». И наблюдали. Если тот валился с ног и попадал в санчасть с отравлением, дозу для собственного употребления уменьшали.

В годы «сухого закона» у режимников и оперов к чисто служебному рвению по изъятию спиртного появлялся дополнительный стимул. Обнаруженные водка, самогон подлежали уничтожению. Происходило это примерно так.

Вечером, перед сменой дежурного караула поднимаюсь на вахту. В помещении ДПНК за обшарпанным канцелярским столом в глубокой задумчивости сидят начальник режимной части майор Прокофьев и оперуполномоченный капитан Цыганов. Перед ними стоит пузатый графин, доверху наполненный мутноватой жидкостью.

— А-а, доктор! — радостно приветствует меня Прокофьев. — Ну-ка, определи, водка это или нет? Запмонали в третьем отряде грелку, перелили, да вот не поймём что-то... Мутная какая-то...

— Да говорю тебе, это от талька! — успокаивает его Цыганов. —

Грелка-то была — новё. В неё, пустую, внутрь на заводе тальк засыпают, чтобы резина при хранении не слипалась.

Прокофьев щедро наливает жидкость в гранёный стакан, протягивает мне.

Я беру, осторожно нюхаю.

— Похоже на разбавленный спирт.

— Да ты глотни, — вкрадчиво предлагает Цыганов.

— Ага, разбежался, — скептически хмыкаю я. — Сам глотай! — и ставлю на стол стакан.

Выход находит истомившийся от жажды Прокофьев.

— Шарик! — озарённо кричит он в сторону комнаты контролёров. — Иди сюда!

Шарик — пожилой уже, проспиртованный от постоянного пьянства прапорщик, торопливо вбегает.

— Вызывали, товарищ майор?

— У меня сегодня день рождения, — грустно сообщает ему Прокофьев. — Приходится на службе отмечать. Вот, тяпни за моё здоровье!

Шарик берёт стакан, одним махом опрокидывает в глотку, крякает удовлетворённо.

— Ну как? — с надеждой в голосе интересуется «именинник».

— Хорошо пошла?

— Годится! — отвечает Шарик, занюхивая рукавом порыжевшей от времени шинелёшки.

— Давай ещё стопочку! — предлагает коварный майор и наливает треть стакана испытываемой жидкости.

Прапорщик выпивает уже не торопясь, с удовольствием. Слегка морщится, закуривает.

Минут пятнадцать все пристально наблюдают за Шариком. Тот розовеет лицом, пьяно покачивается.

— Ну ладно. Иди, служи, — спроваживает его майор Прокофьев.

После чего наливает себе, с наслаждением выпивает полный стакан.

А вот Цыганову не везёт. Едва он успевает поднести наполненный «с бугорком» стакан к губам, как в дежурку вваливается «хозяин» зоны подполковник Медведь.

Капитану не остаётся ничего другого, как на глазах у начальства медленно, будто воду, выцедить спирт. После чего Цыганов отворачивается к окну и начинает кривиться от омерзения, борясь с подкатившейся тошнотой.

Не замечающий его гримас Медведь слушает доклад ДПНК об оперативной обстановке в зоне, подписывает постановления о водворении в ШИЗО отказчиков от работы.

Справившись со спиртом, Цыганов закуривает, оборачивает к нам пошедшую красными пятнами физиономию.

— Ну, я пошёл, — прощается наконец Медведь. — Смотрите, чтоб тут нормально всё было.

И, уже в дверях, оборачивается:

— Цыганов!

— Я!

— Отнеси-ка этот графин ко мне в кабинет...

20

В три часа ночи меня вызвали из дома в жилзону. За много лет привыкнув к таким внезапным подъёмам, я безропотно покинул тёплую постель. Звонил ДПНК Батов.

— Слушай, дарагой! Извини, пажалуста, что беспокою. Тут один абориген руку сломал. Сидит, воет...

— Сейчас приду.

В прихожей, стараясь не шуметь, оделся, натянул хромовые сапоги, тяжёлую, не просохшую ещё после вчерашнего дождя шинель. И вышел в ночную тьму.

Стояла поздняя осень. Ноябрьский, снеговой уже ветер гудел где-то в вышине, в затянута тучами беззвёздном небе, срывал с чёрных, продрогших тополей последние листья. Посёлок спал. Одинокий фонарь на столбе у подъезда нашего двухэтажного дома ржаво скрипел, раскачиваясь под порывами ветра, бросая тусклые отблески на подёрнутую корочкой льда особо жирную, невероятно липкую мелгоровскую грязь. А дальше, во тьме, угадывалась примороженная, за много лет хоженная-перехоженная тропинка в зону.

И только на склоне Мелгоры сияла по периметру забора ожерельем огней степная колония.

На вахте меня встретил капитан Батов.

— Пайдём в ШИЗО, посмотрим на балного, — предложил он, потирая красные от недосыпа глаза.

В ШИЗО дежурный прапорщик вывел из камеры охающего, баюкающего бережно правую руку зека лет тридцати.

Осмотрел бегло. Похоже на вывих плечевого сустава. Вправить — пара пустяков, но надо сперва, чтобы исключить перелом, сделать рентгеновский снимок.

— Сам или помогли? — поинтересовался я.

— Сам, — постанывая, объяснил страдалец.

— Заберу в санчасть, — сообщил я Батову. — Подлечим, ничего страшного. Жить будет.

— Забирай! — великодушно согласился ДПНК и предупредил зека: — Смотри у меня, казол! Из больницы ни шагу. Выйдешь за территорию санчасти, победишь в отряд к кентам — я тебя в крякушник опять загоню!

Зона ещё спала, только в столовой светились окна, а из широко распахнутых дверей валил пар — готовили завтрак.

Зек плёлся рядом, поддерживая руку и бормоча:

— Я, гражданин доктор, в натуре, сам с нар навернулся. Спал и шмякнулся на цементный пол. Ну как дитя! И аккурат плечом угодил!

— Да мне-то какая разница, — отмахиваюсь я. — Пусть «кумовья»

разбираются, кто и за что тебе руку выкрутил...

Через час, вправив вывих, наложив гипсовую лангету и поручив сонным дневальным пристроить травмированного зека в стационаре медчасти, я вернулся на вахту.

— Ну как? Всё ништяк? — поинтересовался Батов.

— Нормально. Закуривай, — протянул я ему пачку «Примы».

— Эх, ещё неделя — и в отпуск, — попыхивая дымком, сообщил Батов.

В отпуск он уходил неизменно зимой, так и не привыкнув к нашим морозам и пытаясь сократить таким образом для себя длинную уральскую зиму.

— На Кавказ поеду. Там тепло-о... Атэц ждёт, мать, братья... У меня шэсть братьев, понимаешь? Все люди как люди. Шофёр. Инженер, учитель... Адын я — туремщик!

Вяло, чтоб поддержать разговор, интересуюсь:

— А что ж на родину не переведёшься? Что у вас там, в тёплых краях, зон нету? Или вы всех преступников к нам, в Россию, чтоб за решёткой жизнь мёдом не казалась, сплавляете?

— Да есть на Кавказе турмы. Дэнги нада!

— Какие деньги?

— Большие. Ну, взятка. Нада взятка в республиканский эмвэдэ давать. Дэсят тысяч!

— Ни фига себе! — удивился я. — Где ж их взять-то?

— У нас на Кавказе все взятки берут. Не понимают, что в России честно служат! Говорят: зачем в русской турма работаешь, если дэнга нэт? В нашей тыща рублей в месяц от зэка иметь будешь!

— Это за что же?

— Ну... у нас, у них, то есть, свиданка — зэк сто рублей начальнику отряда платит. Посылка там. Ещё чего — всё за дэнги. Нэ-эт, я так не могу. Что бы подлый зэк меня покупал?! Привык в России. Тут харашо, честно! Атэц говорит: служи с русскими, сынок. Чэловеком будешь! Он у меня тоже честный. Адевается так: гимнастёрка, сапоги хромовые, фуражка полевая, португя. Я ему свою форму в каждый отпуск привожу. Атэц у меня седой, с усами. Красивый, как Сталин!

В дежурку вошёл старый прапорщик, прозванный за высокий рост Полтора Ивана. Он уже с полгода собирается на пенсию по выслуге лет и таскает за голенищем ялового сапога затёртый номер журнала внутренних войск «На боевом посту». Ничего другого прапорщик отродясь не читал, а в этом номере была статья, разъясняющая порядок выхода на пенсию.

— Вы, доктор, человек грамотный, — обращается он ко мне. — Я что-то вот в этом месте не пойму насчёт льгот... — он суёт мне журнал, тычет пальцем в замызанную страницу. — И чо пишут, чо пишут? Ни хрена не поймёшь. Написали бы прямо: корма для

скотины будет мне, как отставнику, колхоз выделять бесплатно или нет?

Насчёт кормов для скотины пенсионеров МВД в статье действительно — ни слова. Я развожу руками.

— Козлы! — ругает авторов столичного журнала прапорщик, и все в дежурке охотно с ним соглашаются.

— А-а-а!!! — оживает вдруг радиоприёмник на стене, изливая из себя звуки гимна.

Шесть часов утра.

— Вот ведь работа у людей, — сочувственно качает головой Полтора Ивана. — Только шесть утра, а они уже поют! Это ж, во сколько им на работу вставать приходится?

— Кому? — не понял я.

— Да певцам этим...

— Да нэ встают ани! — объясняет Батов. — Эта магнитофон. Пэсня на нём записана. И когда нада — врубают!

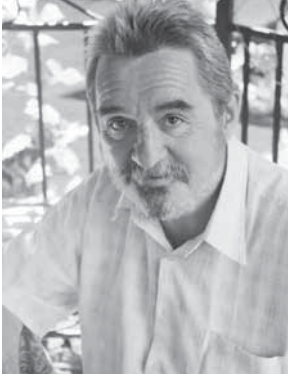
— Не-е... Я по телевизору видел, — настаивает на своём Полтора Ивана. — Перед ними вот такая штука стоит, — он изобразил руками что-то круглое, — микрофон называется. И хор орёт в него. А по проводам везде слышно!

— Господи... — бормочу я, сражённый железной логикой прапорщика и ухожу, попрощавшись.

Шагнув за освещённый пятячок возле вахты, проваливаюсь в темноту холодного предзимнего утра. Вместе с ветром вдруг налетел снег, повалил крупными хлопьями, всё гуще, сильнее. Скрывая за белой пеленой колониийский забор, сторожевые вышки, фонари, сделал невидимой Мелгору и безмолвный посёлок.

Я шёл по едва угадывающейся тропинке и странно было представлять, что где-то там, в сотнях километрах от этой круговерти, есть большие сияющие города, в которых даже такой вот снег идёт не слепящей воюющей стеной, а кружится медленно, расцвеченный огнями рекламы и светофоров, падает плавно и торжественно-радостно. И живут в этих городах люди, которые не знают ничего и слышать не хотят ни о каких зонах, тюрьмах, зеках и часовых...

А ветер всё свистел, нёс волнами снега, засыпая колонию, посёлок, будто пытаюсь сравнить их с окрестной степью, чтобы не осталось даже следа от Мелгоры и её обитателей...

Сергей БУРДЫГИН

ТОГДА МЫ БЫЛИ БРАТЬЯ

*Сергей Иванович Бурдыгин
родился в 1962 г. в Оренбурге.
Окончил Оренбургский
педагогический институт.
Работал учителем русского
языка и литературы в
сельской школе, журналистом
в областных газетах.
Печатался в коллективных
сборниках, журналах
«Москва», «Литературная
учёба». Член Союза писателей
России. Лауреат областной
литературной Аксаковской
премии и премии альманаха
«Гостиный Двор» имени
Валеряна Правдухина
(2009). Живёт в Оренбурге.*

ЭТА ОСЕНЬ

Солнце уже
С холодами не справится.
Желтеет осень
До зимних сединок.
А мне почему-то
Эта осень нравится.
Один, а не грустно.
Да и вообще не один.
Смотрю из окна —
Ворона на ветке.
Она ни за что
Не слиняет на юг.
А рядом с компьютером —
Хомяк в клетке.
Он любит семечки.
И я их даю.
Он хрустит семечками,
Смотрит глазёнками,
Пытается что-то
Мне донести.
И я себя чувствую
Почти ребёнком.
И мне так нравится
Это «почти».
И мне хватает
Земли и неба,

И даже клетки
Своей судьбы.
А плохого в жизни
Ничего и не было —
Его, наверное,
И не может быть.
Какое плохое
Может длиться,
Когда, кажется,
Небо слышишь?
Когда на асфальте
Желтеют листья,
И ты, как воздухом,
Ими дышишь.
А ближе к вечеру,
Часов в восемь,
Схожу, наверное,
За коньяком.
На ветке — ворона.
Вокруг — осень.
И едим мы семечки
С хомяком!

* * *

Мы все у жизни
В каком-то ранге.
У Бога каждый
На карандаше.
Вчера ко мне
Приходил ангел.
И мы с ним беседовали
О душе.
Жизнь ведь не прошествуешь
Тихой сапой,
Иначе Бог тебя
Создал зря.
А мне вчера приснился
Папа —
В ночь предпоследнюю
Ноября.

Он был в напряжении
Постоянным,
И было видно,
Что он устал.
А я был просто
Немного пьяным,
Поскольку что-то там
Написал.
Он всё говорил,
Говорил о чём-то —
От полноты
До тишины.
А я смотрел
На его причёску,
И видел — прибавилось седины...
И вот я проснулся
В квадрате комнат:
Снаружи
Так же, как и внутри.
И я ничего,
Ничего не помню,
О чём он оттуда мне
Говорил.
Не всё понимается
Словом, взглядом.
Мир для вечности —
Не очень нов.
И сидели мы с ангелом
Просто рядом.
И водку пили
Из стаканов.
Помянули папу,
Поговорили
О грехах,
О нашем вокрут бессилье.
Утро.
Прощаемся.
Накурили.
— Такси вызвать?
— Так я — на крыльях...

Вот пройдем немного по жизни,
А дальше — как повезут...

* * *

Жизнь по своим меркам
Идет иногда с хрустом:
Умер сосед сверху.
В подъезде теперь пусто.
В подъезде теперь слишком
Тихо, стыло особо.
Стоит на площадке крышка
Гроба.
А был он всегда с нами,
Что-то там мастерил он,
Стучал, пилил вечерами,
И это меня злило.
Вечером бы потише,
А тут почти перестрелка.
Он этажом выше,
У меня с потолка — побелка...
Конечно, любой — не практик
Правильной жизни плавной,
Но был у него характер,
Скажем уж так — не славный.
Любил говорить громко,
Любил наводить порядок.
А теперь вот — лежи на кромке
Венков, могил да оградок...
Не был он монументом,
Понимал по-своему что-то,
Говорил мне: «Интеллигенту
Нужно просто больше работать.
Походить в комбезе потёртом
И не лазить по верхотуре»...
И добавил: «И я четвёрки
Получал по литературе...»
Вроде вовсе не жил он праздно,
Ходил в халате и в тапочках.

А теперь вот в подъезде грязно,
И кто-то выкрутил лампочку...
Пахнет свечами терпко,
И мне теперь не до сна —
Умер сосед сверху.
И спать не даёт
Тишина.

ДРУЗЬЯМ

Забуть уже
Я это не смогу.
Мне этот вечер
Вспоминать не жалко.
Вот осень.
Вот костёр на берегу.
И мы вокруг костра.
У нас рыбалка.
Ещё смеяться
нам хватает сил.
Хотя вокруг
полным-полно печали.
И в озере уснули караси,
Которых
Мы сегодня не поймали.
Но хватит
Чешуи нам и хвоста
И будем выпивать мы
И смеяться.
И понимать, что детство —
это там,
Где нам уже никак не оказаться.
Теперь ты, осень,
Сморщенно стара —
И нас уже немного здесь
осталось.
Один погиб вот тут же, у костра,
Другого сердце мучить
отказалось.

Ещё кого-то в драку занесло,
 Кого-то в забугорные объятья...
 Но было у костра тогда светло.
 И, видит Бог,
 Тогда мы были братья.
 И повторится всё, как на бегу —
 Как в жизни — и не шатко,
 и не валко:

Вот вечер.
 Вот костёр на берегу...
 И мы вокруг костра.
 У нас рыбалка.

* * *

Вот наконец
 Стою я на меже.
 И день мой
 Одинок и безрассуден.
 Но иногда ко мне
 Приходят люди,
 Которых здесь, со мною
 Нет уже.

Конечно,
 Это всё-таки во сне,
 И там свои
 Условности иные.
 Но там, во сне,
 Любимые, родные,
 Как будто снова
 Помогают мне.
 Мы там живём,
 Мы пьём на кухне чай,
 Веранду к нашей даче
 Снова строим,
 И говорим,
 И ссоримся порою,
 Обидевшись на что-то
 Невзначай.
 Там свой, особый
 Жизненный уклад,
 Мы там готовим
 Курицу на гриле.
 И все мои собаки—
 Те, что были,
 Чуть рядом
 В ожидании
 Сидят.

Владимир ШАДРИН

КОСТЁР

Поэма

Владимир Александрович Шадрин родился в 1959 году в Орске, в посёлке Елишанка. Окончил среднюю школу, служил в армии, затем работал на различных предприятиях, сменив множество профессий – каменщика, штукатура, кровельщика, монтажера. Печатался в областной периодике, в еженедельнике «Литературная Россия», в журнале «Москва», в нескольких коллективных сборниках. Автор двух поэтических книг: «Поздний гость» (2005) и «Костёр» (2008). Член Союза писателей России. Лауреат премии им. Валериана Правдухина альманаха «Гостинный Двор» (2009). Живёт в Орске.

1

Потемнело речное стекло.
В подступившей к Уралу
прохладе
За предгорья крутое крыло
Безоглядное солнце ушло
И пропало в угрюмом закате.
И промчалась над миром, как рок,
Порождённая мраком комета,
Чтобы мир и ослеп, и продрог,
И расползся червями дорог
Во все тёмные стороны света.
Чтоб мерцали среди темноты,
В вероятность восхода не веря,
Только гул потаённой воды,
Только свет одинокой звезды,
Что роднит человека и зверя.
Как угрюмо вокруг и темно!
Только мрак подступает стеною.
Сколько лет мне искать суждено,
Не мелькнёт ли в дороге окно –
Путеводный огонь – предо
мною?..
И занялся костёр у реки,
В непроглядье стремясь
утвердиться,
Чтобы мчались к нему мотыльки

И склоняли друзья-рыбаки
 Озарённые пламенем лица.
 Чтобы шла круговая игра
 Темноты и огня среди ночи.
 Эй, костёр, подниматься пора!
 Пусть рассказы звучат до утра,
 Пусть сверкают бессонные очи.
 Пусть видения жизни былой
 Пробегают по пламенным лирам
 И текут между светом и мглой,
 Между ясным огнём и золой,
 Между горним и сумрачным
 миром.

Эй, костёр, ничего не тая,
 Не жалеи вдохновенного пыла.
 Пусть волнуется память моя,
 Пусть костёр обступают друзья...
 Помнишь, было?..

2

Перед чистым рыбацким костром
 Наши тени шатаются косо.
 Мы с друзьями сидим вчетвером
 У размытого сумраком плёса.
 А вокруг, чернотравьем дыша,
 Вызревают ковровые росы,
 И течёт разговор не спеша,
 Прожигая во тьму папиросы.
 Помнишь, было...
 И вспомнится мне,
 Как сазанья голодная сила
 Так ворочала ил в глубине,
 Что каменья наверх выносило.
 Так хватала крюки тяжело,
 Что стонали рыбацкие снасти,
 Лески пели и лопались зло,
 И хлысты разрывались на части.
 Помнишь, было?..
 Я помню, постой:
 Вновь натянута леска до звона.
 Он взметнулся, литой, золотой,
 Над сияющим жиром затона.

И почудилось — сам водяной,
 Мощью кованый, словно
 подкова, —
 И шнуром не удержишь такого!
 Весь взрывной, в плавниках
 кровяной,
 Полыхнул, жемчугами горя,
 Перекинулся слева направо!
 И текла по затону заря
 Родниково, вишнёво, кроваво...
 Разговор оборвался, хитёр,
 Он вплотную подходит к
 расспросу.

Кто-то ветку подбросил в костёр,
 Папиросой прижёт папиросу.
 И пылают в прилившей крови
 Озарённые пламенем лица.
 И притихли вокруг соловьи,
 Лишь ведут привороты свои
 Темнота, зверобой и душица.
 А из тьмы на такую игру
 Фыркнул леший, ехидный и
 хмурый.

Ночь вплотную склонилась к
 костру
 Загустевшей своей шевелюрой...
 — Ну а дальше?!
 — А дальше? Ах, да, —
 Разговор возвращался к началу. —
 Водяной...
 — Он сорвался тогда?..
 А над миром мигнула звезда
 И, качнувшись, со звоном упала.
 Промелькнула холодным углём
 С неживым фиолетовым
 свистом.
 Соловей заиграл хрусталём —
 Горловым, пересыпчатым,
 чистым...

В эту ночь мы уже не уснём,
 Нам усталость ещё не помеха.
 И Володя Галан —
 А на нём

Мрак вживую играет с огнём —
 Раскраснелся от жара и смеха.
 Мы не знаем ещё наперёд,
 Что меж нами не станет кого-то,
 Что наступит внезапный черёд,
 И Галан, не нажившись, умрёт
 Через три перестроечных года...
 А пока мы смеёмся, дышим
 Под рыбацким своим
 небосводом.

А Галан...
 Он не будет одним —
 Докучаев Володя за ним
 Канет тем же трагическим годом...
 Наши беды ещё впереди.
 Мы ещё повстречаемся с ними.
 Пошатнутся былые вожди,
 Покачнутся былые святыни.
 По умам, по сердцам, по глазам
 Потекут перемен вереницы.
 Разомкнётся железный «сезам»,
 Разрывая сердца и границы.
 И, таща разболтавшийся груз
 Ослабшей, подорванной
 власти,

Распадётся Советский Союз
 На живые и мёртвые части...
 Это будет,
 Настанет пора.
 Но пока мы не знаем об этом.

Вчетвером у ночного костра
 Мы сидим несмолкающим летом.
 Мы, смеясь, говорим до утра.
 И несётся, сверкая, планета,
 Беспокойна, прекрасна, щедра,
 На скрещенных зла и добра,
 На смещениях мрака и света!

З

Это было как будто вчера
 И пропало, как дым за спиною,
 И сижу я один у костра,

Что шатается передо мною.
 А вокруг дерева в темноте
 Шарят ветками, словно руками,
 Их незрячие тени — и те,
 Как сомы, шевелят плавниками.
 И гляжу я сквозь лиру огня,
 И так явственно вижу отселе,
 Будто молодость кружит меня
 На весёлой своей карусели...
 Это было как будто вчера...
 И трещат обгарённые сучья,
 И вокруг золотого костра
 Заплетается темень паучья.
 Снова гляну сквозь пламя:
 «Вы где,
 Карусели мои расписные?»
 Но бегут, как круги по воде,
 Невесёлые думы иные
 И вторгаются в чью-то судьбу,
 Им гляжу я вослед бесталанно...
 — Эй, кого там проносят в
 гробу?
 И узнаю в нём Вовку Галана.
 В колыбели у вечного сна
 Он лежит тяжело и недвижно,
 А повсюду такая весна,
 Что в цветении музыку слышно.
 Жизнь давалась Галану с

трудом,
 Но прожил он не даром на свете,
 Где остался галановский дом,
 А у дома — деревья и дети.
 Это было как будто вчера,
 Словно сбросив нелёгкую ношу,
 Я в горящее горло костра
 Говорящую ветку подброшу.
 Охнет он
 И другую судьбу
 Озарит тяжело и неловко...
 — Эй, кого там проносят в
 гробу?
 Там несут Докучаева Вовку.

Он, суровой зимою гоним,
 Растворился в морозе и вьюге.
 Но надёжно остались за ним
 Дом, деревья и дети, и внуки.
 Значит, мучился тоже не зря
 И на свете прожил не напрасно.
 А костёр, напряжённо горя,
 Поднимается чисто и ясно.
 Это было как будто вчера...
 — Эй, друзья!..
 Рыболовы!..
 Задиры!..
 И вокруг золотого костра
 Замигают багровые дыры,
 Громко выстрелит в ночь
головня,
 Словно жаркое, веское слово,
 И из тьмы притяженьем огня
 Ярко выхватит Вовку Панова.
 Он стоит, озареньем храним,
 Жив-здоров, и ему не до скуки,
 Ведь надёжно поднялись за ним
 Дом, деревья и дети, и внуки.
 А из тьмы непрерывно слышны
 Чьи-то крики о траурных датах,
 Об ошибках в реформах страны,
 О налогах и о депутатах...
 А во тьме нарастает грызня.
 — Слушай, Вовка,
 Ты носа не вешай.
 Ну их к лешему!..
 И у огня
 Вдруг возникнет обиженный
леший.
 Скажет он: «Зря ты так!
 Ты всегда
 Можешь лешему душу доверить,
 Но не суйся с душой в города —
 Там сейчас настоящая нечисть!..»
 И пока я готовлю ответ,
 Он вздохнёт тяжело и протяжно
 И исчезнет...

Он леший иль нет?
 Был иль не был?
 А впрочем, неважно.
 Снова ветку в костёр погружу
 И вгляжусь с беспокойным
вопросом —
 Уж не сам ли я это лежу
 На доске, с заострившимся
носом?
 Под холодной угрюмой луной.
 И стужается ночи трясина.
 Я лежу,
 И не видно за мной
 Ни деревьев,
 Ни дома,
 Ни сына.
 И не плачет никто надо мной —
 Это точно не слышно отселе.
 И катается кто-то дурной
 На скрипучей моей карусели!
 Сквозь костёр я вгляжусь в
темноту:
 Чья там зыбкая тень под луною?
 И узнаю в ней женщину ту,
 Что когда-то гуляла со мною.
 Вот идёт она с кем-то другим,
 Говоря обо мне что-то вроде:
 «Был он с носом огромным
таким,
 Словно чучело на огороде...»
 И таким остроумным словом
 Друг её обо мне отзовется,
 Что она, розовея лицом,
 Вместе с ним надо мной
посмеётся.
 И, друг друга куда-то маня
 (Будто просто на чашечку чая),
 Заспешат они мимо меня,
 Презируя и не замечая...
 И тогда я восстану с доски!
 И доска заскрипит сиротливо.
 И от ужаса, и от тоски

Эта женщина вскрикнет
визгливо!

Я скажу ей с улыбкой:

«Пока

Я живой.

Не пугайтесь, Лолита.

Нос велик у меня.

Но доска —

Просто средство от

радикулита...»

Процу и его, и её.

И, занявшись своими грехами,

Я горящее чувство своё

Пропущу через сердце стихами.

А коль станет совсем тяжело,

Средство есть и от этого тоже —

Значит, самое время пришло,

Чтобы вымолвить: «Верую,

Боже!»

Я прошу всё обидное —

Всем!

И к огню золотому прилягу.

И, чтоб стало спокойно совсем,

Суну в пламя сухую корягу.

И когда вознесётся окрест

Озаренье и снизится снова

(Словно памяти пламенный жест),

Та коряга восстанет, как крест,

Над костром раскаляясь багрово.

А костёр будет чисто гореть,

А я буду смотреть и смотреть...

4

И зарёю нальётся восток,

И, прорвавшись,

лавинообразный,

Безраздельного света поток

Устремится на Светлый, на

Ясный.

Пронесётся янтарной волной

Над обильно расцветенным краем,

Над равниной ржаной, росяной,
Соловьиной и берестяной,

Над разбуженным Орском,

над Гаем,

Новотроицком, Кувандыком,

Соль-Илецком и над

Оренбургом.

Развернётся мгновенным

броском,

Доставая в движении бурном

До рябин в бузулукском бору,

До Абдулино, Бугуруслана...

На певучем уральском ветру,

Вовлекаясь в соцветий игру,

В скоротечность степного

тумана...

Как прекрасны родные края!

Неоглядны в былинном размахе!

Здесь глазастая юность моя

Щеголяла в цветастой рубахе.

Я с течением лет постигал

Ваш суровый уклад и поверья.

И уральский рассвет распускал

Самоцветные дивные перья

Над дыханьем степных городов

И селений Урала и Ори,

Над кудрями стозвонных садов,

Где вскипают вишнёвые зори,

Над вершинами дружеских уз

(Я друзей объявил поимённо).

И великий Советский Союз

Распускал огневые знамёна.

Не деля на своих и чужих,

Со словами о вере и чуде,

В двух эпохах поживший

мужик,

Я пришёл, озарённые люди,

Пожелать вашим будням тепла,

Колокольного мирного звона,

Чтоб в сердцах ваших вера жила

И заря восходила червонно.

Чтоб грузнели у вас закрома,

Александр СТЕПАНОВ

АПРЕЛЬСКИЕ ТЕЗИСЫ

Поэма

Александр Дмитриевич Степанов родился в 1941 году в селе Вольная Солянка Кинель-Черкасского района Самарской области. Окончил Куйбышевское педучилище и Казанский государственный университет. Работал журналистом, директором районного Дома пионеров, редактором районных газет, собственным корреспондентом областной газеты «Южный Урал». Руководил детскими и юношескими литературными студиями в г. Тольятти и в Самарской области. В Оренбурге – с 2010 года. Автор десяти книг стихов и прозы. Член Союза российских писателей и Товарищества детских и юношеских писателей России, лауреат второй премии Международного конкурса детской и юношеской литературы им. А.Н.Толстого (2005), региональной литературной премии им. П.И. Рычкова (2017), заслуженный работник культуры РФ.

1

Апрельский дождик слизывает
снего.
Веснянка-донор ускоряет бег,
Ослабших речек током полнит
жилки.
А нам по смеси глины и шуги
Нельзя прибавить скорость и
шаги,
Затапывая зимние пожитки,

Другой, простите, ей замены нет,
И с ней влачит замедленный
сонет
Моя Пегаска — дочь полунемая.
Веду я речь от первого лица
Рассказ мой с календарного
листа,
Традицию, как должно,
принимая.

2

Традицию, как должно,
принимая,
Победу посвящая Первомаю,
Боец рванул в атаку на Рейхстаг,
И скошенный, как на лугу
былинка,

Вскричал герой, совсем уж не
 былинно:
 — Прощай, Маруся! — И зачем-то:
 «Guten Tag!»

Другие, и к девятому числу
 По силе боевой и ремеслу
 Победу вознесли, подвинув дату...
 ...Под окнами детишки верещат,
 Ах, как я этим звонким звукам
 рад,
 Последний сын погибшего
 солдата!

3
 Последний сын погибшего
 солдата
 От грязных рук фашиста-
 супостата
 В бою под самым городом Орлом.
 Забыть бы то, что было сердцу
 больно,
 Да встал в судьбе вопрос ребром
 невольно,
 Как в споре между решкой и
 орлом:

Когда забвеньем память разум
 застит,
 А гений зла над миром вечно
 властен,
 То торжествуют горя гром и
 тьма...
 Так неужели дать отпор
 подонкам
 В минутных искушениях
 потомкам
 Не хватит воли, силы и ума?

4
 Не хватит воли, силы и ума?
 ...Мой дом сегодня — райская
 тюрма,

Моя судьба, дарованная свыше:
 В цепях любви моих прошедших
 лет
 В душе храню, упрямец, белый
 цвет
 Нагих берёзок и цветущих
 вишен.

В душе свежо сравнение с
 рябиной
 Пурпура горечь женщины
 любимой
 И зимних ягод падающий звук.
 Хотелось бы рассеять тучку горя
 В степном краю уральского
 предгорья
 За городом... Покамест недосуг.

5
 За городом покамест недосуг
 Постичь на ощупь аромат и звук,
 И цвет, и вкус, и форму
 окружения.
 Впрягаю память, некий
 «кинескоп»,
 Отматываю годы, сморщив лоб,
 Вдеваю их в канву воображения.

Лети, коняга памяти моей,
 За тридевять земель и сто морей,
 В сопротивленье с холодом и с
 голодом.
 Ещё я в мыслях там, где Жигули
 Страстями сердце тешили и жгли
 За городом, за городом,
 за городом...

6
 За городом... За городом...
 За городом,
 К беде любимой женщины
 приколотый,

Хочу побыть хотя бы пять
минут,
Где юные ветра полынной горечи
Души сквозные раны и
осколочные
Охолодят и в памяти сотрут.

За городом лесная полоса
Настраиивает птичьи голоса —
Гнездовья обживаются
апрельские.
Пока же с дальним выходом

затор,
Из Петербурга шлёт мне
монитор
Ребячьи голосочки
царкосельские.

7
Ребячьи голосочки
царкосельские —
Не ленинские «Тезисы
апрельские»

Как призраки всемирных
катастроф,
А дневники мгновенными
набросками
С роднёй и дружбой, с мильми
берёзками,
Со всем, со всем — в столбцах
сонетных строф.

Заранее в поэму незамысленный
Сюжет, от вдохновения

зависимый,
Не живопись и даже не пастель —
Этюды размышлений

зарифмованных,
Когда по воле чувств моих
зволнованных
С погодой рифмуется апрель.

8
С погодой рифмуется апрель:
Метель, мокрель, капель,
звонель и грель —
Прозвать немудрено жарницу
грелью!

Двух тысяча десятая весна
Противоречий выспренних
полна,
Как первоцвет в одной посуде с
прелью.

Так и моя рифмуется судьба:
Была — гульба, а ныне —
городьба
Сплошных вопросов у черты-
отметки.
Как, сквозь туман, в прошедшие
года

Заглядываю памятью, когда
Проклюнулись листочки на
ранетке.

9
Проклюнулись листочки на
ранетке,
Как будто это детские пинетки
Развесила она не напоказ,
Весна её заставила допетрить:
На солнце вещи зимние
проветрить
И просушить на ветках самый
раз.

Апрель-папаша тоже без подвоха,
Как на плиту поспевшего гороха,
Ребятчий визг метнул на светлый
двор.

И вечен мир, строги его порядки,
Не глядя на людские неполадки
За городом, куда стремится взор.

14

И где предел расхлябанности
русской,
Когда чужой заманивают
юшкой,
А в ней отравы добрая щепоть?!
Ещё своей родной немало дури
Доставшейся от предков по
натуре,
Сбивающей с дороги дух и плоть...

И всё же наблюдателям на диво
Однажды встать умеет горделиво
И стойко наша русская земля!
...Смотрю в окно, и вижу меж
домами:
Ещё не все целинными плугами
За городом распаханы поля...

15

За городом распаханы поля —
Оставить бы степного ковыля
У сталинских посадок на
опушке! —
Ревнители подъёма целины,
Всевластия вкусивши белены,
Сгубили степь... О, времена!
О, Пушкин!

О, славный Пушкин! О, великий
Даль!
Скажите, это первая беда ль,
Когда к Уралу двигаясь в
кибитке,
Вы всем нутром, хоть в помыслах
легки,
Какие наши тракты-дураки,
Испытывали две беды в
избытке?!

16

Испытывали две беды в
избытке?!
Придёт одна, и ждите, как по
нитке —
Семь бед потянет — шире
воротА...
Не замечать бы это было проще,
Но мой ровесник, митингуя,
ропщет,
А жизни суть, по-моему, проста.

И вечно, и доньше, и потом
Не в этом, так в обличии другом,
Печаль сменяет буйное веселье...
«И вечный бой!» — за Блоком
повторю,
Встречая в пробуждении зарю,
Опившись теплоты, как будто
зелья.

17

Опившись теплоты, как будто
зелья,
Лист прошлогодний поднимает
зелень,
Пробивши грунтовое полотно,
Почти в начале странного
апреля,
Кладёт на серый выцвет
акварели
Весёленького выверта пятно.

Как быстро оживляется картина!
Весна мои раздумья воплотила,
Взирающего вдаль из-под руки —
На первые стихи Анастасии
Как образ негнибаемой России —
Как будущего новые ростки...

Сергей САЛДАЕВ

«КТО ПОДПУСТИЛ МЕНЯ К ЛИТЕРАТУРЕ?»

Пародии

Сергей Александрович Салдаев родился в 1963 году в Оренбурге. Окончил Оренбургский государственный педагогический институт, учился на факультете музееведения института культуры. Служил в армии. Работал водителем, асфальтировщиком, заместителем директора по науке областного краеведческого музея. Поэт-пародист. Печатался в альманахах «Баиня», «Чаша круговая», «Большая Медведица», «Гостинный Двор». Автор нескольких книг. Член Союза российских писателей. Работает главным редактором беляевской районной газеты «Вестник труда».

Алексей ОСТУДИН

*Осталось ли слов на предмет
разговора,
Когда все орут: от винта?
Но, как говорит полководец
Суворов,
Спасёт этот мир красота.*

Сергей САЛДАЕВ

Стихотворец суровый

*Нас всех удивил командир
Достоевский —
Мол, штык, он всегда молодец,
А дура всегда посчитает нарезки,
И миру приходит трындец.*

*Осталось ли слов на предмет
разговора,
С цитатами всё нелады?
Но, как предсказал стихотворец
суровый,
Тапереча всем до балды.*

Диана КАН

*Я мечтанья о несбыточном
оставила.
Закудыкала сама свои пути.
Заколодела дорожка,
замуравела...
Не проехать, а тем паче не
пройти!*

Сергей САЛДАЕВ

За «не держат тормоза»

*Я писанья о далёком
загунявила.
Закулюкала сама и не найти.
Закукукала писули,
захаявила...
запахать бы всё, подальше
унести!*

*Я дерзанья о засунутом
зажилила,
Зааукала я тропку, не пройти.
Зафетюкала дорожку и
зашилила...
Заблудила всех на заданном
пути!*

*Я люблю приставку за!
За «не держат тормоза»!*

Нина ЯГОДИНЦЕВА

*Листвы взволнованная речь
Ошеломляет, нарастая:
На этот ветер можно лечь
И долго мчаться, не взлетая.*

Сергей САЛДАЕВ

Практическая польза

*Воды возвышенная смесь
Переполюняет, заливая:
На этот дождик можно сесть
И мыться с мылом, не вставая.*

*Дубравы сумрачная сень
Зазеленеет, подрастая:
На солнца луч седло надень —
Пора объездить шалопая.*

Дмитрий МУРЗИН

*Мне стыдно вспомнить
почему-то,
Хоть красным выделяй строку,
как во дворе литинститута
давал начало ручейку.*

Сергей САЛДАЕВ

Золотое время

*Я горд и весел почему-то,
жива среди друзей молва,
что на стене литинститута
писал я всякие слова.*

*Что, пообедав с аппетитом,
ну, скажем, с девою красивой
писал лимерики петитом,
а эпитафии курсивом.*

*Писать — не писать, знает
каждый,
Хоть жёлтым выделяй строку...
А как закончишь — очень важно
Надёжно застегнуть строфу!*

Виталий МОЛЧАНОВ

*Поджимают свои животы
корабли без причалов и порта,
Раздувают мешком паруса под
аллегро шумящей волны,
Только склянки давно
не звенят молодецки
(для пущего понта),
Ариозо печальной судьбы
отдавая концы.*

Сергей САЛДАЕВ**Музыкой навеяло**

Так призывно зовут огоньки
близ лежащего порта,
Но не ждут у причала меня
виртуозы-кенты,
днище им продолбили, несчастным
(какого-то чёрта),
и судьба их давно загнала
«под винты».
Вы посмели дредноут дразнить
для дешёвого понта,
Партитуру мою — всегда
подтвердят пацаны.
И не надо по рынде упорно долбить
(создавая подобье афронта),
И давайте, анданте, братва,
— не гоните волны.

Наталья КОЖЕВНИКОВА

*В небе сумрачном опасно,
И звезда летит на ощупь.
Бор полночный тих и страшен,
Зги не видно, я одна!
Помню, как во тьме такой же,
У погибшей в топи роици
К нам обратной стороною
Повернулась вдруг луна.*

Сергей САЛДАЕВ**Нужно быть осторожней**

Жизнь — такая штука, Мэри!
В небе сумрачном опасно,
Там звезда ползёт на ощупь.
Что звезда — на солнце пятна!
Но бывает и такое...

Как-то ночью у сарая
Шла, на месяц засмотревшись,
Вдруг во тьме со страшной силой
Грабли с грядки поднялись!

Влада АБАИМОВА

*Кто разорвал наше знамя на
тряпки?
Кто расстрелял белокурую
стаю?
Кто из-под ёлки похитил подарки?
Только вороны над нами летают.*

Сергей САЛДАЕВ**Кощунство**

Кто надругался над пафосом
гимна?
Кто написал на заборе три буквы?
Что там за куча за ёлкой? —
Не видно...
Только отмыты две банки под
клюкву.

Кто раздолбал герб державы
на части?
Кто подпустил меня к литературе?
Кто раздаёт пулемёты к
несчастью?
Только не спитесь на жёрдочке
кюре...

Вячеслав ЛЮТЫЙ

«МЫ ПУТНИКИ ИЗ ДЕТСТВА, ИЗ ПРИРОДЫ...»

*О творчестве Сергея
Донбая*

*Вячеслав Дмитриевич
Лютый родился в 1954 году
в городе Легница Польской
народной республики. Окончил
Воронежский политехнический
институт, Литературный
институт им. А. М. Горького.
Литературный критик,
публицист, председатель
Совета по критике
Союза писателей России.
В настоящее время –
заместитель главного
редактора журнала
«Подъём». Лауреат премии
Общественной палаты
Воронежской области
«Живые сокровища славянской
культуры», премии журнала
«Подъём» «Русская речь» (2004),
премий журналов «Ковчег»
(2008), «Русское эхо» (2009),
премии Союза писателей
России «Слово-17». Ведущий
рубрики «Литературная
критика» журнала
«Гостиный Дворъ». Живёт в
Воронеже.*

У Сергея Донбая очень странный поэтический голос. Можно найти сюжеты у разных авторов, в самом общем виде похожие на его истории, но всякий раз, когда обнаруживаешь близость деталей, понимаешь, что стихи Донбая – феномен, рождённый временем, социальной средой, человеческой повадкой автора и только в последнюю очередь – литературой. И вот здесь совершено точно возникает ошибка: литература участвует в его лирике властно и последовательно, но почти всегда принимает какой-то другой облик – шуточный, пустяковый, очевидный житейский, но только не серьёзный, не пророческий, не затаённо доверительный.

У Донбая нет распространённого сегодня литературного судейства, он не годится на роль строгого наблюдателя, стоящего на краю вселенской чаши и изрекающего оценки. Поэт –

одновременно вне событий и внутри происходящего. И это обстоятельство скрывает классическую литературную подкладку его стихотворений и сообщает интонации поразительную самобытность. В лирическом повествовании у Сергея Донбая постоянно проскальзывает какая-то сбивчивая присказка, что делает авторскую речь теплее, располагает читателя к рассказчику. Это доверительность сказок, а не интимность интеллигентской рефлексии.

Такая речевая походка позволяет ему удивительно легко сочетать приподнятые движения ума с деталями приземлёнными, бытовыми, порой натуралистически точными. И попутно дописывать картину, занимающую его сердце, углубляя пространство и расширяя панораму.

*Пела свободно и жадно,
Перезабыв обо всём.
Так утоляется жажда
Ртом и лицом под дождём!*

*Песенка, веточка, птица!
Сжат до бела кулачок.
То ли от счастья искрится,
То ли слезинкой — зрачок...*

В его стихотворениях постоянно что-то происходит, в особенности в «молодых» стихах. Прозрачное пушкинское построение фразы — подлежащее, сказуемое, дополнение, обстоятельство места или времени — помогает

нам обнаружить присутствие автора везде, но «перемещается» он вполне последовательно, и потому тут не найти тесного нагромождения ситуаций, взгляд переходит от одного к другому с удивительной естественностью.

У Донбая цепкое литературное зрение, он умеет связать мгновенные повороты бытия с предметными деталями и обнять их собственной жизнью, примирить отчуждённое и продолжить, казалось бы, оборванное. Подобно речи Пушкина, у него соединены человек и природа, быт и эмоции — как правило, более радостные, чем печальные, и это потому, что в них много детского.

Совсем по-детски поэт чувствует боль и заботу птиц и леса, луга и зверья. Он вписан в природный распорядок, хотя и отодвинут от непосредственного контакта с ним на некоторую дистанцию как городской человек. Сказывается его интуитивная тяга к родовому, о чём он почти случайно проговаривается:

*Косогор дождя грибного
С шумом в небвыль перейдёт.
Но молчанья родового
Над кладбищем не прервёт.*

Здесь наглядна человеческая взаимосвязь, но природное всеединство автор только нащупывает.

Он может простыми средствами выстроить ощущение-переживание. Причём принципиально

живое Донбай создаёт только из простого. Вот почему его стихи так непосредственны и искренни, а во взгляде на окружающий мир видна наивность человека, который тут и сейчас появился внезапно — и почти неожиданно для самого себя. Он умеет изобразить или назвать привычное укрупнённо и чуть-чуть отстранённо, и читатель почти незаметно для себя становится с автором локоть в локоть — и вот уже смотрит на мир его глазами.

Природное и детское живут в Донбае, не споря и помогая друг другу. И совсем не случайно он уронил строку, которая говорит о нём почти всё:

*Мы путники из детства,
из природы.
Она нас — не случайно,
в свой черёд,
Сквозь тяжкие сибирские
сугробы,
Как первенец-подснежник
продохнёт.*

Донбай — поэт на редкость традиционный, свободный или белый стих у него выглядит недосказанным, поскольку подробности сюжета не связываются музыкой и созерцаются более умом, нежели душой. Между тем, речь Пушкина в переводе из Катуллы или в «Маленьких трагедиях» более чем убедительна для привычной рифмованной русской лирики. Великий

литературный пример подталкивает Донбая к несвойственным для него, но общепринятым в литературе стилистическим шагам. Так проявляется его верность цеховому братству, а самое убедительное подтверждение этому мы найдём в стихотворении «О Пушкине»:

*Целуй, целуй его, Наташа,
Певца с кудрявой головой!
Он непокорный, молодой,
Он здесь, он рядом, он посажен
До смерти на цепи златой.*

Почти с домашней теплотой он обращается к Наталье Гончаровой, и его голос созвучен голосу нашего гения.

Донбай чувствует надмирное значение художественного слова. Когда в его лирической истории поэт в порыве отчаянья сжигает собственную рукопись, освобождаются роковые силы и вдалеке вспыхивает совсем другой пожар: «И стала ночь помощницей огня, // Она его, как дерево, растила».

Так литература, словно некий организующий принцип, которому послушны сердце и разум, выстраивает словесную вселенную Сергея Донбая. А затем как бы прячется, переходит в подводное течение и насыщает живительной влагой все ростки жизни, которые под пером поэта обретают удивительный цвет и паразитическую форму.

Андрей ТИМОФЕЕВ

«НОВЫЕ ТРАДИЦИОНАЛИСТЫ» КАК БУДУЩЕЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ*

Андрей Николаевич Тимофеев родился в 1985 году в городе Салавате республики Башкортостан. Окончил Московский физико-технический институт, Литературный институт им. А. М. Горького (семинар М. П. Лобанова). Публиковался в журналах «Новый мир», «Наши современники», «Бельские просторы», газете «День литературы». Ведуций рубрики «Дневник читателя» на сайте «Российский писатель». Победитель 3-го литературного славянского фестиваля «Золотой Витязь», лауреат премии им. И. А. Гончарова. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

Антипин находится сейчас на этом пути, старается найти выход. Например, в ожидании сострадания к другим, как, например, в рассказе «Чем жив человек»¹, где рассказчик мучительно пытается ответить на вопрос «чем или кем рано или поздно пробудится русский человек?» и находит предчувствие этого пробуждения в том, что, провозжая в последний путь очередного бесцельно прожившего жизнь мужика, Толю Подымахина, его земляки «пусть, как и прежде, не оплакали, но научились... видеть этот уход, и жить те заповедные несколько минут, что думали об этом уходе, с открытыми глазами, и, стало быть, были почти милосердны, а значит — уже не спали». Конечно, этот перифраз концовки повести «Дядька», где земляки после смерти Мишки

---

* Окончание. Начало в журнале «Гостинный Дворь» № 3

«не стали хоть чуточку добрее к нищим и пропащим, горьким и заблудшим, не сделались хоть самую малость зрячее к этой пьяной, гулевой, беспутной гольтыбе» не претендует ещё на сколько-нибудь адекватное движение в сторону гармонизации, но всё-таки показывает направление поиска молодого автора.

Интереснее выглядит в этом смысле рассказ «Смола»², где рассказчику, который до этого избегал своего односельчанина Пузырька и недолюбливал его за насмешки и враньё, вдруг с новой стороны открывается этот человек, и оказывается, что тот готов «разломить надвое своё, драгоценное и последнее: бери, пользуйся на здоровье! — и ничего не попросить взамен». В этом эпизоде уже видится упоительная возможность вдруг открыть отблеск нравственного идеала в человеке. И потому-то чувства рассказчика в «Смолы» так пронзительны и сильны: «стоишь, как будто из зимнего ручья попил, и с захлёбывающимся, перебирающим самого себя восторгом постигаешь, что нет и не будет завершения этому народу, который поёт и плачет, и скачет через палочку на краю, но умеет остановиться и опануть такой искренней и неистраченной красотой, какую ты и не подозревал в русском человеке и какая милосердно дарует тебе веру в его нравственное бессмертие, несмотря на всё, что ждёт его впереди».

Пока это ещё слова, ещё надежда — что ж, надеемся, что полноценное воплощение нравственного идеала у молодого прозаика ещё впереди. Пойдёт Антипин по пути поиска этого идеала — обретёт силу и встанет в ряд с лучшими деревенщиками, а значит, и всей русской литературой. Уйдёт в быт, в язык, в назойливое описание простых человеческих судеб — может и расплескать свой талант. Ведь литература должна не только полно отражать мир, но и пытаться преобразить его. И от того, найдёт ли каждый из нас вечный идеал, приблизит ли воплощение его, зависит не только величие современной литературы, но и то, какой будет наша реальная жизнь.

3

В произведениях молодого прозаика из города Электросталь Московской области Юрия Лунина также можно найти примеры художественной образности. Например, в рассказе «Через кладбище» герой отмечает, что кладбище постоянно росло и его невозможно было оградить, и потому «всегда существовала подвижная полоса, где кладбищенский лес и лесное кладбище год от года не то боролись, не то сливались в одно». Но не эти образные удачи являются сильной стороной прозаика. Подобно тому, как Андрей Антипин вольготно чувствует себя в народной языковой среде, Юрий Лунин —

прекрасно ориентируется в мире психологических деталей и тонких движениях души человека. Именно они и составляют предмет его напряжённого изучения, и образуют в его произведениях ту едва уловимую художественную среду, в которой собственно и разворачивается главное движение рассказа.

В центре рассказа «Через кладбище» находятся взаимоотношения между отцом и сыном. Сначала отец — сильная личность, она не проявляет сочувствия, когда сын рассказывает ему о том, как его ударил грязной тряпкой самый рослый пацан во дворе: «Ты таких ещё знаешь сколько встретишь — у-у-у...» И сына эти слова, конечно же, не могут обрадовать или подбодрить, но всё-таки немного успокаивают, «словно разговор теперь был не о людской обиде, а о каких-то природных неприятностях: крапиве, укусе насекомого, раскушенной ягоде, в которую, как оказалось, навонял клоп».

Последовательно воспроизводится прозаиком то, как сын во всём старается соревноваться с отцом: «Когда ходили за грибами — чуть не плакал, если находил меньше отца. Бесился, проигрывая ему в шашки, пропуская от него гол...» Но в том деле, в котором он принимает превосходство отца спокойно — в рыбалке — ему хотелось бы, чтобы отец был самым лучшим. И когда тот упускает на рыбалке щуку

да ещё и принимает своё поражение весело, мальчику становится горько. Он начинает злиться на отца, огрызается в ответ на его доброту и даже вспоминает, что отец того хулигана, который ударил его во дворе, ездит рыбачить «куда-то на Ахтубу» и всегда возвращается с рыбалки с гигантскими сомами и сазанами, а щуку, которую не смог поймать его «неудачник»-отец, там и вообще считают сорной рыбой.

Всё это ещё не сам рассказ, скорее, то, что ему предшествует — своеобразная психологическая экспозиция.

Главная же линия начинается с образа кладбища, по которому отец и сын идут за грибами. Здесь происходит первый эпизод, который изменяет отношение сына к отцу: «Время было не позднее, но на лес наплыли ненастные, тревожно-тихие сумерки. Сыну стало вдруг очень грустно и одиноко. И первый гриб, который он нашёл — польский, — показался ему больным, напитанным смертью, и сын не стал его срезать. А отец нагнулся и с небольшим довольным кряхтением срезал.

— Что ж ты не берёшь? Отличный полячок. Смотри-ка, и чистенький! Они сейчас в основном все червивые. Что ж, неплохо, неплохо...

Сын отвернулся, чтобы скрыть подавившую на его сердце жалость к отцу. Отец так по-детски был увлечён этими грибами, что совсем не думал о

смерти, которая пролегалает неподалёку и следит за ним...»

И эта зародившаяся жалость к отцу и страх его будущей смерти постепенно охватывают мальчика всё сильнее. Теперь он уже раскаивается в том, что когда-то ругал отца за упущенную щуку; боится вставать ему на плечи, «сосредоточенно вникая в поведение всех его мышц — много ли в них ещё осталось силы для жизни». Он больше не хочет во всём быть лучше отца, наоборот, хочет во всём видеть «его силу, его способность жить ещё долго и быть недосыгаемым для смерти».

Во всех мелочах автор воспроизводит игру, в которую раньше играл отец с сыном, специально оставляя на его пути самые крупные и ценные грибы, — а теперь вот именно сын видит на пути большой белый и радуется, что сейчас отец найдёт его. Но тот проходит мимо, и мальчик с тревогой смотрит на него: «Неужели он стал хуже видеть? Неужели стареет? Неужели сын теперь грибник лучше него?»

Кладбище, по которому идут отец и сын, становится уже не просто местом действия, но — образом того неведомого, болезни ли, старения или смерти, что подстерегает отца и от чего хочет оградить его сын. И даже сама природа, кажется, участвует в этой борьбе: «В лесу темнело и темнело, как будто небо постепенно смыкало большие глаза».

Кончается рассказ внезапным

«катарсисом»: «Как-то сразу, без прелюдии первых осторожных капель, пошёл крупный дождь; будто кто-то очень долго молчал и вдруг заговорил, спокойно и тоже надолго». После спрессованной «духоты» переживаний героя, его волнений и напряжённого самокопания этот дождь приносит свежесть и освобождение. Это сделано не нарочито, без акцента, но действует очень сильно, удивительно готовя будущее «примирение» отца и сына и победу над кладбищенской грустью. И вот отец и сын стоят под лапами ели, прячась от дождя, и сын вдруг обнимает отца обеими руками. «Такое было между ними впервые. Они знали друг друга уже десять лет, и лишь сейчас дождь привёл их в место, где можно было поступить только так — обняться и стоять. Сын чувствовал, что сейчас отец не думает ни о грибах, ни о работе, ни о деньгах; сейчас он думает о том, что у него есть сын, и что это хороший сын. А сын думал об отце и уже не хотел ни о чём важном ему говорить. В его душе ещё жила грусть, но он чувствовал, что эта грусть не кладбищенская, она пройдёт, как проходит дождь». А после ещё одно точное психологическое замечание о том, как отец принялся рассказывать сыну о своём детстве, и сын обрадовался этому «привычному рассказу, потому что минута объятий была для него слишком огромной и важной, чтобы длиться долго».

Именно подобный психологизм и характеризует Лунина-прозаика. Там, где Андрей Антипин, например, дал бы один крупный и сочный образ, раскрывающий взаимоотношения отца и сына, Лунин останавливается и отслеживает их в мельчайших подробностях.

Проработка внутренних движений героев свойственна и другим рассказам Юрия Лунина. Так, например, герой рассказа «Успение»³, чем-то напоминающий героя рассказа «Через кладбище», маленький мальчик, пытается примирить в душе правду набожной бабушки и правду деда, который советует ему ударить в лицо хулигана, который дразнит его во дворе. И вот, с одной стороны, мальчик с удивлением замечает, что хулиган после его удара начинает относиться к нему лучше и даже зовёт на день рождения, а значит, прав дед. А, с другой стороны, по совету священника в церкви, куда его приводит бабушка, пытается полюбить хулигана. Впрочем, кончается рассказ явной «победой» деда: мальчик смотрит на девочку, с которой познакомился после причастия и ясно ощущает, что она — другая: «не уличная, не дворовая, а церковная девочка. И, кажется, впервые в жизни я ощутил одиночество, ощутил себя лишним. Мне стало стыдно, что я пробовал полюбить вредного мальчика по совету священника. Я вспомнил о дедушке и захотел поскорее к нему». Автор,

видимо, не желает приводить своего маленького героя к вере, и в этом проявляется его стремление к реалистическому изображению жизни, нежелание придерживаться какого бы то ни было этического императива.

Напряжённое самокопание героя мы можем наблюдать и в рассказе «Бабочка»⁴, но здесь оно приобретает даже болезненные черты. И вообще, в этом подчас назойливом психологизме Лунина местами начинает ощущаться некоторое однообразие, потому что где-то в глубине его герои похожи друг на друга. Исключение составляют, пожалуй, только герои рассказа «Прудка»⁵, парень и девушка, эдакие представители современной молодёжи, с достаточно «грубым» и примитивным внутренним миром (которые, тем не менее, выписаны молодым прозаиком с любовью и чутким вниманием к их душевным переживаниям).

Но даже у этих «грубых» ребят, у которых все разговоры зачастую не выходят из упрощённого шаблона, есть тонкие движения души, которые подмечает молодой прозаик. Так, девушка Света после первой близости со своим парнем Денисом стоит у реки, видит «его привычный худой силуэт на фоне воды» и вспоминает, как вчера днём он нагрубил ей, а с другой стороны — сейчас он обращался с ней просто, «по-родному». Девушка понимает, что, несмотря на долгое знакомство, она совсем не

знает этого человека, но всё-таки делает шаг ему навстречу, «с неизвестной мольбой» глядя на него. И мольба эта — о его доброте к ней, о её желании довериться ему, о том, чтобы неизвестное, в которое она вступает, принесло бы счастье, а не боль и разочарование.

Если говорить о наследовании «деревенской прозы», то Юрий Лунин — это, скорее, лихоносовская линия, линия «мягкого и тонкого психологизма». В целом, путь развития этого прозаика, связанный с обогащением своего художественно-психологического мира, приобретения способности раскрывать до такой же глубины разных героев, обладающих разными характерами, кажется чрезвычайно перспективным.

В иной манере работает прозаик из Москвы Елена Тулушева. Ей не свойственно подробно исследовать внутренний мир героя, её умение — несколькими резкими штрихами нарисовать психологический портрет.

Часто это делается с помощью интонационно выверенного внутреннего монолога героя. Так, например, пожилая Марья Васильевна из цикла рассказов «Подъезд»⁶ вспоминает свою работу в школе: «А разве можно было быть не принципиальной... История это не литература: двух мнений здесь быть не может. А история компартии в старших классах — тем более. Разве можно

тут искать компромиссы? Так не патриотов вырастишь, а предателей. Их ведь, молодых, так легко запутать, так легко увести по ложному пути...» И сразу встаёт перед нами образ героини, этот образ ярок и узнаваем, хотя конечно же не претендует на воплощение полноты личности — это пока только характерный тип, но ещё не герой в полном смысле этого слова.

Передачи нескольких мыслей в критической ситуации хватает нам, чтобы не только увидеть героя, но и начать соперничать ему. Так, например, в рассказе «Другая война»⁷ африканский подросток Джама, находясь в благотворительном лагере, где молодая белая девушка проводит с ними занятия по «творчеству» и предлагает детям разрисовать белые футболки разноцветной краской, «хорошо помнил своё изумление: зачем эта добродушная девушка портит такую замечательную вещь». А потом, когда все футболки оказываются больших размеров, Джама понимает, что всё пропало, и мать никогда не разрешит ему носить эту футболку, а отдаст старшим братьям, потому что у них в семье восемь детей, и младшие всегда донашивают за старшими. Но вдруг у него появляется надежда, что если он разрисует футболку и напишет на ней своё имя, то, может, мать и оставит футболку ему. «Он ожилился, стараясь успеть наклеить как можно больше картинок и

блестяшек. На спине он оставил несколько разноцветных отпечатков своих ладоней и для надёжности вновь написал своё имя». Как всё это просто и одновременно характерно.

Подобные психологические замечания у Тулушевой часто внезапны, резки, но правдивы и обжигающе точны. Так, другой подросток, герой рассказа «В хорошие руки»⁸, Саша, выросший в неблагополучной семье, вспоминает, как в детстве просил у Деда Мороза полицейскую машину с сиреной, потому что «хотел запускать её на кухню, когда мать и тётка будут ругаться, надеясь, что звук сирены заставит их замолчать». Как много такая мысль мальчика говорит нам о его жизни.

Психология героев проявляется не только в фиксации автором его мыслей и чувств и не только внутренними монологами, но и характерными жестами. Так, тот же Джама из «Другой войны», попавший в американскую школу, в совершенно незнакомую ему среду, старается на уроках сидеть неподвижно: «спина и ноги его затекли, но он приучил себя не подавать вида и подолгу сохранять одну позу. Так было надёжнее: никто не придерётся, что ему не интересно, что он не хочет слушать» — и эта деталь характеризует ощущения героя в чужой обстановке гораздо больше, чем какие бы то ни было описания его мыслей или чувств.

А вот Саша из рассказа «В хорошие руки», уже став сиротой, сидит на слушании, посвящённом передаче родительских прав его деду, которого он видит впервые. Дед стоит, засунув руки в карманы, и начинает раскачиваться, и мальчик вдруг пугается, «что, качнувшись в очередной раз, он пойдёт к выходу». В этом психологическом жесте сошлись воедино — и волнение мальчика, и равнодушие деда, и уже не нужно никаких поясняющих ремарок.

Тулушева очень восприимчива к разрывам шаблонов: она часто будто бы играет с читателем, заставляя поверить в одно, а потом превращая эту первую догадку в совершенно противоположное. Так, в том же рассказе «В хорошие руки» мальчик Саша смотрит на молодого психолога, сидящего в зале на слушании по его делу, и относится к нему хуже, чем ко всем остальным. «Чего ты лыбишься, — разозлился на него Саша, — как будто что смешное говорят! Лезут все не в своё дело!» А в конце рассказа оказывается, что именно психолог больше всего волнуется о судьбе мальчика в отличие от чиновников и даже самого деда.

Что-то подобное мы видим и в рассказе «Чудес хочется»⁹: «деревенская» здоровая женщина, ребёнок которой спасает главный герой врач Игорь Владимирович, в конце концов, отказывается от своего ребёнка; а роженица, с которой врач изначально

было «всё понятно» — «ей с трудом можно было дать шестнадцать. Удивительно, что решила выносить. Хотя Игорь был уверен, что такие просто затягивают до последнего, сначала не понимают, что беременны, потом боятся сказать кому-то, а потом уже поздно аборт делать» — оказывается хорошей женой и, по-видимому, будет хорошей матерью. Такие вот столкновения видимого и реального, разрыв первоначально заданного шаблона, с одной стороны, показывают желание автора не идти по пути очевидности. Но с другой стороны — смена полюсов в чёрно-белой схеме — это во многом тоже чёрно-белая схема. Думается, обретение большей тонкости и восприятия мира во всём его многообразии — это первоочередная задача молодого прозаика.

Сильными сторонами Елены Тулушевой являются также умения посмотреть с нового ракурса и подметить неожиданную и точную деталь. Например, в концовке маленького рассказа «Надо будет как-нибудь посмотреть»¹⁰ о жизни слепого массажиста, автор говорит нам о том, что герой каждый день ходит на работу очень рано и потому «слышит ещё спящий город» и очень скучает по «звукам стройки, нетерпеливых сигнальных пробок, шелеста метлы дворника». Какое тонкое и неожиданное замечание, много говорящее нам о восприятии мира этим человеком.

Часто не только автор, но и его герои подмечают нечто неожиданное, не укладывающееся в рамки известных этических шаблонов. Так, Мария Васильевна из цикла рассказов «Подъезд» вспоминает о жизни в родном Гомеле: «В подъезде всегда было чисто, никому и в голову не приходило плюнуть на лестницу или разрисовать стены. То были свои... Раньше ей казалось: свои — потому что ровесники, к труду в войну приучены, идеей одной шли, воспитанием общим жили... Но переехав сюда, Мария Васильевна с удивлением обнаружила, что дело не в возрасте. Две старушки с первого этажа ни разу за пять лет не ответили на её «добрый день!» Притом та самая громкая молодёжь здоровалась, даже когда она просила их не курить в подъезде...»

Впрочем, всё яркое, необычное, может, даже слишком пленяет Тулушеву — так, например, родители героя другого рассказа из цикла «Подъезд» страдают специфическим психологическим заболеванием, связанным со сниженным интеллектом, что приводит к целому комплексу проблем. Конечно, это даёт прозаику широчайшие возможности для помещения таких героев и их «нормального» сына в различные сложные психологические ситуации, но в стремлении к необыкновенному есть и определённая опасность. Ведь конечная задача подлинного психологизма — не только показать

конкретного человека в конкретной ситуации, но выйти к чему-то универсальному, важному не только для этого человека, но и для нас всех.

Прозаика Тулушеву характеризует также некоторая языковая скупость, но именно в этой скупости и точности её основное языковое достижение. Когда Тулушева скупа, она правдива, и правда эта задевает читателя. Но едва она пытается говорить о чём-то сентиментальном, начинае проговаривать за своих героев моральные сентенции, как например, в рассказе «Чудес хочется», как достоверность сразу же ослабляется. Сильной стороной прозаика является также способность говорить разными интонациями, например, на одной только интонации рассказчика держатся и рассказ «Ти те манче»¹¹, и эссе «Липки»¹².

Но и точность мелких психологических и бытовых деталей, и интонационное разнообразие, и стремление увидеть в мире что-то новое, необычное — это пока лишь инструменты, наработкой которых занимается молодой прозаик и которые, будем надеяться, впоследствии помогут ей создать нечто большее, выразить то главное, что ещё зреет в душе.

Впрочем, у Тулушевой есть рассказ, который уже сейчас претендует на то, чтобы навсегда занять место в современной литературе, это рассказ «Слава»¹³ о судьбе подростка-скинхеда, напавшего и лишь по случайности

не убившего «нерусского» парня. В этом рассказе есть то, что можно назвать «ударом» в литературе — т.е. деталью такой художественной силы, в которой бытовое содержание как бы прорывается сгустком концентрированного бытия, подобно тому, как магма вырывается из земной коры при извержении вулкана. По сути «удары» — это есть те же удачно подмеченные психологические детали, но обретающие силу обобщения, характеризующие уже не только состояние отдельно взятого героя, но и что-то важное в устройстве мироздания вообще. Подобные «удары» всегда производят на читателя невероятно сильное впечатление.

В рассказе «Слава» есть как минимум два эпизода, которые претендуют на то, чтобы быть настоящими «ударами».

Первый связан с отношением героя к религиозности своей матери («Скоро вроде Рождество, наверняка кто-то из её церковных, кто ещё придёт в такую рань, когда у всей страны двухнедельный запой — только эти святоши») и той ненавистью к религии, которую матери удалось в нём «воспитать» («Он возненавидел её Бога и всю её церковь. Возненавидел со всей детской беспощадной ревностью. И с каждым годом, с каждым очередным церковным праздником, с каждой новой книгой, которую она пыталась ему подsunуть, — эта ненависть только росла»). Но вот мать предлагает сыну

сходить с ней на службу в церковь «в обмен» на возможность поехать в бойцовский лагерь, и он соглашается: «пара часов скуки за три недели настоящей свободы — небольшая цена». В церкви ему, конечно же, некомфортно, он скучает, разглядывая прихожан: «Он с тоской разглядывал толстых тёток в платочках (если они все постятся — почему такого размера?) и странных мужиков с блаженными лицами. Неужели мать думает его таким способом изменить? Глупо. Кроме отвращения ничего».

И в этот момент с ним случается неожиданное. Конечно же не какое-то религиозное откровение (это было бы психологической фальшью), просто Слава иначе начинает смотреть на свою мать. «А потом он увидел её... как-то по-новому увидел. Они никогда не были близки: она постоянно его куда-то сдавала, перепоручала, избегала разговоров, редко обнимала. Но в тот момент она показалась совсем чужой и далёкой, как из другого мира. В этом своём смирении, в этих шепчущих губах, складках на лбу — она была пугающе чужой. В тот момент ему стало так больно, так горько от своего одиночества». И здесь-то мы и узнаём о глубокой пропасти, отделяющей Славу и его мать друг от друга: «Раньше её слова вызывали боль и обиду. «Славик, больше всех я люблю Бога, а на втором месте навсегда будешь только ты. Так должно быть у верующих, ты не можешь

обижаться!» — Ну да, конечно, на втором месте у родной матери! Никогда я не буду вторым, я — первый, я — лидер! — он жил этой идеей лет с двенадцати, с тех пор, как мать, по его выражению, ударилась в религию, променяв на неё, — он с горечью повторял это, растравляя душу, — его, Славу, единственного сына». И в этом душевном, даже духовном разрыве между героем и матерью (поведение которой едва ли можно назвать по-настоящему христианским) и есть, возможно, подлинная причина Славиного скинхедства, его жестокости и наконец готовности убить человека.

Вот на что замахивается Елена Тулушева. Этот эпизод очень большой художественной силы открывает нам путь к настоящему углублению в характер подростка Славы, а может, и не только его одного — во что-то важное, что таится в каждом человеке.

Второй «удар» связан с осознанием героем зла, которое он совершил. До сцены с демонстрацией видеозаписи в милиции Слава ощущает свой поступок как бы сквозь внутренние впечатления: «он помнил это ощущение — раньше не знал, как это — когда лезвие протыкает кожу, входит в мышцы, застревая между рёбрами» или сквозь собственные мысли: «Этот второй не мог знать ни имён, ни адресов. Он и опознать бы их вряд ли смог — темно было, все

на одно лицо...» Теперь же Слава видит себя со стороны, ещё даже не осознавая до конца, что это он сам: «Несколько секунд на экране рябили чёрно-серые полосы, ничего не происходило... наконец дверь открылась, и кто-то вошёл. Точнее, вбежал. Через секунду показалось застывшее от страха лицо. Вбежавший пытался захлопнуть дверь, что-то кричал. Внезапно дверь снова открылась. Толкаясь, ввалились три фигуры и начали хаотично двигаться перед лестницей. Один оторвался и стал медленно подниматься по ступенькам, потряхивая каким-то предметом в правой руке. Его походка отличалась от метаний того, первого. Он шёл твёрдо, вытянув шею и широко расставив руки... Крупным планом, почти глядя на них с экрана, он занёс свой нож и несколько раз с силой воткнул его в медленно сползающую по стене фигуру. Она сползла, как тряпичная кукла. Бугай пнул ногой лежащее тело и развернулся к двум прямо перед самым объективом. С экрана на сидящих в кабинете смотрел Слава...»

И в этом внезапном узнавании себя есть что-то неожиданное, даже мистическое. При всей простоте авторских слов в подчеркнутом отстранённом описании мы ощущаем удивление самого Славы. Возможно, это удивление и может открыть ему путь к раскаянию, но об этом, безусловно, рано (да и невозможно в рамках данного рассказа без

повреждения в достоверности) говорить.

Пока же, как мы видим, что ни Юрий Лунин, ни Елена Тулушева не пытаются сделать своих героев добрее, чем они есть, а стараются сохранить максимальную объективность и достоверность. Кажется, в этом и есть их путь к проникновению в глубину человека.

На наш взгляд, эти авторы стоят сейчас на пороге своих главных открытий. Уже видно, что они умеют, какие сильные черты отличают их от других, каков их психологизм, как они пытаются идти вглубь человека — Лунин медленно, слой за слоем, вскрывая скрытое в своих героях; Тулушева — резко, одним-двумя точными характерными ударами. Теперь их задача — создать полноценный художественный мир, где столкнётся много людей, внутренний мир которых будет также проработан и раскрыт. И это будет залогом обретения их подлинной художественной силы.

4

Когда в начале этой статьи мы пытались нарисовать для себя идеальный образ современной литературы, мы говорили не только о выражении народного самосознания и о проникновении вглубь человека, но и вскользь касались сверхзадачи «идеальной литературы», а именно — воплощения в слове христианского мировоззрения, движения в

сторону христианского Идеала. Полноценно решить эту задачу не под силу, наверно, никому из существующих прозаиков (да и возможно ли её в принципе решить — мы не знаем). Но можно выделить ряд особенностей, которые характеризовали бы того или иного автора, как стоящего на верном пути, например — глубина психологического переживания, глубина проникновения в бытийные законы жизни, языковое целомудрие. Но главное, на наш взгляд, — это органически заложенная в тексте возможность преображения героя (при этом обязательно оправданного художественно и психологически).

Прозаики, о которых мы будем говорить дальше, ещё очень молоды. По большому счёту у них есть пока только один-два рассказа, которые можно было бы рассматривать всерьёз. Но именно в их творчестве возможность преображения героя становится в центр художественного мира, является предметом напряжённого осмысления (в той или иной степени удачного).

Так, рассказ «Куколка» молодого автора из Тверской области Алёны Белоусенко начинается с того, что главный герой Сергей ждёт своего друга Костю, который серьёзно болен, но, не в силах побороть «нетерпение сердца», заставляющее его всякий раз чувствовать неловкость в присутствии друга, отменяет встречу в последний момент.

В последнем же эпизоде рассказа, происходящем через несколько месяцев после первого, Сергей всё-таки дожидается друга, и мы понимаем, что это обусловлено тем, что герой стал внутренне сильнее. Впрочем, сам переход не показан прозаиком полноценно. То, что мы видим в рассказе, это, скорее, психологическая подготовка к изменению, отслеживание постепенного размягчения сердца Сергея, приводящего к первому эмоциональному порыву на пути к изменению. Но всё это происходит в таком нарастании напряжения в художественной ткани рассказа, что мы безошибочно угадываем — изменение героя обязательно произойдёт.

Нечто похожее происходит и в другом рассказе Алёны Белоусенко — «Стакан молока»¹⁴, герой которого, взрослый тридцатилетний человек, насмехающийся над пошлостью окружающего его мира, но и сам носящий эту пошлость и духовную духоту внутри, чем-то напоминающий героев ранних рассказов Романа Сенчина. Но если Сенчин специально оставляет своих героев в их состоянии «хватать, что ни попадя, запихивать в себя, смеяться, давиться и жрать» — всё равно «все передохнем»¹⁵, утверждая невозможность ничего идеального в мире, то молодой прозаик пытается найти в душе даже такого пропадающего человека то, что может послужить его «выздоровлению». Казалось

бы, незначительный эпизод из детства, незаслуженное наказание за разбитый стакан молока, превращается в единственную «луковку», за которую может зацепиться герой, и, в конце концов, оставляет нас в ощущении, что преобразование возможно. И тогда, как из мрака, постепенно начинает проступать то, что ещё есть хорошего в герое, — нежность к дочери; почти сказочные три встречи с будущей женой, произошедшие в один день, которые с теплотой вспоминаются им — и как будто начинает «просыпаться» душа героя. Всё это сделано без какого то ни было нравоучения, без единого намёка на этическую сентенцию — в тонкости мельчайших эмоциональных переживаний героя. Конечно, здесь перед нами опять же не изменение героя, а первый сильный эмоциональный порыв, который в дальнейшем может привести к изменению. И это, с одной стороны, свидетельствует об адекватности молодого прозаика, который ставит перед собой лишь те задачи, которые может решить, а с другой стороны, означает, что перед нами автор, находящийся лишь в начале своего творческого пути.

Определённый «выход», стремление к очищающему катарсису есть и в её рассказе «Дочки-матери»¹⁶. Но здесь движение «вверх» связано не с изменением героев, а с осознанием того, что все мелкие проблемы и переживания — маленькой девочки; её

мамы, безуспешно пытающейся найти себе подходящего мужчину; бабушки, умиротворённо наблюдающей за всеми вокруг, как за «маленькими детьми», — не просто проблемы и переживания отдельных людей, но часть единой нити, от века связывающей матерей и дочерей в непрерывный процесс. И в этом выходе из бытового описания жизни трёх поколений женщин на уровень бытийного обобщения — главное достоинство рассказа.

Семейные портреты Алёны Белоусенко отличаются трогательным психологизмом. Вот, например, девочка из рассказа «Дочки-матери», впервые встретившаяся со смертью (у девочки из параллельного класса умер отец), прислушивается теперь к стуку материнского сердца и боится, что оно сейчас остановится. А проснувшись следующим утром, слышит, как шипит на сковородке масло, и эти звуки становятся для неё вестником самого важного: «мама не умерла, не сейчас. И не хотелось ни засыпать, ни просыпаться, а только дремать с этой солнечной мыслью». Есть у прозаика и образные удачи, более всего, в рассказе «Куколка», например, в описании отношений между Сергеем и отчимом: «Но кто виноват, что отношения сшивались тонкими нитками? Не они выбирали пряжу, а сил мягко и сосредоточенно вышивать общую жизнь ни у одного из них не было. Каждый искренне хотел полюбить

и принять другого, но если бы хоть кто-то полюбил по-настоящему, обогатилась бы пряжа, и неумелый шов не порвал бы её». А есть сцепление психологических и образных находок в одно, как например, в воспоминаниях Сергея об отце: «Кроме фотографий и старой коробки с нетронутыми струнами у Сергея осталась тёплая и ноющая память о нём. Он точно знал, что они вместе играли в прятки, и до сих пор помнил запах кожаной папиной дублёнки с искусственным мехом, за которой прятался в шкафу. Дверца этого шкафа... до сих пор скрипит, обманывая наивное сердце. Но дублёнки за ней уже давно нет...»

Кажется, что движение молодого прозаика в сторону обретения умения показать полноценное изменение человека, сделанное в той же психологической тонкости и образности, как в упомянутых выше примерах, должно быть чрезвычайно перспективным.

Следующий молодой прозаик Иван Маков из Петербурга, автор уже достаточно зрелого рассказа (или, по его определению, поэмы) «Житие последнего человека»¹⁷, в центре которого также преобразование человека, а точнее — движение от бытовых забот обыкновенного деревенского жителя к смиренному принятию смерти.

На первый взгляд, этот рассказ в чём-то напоминает роман

Андрея Антипина «Житийная история», в котором тоже показана жизнь пожилых людей в преддверии смерти — как и герой Антипина, герой Макова оглядывается вокруг и сначала ищет умиротворение в привычных бытовых делах и в русской природе. Перекликается «Житие последнего человека» отчасти и с антипинской повестью «Дядька», ведь герой Макова также осознаёт причину вымирания деревни в том, что «нельзя русского мужика без работы оставлять». Но там, где Антипин останавливается, Маков лишь начинает, и потому все тематические вещи у Макова даются как бы вскользь — не старости как таковой и не вымиранию русской деревни посвящён его рассказ. Ожидание смерти и одиночество последнего жителя села показаны автором уже в первой главе рассказа и являются лишь отправной точкой, лишь началом пути старика Лёни к будущей жизни.

Всё, что происходит дальше, это внутренние движения Лёниного сердца. Сначала — холодное безразличие ко всему окружающему и бессильный ропот на Бога, выливающийся в настоячивые вопросы: «Зачем живу я?» Потом — описание ночи, наполненной «порчей воспоминаний», во время которой на память Лёне приходит всё злое, что он совершал. Старик впадает в такое уныние, что, кажется, даже сама природа начинает злиться на него: «Силы ветра гнали его — уйди!.. Раздался дождь, а

с ним упал, и град с горошину стал деда обступать... он рухнул на колено — рычаньем залилось разгневанное небо. Избил град лежащее восьмидесятилетнее тело...» А затем — умиротворение от собственной слабости, размышления о Сыне Божьем и, наконец, молитва от всего сердца.

Но и не «личное спасение» Лёни становится итогом рассказа, а радость и благодарность Богу за то, что жило когда-то здесь всё его село и просьба: «Да покарай же ты меня, а не их» за все наши грехи, за то, что часто отводили глаза от Тебя — и в этом движении души оправдание не одной жизни, но жизнью всех его односельчан, и даже самых явных грешников, как например, самоубийцы Михаила. Последний раз идёт Лёня по селу к развалинам старой церкви и там умирает. «Среди руин красного кирпича лежало тело старика, а вверх на небо...» — заканчивает свой рассказ Иван Маков, и последний старик становится последним (а может, и единственным) молитвенником за своё село. В реальности происходит лишь смерть одного человека, чья душа, наверно, поднимается в рай; но в художественном пространстве происходит оправдание жизни не только Лёни, но и всего села, а может, и всей России.

Весь рассказ написан ритмической прозой, присутствует инверсия, предложения часто зарифмованы между собой, например: «руками с детства безделья не

знавшими; с русским носом, широким, как поля его окружавшие; спиной, от огородов согнувшейся; глазами, от старости потухшими» или «Одно лишь сердце в грудь — било... Да придёт царство Твоё! Остановило...» Это выглядит ещё несколько наивно, впрочем, избыточности и нарочитости в таком построении не чувствуется, так что в какой-то момент читатель просто забывает об этой особенности текста, погружаясь в него целиком. Есть ещё у автора стремление назвать вещь, а не показать её, но преодоление этого у него ещё впереди.

А пока видно, что и Алёна Белоусенко, и Иван Маков стремятся к «гармоничности» своих текстов; если сравнивать их творческий путь с путём Андрея Антипина (в том смысле, в котором вообще можно сравнивать таких разных авторов), то они находятся сейчас как бы на этапе ранних антипинских повестей «Капли марта» и «Соболь на счастье», тоже отличавшихся гармонией и стремлением к благополучному разрешению конфликта. Смогут ли они двинуться к более полному изображению жизни и в то же время не потерять того бытийного напряжения, которое свойственно сейчас их рассказам, стремления к гармонизации мира без единой ноты морализаторства? Увидим в ближайшем будущем. Пока же кажется, что эти авторы могут пойти по пути раскрытия полноценного душевного (а может, со временем и духовного) мира своих героев. Конечно, их рассказы,

которые мы сейчас разобрали, не претендуют на выражение какой бы то ни было полноты христианского мировоззрения, но очень важны для нас, как первые ростки того нового, с чем мы связываем главные надежды современной русской литературы.

5

В нынешнем литпроцессе мы часто становимся свидетелями неоправданного превозношения того или иного автора — звучат хвалебные речи, раздаются престижные премии, и практически никто не задаётся вопросом, а литература ли это вообще, можно ли рассматривать данный художественный текст всерьёз. Проходит время, и имя этого автора всё ещё помнится, к нему продолжают относиться как к знаменитому писателю. И оттого создаётся искусственное впечатление, что современная литература живёт полной жизнью и в ней непрерывно появляются значительные художественные произведения. А в то же самое время, с другой стороны, раздаются прямо противоположные восклицания о том, что русская литература мертва и все её достижения остались в прошлом. Этот обесценивающий лейтмотив связан, чаще всего, с собственным пессимистическим восприятием жизни и литературы, не пережитой трагедией распада страны, неумением смотреть вперёд.

Между тем подлинный русский литературный процесс движется медленно, но верно,

открывая нам новые имена — без лишней истерики и хлётких лозунгов молодое поколение «новых традиционалистов» созревает и обретает свою силу. И вот мы можем наблюдать, как пытается выразить народное самосознание в современную нам эпоху Андрей Антипин; как стремятся проникнуть в глубину человека Юрий Лунин и Елена Тулушева; как стараются в предельной достоверности и без ненужного морализаторства показать изменение и преобразование человека Алёна Белоусенко и Иван Маков.

Впрочем, авторы, о которых мы говорили сейчас, это лишь некоторые представители талантливого молодого поколения, показавшиеся нам наиболее близкими к тому представлению об идеальном образе новой отечественной литературы, которое мы представили в начале этой статьи. Есть и другие. Это, например, лауреаты молодёжной премии «Нашего современника» 2009 и 2011 годов москвичи Анастасия Чернова и Олег Сочалин и дебютировавший в журнале в прошлом году с повестью «Темнеет рано»¹⁸ прозаик из города Северодвинска Антон Шушарин. Это автор пронзительной и художественно зрелой повести «Три дня Осоргина»¹⁹ петербуржец Дмитрий Филиппов и продолжающий Шукшинские традиции дивеевский прозаик Антон Лукин. Это Евгения Декина из города Прокопьевск Кемеровской области, чей рассказ «Сын Ваньки Пантелеева»²⁰ мог бы

служить примером текста, в котором совершается органическое преобразование героя, а повесть «Золотой корень»²¹ свидетельствует о желании охватить жизнь в её широте, проникнув в душу разных героев. С какой-то долей условности к этому же поколению «новых традиционалистов» можно отнести прозаиков Наталью Мелёхину и Ирину Богатырёву, Евгения Москвина и Бориса Пейгина, Кирилла Яблочкина и Константина Куприянова.

Кто из этих авторов станет по-настоящему значительным русским писателем, покажет время. А сейчас мы можем лишь с замиранием сердца ждать — появится ли из куколки та прекрасная бабочка «воображаемой, возможной литературы», которую мы так жаждем и очертания которой уже сейчас находим в текстах молодых авторов. Обратимся же к их произведениям, испытаем радость открытия талантливого имени, посмотрим на мир их молодыми глазами, устремлёнными в будущее. И поймём, что надежда наша не напрасна.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Русский литературный журнал «МолОКО» № 4 2016.
2. «Наш современник» №10 2015.
3. Русский литературный журнал «МолОКО» № 8 2015.
4. Русский литературный журнал «МолОКО» № 11 2015.
5. Русский литературный журнал «МолОКО» № 9 2016.
6. «Наш современник» №7 2016.
7. «Наш современник» №3 2015.
8. «Наш современник» №3 2015.
9. «Наш современник» №10 2015.
10. «Подъём» №11 2014.
11. «Наш современник» №3 2015.
12. «Литературная Россия» №51 2014.
13. «Наш современник» №3 2014.
14. «Волга XXI век» №5-6 2016.
15. Сенчин Роман. Говорят, что нас там примут. В кн. Московские тени. М.: Эксмо, 2013.
16. «День и ночь» №4 2016.
17. Русский литературный журнал «МолОКО» №2 2016
18. «Наш современник» №10 2015.
19. «Нева» №1 2014.
20. Русский литературный журнал «МолОКО» №2 2015.
21. «Октябрь» №8 2016.

ЛЮБОВЬ СУХАРЕВА

«ПРОСТО МЫ УЖЕ ВЗРОСЛЫЕ...»

Любовь Викторовна Сухарева родилась в Оренбурге. Окончила Оренбургский областной колледж культуры и искусства (красный диплом). Печаталась в альманахе «Гостинный Двор», в сборнике «Истории вдохновений». С 2015 г. – резидент поэтического сообщества «Другая среда». Признана лучшим молодым поэтом на Межрегиональном семинаре-совещании «Мы выросли в России» (2017). Живёт в Оренбурге.

ВЕСНА

Закрываю глаза и хочется
До сведённых тоскою век,
Чтобы чёртово одиночество
Растворилось, как грязный снег.
Чтоб весна, да не календарная,
Настоящая – изнутри,
Словно пламя зажглась

янтарное,
И глазища – как фонари.
Чтоб уют – крепкий чай и
пряники,

Запах липы и тишина,
И напротив друг друга

странники
У распахнутого окна
Смотрят в небо, сидят усталые,
Взявшись за руки под столом.
И смеются, как дети малые,
И не важно им, что потом.

ПАМЯТЬ

Если вытряхнуть из башки
шмотки,
Шпильки, цацки, ажурные
колготки,

Останется крик, похороненный
 заживо в глотке,
 И жуткое желание нажраться
 водки,
 Резать кожу, рассекая волокна,
 Нырять в окна,
 Молить Бога, захлебываясь
 ядом неверия —
 Даже перед собой не избежать
 лицемерия.
 Выжигать буквы, которые не на
 теле, а много глубже,
 Перебирать камни, считать
 мёртвые души,
 Закрывать шторы, замирать под
 кровать/уоц,
 На сколько ещё меня хватит?
 Я могу отрубить себе руки,
 переломать ноги,
 выплеснуть чёрные кляксы
 зрачков,
 Но кто мне подскажет,
 где нанять киллера
 для этих проклятых снов?
 Вырезала кадры, бросала
 цветам в алые пасти —
 Девочка-ластик
 с глазами вчерашнего
 счастья.

ОНА ГОВОРИТ

Она говорит: «Я счастлива!» —
 С усмешкой в холодных глазах.
 И прячет невольно худые
 запястья.
 Она говорит, что он носит её
 на руках,
 И пристально смотрит «глазами
 вчерашнего счастья».
 Остывшее лето знобит —
 она прячется в шаль,

И смотрит часами в
 начищенный неба хрусталь.
 Она говорит, что сама
 повернула в кювет,
 И бусины слов, рассыпаясь,
 стучат о паркет.

НОЖИ

Слишком много мужчин
 поселилось во мне.
 Разбивают палатки, разводят
 костры,
 Я тушу их пожары в пурпурном
 вине,
 Только флаги их рдеют, всё
 так же пестры.
 Я неслышно дышу, я не выдам
 себя.
 Их бесшумные тени скользят
 изнутри.
 Я когда-то любила всех этих
 ребят.
 Я когда-то убила /прицельно/
 на три.

У любви правил нет, тут всяк
 себе бог,
 Но в итоге имеешь, кого
 заслужил...
 Я хочу, чтобы ты прочитал
 между строк —
 Слишком много мужчин во мне
 точат ножи.

ПАРИ

Он меня из меня не достанет.
 К чёрту ставки, давайте пари!
 Он собою самим слишком занят,
 Чтоб заметить меня изнутри.

Владислав НАУМОВ

ПИДЖАК

Рассказ

Владислав Валерьевич Наумов родился в 1995 году в городе Магнитогорске Челябинской области. Работал грузчиком, промоутером, консультантом в магазине, редактором отдела в журнале, корреспондентом на радио «Эхо Москвы в Оренбурге». Студент отделения журналистики Оренбургского государственного университета. Публиковался в альманахах «Декадент», основателем которого и является, «Башия» (Оренбург), «Русское Эхо» (Самара), интернет-журнале «Кругозор». Лучший молодой прозаик VI Межрегионального семинара-совещания «Мы выросли в России» (2017).

Мы вышли с разгрузки уже под вечер. Серёга стоял у ворот пилорамы и рукой отряхивал спортивные штаны от пыли. Потом, отряхнув, он выпрямился, смачно харкнул себе под ноги и сказал:

— Погода — дерьмо.

Я кивнул, закончил отряхиваться и устало стоял, уставившись в небо, серое и дождливое. Было ещё светло. Из-за дождя все штаны у меня были в грязи, а на кроссовках выросла вторая подошва из комков глины. Говорить не хотелось. Руки и спина ныли. Дождь усилился. Серёга отошёл под крышу, сел на корточки и закурил.

— Дай сигарету.

Серёга поднял голову, посмотрел на меня недовольно, потом протянул пачку красного «Максима». Я примостился рядом и щёлкнул зажигалкой.

— Ну и дрянь.

— Ну извини, — пробурчал Серёга.

Пока мы курили, из одноэтажного жёлтого здания, похожего на ангар, вышел завскладом Андрей и по грязи трусцой побежал к нам, пряча голову под натянутой на затылок курткой.

— Нате, пацаны, по косарю сегодня, — он протянул по купюре каждому.

— Ага... — промычал Серёга, убирая деньги в карман, — завтра чё, во сколько?

— Давайте в восемь. Больше будет.

— А по деньгам чё?

— Ну, где-то полтора.

— Ништяк.

Серёга встал, выплюнул окурок на землю, он упал в лужу и погас. Я тоже встал.

— Ну всё тогда. Давайте, пацаны, спасибо.

Мы пожали руки и пошли в сторону ржавых ворот складского комплекса. Я накинул капюшон. Ноги утопали в грязи, и когда мы вышли со складов на асфальтированную улицу, то несколько минут обтирали подошвы о дорогу и бордюры, а потом обмывали в луже.

— Пошли в «Кружку»? — спросил Серёга.

— Айда.

На улицах никого не было. Обычно, когда мы возвращались, всегда вокруг кишели толпы народа. Мамы с детьми, школьники, вышедшие на каникулы. Бабушки торговали зеленью. Сейчас, из-за дождя, улица будто вымерла. Только машины

изредка проносились мимо, орошая грязными брызгами тротуары.

Серёга в такие моменты неизменно выругивался:

— Сука, олень!

Мы медленно ковляли по узкой пешеходной дорожке. Не знаю, как Серёга, а я сильно устал и идти было тяжело. Как-то даже лень. Хотелось сесть на лавочке, закурить и долго-долго смотреть куда-нибудь в стену. Ещё страшно хотелось есть. Серёга, словно читая мои мысли, сказал:

— Так жрать хочу.

— Ага.

Пока мы шли, я постоянно останавливался на несколько секунд и поправлял штанину своих спортивных брюк. Проклятые три полоски вечно сползали на заднюю сторону икры, хотя должны были быть сбоку. Смотрелось это уродски и я уже сто раз проклял того узбека, у которого их покупал. Я давно хотел их обрезать на шорты или вообще выкинуть, но тогда у меня остались бы только джинсы и шорты. Работать было бы не в чем, приходилось вот так каждые пять минут останавливаться и оттягивать эти полоски на бок. Когда я в очередной раз остановился, Серёга вдруг повернулся и сказал:

— Да ты задолбал. Чё ты как этот. Никто на тебя не смотрит. Как тёлка.

— Иди в ж..у.

— Пошли быстрее.

«Кружка» — самая дешёвая в округе пивная, редко пустовала. Когда мы только подходили к девятиэтажке, на первом этаже которой, к недовольству всех местных жителей, зияли вечно открытые двери пивной, то уже слышали дурную музыку и пьяную ругать. Вход в «Кружку» был с торца дома. Подходя, Серёга полукивнул сидящим в чёрной десятке с логотипом ЧОПа охранникам. Они всегда тут стояли, чтобы разнимать драки до приезда ментов, которые всё равно приезжали, если в округе ко-го-нибудь грабили или били.

«Кружка» была небольшим заведением. Сразу напротив двери, метров через пять, стояла небольшая барная стойка, за которой, меняясь, сидели либо старая и некрасивая Катя, либо молодая и всё равно некрасивая Инна. Влево и вправо от двери были понатыканы пластиковые столики, которыми был не занят только узенький коридорчик от двери к кранам. Самые хорошие места были справа и слева от стойки. Там всегда было полутемно, вокруг никто не ходил, никто там тебя не видел и для того, чтобы попросить добавки, не нужно было вставать со стула — до стойки можно дотянуться рукой. Эти-то столы и были заняты какими-то алкашами, когда мы подошли к стойке и разглядели их.

— Инна, привет. Дай мне чешское одно и солёных орешков — сказал Серёга.

— А тебе? — Инна недовольно

посмотрела на меня. Она носила розовую майку, которая обтягивала начинающие обвисать груди.

— Немецкое и сухари.

— С тебя 90, — сказала она Серёге, потом поставила стакан с тёмным на стойку и обратилась ко мне: — с тебя 60.

Мы расплатились и сели у левого окна, оттуда была видна проезжая узкая улочка и вереницы домиков. Эта девятиэтажка, в которой была пивнушка, была редкостью для этого района. В основном здесь были пятиэтажные панельные дома и бывшие общаги, или ещё сталинские двухэтажные бараки. Девятиэтажка была квадратной, недлинной, всего в два подъезда, поэтому её называли «свечкой».

Я буквально упал на пластиковый стул, тот ощутимо подпружинил подо мной. Я сделал большой глоток пива. Холодная жидкость скатилась по пищеводу в желудок, разливая приятную прохладу. Инна поставила на стол пепельницу. Я закурил и, провожая её взглядом, смотрел на разжиревшие ноги с проступающими синими венами. Помню, когда я первый раз пришёл в «Кружку», было как-то не по себе. Кислый запах разлитого пива и духота не создавали уюта. Так мне тогда казалось. Но это было совсем давно, ещё до армии. Потом как-то потихоньку привык, втянулся.

Мы быстро пригубили по первой кружке и взяли ещё по одной. Время подходило к шести.

С интервалом в несколько минут заходили усталые мужики с мешками под глазами, брали себе две или три бутылки разливного и уходили домой, к жёнам и детям. У меня жены не было, поэтому я никуда не торопился.

Допив вторую, я сходил за третьей, купил сигарет и, вернувшись, закурил, оставившись в окно. На светофоре загорелся красный. Две бабушки неторопливо поползли через дорогу. У перехода стоял шикарный чёрный «лексус». В этом районе редко можно увидеть такую машину. Я подумал, что, наверно, едут куда-то за город. За рулём сидела молодая рыжая девушка лет двадцати. На пассажирском сиденье был молодой паренёк в пиджаке, с какой-то модной стрижкой. Он что-то оживлённо рассказывал девушке, та смеялась, красиво так, аккуратно. Не как Инна. Та, когда смеялась, показывала всем ряды кривых подгнивших и пожелтевших от курева зубов. У этой, рыженькой, зубы были в порядке. Она вообще была какой-то маленькой, аккуратненькой, ухоженной, счастливой. Я посмотрел на парня. Он тоже казался аккуратным и ухоженным. Я подумал с какой-то завистью, что хорошо, наверно, ходить в costume, ездить на «лексусе» с такой красивой девушкой куда-нибудь за город, развлекаться с такими же друзьями, пить дорогое пиво. Интересно, он её парень, друг или брат?

— Санёк, чё там? — вдруг хрипло спросил Серёга.

— Вон, — я кивнул головой в сторону машины, — такие молодые, а уже на «лексусе».

— Да, мрази, — желчно процедил Серёга, — мажоры, суки. Я вот тебе отвечаю, они ни дня не проработали. Багя всё кушил, который в девяностые понахапал советского добра. Они все такие.

— Ага, — я вяло кивнул.

«Лексус» тронулся, смеющаяся девочка и аккуратный парень в пиджаке уехали по своим аккуратным делам. Я поправил штанину, натянув сползшие полоски обратно.

Серёга был социалистом. Он постоянно грезил о СССР, в котором прожил всего несколько лет и из тех, понятно, ничего не помнил. Хотя самому Серёге казалось, что он сильно старше своего возраста. Поэтому он вечно вспоминал, как всё было раньше. В «Кружке», к слову, эта тема вообще никогда не теряла актуальности. Железное правило: не о чем поговорить — вспоминай СССР и ругай буржуев. Как-то в канун выборов мы курили с соседом на лестничной клетке. Сосед у меня был студент. Он сказал, что за коммунистов голосуют нищие, потому что в Союзе они хоть что-то значили, потому что рабочие профессии были в почёте. То есть государство уважало этих людей, а сильно богатых особо не было. По крайней мере, «лексус» на улице встретить было нельзя. Они, бедные, чувствовали за собой какую-то силу и признание себя. А сейчас, мол, этого нет.

Как хотите, так выкручивайтесь. А потом студент добавил, что коммунисты знают об этом и поэтому делают ставку на рабочих, на бедных. Их много. Они за них голосуют. А им и хорошо, на депутатской пайке в 400 тысяч в месяц.

— А вообще, все партии — говно. И страна эта всегда была нищей, и всегда такой будет, — заключил тогда студент.

— Ну да.

— Вот. Так что, голосуй не голосуй, всё равно получишь...

— А я и не голосую.

Мы иногда болтали с тем студентом. Потом он переехал. Иногда он рассказывал мне какие-нибудь интересные вещи из истории. Про войну, Сталина. Он учился на истфаке. Тоже, кстати, иногда носил пиджак. Умный пацан.

Мы допили с Серёгой пиво и пошли по домам. Особо напиваться сегодня нельзя. По дороге я купил пельменей. Пока шёл из продуктового к своей пятиэтажной общаге, я всё думал про тех ребят из «лексуса». Вот как они так? Откуда они его взяли? Чем больше думал, тем сильнее завидовал. Когда я зашёл в свою общагу и снова упёрся взглядом в обшарпанные стены, харчки на полу и кожурки от семечек, то расстроился совсем. На лестничной клетке знакомые пацаны курили и пили джин-тоник.

— Санёк, чё такой хмурый?

— Да голова болит.

— На, выпей, чё ты, — протянул мне бутылку Никита, семнадцатилетний парень. Он учился в параге на газовщика.

Я отказался и пошёл домой. Поев, завалился на диван и смотрел хоккей. Та рыжая девушка то и дело вспоминалась. У меня девушки не было уже года полтора. В двадцать три уже пора вставать на ноги, а не работать грузчиком на пилораме. Хотя я обычно зарабатывал в месяц тысяч пятнадцать. Правда, половину отдавал за квартиру. Иногда я думал, что нужно вернуться к родителям в Верхнеуральск. Но там из работы только магазины да посевная. Я думал о том, чтобы вернуться, уже года два, но так и не возвращался, работая то тут, то там. Золотое время было прошлым летом, мы тогда работали на частной стройке. Я думал отучиться на права, но стройку прикрыли через два месяца. Скопленную пятнашку я проедал, пока не устроился по-новой. От этих мыслей стало совсем тошно. Я вышел в подъезд, выпить с Никитой, но они уже разошлись. Расстроенным я вернулся домой и уснул под хоккей.

На следующий день мы работали на полторы тысячи. В четверг на 800 рублей. В пятницу на тысячу. Всё время, что мы работали, я то и дело думал о деньгах, достатке. Как и все, я решил, что если стану богатым, куплю маме то, что она хочет: духи, платье, серьги золотые. Путёвку на море.

Они были только в Крыму, и то тридцать лет назад. Машину куплю себе. В своих мечтах я руководил нефтеперерабатывающим заводом, строил дома. Да кем угодно, лишь бы деньги были, чтобы также ездить на «лексусе» с красивой девочкой, сидеть не в пивнухе, а в пабе. Отдыхать не на пляже местного водохранилища, а на море. Жить нормально. В такие моменты я злился сам на себя и поправлял эту штанину, думая, насколько уродски выгляжу. В Интернете стал искать другое рабочее место. Уж что-что, а работать я умел. Я этим с детства занимался. Даже вместо детства. И, однако, я никогда не задумывался о том, что есть правила написания резюме, тактики собеседования, правила внешнего вида. Весь вечер четверга просидел за компом и просматривал одно за одним объявления о работе. Я подумал, что мог бы устроиться менеджером в магазин бытовой техники. «Перспектива карьерного роста» — гласило объявление. Отправил несколько резюме в «Эльдорадо» и «М-Видео». На всякий случай отправил в «Посуда-центр» и «Metro». В пятницу мне позвонили из «Посуда-центра» и пригласили на собеседование. Не самое лучшее рабочее место, думал я, но всё же. Зарплата от 15 до 20 тысяч плюс процент от продаж, карьерный рост. Это всё равно лучше, чем сейчас. К тому же наконец-то будет повод выбираться из этой части города.

Я подумал, что на собеседование надо идти в хорошей одежде. Идеально было бы выглядеть, как тот парень из машины. Солидно и аккуратно. Весь вечер я просидел в Интернете в поисках рекомендации по одежде для собеседования. «И, конечно, не вздумайте даже прийти на собеседование в тришкахабибас, даже если вы устраиваетесь на склад. Помните, когда вы идёте на склад, мыслите вы себя уже завскладом. Надо быть солидным всегда, тогда и люди в это поверят» — писал на форуме какой-то специалист. Я взглянул на штаны, которые висели на стуле и грустно улыбнулся.

В субботу надел чистые джинсы, футболку, туфли, взял деньги и вышел на улицу. Погода стояла ясная, но не жаркая. Я решил пойти купить рубашку и какой-нибудь пиджак. Разочаровался довольно быстро. В магазинах одежды рубашки стоили от восьмиста рублей. Пиджаки и того дороже. Облазив несколько, я понял, что так они стоят везде. Даже в комиссионке они оказались немислимо дорогими. Продавщицы уверяли, что у них дешевле всего. Ехать в центр, где магазинов больше, мне не хотелось. Я подумал, что там совсем дорого. На рынок, после этих проклятых штанов, тоже. По дороге домой я, оббежав весь район, все магазины и один торговый дом, был в растерянности и каком-то отчаянии. Вдруг внезапно вспомнил, как Серёга

рассказывал мне про секунд-хенды, где он частенько берёт себе по дешёвке хорошие вещи. Решил зайти в первый попавшийся, благо, в нашем районе их хватало. Я подумал, что тут принцип такой же, как у коммунистов.

Спустился в полуподвал магазина. Запахло стиральным порошком, в глаза ударил яркий электрический свет. В небольшом помещении за партой в углу сидела бабушка и читала газету. По периметру комнаты на вешалках были развешаны самые разные вещи. Я поздоровался и, поймав взглядом пиджаки, направился к ним.

Как только бабуля заметила, что я иду к пиджакам, она вскочила с места.

— Знаете, нам такие хорошие пиджаки привезли, вот этот вот, посмотрите, прям на вас, — она сняла с вешалки серый пиджак, потом, постояв немного, ещё два синих.

Я долго ошивался у стойки с пиджаками. Внутренне мне было даже слегка стыдно, так, как будто меня уличили в каком-то проступке. Будто как в детстве, когда папа с мамой отворачивались, я перелистывал картинки порнографических фильмов в салоне аренды видеокассет. Долго выбирая, в итоге взял синий пиджак, с виду почти не ношенный, за триста рублей и белую рубашку за двести пятьдесят и быстро вышел из магазина. Придя домой, решил примерить обновки. От них сильно пахло стиральным

порошком. Я погладил рубашку и, пока орудовал утюгом, нашёл небольшую дырочку у воротника. Сначала немного огорчился, но подумал, что её, в общем, не видно.

Закончив приготовления, я надел джинсы, туфли, рубашку, пиджак и подошёл к небольшому зеркалу, которое висело у меня в маленькой душевой, совмещённой с туалетом. Я выглядел по-уродски. Ничего общего между мной и пареньком в иномарке не было. Я смотрел на свою нелепую причёску, по которой сразу было понятно, что я не хожу в парикмахерскую, а просто стригусь наголо раз в два месяца. На руки. Исцарапанные, с кривыми пальцами, уродские. Зубы. Лицо, в шрамах от драк. Кривой нос. Пивной живот. Протёртые джинсы. Туфли. Убого. Всё это было так невыносимо убого, что мне стало так не по себе, стыдно, грустно. Я пытался вспомнить, видел ли я когда-нибудь своего отца в костюме. Видел. Один раз. На свадебной фотографии. В остальное время на нём был рабочий комбинезон крановщика. Он ему шёл. И мне тоже. В нём я не выглядел уродом. А сейчас, в этом костюме, смешном, дешёвом, поношенном, я выглядел смешно и нелепо. Рукава были немного коротковаты. Рубашка сидела нелепо, торчал живот. Пиджак, застёгнутый на все пуговицы, смотрелся откровенно плохо, расстёгнутый тоже. Если бы сейчас директор этого «Посуда-центра» увидел меня, то сразу опознал бы

во мне простого грузчика с пилюрамы, который пытается занять не своё место. Может быть, мне на роду написано? Пить пиво по вечерам, ездить на автобусе, голосовать за коммунистов. Каждому своё. Ей, рыженькой, — «лексус» и слащавого мальчика, мне — пилюраму, «пазик» и «Кружку». Я злился. Пока я разгружал брёвна, носил шлакоблоки, топтал плац в части под Смоленском, что этой рыжей, что её другу, папа купил машину. Дорогой костюм купил. Одеколон. А я поношенный купил. И одеколон у меня дешёвый. И, иногда, когда забываю постирать носки, приходится ходить в грязных, чувствуя этот блевотный запах. Вот и вся разница. Кто вы, кто я. Вот и всё.

Всю субботу я, как баба, вертелся перед зеркалом, пытаюсь увидеть в себе хоть какое-то подобие солидного человека. К вечеру меня это настолько задрало, что я швырнул пиджак и рубашку в угол, взял немного из денег, отложенных на квартиру и купил себе пива. Всю ночь, полупьяный, проиграл в контру.

В воскресенье опять надел пиджак и уже трезво и спокойно убедился, что каждому в этой жизни есть своё определённое место, своя одежда, ниша. Я не рождён для «лексусов» и пиджаков. И нечего пытаться даже вылезти за рамки своего ареала обитания. Это выглядит нелепо. Как накрашенная четырёхлетняя девочка. Как мальчик на каблуках. Каждому своё. Мне — пилюрама.

Вечером я отдал пиджак Никите. Рубашку он не взял. Сказал, мол, зачем ему рваная.

В понедельник надел свои тришки и пошёл на пилюраму, уже не поправляя сползшие полосы. Работы было много. Мы закончили только в семь. Нам дали по полторы. Во вторник и среду работы не будет — поставок не предвидится. Только в четверг.

— На два дня забухать можно, — усмехнулся Серёга.

Пошёл дождь.

— В «Кружку»? — спросил я его.

— Айда, чё, пропьём получку, чё мы как не люди.

Мы шли по улице. Людей не было. Серёга поругивался на машины. В «Кружке» я от какой-то тупой злобы, зависти, отчаянья, надрался так, как давно не напивался. Меня начало мутить. Серёга вывел меня на улицу подышать. Мы сели на корточки у стены дома, лицом к проезжей части. Я закурил крепкий «Максим», который, сам не знаю зачем, специально купил, хотя деньги были. По улице медленно проехала белая «ауди», за рулём сидел парень лет двадцати пяти, в костюме. Он говорил с кем-то по телефону.

— Мрази, — кивнул я головой в сторону машины.

— Суки, — поправил меня Серёга, — буржуйские суки.

Я кивнул в знак согласия, докурил и зло затушил огонёк плевком.

АНТОН ГОРЫНИН

ЗВОНОК

Интродрама

Антон Валерьевич Горынин родился в 1986 году в городе Оренбурге. Окончил Оренбургский государственный педагогический университет. Автор прозаических и драматургических произведений. Пьесы неоднократно становились финалистами международных драматургических конкурсов. Лирическая комедия «Серая пьеса» вошла в очередной номер электронного «Дайджеста лучших пьес России». Победитель регионального литературного конкурса «Оренбургский край. XXI век - 2015» в номинации «Новые имена». Лучший прозаик по итогам Межрегионального семинара-совещания молодых писателей «Мы выросли в России» 2016 года. Автор двух книг, член Союза российских писателей.

*Я в детстве спрятался
в шкафу,
Я в нём живу и в нём умру.*

Глеб Самойлов «Ползёт»

ДЕЙСТВУЮЩЕЕ ЛИЦО:
Мячик

СЦЕНА ПЕРВАЯ И ЕДИНСТВЕННАЯ

В тёмной небольшой комнате-спальне стоит односпальная расстеленная кровать, обычный деревянный стул, компьютерный стол с компьютером и водяным фильтром, в котором воды чуть меньше половины. Из освещения только лишь лунный свет из окна и включённая настольная лампа, стоящая на компьютерном столе.

На том же столе рядом с клавиатурой лежит изрядно потрепанный мобильный телефон-смартфон. Рядом — старый блокнот.

Как-то вдруг разбитый мобильник начинает вибрировать и звонить.

Вибрирует и звонит, вибрирует и звонит, вибрирует и звонит...

Доносится звук сливного бачка, скрип двери, щелчок выключателя, грохот, раздражённое «ай ск!»

Наконец в комнату, торопливо прихрамывая, заходит Мячик — мужчина неопределённого, но какого-то молодого возраста. Мячик бросается к мобильнику. Мобильник замолкает. Как будто и не звонил вовсе.

Не отрывая взгляда от мобильного, Мячик садится на стул.

МЯЧИК: Это были они. Номер неизвестный мне, но это были они. (Смотрит в зал.) Ты понимаешь, что это значит? Они мне всё-таки позвонили. Я им давно уже письмо по электронке посылал, а они вот взяли и позвонили. Значит, хотели поговорить со мной? (Снова смотрит на телефон.) Хотели что-то мне предложить... Что-то стоящее, что-то такое, чего я всю жизнь ждал. (Смотрит в зал.) И дождался. Но они позвонили именно тогда, когда я был в сортире и не смог ответить сию секунду. И я не успел ответить. Вот в этом вся моя жизнь, понимаешь? (Смотрит на телефон.) Я сидел возле этой долбанной трубки, я клал её под подушку, я всё время носил её с собой в руке, поэтому один раз и уронил, кстати. И разбил. А потом собрал. И снова не

выпускал из рук, всё ждал-ждал... (Смотрит в зал.) Я и в тубзалет-то, веришь ли, с ней ходил. Я эту тварь сейчас в кои-то веки с собой не взял. А они позвонили именно сейчас. Надо же... (Смотрит на телефон, проводит дрожащим пальцем по экрану, экран загорается с новой силой.) Да, номер этот первый раз вижу, но это точно они. Я чувствую. Даже не чувствую, а знаю. (Смотрит в зал.) Больше никаких звонков не жду. Да и кто мне будет звонить, ни друзей, ни плетей. Работаю через инет... Это точно были они. Потому что это должно было когда-нибудь случиться. Потому что я этого заслуживаю. Я знал, что они оценят. Я пожертвовал всем, я ничем себя не связывал, потому что ждал и верил. Ну, хорошо, лучше сейчас, чем никогда. (Смотрит на телефон.) Но перезванивать я не буду. А что я им скажу? Здравствуйте, вы мне звонили? Голос будет дрожать, я знаю. А если там, не дай Бог, кто-нибудь строгий трубку возьмёт, я же сразу замнусь, что-то промямлю и всё, прощай жизнь, о которой так мечтал и, главное, которой на самом деле достоин. (Смотрит в зал.) Но перезванивать я не буду не поэтому. А потому что нечего сразу лебезить чего-то там, стараться понравиться, заискивать, типа я беспокоюсь, вот сразу и перезваниваю. Нет уж. Перезванивайте сами, и я отвечу вам строго и уверенно, так, что вы не сможете на меня надавить. Понимаешь, о чём я? Чтобы, если что, это они

меня побеспокоили, я особо и не напрашивался. (Смотрит на телефон, нажимает на нём кнопку, проводит пальцем по экрану, тот загорается с новой силой.) Блин, батарейки нет почти. (Открывает ящик стола, достаёт оттуда зарядку, подключает её к телефону и в розетку, что под столом, вылезая из-под стола, сильно ударяется о его крышку головой.) Айск! (Со всей силы бьёт рукой по столу и тут же, скорчившись, хватается за руку.) Да блин! (Бьёт по столу ногой.) То чувство, когда весь материальный мир настроен против тебя! (Подходит к краю авансцены, смотрит в зал, как в зеркало, всматривается в своё лицо, улыбается, хмурится, ковыряет ногтём между зубов, прекращает всякие движения, несколько секунд тупо смотрит в зал.) Урод! Надо же таким быть! Вот и смотрят на меня все, как на идиотика. (Снова улыбается, скалит зубы.) В зубах ещё что-нибудь застрянет вечно. Но теперь всё по-другому будет, понял? Главное, что они позвонили. Теперь надо ждать и настраиваться, перезвонят обязательно. Буду ждать. (Отходит к окну, смотрит в окно.) Ждать... ждать — это то, что лучше всего у меня получается. Мама говорила, что я и родился-то позже положенного срока. На два дня, кажется. Тоже, наверное, сидел там скрюченный, у мамки в раздутом животе и ждал, когда позовут. А никто не звал. (Поворачивается к залу, смотрит в зал.) Но это не страх. И не стеснительность, ты

слышишь? Это скромность. Я бы даже сказал, врождённая интеллигентность, понимаешь? Да, я не начинаю отвечать до того, как мне зададут вопрос. Я вообще не открываю рот просто так. Это я наедине с тобой ещё что-то говорю, пытаюсь объяснить. Но ты — другое дело. Ты — это я. То есть самый близкий мне человек. А с другими я в меру закрыт. И считаю, что это правильно. Ещё раз говорю, это не страх, не стеснительность, не закомплексованность, а природная интеллигентность, если хочешь. (Задумывается.) Да, именно так. (Садится за компьютерный стол, водит мышкой по столу, монитор загорается и освещает его пугающе бледное лицо.) Вот за что люблю Интернет, так это за то, что здесь не надо напрягаться. Можно общаться и не смотреть людям в глаза. Ведь не дай Бог заглянуть в глаза собеседнику — там же вся его подноготная, вся его прошлая и настоящая жизнь со всеми его секретами и заморочками, а зачем это мне? Если общаюсь с кем-то, то с конкретной целью, по конкретной теме и не нужна мне вся его прошлая и настоящая жизнь, мне своих секретов и заморочек хватает. Так же, как и ему своих. Пообщались на определённую тему, оказали друг другу определённые услуги и хватит, довольно. Ну зачем мне знать, как у человека дела? Ведь незачем, правда? Так вот в сети можно общаться максимально... опосредовано, что ли. Я больше

всего люблю переписку. Напишешь сообщение собеседнику, и пусть он читает его, когда ему, собеседнику, удобно. (Смотрит на телефон.) А звонить я не люблю. Вдруг позвонишь, да не вовремя. А если у человека звонит телефон, то он как бы не может не взять трубку. То есть, может, но всё-таки с телефонами так не принято, особенно с мобильниками. Зачем тогда мобильник, если по нему не отвечать? (Смотрит в зал.) Вот помнишь Машу, чуть ли не первую любовь нашу? Или нелюбовь. Теперь и не знаю... Короче, помнишь, как мы с ней расстались? Я просто не вовремя позвонил, чтобы извиниться. А она как раз была не одна. Я это понял по её голосу. Что-то промямлил, а потом она сама так и сказала: «я не одна». Но я уже настроился читать ей своё стихотворение, которое заранее подготовил. Я даже не уточнил, что значит «не одна». Я даже не спросил, с кем, если не одна. Я просто начал читать. (В одну руку берёт телефонную трубку, подносит её к уху, в другую берёт блокнот, рука с блокнотом заметно трясётся.)

*Я в этой жизни, как в гостях.
Гуляют нервы на костях,
Гуляют нервы по костям,
Как по гостям.
Я в этой жизни на сносях.*

*Я в этой жизни, как везде,
На небесах и, вместе с тем,
на дне.
Гуляючи по разным областям,*

*Как по костям,
Я в этой жизни в борозде.*

*Я в этой жизни, как в груди.
Всё бьюсь, меня береди,
И будет только веселей,
Как у людей,
Я в этой жизни как в пути...*

(Смотрит в зал.) И вот я из последних моральных и психических сил дочитываю этот стихок... А в трубке что-то поскрипело-поскрипело, а потом раздался мужской голос, который потребовал, чтобы я — урод — больше Машеньке моей не звонил. Я промолчал, ничего не ответил, дождался, пока на том конце положат трубку. Короткие такие, насмешливые гудки. (Убирает телефон от уха.) Но ты не думай, что я испугался как-то. Я хотел и даже собирался его обматерить, потом хотел дойти до её дома, но подумал: «А зачем?» Что я мог ей сказать? Она же больше не хотела меня видеть. Да, я действительно был, хоть и немного, но виноват перед ней: праздновал свою меланхолию, портил ей настроение. Что я мог сделать, если она больше не хотела меня видеть и вообще нашла кого-то другого? Вот я ничего и не сделал. (Бросает на стол и телефон, и блокнот, встаёт из-за стола, подходит к окну.) Больше мы не общались. Не знаю, что у них было дальше и вообще в тот день у неё дома... Мне только хотелось, чтобы этот... который вклинился в моё поэтическое повествование, оказался

козлом. И я жалел потом, что не послал его хотя бы по телефону. А потом стыдил себя за то, что пожелал ей козла. Она хорошая, во всяком случае, была и заслуживала совсем даже не козла... А какого-нибудь... льва, например. Может быть, этот... тот как раз и был тем львом. (Смотрит в зал, несколько секунд молчит.) Ладно-ладно, не смотри на меня так. Дело давно прошлое. (Смотрит на телефон, подходит к телефону, нажимает кнопку на телефоне, проводит рукой по экрану, экран загорается с новой силой.) Сейчас главное — этот звонок. И через некоторое время, совсем скоро, она увидит меня совсем другого — красивого, успешного, открытого, но такого загадочно печального, и подумает, что грусть в моих глазах — это о ней, что это печать нашей любви, которая закончилась так бесславно. (Смотрит в зал.) Всё-всё, больше не буду. Дела сердечные, сам понимаешь, нет-нет, да нахлынет. (Смотрит на телефон, нажимает на нём кнопку, проводит по нему пальцем, экран загорается с новой силой.) И почему не перезванивают, может, завтра уже? Но у них же там ещё не совсем вечер. Если я им действительно нужен. (Садится за стол, смотрит в компьютерный монитор, берётся за компьютерную мышь.) Где я только не был за свою недолгую жизнь, чего со мной только не случилось... (Тихо напевает.) Целым был и был разбитым, был живым и был убитым. Чистой

был водой, был ядом, был... Хотя и ночь чернеет впереди, никто не погасит у себя свет и не придёт, я знаю. Где я только не был, чего только не пробовал. Вылезал через это окошко в большой мир. (Кивает на монитор.) Бродил по информационному лабиринту мировых масштабов, потом, нагулявшись, забирался обратно. Тут главное — не потерять своё окошко, через которое ты залез, и успеть вернуться до полного привыкания. У меня пока получается. А выхожу в реальный мир, меня рикошетит от первых же препятствий, но я всё-таки проскакиваю, пропрыгиваю, а потом всё же ударяюсь о такую стену... от такой стены только назад отскакивать... В общем, правильно меня Мячиком прозвали. Хотя прозвище появилось обидным путём... Но ведь прозвали правильно. (Смотрит на телефон.) Вы перезванивайте, не стесняйтесь, берите меня, бейте об пол или об стену, я упругий, я отскачу и снова к вам в руки. Только не пинайте, а кидайте, я ручной мячик. (Смотрит в зал.) Это во доре меня Мячиком прозвали. Я был в нашем дворе самым маленьким. И толстенным при этом. Старшие пацаны играли мной в футбол. В прямом смысле. Пинали. Я выходил во двор, чтобы с кем-нибудь наконец познакомиться и поиграть с этим кем-нибудь. А играли мной. Пинали. Просто с гоготом брали за шиворот, давали пинка хорошего, и я катился к следующему пинку, потом

к следующему. Не успевал вставать между пинками, так мною и разыгрывали партию-другую. В общем, пинали. И ржали. До сих пор в ушах это ржание. Никогда не забуду. (Отходит к окну, смотрит в окно, как в зеркало.) Потом я приходил домой, пробирался (старался как можно незаметнее) мимо родителей в свою комнату, вот в эту комнату. (Оглядывает комнату.) Грязный, побитый, я долго смотрел в зеркало и представлял себя высоким и красивым, таким, какого не будут пинать просто потому, что он высокий и красивый, такой же, как все. (Поворачивается к залу.) Я даже пытался качаться и нашёл упражнения, регулярное выполнение которых обещало быстрое увеличение роста. (Снова поворачивается к окну.) Потом остывал от обид на своё тело и родителей, которые меня таким сделали, снова подходил к зеркалу, рассматривал себя и думал: «Зачем мне быть таким, как все? Главное ведь индивидуальность, и так сойдёт». (Подходит к столу, садится за стол, берётся за компьютерную мышь, экранный монитор загорается с новой силой, освещая его лицо.) Уже сильно потом, в свой подростковый период, вспоминая это своё состояние — во время второго взгляда в зеркало — я маленький стишок сочинил. (Берёт блокнот, читает.)

Я монах.

Мой монастырь во мне.

И мной себе же дан обет.

Пошли все вон.

Не говорите мне, что

выхода здесь нет.

Он есть.

Но, я монах.

(Откладывает блокнот, смотрит в зал.) Я до сих пор иногда представляю себя большим и красивым. А зачем? Всё равно таким не буду. (Задумывается.) А все проблемы начинаются с выдающейся, в плохом смысле, внешности. Вот был я маленьким и круглым, меня и пинали. Хотя я до сих пор ни в чём не виноват... Потому что ничего не делаю. (Смотрит на телефон.) Но вы не подумайте, я до сих пор ничего не делаю, потому что не понимаю, что делать. Что я должен делать, чтобы стать успешным, большим, красивым и таким загадочно печальным, чтобы Машенька поняла наконец, кого потеряла... (Нажимает на телефоне кнопку, проводит пальцем по его экрану, тот загорается с новой силой.) Совсем немного до окончания рабочего дня у них там. Ну, почему вы не звоните? А? (Хватает телефон, подбегает к окну, открывает окно, кричит на телефон.) Если ты в ближайшее время не зазвонишь, я тебя выкину, тварь, ты понял?! А!? А!? А!? (Крепко сжимает телефон в руке, закрывает окно, садится на пол под окном, прислонившись к батарее, смотрит в зал.) Тепло, да? Недавно топить начали. Ещё не на всю раскоचेгарили. Я люблю, когда тепло. В сущности, тепло

— это главное, чего мне всегда не хватало. Во всех смыслах. В детстве, в юности, в молодости, которая, надо понимать, на исходе. Да, я всегда мёрз, даже летом. Вот знобило прям физически. И холод этот изнутри шёл, значит, душу знобило... и знобит. Потому что кто-то греть должен. Всегда. Меня никто не грел. С детства ни одного тёплого словечка не дожусь ни от родителей, ни от сестры, ни от сверстников, ни от учителей, ни от противоположного пола... (Задумывается, улыбается.) А у меня ведь есть одна отдушина. Ты знаешь, о чём я, но я покажу ещё раз. (Встаёт, подходит к столу, садится за стол, берётся за компьютерную мышь.) Вот они — мои красотишки. Блондинки, брюнетки, шатенки, рыжие, мелированные, латиночки с формами... Они у меня все хорошие. Целая галерея. По всей Сети их собирал. Я на них смотрю и разговариваю с ними, вожу их в кино и в рестораны, катаю на своих машинах, гуляю с ними вечерами, обнимаю их, занимаюсь с ними любовью... И вся эта романтика умещается в моей небольшой голове, представляешь? (Смотрит в зал.) И, ты знаешь, они тёплые. В них то тепло, которое вдыхаю в них я. В них моё тепло, поэтому мне с ними так хорошо. (Молча просматривает фотографии.) Блин, ловелас прям. Машенька, прости, но ты должна меня понять. (Смотрит в зал.) И потом, разве это измена? Это ты мне изменила, а я после

тебя так ни с кем и ничего. Только вот с ними. (Смотрит на монитор.) Всё в них меня устраивает. Кроме того, что они не знают о моём существовании. (Нажимает кнопку на мониторе, монитор гаснет.) А вот так вот выключишь комп, и сразу страшно становится. Страшно тоскливо. (Берёт блокнот, листает его.) Сейчас... у меня и на эту тему стишок есть. Вот. «Воображаемое»:

*Придуманная лучше
нарисованной,
А нарисованная хуже
настоящей.
Но главное при воплощении
мечты —
Не перейти шизофренической
черты.*

*Он перешёл...
Виной тому была, наверное,
тоска.
Манили, как взаврадавшие,
Два розовых соска
Воображаемой Любви.*

*Додуманная лучше
схематичной,
Одна и та же лучше
незнакомок.
Но, главное условие игры —
Не перепутать бранные
миры.*

*Он перепутал...
Итогом стала маята —
Единственное — явное всегда.
Сгубили, так по-настоящему,
Крутые бедра
Воображаемого счастья.*

(Смотрит в зал.) Вот видишь как, всё я понимаю. Понимаю всю пограничность своей ситуации. А как иначе? (Смотрит на телефон.) Мне же надо чем-то перебиваться, в ожидании звонка заветного. (Пауза.) Ну, чего ты не звонишь? Счёт пошёл на минуты, испытываешь моё терпение? (Кричит на телефон.) Вы думаете, я не понимаю, что завтра вы уже не позвоните?! А!? Вы думаете, я не понимаю, что таких, как я, у вас миллион!? А!? (Смотрит в зал.) Ты не помнишь, когда я им заявку отправил точно? Ведь год прошёл почти, да? А до этого я их всю жизнь искал, ждал. Соизволили позвонить. А я в сотрире. Да, вся моя жизнь в этом.

Комната на несколько мгновений озаряется движущимся светом, доносится звук останавливающейся машины. Мячик срывается с места и подбегает к окну, смотрит на улицу, ухмыляется.

Ну, что, за мной? Решили не перезванивать, так приехать? Конечно, нет. Сосед. Ну вот куда ты её припарковал опять к подъезду? Вот чтоб к тебе скорая приехала, и не смогли тебя вынести из-за твоего же ведра с болтами, урод! (Отходит от окна, смотрит в зал.) И ведь знаю, что никто мне не перезвонит и уж, тем более, не приедет. Кто я такой? Была вот единственная возможность стать кем-то серьёзным, и ту просрал. В прямом смысле. Вот вся моя

жизнь в этом. (Смотрит в окно.) И вот уже очередная — тридцать третья — осень, а я всё здесь, в своём шкафу. А ведь такой потенциал имею, такие способности пропадают. Горы свернуть готов! (Смотрит на телефон, нажимает на нём кнопку, проводит пальцем по его экрану, тот загорается с новой силой.) Только мне нужно помочь. (Пристально смотрит в телефон, пока тот не гаснет окончательно.) А время-то идёт — линейная скотина. Нет, не перезвонят они, оттуда два раза подряд не звонят. (Смотрит в зал.) Ну, что теперь, переступить через себя и позвонить самому? Время-то идёт. (Берёт телефон, выдёргивает из него провод зарядника, отходит к окну, затем к компьютеру, проводит пальцем по экрану.) Так, стоп, что сказать-то? Надо сразу решить, чтобы не мямлить, не тупить. Так... звоню, мне говорят «ало» или «да», или даже «алё». Я строго и ровно говорю, что мне с этого номера звонили. Меня наверняка спросят, кто я. Я представлюсь также ровно и строго. Мне скажут: «ах, да-а-а-а!», ну и так далее... (Начинает нервно ходить из угла в угол, проводит пальцем по экрану телефона, подносит телефон к уху, набирает воздуха в лёгкие и тут же поспешно сбрасывает вызов, останавливается.) А если мне скажут, что меня сейчас переключат на главного, а главный начнёт мне задавать какие-нибудь вопросы, на которые я не смогу ответить сразу? Что,

если я затуплю, и главный решит, что они ошиблись, не надо было мне звонить? (Вопросительно смотрит в зал.) Что ты так на меня смотришь? Да, боюсь. Ведь один неосторожный шаг и всё — пропасть. Второго раза не будет, я же понимаю. (Откладывает телефон, садится за стол.) Сомнения, сомнения, как я их ненавижу. Это всё бесовские проделки. (Смотрит в зал.) В каждом из нас сидит дьявол, ты знал? Он сидит в каждом из нас точно, ведь если бы не сидел, были бы мы такими плохими и никчёмными? Это он сидит где-то внутри и нажимает всякие чёрные кнопки. Вот и сомнения бесконечные во всём... это всё он, сволочь. И ведь не поймашь его, даже внутри себя. Я пробовал — не получилось. (Берёт блокнот, листает.) Сейчас... у меня же и про это стихотворение есть... Вот:

*Спалили дьявола,
он прятался в деталях.
Зажали тёмного,
да прямо между строк.
А дьявол не сопротивлялся,
Как будто знал, что даже
у него есть срок.
Начало и Конец — вот
главное,
а остальное всё детали.
Скрутили дьявола,
да прямо как святого,
Избили бедного,
да били дотемна.
А дьявол даже не кричал,
Как будто верил, что люди
с ним ещё не так суровы,*

*Как если б били бы какого-то
святого,
да-да, не говорите, что
не знали.*

*Убили дьявола,
да прямо без суда.
Спалили тёмного,
наверняка — дотла.
А дьявол проявился снова
Улыбкою Чеширского кота,
И снова прыг в детали,
Как будто знает, чёрт, что
все его грехи с лихвой
покроет суета.*

(Смотрит в зал.) И вот сейчас я сижу, у меня совсем немного времени. Я вроде понимаю, что должен сделать. Понимаю, что должен хотя бы попробовать. А не могу. Палец не поднимается на кнопку вызова нажать. Это всё он, дьявол, сидит там внутри, мешает мне устроить мою жизнь и хихикает. (Смотрит на телефон.) Но я же человек, у меня же должна быть хоть какая-то воля? (Смотрит в зал.) Если я родился, то, значит, должен жить? А если должен жить, то должен жить хорошо. А значит, надо к этому стремиться, противостоять и сомнениям, и лени, и даже дьяволу, каким бы коварным он не был. Так ведь? (Задумывается.) Так, всё, хватит тупить, время-время, звоню... А чтобы настроиться, надо просто сосчитать до десяти... чтобы дыхание восстановить... нет, до пятнадцати, до двадцати... нет, до тридцати... Всё. Точно. До тридцати досчитываю. Раз. Два. Три. Четыре. Пять. Шесть.

Семь. Восемь. Девять. Десять... Одиннадцать... Двенадцать... Тринадцать... (Переводит взгляд на окно.) Часто задумываюсь над темой судьбы, рока. Есть она — эта судьба — или нет её? Ведь бывает так, стараешься-стараешься, и ничего. А бывает, что не стараешься и даже не задумываешься, а получается как нельзя лучше само собой. (Смотрит в зал.) Так есть судьба или нет, как ты считаешь? Стоит ли вообще напрягаться в этой жизни или, действительно, судьба и на печке найдёт? Я на своей печке, считай, ровно тридцать три года. Шутка ли... Может, и шутка. Все мы — одна большая шутка Бога. (Смотрит в окно.) А в космических масштабах совсем даже и небольшая. Может, юмор моей жизни как раз и заключается в том, что я должен просидеть в своём шкафу всю жизнь? Так почему же я сразу в гробу не родился? (Смотрит в зал.) Или я должен сделать так, чтобы Богу не показалось мало и у него не было поводов для смеха? Звоню. (Нажимает кнопку на телефоне, проводит по экрану пальцем, подносит телефон к уху, несколько секунд ожидания, убирает телефон от уха.) Занято. Вот так вот, вечно настроишься, а там, видите ли, занято, разговаривают они. Ну ладно, можно перевести дух. (Наливает из фильтра воду в стакан, со стаканом в руке отходит к окну, смотрит в окно, смотрит на небо.) А вот я в детстве не хотел быть космонавтом. Я им был. Когда ложился спать. Накрывался с головой одеялом и представлял

себя в космическом корабле, даже на космической станции... Тесное пространство, множество всякого неземного оборудования, кнопочки, огонёчки... (Смотрит в зал.) А в иллюминаторе Земля. Такая голубая, безопасная и совсем даже не злая. Родная планета, вид сверху. Я так чётко всё это себе представлял... (Смотрит в окно.) Мне нравилось, что я могу представить себя где и кем угодно. Находясь на воображаемой космической станции, среди воображаемых кнопочек и огоньков, глядя через воображаемый иллюминатор на воображаемую Землю, я чувствовал себя важнее реального мира и думал, что всё, включая будущее, на самом деле в моих руках. (Смотрит в зал, подходит к краю авансцены.) Я ошибался, и ты ошибаешься, если всё ещё думаешь, что можешь всё. Не можешь. Вообразить можешь, а сделать — нет. Потому что воображение безусловно, а в реальной жизни условностей не счесть. Понял? Надо звонить. (Направляется к столу.) Звонить, пока не ответят, другого шанса не будет. И пофигу, что они там про меня подумают, разберёмся по ходу. (Берёт телефон, нажимает кнопку, проводит рукой по экрану, через короткую паузу нажимает на иконку вызова, подносит телефон к уху, набирая воздух в лёгкие, через пару секунд хмурится.) Кто недоступен? Не может быть. (Снова посылает вызов и подносит телефон к уху.) Нет, не может быть. Хотя, мало ли. (Садится за стол, не выпуская

телефон из рук.) На мыле тоже ничего? (Водит мышкой по столу, монитор загорается с новой силой.) Также ничего. (Смотрит в зал.) Но это же были они, правда? Кому я ещё нужен? Они, видимо, оценили мой потенциал, решили дать мне шанс, место для шага вперёд, и это главное. А дальше я сам. (Допивает воду, наливает ещё, в фильтре воды не остаётся.) Ты же помнишь, что я несколько раз пытался выйти в люди? Ты помнишь, какой ценой мне это давалось? Ты помнишь, что ничего не получилось не по моей вине? Вот и сейчас переступаю через себя, перезваниваю, а они уже в отключке. Вся моя жизнь в этом, скажи. Почему всё так глупо? (Бросается к окну, смотрит вверх, кричит.) Почему всё так тупо в этой жизни, не подскажешь? Почему я столько всего могу, но это никому не нужно, а? (Садится под окном, облокачивается на батарею, за окном начинает идти снег.) Да знаю я всё, что он скажет. Мне посылаются испытания, я их должен переживать, преодолевать трудности. Что это непросто, но это делает меня сильнее. Пустое всё. Если я и становлюсь лучше, то для того, чтобы снова преодолевать трудности, ещё более трудные трудности. А счастье, если и случается, то так, на секундочку, такую секундочку, про которую непонятно, была ли она вообще. Главное, спастись, душу спасти. От чего спасти-то? Где, как говорят драматурги, альтернативный фактор? (Тяжело вздыхает.)

*А у нас тут опять снег —
Грязно-белым цветёт зима,
Да по кругу лихой бег —
Тошнотворная кутерьма.*

*А у нас тут опять жесть —
Местной новости не читай.
Не выходит благая весть,
Во что и как не играй.*

*И всегда тут у нас вот так —
Что не день, то новая жесть.
А иначе-то жить как?
Мы не знаем...*

(Смотрит в зал.) А у кого ответ есть? (Машет рукой, встаёт, подмигивает телефону.) Остаётся только пить и напиться. (Берёт фильтр и выходит из комнаты.)

В комнате остаётся полумрак и тишина. Снег за окном усиливается. Часть комнаты освещается слабым светом — это с новой силой загорелся экран телефона. Раздаётся «ззз... ззз... ззз...», через секунду-другую из динамика телефона начинает звучать мелодия звонка.

Из коридора доносятся быстрые шаги, глухой стук, раздражённое «ай ск!», в комнату быстрым шагом, прихрамывая, заходит Мячик с полным фильтром в руках, подходя к столу, он обо что-то спотыкается, выпускает фильтр из рук, тот падает на стол, вся вода выливается на телефон, который тут же замолкает.

Немая сцена: Мячик смотрит на телефон.

Да что ж я за мудака-то такой, а!!! (Начинает ударять кулаками по всему, что попадает на пути, пинает лежащий на полу фильтр.) Скотина! (Пинает стол, стул, кровать, падает на кровать, накрывается с головой одеялом, слышны слёзные всхлипы.) Никогда себе этого не забуду! Всё! Пошли все вон! Я в космосе! В своём космосе! (Затихает.)

Всё пространство комнаты заполняет фоновый радиошум, поверх него несколько длинных гудков, затем щелчок.

ГОЛОС МЯЧИКА (преобразованный динамиком телефона): Вы позвонили неудачнику по прозвищу Мячик. К сожалению, Мячик сдулся, поэтому не может сейчас подкатиться к телефону. Если у вас что-то действительно важное, в чём я сильно сомневаюсь, оставьте сообщение после звукового сигнала.

Короткое «пип».

ГОЛОС МЯЧИКА (только более живой): Привет, это я — твой Разум. Звоню тебе, а ты не перезваниваешь. Нет, ты перезванивал, а я не абонент был. Я всё ещё в дороге, представляешь? Но я скоро буду у тебя. Не завтра, так послезавтра. Дождись меня, не делай там глупостей. Я, собственно, что сказать-то хочу: тебе если ещё не звонили, ну, кому-то ты там заявку отправлял, ты не истери, а то уже истеришь, наверное, я тебя знаю. Ты им

напиши ещё раз. Спокойно напиши письмо по электронке и жди ответа. Не ответят, чёрт с ними. Ты, главное, начни радоваться текущему моменту, чтобы не тупить от скуки. Делай то, что умеешь потихоньку. Не знаю... Уборка, например, — хорошее отвлечение от мыслей тоскливых. Ну, ладно, я в пути, скоро буду, пока! Самое главное, не скучай. (Фоновый шум прекращается.)

Из-под одеяла показывается Мячик. Он принимает сидячее положение. Думает. Встаёт с кровати, подходит к столу, нажимает кнопку телефона, проводит по его экрану пальцем, экран остаётся тёмным. Мячик поворачивается к компьютеру, начинает стучать пальцами по клавиатуре.

МЯЧИК: Здравствуйте... Нет. Доброго времени суток... Нет, нахер выпендрёж этот... Здравствуйте! Я вам чуть меньше года назад отправлял заявку, вы ничего не ответили по электронной почте, но, видимо... видимо, слышимо, что вы мне звонили... Нет, опять выпендрёж. Видимо, вы мне звонили, я не успел... к сожалению, не успел ответить. Я перезвонил... Нет, я сразу перезвонил. Сначала было занято... нет, сначала было занято, потом абонент недоступен. Так. (Внимательно перечитывает, только что написанное.) Дальше, собственно, просьба должна быть. Ага... (Печатает.) Прошу мне перезвонить, как только... нет, слишком

дерзко, наверное. Телефон я испортил... нет. Телефон я нечаянно испортил... нет. Поскольку телефон испортился, я прошу... или требую? Нет, прошу ответить мне по электронной почте о своём решении насчёт меня... нет. Насчёт моей кандидатуры. Нет, надо НЛП включить. Прошу сообщить мне о вашем положительном решении по электронной почте. (Перечитывает.) Нормально вроде. (Печатает.) С уважением... нет. С уважением и упованием... блин, опять на выпендрёж тянет. С уважением... такой-то. (Бьёт пальцем по клавише «Enter».) Вот так. Пусть отвечают, как хотят, любой ответ приму. (Смотрит в зал.) Мне всё равно на внешний мир, поэтому пусть происходит то, что происходит. Я в космосе, в своём микрокосмосе, ты не забыл? Вот и не забывай. Где у меня тут последний стих... (Листает блокнот.) Как это ни странно, последнее стихотворение на последней исписанной странице. Итак...

*Кажется, дело идёт к войне.
Эту мысль не утопишь
в вине.*

*В многоэтажных домах на
каждом окне написано:
«Дело идёт к войне».*

*И если дело идёт к войне,
То по чьей же теперь вине?
Кто в этот раз не сдержался
и плюнул в лицо,
Тому, кто скакал на
соседнем коне?*

*Ведь если дело идёт к войне,
Да неважно по чьей вине,
Нас могут убить просто
так — без ответа.
Кем бы кто ни был в
этой игре.*

*Впрочем, пусть всё идёт
к войне.
Я отсижусь у себя на дне.
А когда восплыву, то узнаю
несмело,
Был ли смысл в войне,
К которой шло дело.*

Вот так. Выживут только интроверты.

Из компьютерных звуковых колонок доносится короткий сигнал, Мячик переводит взгляд на монитор.

(Читает с монитора.) Добрый день... какой нафиг день? Добрый день, такой-то, ваша заявка была отклонена ещё на первой стадии отбора. Просим прощения за несвоевременный ответ. С уважением... С уважением? Это, блин, неуважение! Уроды! Вот, вся моя жизнь в этом. (Смотрит в зал, пожимает плечами.) Но нет, так нет. Даже как-то легче стало. Но время-то идёт. Надо хоть что-то полезное сделать. Пойду, мусор вынесу, что ли. (Встаёт, смотрится в пространство зала как в зеркало, поправляет волосы, выходит из комнаты, через секунду раздаётся грохот и раздражённое «да что тыск!»)

Занавес.

Константин МУСОРИН

1917-1995

УТРО ЗЕМЛИ

Воспел красоты родины

23 ноября исполнилось ровно сто лет с тех пор, как в городе Бузулуке Оренбургской области родился будущий поэт Константин Мусорин.

Поэзия Мусорина — лёгкая, живая, интересная. Он избегал высокопарных рифм, писал лаконично, ёмко и без прикрас. Может быть, именно поэтому его стихи так были приближены к нашей жизни, с её взлётами и падениями, успехами и разочарованиями... Поэт печатался в «Учительской газете», журнале «Молодой колхозник», областных сборниках «Вечный берег», «Степные сосны», «О чём поёт народ Отчизны» и многих других, издал книгу стихов «Берёзка» (1960).

Примечательно, что Константина Мусорина знали и любили не только в родном городе, но и за его пределами. Так, с литератором были хорошо знакомы многие жители соседнего Первомайского района, где он жил в последние годы жизни. Сельчане до сих пор гордятся гимном, который он сочинил для них.

Константин Андреевич окончил Уральский индустриальный институт, затем педагогический институт. Много лет работал учителем и директором в школе села Липовка Бузулукского района.

По воспоминаниям знавших его людей и родных был он добрым и справедливым человеком, готовым помочь всем и каждому. В память о рано ушедшей из жизни жене он пообещал посадить берёзовую аллею. С тех пор школа в Липовке, где работал поэт, со всех сторон окружена берёзками...

Антон Пичурин

ОТЧИЙ КРАЙ

Пускай он выглядит
   не броско —
 Край хлеборобов, отчий край,
 Где на сто вёрст одна берёзка,
 А солнце — впору отбавляй.
 Где вкусно пахнет свежим
   хлебом,
 Где ходят к речке за водой,
 Где люди, как просторы неба,
 Живут с открытою душой.
 Здесь труд в почёте от
   природы,
 Здесь чище родниковых вод,
 Не искалеченная модой
 Сама поэзия живёт.

СТОРОЖ

Тишина. Уснули даже птицы,
 Только сторож бодрствует с
   ружьём,
 Он сидит на ворохе пшеницы,
 Словно царь на троне золотом.
 Он велик сегодня в полной
   мере,
 Не случайно не смыкает глаз:
 Ведь ему поистине доверен
 Государства золотой запас.

В ГОСТЯХ

Камыши стоят, как трости,
 Оседлал котел таган,
 Пригласил нас нынче в гости
 Разговорчивый чабан.

На полу ковёр, подушки.
 Где ты, счётка? Выручай!
 Ноги кренделем-витушкой,
 Пью, как все, сначала чай.

А потом, хоть непривычно,
 Но справляюсь кое-как,
 Я, как требует обычай,
 Ем душистый бешбармак.

Вот уже рассыпал вечер
 В небе звёздную крупу.
 Наступает акт конечный:
 Пью горячую шурпу.

Да, хорош обед восточный!
 Не обидится кунак.
 Здесь в степи для дружбы
   прочной
 Очень нужен бешбармак.

ПОЛДЕНЬ

Пахнет солнцем и созревшим
   хлебом,
 В степь пришла горячая
   страда.
 С голубой, как лён, ладони
   неба
 Дождь не лил как будто
   никогда.
 Вот оно — житьё-бытьё
   степное:
 Где-то в травах птаха просит: —
   Пи-и-ть!..
 Спичек нет. Но не беда.
   От зноя,
 Как от спички, можно
   прикурить.

А хлебам конца и края нету,
Словно штык, гранёным колос
стал,
Знойный полдень, росные
рассветы
Не напрасно жадно он вбирал.
Скрылся ветер в дебрях
кукурузных,
Лишь лихим шофёрам
нипочём —
На ухабах, приседая грузно,
Мчат машины с золотым
зерном.

ПОДСОЛНУХ

Он неказист и рыж от зноя.
Он постоянством знаменит:
На солнце жаркое степное
С утра до вечера глядит.

Мы, видно, с ним единовверцы,
Счастливой радуясь судьбе,
Моя единственная, сердцем
Я обращён всегда к тебе.

В МАРТЕ

От солнца нет пощады снегу.
С гортанным звонким говорком
Ручьи весёлые с разбегу
Летят в овраги кувырком.

Грачи горланят на берёзе
О том, что кончен перелёт.
Дымься дымком зелёным, озимь
В полях на цыпочки встаёт.

В гостеприимство марта веря,
Где снег белел ещё вчера,
Зябь проступила, спину грея,
Черней грачиного пера.

Весна волнует хлебороба.
Сигнала ждёт машинный гром.
Как перед боем жарким, в оба
Следит за пашней агроном.

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Дождь прошёл что надо!
Стихла грозы пальба.
Встав на цыпочки, рады
Влаге живой хлеба.
Радуга в чистой выси
Держит, лаская взор,
На расписном коромысле
Синие вёдра озёр.

УТРО ЗЕМЛИ

На пяточке пригорка
Важничают грачи.
Точат скороговоркой
Снег голубой ручьи.
Талой землёй, соляркой
Пахнет у гаража.
Трактор рокочет жарко,
От нетерпенья дрожа.
Синих дымков баранки
Любо ему бросать.
Вышел он на полянку
Гусеницы размять.
Ловко рулит — взгляните —
Бывший мой ученик
Саша Буцких — любитель
Песен, машин и книг.

Юрий ОРЯБИНСКИЙ
1947-2004

«НЕ ХВАТАЕТ МНЕ ВРЕМЕНИ ЖИТЬ...»

Есть явления, говорить о которых непросто в силу их абсолютной самодостаточности, когда, что называется, не убавить – не прибавить, и словом «со стороны» боишься разрушить гармонию впечатления. К таким органичным явлениям, вне всякого сомнения, относится творчество рано ушедшего от нас оренбургского поэта Юрия Михайловича Орябинского. Его стихи кажутся простыми, каким казался и он сам. Но это простота глубины, прошедшая через муки взыскательного разума и неуспокоенной совести, через происходившее по нарастающей личностное самовращивание поэта. Такая простота – талант глубинного видения предмета творчества и природной данностью сказать о нём ярким и точным словом.

Татьяна Дегтярёва

ПОБЕДИТЕЛИ

Раз в году, на Девятое Мая,
Словно вдруг отойдя ото сна,
Всенародная власть вспоминает,
Что когда-то гремела война.

Что страна поднималась огромная
И, пройдя через ужас и ад,
Одолел неприятеля скромный
Победитель – советский солдат.

Воздаются с рассвета до вечера
От щедрот новорусской руки

Не вернувшимся трубные речи,
А живым из перловки пайки.

Не терзают властителей раны,
Не гнетёт их стыдливости груз:
Миллионы погибших не

встанут

Поглядеть на Советский Союз.

Подивиться на братство народов,
На хозяев страны посмотреть,
Но, увидев духовных уродов,
От разрыва сердец умереть.

А живой, молчаливо бунтуя,
Принимает подачку-еду,
Как из власовских рук Золотую,
За войну Золотую Звезду.

* * *

Не лежала душа у меня
К пустообрёхам ещё с малолетства.
Только крепло в ней день
ото дня
Деревенское это наследство,

Отличать обучалась она
Гул весомый от звона пустого,
Словно знала: придут времена
Легковесного лживого слова.

Как в угаре и пьяном дыму,
Поразвесят и слюни, и уши
И поверят ему одному
Без корней неокрепшие души.

В мишуре митинговых словес,
Где лукаво и Господа имя,
Не поймут, что куражится бес
Над Россией и ими самими.

Сколько ж надо работать векам,
Чтобы души доверились снова
И своим заскорузлым рукам,
И в мученьях рождённому слову?

* * *

Было ли это когда-то
Или приснилось тебе?
Летнего утра прохлады
Тихо плывёт по избе.
Там на загнётке услада —
Свежих оладушек дух.

Не выгонял ещё стада
К дальним полянам пастух.
Бабушки оклик нестрогий,
Скорые сборы, а там —
Полям пути и дороги
К ягодным вашим местам.
Тучная рожь колосится
И зеленеют овсы.
Любо по травам носиться,
Грузным и полным росы.
Любо, что день ещё долог
И небеса высоки.
Вот и берёзовый колок
Возле деревни Борки.
От земляники нагретой
В нём духовитая сладость.
Хочется в жаркое лето,
В ягодник этот упасть.
Навзничь, бездумно, невольно,
К небу открытой душой —
Господи, как же привольно!
Господи, как хорошо!
Где-то кукушка кукует,
Что тебе эти года,
Если душа не тоскует,
Если она молода.
Всё в мироздании просто
Может она принимать:
Рядом и братья, и сёстры,
Рядом здоровая мать.
К вечеру грома раскаты
Вас подгоняют домой.
Было ли это когда-то?
Было ли, боже ты мой?

УЛЕТЕВШИЕ ГОЛОСА

После бабьей красы в лесах,
А потом затяжных дождей
Снова вспыхнуло и небесах
Ярче вроде, но холодней.

Светом ласковым и добрым
 Не блеснёт уже — грей-не грей —
 Почерневшее серебро
 Приозёрных осокорей.

И повывокшие поля,
 И сквозняк одиноких рощ,
 Где недавно ещё гулял,
 Нагоняют тоску и дрожь.
 Затуманивают глаза
 В обеспеченной тишине
 Улетевшие голоса
 Птах, невидимых в вышине.
 До весны им и стол, и кров
 Обеспечит заветный юг...
 И потягивает с северов
 Недалёким ознобом выюг.
 Улетело последнее лето,
 Многоцветье лугов позади,

Улетело и кануло в Лету,
 В листопады, туманы, дожди.
 Не жалею, что небо поблекло,
 За дождями завьюжит зима,
 Потому что в душе человек я
 Философского склада ума.
 Оттого, что хочу-не хочу я,
 Не изменишь порядок вещей,
 А кричу ли, ворчу ли, молчу я
 Не удержит отлёта грачей.
 Будь я праведник, тать или
 жулик,
 А поднимутся в серую мглу.
 Лучше я поутру провожу их
 И к рабочему сяду столу.

Так уж мило занятие это —
 Слову русскому верой служить,
 Что тоской по ушедшему лету
 Не хватает мне времени жить.

* * *

Что-то прощальное нынче
 послышалось в голосе
 И величавом, по кругу, полёте
 грачей.
 Значит, Земля наклоняется
 Северным полюсом.
 В сторону осени, мороси, долгих
 ночей.
 Значит, опять бездорожья тоска
 первобытная
 Станет невольню слова ямщика
 навевать
 Про сокровенное и до конца
 не избытое,
 Как по любимой однажды
 пришлось горевать.
 Карие очи уступят кольцу
 обручальному.
 Детям наказу, жене и поклону
 родне,
 И понесётся, не раз повторяясь,
 печальное:
 Мочи, мол, нету — осталась
 отрада в вине.
 Только вино от сумятиц
 душевных излечит ли?
 Да и грачи в небесах гомонят
 не о нём.
 Памятней просто бывают
 последние встречи.
 Если разлука холодным
 коснулась огнём.

* * *

Вот уже третью неделю
 От наступления выюг
 Стаями, клином, артелью
 Тянутся птицы на юг.

Круговорот повторенья
 Сотый и тысячный год
 В их величавом паренье
 В этот великий исход.
 Без суетливости к югу
 Ляжет одна из дорог.
 Танец отлётного круга —
 Будущей встречи залог.
 В птичьём немом обещаньи
 Вязнет лукавая речь.
 Горькая прелесть прощаний
 В предощущении встреч.
 Ведь возвращенье к причалу,
 Что в колыбели качал, —
 Тайна земного начала.
 Мудрость начала начал.

ПАУТИНА ОСЕНИ

В ночь не случайно и мудро
 Вызвездило небеса,
 И по морозцу на утро
 Заполыхали леса.
 Перед тоской угасанья
 Надо ж так землю любить.
 Чтобы единым касаньем,
 Как под венец, нарядить!
 Золото листьев рябины.
 Дуба чеканную медь
 Тесно связать паутиной —
 Это ведь надо суметь!
 Видимо, все мы на свете
 Крепче пружины стальной
 Связаны тоненькой этой
 Лишь паутинкой одной.
 И в расставаньях и встречах
 Связи незримая нить
 Голову буйную легче,
 Зная об этом, склонить.
 Вроде уже и не страшно

Кануть в погибельном сне.
 Если озимыми пашен
 Вспыхнешь опять по весне.

ВЕСЕННИЕ СОКИ

До высокого синего звона
 Восходящие соки земли,
 Наполняя теплом и озоном,
 Над собой небеса вознесли.
 Времена подоспели и сроки,
 И пожухлую серость миров
 Напрягают весенние соки
 Изобилием сфер и шаров.
 И, ломая запоры и клетки,
 Изменяют они неспроста
 Узловатые зимние ветки
 До зелёных овалов листа.
 Всё напористо, ярко и бодро.
 И в упругости этой тугой
 Округляются груди и бёдра,
 И походка, и брови дугой.
 Округляются дали и выси,
 И в немыслимой их высоте
 Чужеродны корявые мысли
 О земной суете и тщете.

* * *

Весна сердита и мрачна —
 Ни света, ни тепла.
 И не спешит ещё она
 Творить свои дела.
 Пробыло время на часах
 Очнуться и воспрять.
 Однако морок в небесах
 Заморосил опять.
 И то ли ночью, то ли днём —
 Поди тут разберись! —

И снегом сеет, и дождём
 Затянутая высь.
 Но в ожидании, когда
 Проглянут небеса,
 Уже спадают холода,
 Готова чудеса.
 А их предчувствием полны
 По избам старики.
 Уж коль дожили до весны.
 То смерти не с руки
 Косой махать и ворошить
 Оттаявший погост.
 Хоть век живи — охота жить
 И выпрямиться в рост.
 Взглянуть на Божью благодать
 Ещё хотя бы раз.
 Теперь и силы подождать
 Прибавился запас.
 Трава прокалывает снег,
 И почки рвут печать.
 Не век же хмуриться весне,
 Не век же ей сердать.

ОБМОРОК

Ещё вчера казалась неотложной
 И бесконечной вереница дел,
 А нынче обнаружилось:
 возможен
 У этой бесконечности предел,
 Я торопился, подгоняя утро,
 Себя привычно в ленисти вина...
 А дальше — бездна чёрная,
 как будто
 На свете белом не было меня.
 Но мир не рухнул,
 не остановился —
 Смеялся, плакал, по делам бежал,
 Не хуже и не лучше становился,
 Покуда я без памяти лежал.
 Очнувшись, понял: умирать
 несложно,

И всё на свете можно отложить,
 А в жизни дел бывает
 неотложных —
 Насколько сил отмерено
 прожить.

ОЧЕРЕДНЫЕ КНИГИ

Однажды автографы я раздавал
 На свежем издании и сдуру —
 Без умысла, правда, —
 последней назвал
 Свою небольшую брошюру.
 А старый писатель, разведчик
 седой,
 Каких и война не сломала,
 Сказал мне:
 — Мужик ты ещё молодой
 И книжеч напишешь немало.
 И новой пусть будет,
 и очередной
 Работой твоей многолетней,
 Ты сам подберёшь ей эпитет
 любой,

Забудь только слово
 «последний».

Я мудрым заветом доселе живу
 От новой поэмы до новой
 И даже последними не назову
 Предсмертные строчку и слово.

КАЛЕНДАРИ

Всё врут календари.
А. С. Грибоедов.

Хоть календарь и соврёт
 О неизбежном старении,
 Да не лукаво споёт
 Птаха в соцветьях сирени.

Чисел сочащийся яд
Глянет со стенки с угрозой,
Но беззаботно звенят
В дальних лугах сенокосы.
В беге часов и минут
Мы обмануться бы рады.
Врут календарики, врут.
Только не врут листопады.
Может солгать календарь
Перекидной и настенный —
В поле, как ныне и встарь,
Снег и метель необманны.

СОЛОВЕЙ

На все лады писали о любви,
Луной и страстью книги
наводнили,
В которых от истомы соловьи
Безумные колена выводили.
Сомнения нет, по молодости лет,
Когда ночами лунными не
спится,
И будоражит запредельный свет,
Чудесно слушать серенькую
птицу.
Дурманит май черёмухой в цветку,

Душа щемит от щёлканья и
свиста
И с песней этой прямо на лету
Готова вмиг в неведомое
звиться.
В какие-то подзвёздные края,
Где ни тоски не знают,
ни печали.
И всё отрадней слушать соловья,
Ни месяцев, ни лет не замечая.
Его восторг новее и новей.
Отброшена несмятая подушка...
Одна беда: умолкнет соловей —
Начнет года отсчитывать
кукушка.

* * *

Как хорошо писать стихи,
Когда душе поётся,
Не тяготят её грехи,
А мысли чисты и легки,
И книга издаётся!
Пусть это не великий том,
А тонкая брошюра,
Но посветлее станет дом,
Где том напишется потом
Моим внучонком Шурой.

Екатерина КУРДАКОВА

МОЕЙ ЮНОСТИ ДАВНИЙ ПРИЮТ

Семейный хронограф*

Екатерина Фёдоровна Курдакова (Гусева) родилась в городе Бузулуке Оренбургской области. Окончила гидромелиоративный техникум. Работала техником-конструктором на заводе тяжёлого машиностроения, на заводе художественных изделий «Оютас», с 1983 года трудится художником-реставратором в Восточно-Казахстанском областном архитектурно-этнографическом и природно-ландшафтном музее-заповеднике. Живёт в Усть-Каменогорске.

Я не могу вспомнить, когда, в какие годы кончились очереди за хлебом, и его стало возможно купить в любое время дня. Мне кажется, что хлебом страну накормили достаточно скоро, а вот проблема нехватки сахара существовала ещё долго. За сахаром мы стояли в очередях днём. Также писались номера на ладонях, велись переключки, и отсутствующие на это время, теряли свою очерёдность. Сахар продавали расфасованным в плотные кульки из серой бумаги. Нас, детей, частенько женщины заманивали в очередь, чтобы получить лишнюю норму на присутствующего ребёнка. Потребность детского организма в сладком вынуждала нас стоять часами под солнцем за пару кусочков рафинада. Но бывали случаи, когда женщина,

---

* Окончание. Начало в журнале «Гостинный Дворец» № 3

получив заветные кулёчки с сахаром, забывала обещание и, подтолкнув в плечо, говорила: ну, беги домой!

Моя потребность в сладком была столь велика, что я в возрасте примерно пяти лет совершила проступок, за который мне стыдно до сих пор.

В тот жаркий злополучный день наша соседка тётя Лида зачем-то (может быть, именно за этим!) зазвала меня к себе, под серый дощатый навес. Там у них был погреб, стояла машина и небольшой столик. Немного погодя она полезла в погреб и достала оттуда тарелку с шоколадными конфетами. Конфеты были без обёрток и по причине жары хранились в погребе. Выставив конфеты на столик, она ушла, оставив меня наедине с таким умопомрачительным соблазном. И я не выдержала этого искушения, протянула руку и зажала в потной ладошке конфету. Я забыла всё что говорила мама о воровстве, рассудок мой помрачился и полностью отключился. Вскоре тётя Лида зашла и сразу же пересчитала конфеты на тарелке. Я положила растаявшую мятую конфету на стол и вышла. Стыд и животный страх, что тётя Лида расскажет родителям, что я воровка, — лишил меня на долгие годы душевного покоя. Больная совесть, вопреки времени, не дала памяти до сих пор забыть эту историю. И уже будучи взрослой, не единожды

возвращаясь к этой истории, я пытаюсь понять — для чего она это сделала? Какой был смысл подвергать голодного пятилетнего ребёнка такому непосильному испытанию? Родителям о моём проступке она так и не сказала.

И ещё один случай «сладкого воровства» из моего голодного детства. Ульяна Васильевна как-то принесла на гостинчик литровую банку яблочного варенья. Подарочек сей мама не обнародовала, а унесла в холодную кладовку. Но я всё засекала. Эта банка в кладовке не давала мне покоя, я всё время думала, как посмотреть, что в ней. Увиденное превзошло все мои ожидания — это было варенье из целых райских яблочек, с хвостиками-черенками. Я решила попробовать только одно яблочко. Вытянула его за хвостик — вкус оказался потрясающим! На место съеденного яблочка из янтарного сиропа тут же предательски вынырнуло другое, не менее красивое и тоже хвостиком вверх, словно предлагая: и меня съешь. Вот здесь-то и сказала моя слабость: остановиться я уже не могла. Варенье в банке катастрофически быстро уменьшалось. Я заговорщицки поделилась находкой с Шуриком, и он тоже оценил вкус варенья. А варенья осталось в банке на треть, и мне оставалось теперь только ждать расплаты за содеянное.

Когда грянул гром, я всё свалила на Шурика. Мама, как

всегда, не разобравшись толком, отхлестала ремнём милого братца по голым ногам и меня достала разок, всего лишь как соучастнику. Шурик, как настоящий мужчина, правды не сказал и не заплакал. Потирая ноги, он только уничтожающе сказал мне: эх, ты!

Если бы на месте Шурика был младший брат Володя, он меня тут же бы «сдал» и отколотил впридачу, и был бы прав. И я бы забыла этот свой грех, для меня это было бы менее болезненно, чем Шурикино — «эх, ты!»

А между тем страна жила надеждой и верой в ближайшее светлое будущее под руководством коммунистической партии и советского правительства. Эту надежду поддерживали многочисленные агитационные плакаты и портреты руководителей страны-победительницы в Великой Отечественной войне, размещённые на стенах зданий. Будучи ребёнком, я с удовольствием читала и рассматривала эти художественно оформленные наглядные произведения развивающегося социализма. Вот на плакате изображена упитанная свинка со вздёрнутым пяточком и счастливой улыбкой, обещающая накормить нас «от пуза» свиной. Молодые мужчина и женщина с громадными снопами в руках, призывающие ехать поднимать целину. Улыбающаяся женщина в белом халате в окружении фляг с молоком на фоне стада коров. Многочисленные диаграммы с

цифрами роста производства продукции по годам.

«Догоним и перегоним Америку по производству мяса и молока на душу населения! В таком-то году производство зерна на душу населения составило столько-то пудов! Народ и партия — едины! Пятилетку — досрочно!». Собранный урожай исчислялся в пудах, и получались впечатляющие цифры с нулями, обозначающие триллионы. Всё это бодрило, вселяло надежду и грело душу.

Нашими ближайшими соседями была семья Тарановых: Виталий Степанович (начальник инструментального цеха на заводе), Лидия Ивановна (учительница начальных классов) и сын Юра, признанный лидер нашей уличной компании. Что и говорить, семья была очень обеспеченная по тому времени. Тётя Лида была убеждённой сторонницей одного ребёнка в семье. Однажды я была свидетельницей, как она со своего крыльца через ограду злобно поносила нашу маму, а смысл был такой: нарожала детей, нищету разводись!

Тётя Лида, будучи по возрасту близка маме, выглядела роскошно: перманент, крашенные ярко губы бантиком, крепдешиновые платья и главное — всегда улыбалась и оттого была красива и безмятежна и казалась мне всегда молодой и счастливой. Круглое румяное лицо, с

орехового цвета карими глазами. Она была олицетворением тогдашней моды. Так однажды на её голове появилась модная шляпка «менингитка». Шляпка, прикрывающая только затылок, с отходящими асимметрично завитками, бантом и другими изысками. Такая шляпка — мечта всех молодых женщин послевоенного периода. «Менингитки» были сезонные: летнего фасона — из соломки, осеннего — фетровые и зимнего — из искусственного меха. И все модели обладали одним свойством — не греть и не защищать от солнца (название говорит само за себя), но только украшать женскую головку. Шляпка напоминала цветок орхидеи. Она придавала женщине кокетливый, игривый вид: а мне всё нипочём, ничего не боюсь, ведь я красива!

Дядя Витя — ветеран войны, инвалид, орденноносец, рано поседевший, имел машину «москвич» — неслыханную роскошь по тому времени. На войне он был ранен в ногу, хромотал и ходил с тростью. Частенько они с папой по утрам на завод ездили на машине вместе. Иногда дядя Витя баловал детвору, катая по городу, и не было тогда никого счастливей нас.

Каждый год, в отпуск, тётя Лида и дядя Витя ездили в Москву. Привозили яркие детские книжки, красивую модную одежду, столичные дорогие вещи,

недоступные многим бузулучанам. Юра красовался в матросских костюмчиках, их было два: белый с синими полосками на воротнике и синий — с белыми. Ему часто меняли шубки, а старые донашивала я. Шубки всегда продавали, я думаю из принципа, не настолько их семья нуждалась в этих, в общем-то, небольших для них деньгах, а вот чтобышний раз доказать своё превосходство, какие они умные и как умеют жить.

Я уже рассказывала о нашей уличной мальчишечьей компании. Так вот, кроме меня, Шурика и Юры, был ещё долговязый, худосочный Славка Назаров. Его отец был профессиональным музыкантом-трубачом. Он постоянно играл на трубе или саксофоне в небольших оркестрах, на демонстрациях, в фойе кинотеатра «Победа» перед киносеансами, на похоронах, а позже — в инструментальном ансамбле на танцах. Играл он и на валторне, что несказанно впечатляло своей экзотичностью нас, детей. Мы шли за оркестром (на похоронах), не сводя глаз с Александра Ивановича. Словно огромная блестящая змея обвила его туловище, норовя задушить в своих объятиях, а из огромного золотого раструба-пасти неслись оглушающие звуки музыки.

Славка был спокойным незлобивым парнишкой, его постоянно задирали Юра, обзывая

почему-то то Геббельсом, то Фрицем. Юра (как мне теперь кажется) так поддерживал своё лидерство.

Деревянный дом Назаровых выделялся особой внешней добротностью и опрятностью, чувствовалась заботливая рука хозяина. Дом был покрашен коричневой краской, а резные наличники — белой. Высокое деревянное крыльцо со ступеньками, выходящее в палисадник, удобное для вечернего летнего отдыха. Палисадник, заросший вишенником и разноцветными мальвами, декоративно оттенял приветливость этого дома. Вот эта-то вишня особенно привлекала наше голодное внимание. Ветки вишни с зелёными ягодами многообещающе вырывались через штaketник ограды на улицу, шелестом листвы призывая: ну подождите немного, я скоро поспею. Но вишню охранял Славкин дедушка по матери — дед Езерский. Этот, чаще всего молчащий дед с белой бородкой, носящий зимой и летом шапку-ушанку, любил вечерами постоять у калитки, отгоняя нас от ограды с ветками вишни. И Юра придумал дразнилку деду Езерскому: мы выстраивались напротив деда, Славка-внук не отставал от компании. Юрка выходил вперёд и начинал гримасничать и корчить рожи. Если дед Езерский долго не заводился, Юрка поворачивался спиной и сдёргивал штанишки, показывая голый

зад. Всё это делалось, чтобы ульпшать заветную фразу:

— А ну, геть отседова!

И дед делал движение, что выходит из калитки. С визгом, довольные, мы уносились прочь. Теперь, уже взрослой, мне кажется, что и дед Езерский по-стариковски развлекался вместе с нами.

За ветками вишни, что с улицы, мы следили и дожидались, пока чуть покраснеет ягода, дольше — терпения не хватало. Помню, как ранним утром, босиком бегу к дому Назаровых (знаю — дед ещё спит), протягиваю руку между штaketинами и рву холодную, упругую ягоду.

Но были и щедрые соседи, которые приглашали детвору в ограду порвать и поесть смородину. А вообще мы были как саранча, наш зоркий глаз примечал любую съедобную ягодку, выросшую где-то под забором, всё, в конечном итоге, съедалось без всяких осложнений для желудка. Ценились ягоды паслёна или вороняжки, а проще — бздники. Её мы примечали ещё в зелёном виде и проводывали, пока не поспеет. Но чаще съедали чуть побуревшей.

У Славки был замечательный деревянный конь на колёсиках. Если толкать его сзади, не дёргать за мочальный хвост, а спереди тащить за уздечку, то можно покататься в удовольствии. Конь был облезлый, с одним мятым кожаным ухом,

что совсем не убавляло его привлекательности. И Славка пользовался этим, спекулируя на нашем желании покататься, заставляя иногда унижаться. Нашего трёхлетнего Володю Славка почему-то любил и катал сам, запихивая на коня.

В родительском доме Славы был патефон, стоящий на видном месте, на тумбочке, застланной кружевной салфеткой. Выборочно, кое-кому из нас он иногда давал покрутить его ручку. Это было уже после смерти деда Езерского.

Моя дружба с мальчишками прекратилась, когда я познакомилась с двойняшками Туркиными — Любой и Ниной. Было мне лет двенадцать. Я сделалась правильной девочкой: прыгала через скакалку, играла в куклы, в мяч. Теперь весна для меня начиналась игрой в классики, на едва просохших проплешинах земли. Обрётённые подружки, имеющие старшую сестру, мальчишек не воспринимали вообще. Кроме школы им не приходилось общаться с мальчишеским племенем и, видимо, их малый опыт общения был негативным. Для них это был какой-то подвид людей-инопланетян: неизученных, непредсказуемых, агрессивных «недоумков» в человеческом обличии. И на меня они первое время смотрели с недоверием и осуждением. Я что-то знала неизвестное им, не принимаемое ими о зловредных мальчишках.

Впоследствии, они и замуж вышли поздно, как бы случайно, по недоразумению, так до конца не поняв, зачем они это сделали.

У Туркиных была большая усадьба с огородом, постройками для скотины, с небольшим садиком. Держали они и гусей. Однажды весной по хорошей погоде в мечтах о предстоящем лете, каникулах, возвращалась я из школы. На голове белый фетровый беретик (моя гордость), из-под которого торчат две толстые косички. Вообще я себе очень нравилась в таком виде. Прохожу мимо мирно пасущихся на полянке гусей с гусятами. В какой-то момент, запоздало, услышала шум крыльев и гусиное гагаканье. Нападение гусака было столь стремительно и подло-неожиданно, что я не успела убежать. Он издавал боевые устрашающие крики, бил меня крыльями как плетью, предельно щипал за голые ноги. В панике, с рёвом, забежала я в первую попавшуюся открытую калитку и захлопнула её, едва не прищепив гусаку шею. Но злобная птица просовывала шею через штакетник и, как гадюка, угрожающе продолжала шипеть и щёлкать жёлтым костяным клювом.

Гусиное семейство с подросшими гусятами, поздней осенью, под призывные клики диких сородичей, дружно поднялось на крыло и улетело зимовать в тёплые края.

Как ни странно, первые упоминания, естественно негативные, о семье Курдаковых я услышала от своих подружек. Нина Туркина училась в одном классе с Лёней Курдаковым и частенько рассказывала о школьных происшествиях, в которых мой будущий родственник принимал определённое участие. Нина театрально закатывала глаза и называла Лёню не иначе как — «бандит Лёнька Курдаков». Мне, выросшей среди братьев и умевшей постоять за себя при случае, все эти «ужасные происшествия» казались обыденными и не впечатляли никак. Однажды на улице Нина обратила моё внимание:

— Смотри, вон идёт бандит Лёнька Курдаков со своим братом Женькой.

По тротуару шли худощавый двадцатилетний парень в кожаной куртке, рядом с ним, в берете — мальчик.

Солнечным днём, вот так обыденно, шёл будущий поэт России. В тот момент моя тринадцатилетняя душа никак не встрепенулась, не узнала в этом парне свою будущую судьбу. И только через шесть лет мы встретимся вновь, при иных обстоятельствах, в его сложной жизненной ситуации. И я узнаю свою Судьбу, содрогнусь и приму как неизбежное. Я попаду в прекрасный, незнакомый мир творческого созидания, буду свидетельницей, а где-то и соучастницей

божественного рождения искусства слова, осязаемых предметов творчества художника. В нашей семье родятся две дочери с генетической склонностью к творчеству. Я буду счастлива в семейной жизни, не в обывательском смысле, а тем душевным настроем на такую жизнь, о существовании которого я и сама не знала. В те благословенные времена я не подозревала и о сопутствующих таланту проблемах.

Недавно прочитала у Виктории Токаревой высказывания, которые в точности совпадают с моими сегодняшними мыслями.

«Науку двигают шизофреники, искусство — алкоголики. Это называется «патология одарённости». Гениальность не норма. Норма — заурядность, когда человек стоит в общем ряду. Заурядные — один за другим, как в пионерлагере, смотрят в затылок предыдущего. Не выделяют. Однако науку двигают шизофреники, искусство — алкоголики. А заурядные просто живут, едят и размножаются. Гении тоже едят и размножаются, но для них главное — самовыражение.

Есть что выразить. И они знают, КАК выразить. А все остальные — потребители. Потребляют ЧТО и КАК, форму и содержание*».

Понимать эту формулу и жить в реальности семейной жизни, где

---

* Журнал «STORY». Виктория Токарева. Он и она. Август 2014

ОН — Творец, — вещи неоднозначные. Только любящая душа способна долговременно терпеть и надеяться на редко сбывающееся чудо: вдруг пагубное пристрастие к алкоголю исчезнет. Нет, просто так оно не уходит, эту напасть может остановить болезнь, изношенный организм — угроза самой жизни.

А в моей жизни, сколько было бессонных ночей ожидания и переживаний. И не однажды стояла я в позе «скорбной Ярославны» на балконе, всматриваясь в промозглую темень бесконечной ночи, в ожидании на дальней тропинке одинокой фигуры мужа.

И через 25 лет потеряю этот мир, останусь на пепелище семейного гнезда доживать оставившееся время со своей памятью о прожитой жизни.

* * *

По воскресным вечерам родители Юры Таранова приглашали соседских детей смотреть в фильмоскоп диафильмы. На стену вешали белую простыню-экран, на которую проектировалось изображение с цветной плёнки. Разувались мы ещё в сенях, т.к. чистота в доме Тарановых была исключительная. Ковровые дорожки на блестящих от лака полах, крахмальные салфетки на высоких лёгких жардиньерках, со стоящими на них горшками

с цветами, репродукции картин известных художников на стенах. И восхитительный лёгкий парфюмерный запах, присущий этой семье, аристократический запах достатка.

Кино смотрели сидя на полу. Дядя Витя медленно крутил фильмоскоп, читая надписи под кадрами.

Позже и в нашей семье появился фильмоскоп, с большим набором плёнок с детскими фильмами. Папа изготовил его сам, переделав из настольного фильмоскопа в настенный. В выходные допоздна, до скандалов, смотрели диафильмы — трудно было уложить нас в постели.

Юра Таранов рос единственным сыном и внуком, залобленным и зацелованным родителями и многочисленными бабушками, не знавшим ни в чём отказа. Он был разносторонне развитым мальчиком, начитанным, хорошо рисовал. У него могло бы быть хорошее будущее, как и у его родителей, но что-то пошло не так. В школе почему-то учился средне, будучи подростком, неудачно спрыгнул с дерева, получил трещину в кости ноги. Закончив восьмилетку, поступил в медучилище и после первого посещения морга бросил учёбу. Больше почему-то никуда не поступал. всю свою недолгую жизнь Юра проработал на заводе электриком в цехе отца. В юношеском возрасте у него появились проблемы со здоровьем. В моей

памяти он остался худеньким, небольшого роста, с тросточкой в руке, с болезненным выражением лица. Женился он позже нас, на Наде, знакомой девочке с соседней улицы. Первого сына назвали Виталием, к несказанной радости Лидии Ивановны и Виталия Степановича. Но Надя не остановилась на рождении одного сына, ей хотелось иметь дочку. И к большому возмущению свекрови, она родила ещё двух сыновей. Три сына-погодка! — возмущению свекрови не было предела. Она признала только одного, старшего внука Виталия, других знать не хотела. Да и строптивую сноху, не признающую её теорию — «в одной семье — один ребёнок», не привечала.

А здоровье Юры катастрофически ухудшалось. На месте трещины в ноге развился туберкулёз кости. Ногу пришлось отнять по колено. Юра перешёл на костыли. Но процесс пошёл дальше и ногу обрезали по бедру. Но и это не остановило заболевание. В сорок лет Юра закончил с собой, задохнувшись выхлопными газами включённой машины в гараже.

К тому времени умер Виталий Степанович. Всю эту семейную эпопею мне рассказала сама Лидия Ивановна в один из моих приездов в Бузулук. Мы встретились с ней на улице, возле её дома и она пригласила зайти. Она тогда жила в пятиэтажном

благоустроенном доме, в трёхкомнатной квартире на улице «маршала Егорова».

И вот я снова в гостях у Тарановых. Светлая, красиво обставленная квартира, и всё тот же несравненный, лёгкий парфюмерный запах, присущий этой семье, напомнил мне детство. Постаревшая шестидесятипятилетняя тётя Лида, не старая, статная, свежая осенней красотой своего возраста. Несмотря ни на что, всё такая же улыбчивая. Общение наше, двух взрослых женщин, по русской традиции — на кухне. Разговор получился больше похожий на исповедь:

«Я ведь вашу мать не любила, всегда осуждала за многодетность. По моим тогдашним понятиям, нужно родить одного ребёнка и обеспечить его всем, даже роскошью. Ведь мы живём единожды на этом свете. А тут ваша семья рожает чуть ли не каждый год по ребёнку, бьётся в голоде и нужде. Зачем? И всё это на моих глазах! Я ведь считала, что ваши родители не справятся, не смогут воспитать вас достойными людьми, дать всем образование. А вы, вопреки моим прогнозам, росли красивыми и здоровыми, хорошо учились и, как ни странно, удачно устраивали свои жизни.

Вы, Катюша (она назвала меня семейным именем, обогрив тёплым дыханием прошлого), были плохо одеты, не всегда сыты, но были умными и

воспитанными детьми. И я вдруг стала своему Юрочке приводить вас в пример, даже надоедала ему сравнениями с вами. А тут такое горе с Юрой. Надя осталась одна с тремя сыновьями. И только тогда, вдруг, я увидела на месте потерянного единственного сына трёх парней-богатырей, погодков, его кровинушек. И что-то изменилось во мне, и я поняла, что неправильно жила и понимала смысл жизни. И прошила у Нади прощения, и теперь живу для моих дорогих внуков, радуясь, что их трое, что они погодки и почти одного роста.

А семью Курдаковых я знала по школе. Мы, учителя, иногда устраивали субботники в их доме, в первые годы болезни мамы, Фаины Ефимовны. Делали уборки в доме, мыли полы, сушили одежду. Никогда не думала, что ты будешь членом их семьи».

Спустя время я узнала, что Лидия Ивановна вышла замуж за директора совхоза и уехала жить в райцентр. В её квартире поселилась сноха с тремя внуками. Лидия Ивановна постоянно помогала материально семье сына, помогала растить внуков, забирая их к себе на лето.

У нас не было бабушки и дедушки, и мы немного завидовали, глядя на Юру и Славку, у которых они были. В детстве мы так и не почувствовали всплеска ласки и всепрощающей беспричинной любви, сердечного наставничества родных по

крови, ближайших во времени предков.

Была Шнекаева Ульяна Васильевна, родная сестра папиной матери Гусевой Елизаветы Васильевны. Наша родная бабушка по отцу умерла рано, в пятидесятилетнем возрасте — от болезни сердца.

Ульяна Васильевна была женщина суровая, не улыбочивая, не подпускающая к себе. Она любила только племянника Федю, нашего отца, и, возможно, ради него и приходила к нам. Внешностью, как это ни кощунственно, она и до сих пор напоминает мне Казанскую Богородицу. Темноликая, с чёрными глазами, скуластая, с запавшими щеками, с узкими губами, с выражением постоянной скорби на лице. Она была суха телом, носила тёмно-зелёное кашемировое длинное платье старушечьего покроя и белый платок. Откровенно, не скрывая, не любила нашу маму, считая, что Федина жизнь загублена её прихотью, желанием иметь многодетную семью.

Приходила Ульяна Васильевна всегда после церковной службы, усталая, усаживалась на табуретку и просила принести воды. Чай никогда не пила. Очень редко её можно было уговорить пообедать у нас. В сумочке у неё всегда были для нас конфеты, что всегда оживляло нас, заставляло приблизиться и оказаться вовремя на момент раздачи. И только подавая конфету, приближая

своё лицо к ребёнку, она тепло улыбалась, подавая конфету в сжатых в горстку пяти пальцах:

— Накося конфеточку!

Раздав конфеты, мы теряли интерес друг к другу. Мама начинала суетиться, заискивая что-то предлагала, а потом уходила, оставляя Ульяну Васильевну наедине с папой, разговаривать.

Как-то, заметив мамин в очередной раз припухший живот, Ульяна Васильевна сурово спросила:

— Чай, опять беременна?

— Да, тётенька, опять, — сконфуженно ответила мама.

— Эж, научилась рожать, и не больно?

— Ещё как больно, тётенька!

Ульяна Васильевна Шнекаева была деревенская швея-белешвейка. Была она очень разборчива в клиентах, обслуживала определённый круг богатых людей. Шила мужскую и женскую одежду. Была независима, своенравна и самодостаточна. Видимо, бедной никогда не была.

Расспрашивая маму о семье и детях Ульяны Васильевны, я узнала следующее:

Замужем Ульяна Васильевна была за пилотом аэроплана. У них было пятеро детей. В гражданскую войну муж, улетев на задание, из полёта не вернулся. В голодные тридцатые годы Ульяна Васильевна, оставив своих детей родной сестре Елизавете, у которой было своих трое,

поехала в Ташкент за хлебом. Она везла вещи, чтобы обменять их на хлеб своим и сестринским детям. Приехав с хлебом, узнаёт, что её пятеро детей умерли, а сестринские все живы. Отчего умерли дети Ульяны Васильевны, теперь уже никто и не знает. Страшные были времена, голод доводил людей до умопомрачения, до людоедства. А сёстры с тех пор разошлись по жизни. Ульяна Васильевна не простила сестре смерти своих детей. Она больше не вышла замуж и не рожала детей.

Рассказывают, что Елизавета Васильевна Гусева (папина мать, наша родная бабушка) была набожной женщиной и, спустя время, совершила паломничество на святой остров Валаам, отмаливать грехи. Все эти рассказы существуют в легендах нашей семьи и документально не подтверждены. Но, думаю, не на пустом месте возникают и остаются в памяти поколений такие рассказы.

Ульяна Васильевна всячески выделяла и баловала нашего отца. Еженедельно, по средам, в заводской обеденный перерыв, на протяжении многих лет она принимала его у себя в доме. Специально для него что-то готовила вкусненькое, часто курники. Название этого мясного пирога всегда вызывало у нас желудочные спазмы и слюноотделение. Однажды на папе появился дорогой светло-коричневый костюм в

редкую чёрную полоску, шедший ему, который купила Ульяна Васильевна.

Очень редко, по каким-то делам, я бывала у Ульяны Васильевны дома. Меня всегда удивлял необычный запах её квартиры, сыроватый, с примесью запаха старых вещей. Этот запах был присущ и ей самой. В комнате стояла металлическая кровать с шишечками и декоративными кольцами на спинках, с высокой периной, горкой подушек под ажурной накидкой. Застлана кровать была белейшим пикейным покрывалом и кружевным подзором. В углу стоял прекрасный, тёмного лака, одёжный шкаф ручной работы, створки которого были украшены тонкой резьбой. Стояла ножная машина «зингер», над которой отбивали ежечасно время часы фирмы «Мозер». Днём Ульяна Васильевна отдыхала на сундуке, покрытом ворсовым цветным ковриком. Позже почти все эти вещи попадут в музейную экспозицию этнографического музея г. Усть-Каменогорска.

Ульяна Васильевна получала небольшую пенсию, возможно, за мужа. Мне трудно представить её работающей на колхозных угодьях. Она была деревенской аристократкой, шила на заказ и была мужней женой. Мне в моём девичьем возрасте тоже шила платья. Сшила она модную рубашку и моему молодому мужу, он ей понравился при первой встрече-знакомстве.

Своего пропавшего в полёте мужа Ульяна Васильевна упорно ждала до шестидесятых годов. В старинном сундуке со звуковым замочным устройством хранился полный комплект необходимой мужской одежды. Впоследствии наш отец донашивал рубашки из этого запаса на даче. Рубашки фасоном морально устарели, хотя поражали качеством ткани и неприкрытой любовью швеи к своему мужу. Запомнилась чёрная рубаха-косоворотка из блестящего сатина, вышитая по вороту и планке-застёжке тамбурным швом синего цвета.

После перенесённого инсульта Ульяна Васильевна жила несколько лет в нашем доме. Умерла она в возрасте 78-ми лет на руках нашей мамы. Похоронена, как благопристойная прихожанка, возле Всехсвятской церкви. Недавно мои братья заменили сгнивший деревянный крест на её могиле на металлический, ажурный, с завитками. На прикреплённой эмалевой фотографии Ульяна Васильевна — молодая, красивая, в накиннутой на голову вологодской, чёрной кружевной шали.

Бузулук моего детства — деревянный, патриархальный, с родительским домом, с устоявшимися буднями, с государственными праздниками и не поощряемыми — церковными. С рекой Самарой, где купались до посинения, до зубового перестука, где однажды я чуть не утонула. Со сказочным

озером Синещёковым, поэтическое название которого вызывает восхищение. А уж само озеро, как бы случайно затерявшееся в лесу, под Сухореченской горой, заросшее белоснежными роскошными лилиями и жёлтыми кувшинками, казалось заселённым русалками. И эта красота создана ими и принадлежит им. Тёмно-зелёное озеро, загадочное, оно притягивало, от него не хотелось уходить, но и испугаться в нём как-то не приходило в голову — боязно. Неподалёку от озера находилась наша кормилица-дача (её приобрели в начале 60-х годов).

Центральная улица города моего детства — Красноармейская (переименована в ул. Ленина), мощёная булыжником, позже закатанная асфальтом. Все крупные магазины и культурные учреждения находились здесь. Часто посещаемым был молочный магазин, находившийся в этом районе. Одноэтажный кирпичный особнячок, возможно, купеческой постройки, с небольшим окном. Продавцом там работала тётя Наташа Филиппова, мать Коли Филиппова, одноклассника Шурика. Тётя Наташа производила впечатление на редкость сытой, красивой и счастливой женщины. Румяная, в меру полная, белолицая — она была олицетворением несуществующего в то время материального благополучия. Она была царица в своём магазине-тереме.

В темноватое помещение тётя Наташа добавляла свет белым халатом, колпаком и нарукавниками. Она ловко работала однолитровым и пол-литровым черпаками с длинными загнутыми черенками, перемешивала молоко во фляге, наливала его в бидон. Могла и недолить. Но, заметив детский несытый взгляд, подмигнув, могла плеснуть добавки. На прилавке, обитом белой жестью, стояли весы с утиными носиками и гирьки, с помощью которых она взвешивала сметану, сыр, творог.

В 50—60-е годы на молочную продукцию, включая и сливочное масло, существовали сезонные цены, разнившиеся между собой процентов на 30. Так, молоко, насколько я помню, с 15 апреля стоило 2 рубля 40 копеек, а осенью, с сентября — 3 рубля 60 копеек (деньги до 60 года).

Угловое старинное здание аптеки на Красноармейской улице, с тяжёлой высокой дверью. С трудом открыв её, попадаешь в светлое помещение, наполненное стойким благородным запахом лекарств. Всё здесь значительно и необыкновенно: гладкий кафельный пол в мелкую коричнево-белую плитку, прилавки отделаны вертикальными, стеклянными, матовыми витражами (с рисунками на больничные темы) с подсветкой и отделены от посетителей металлическими, блестящими, хромированными стойками. Внутри помещения

вдоль стен стоят высокие деревянные, покрытые тёмным лаком шкафы, с мелкими выдвижными ящичками, с наклеенными этикетками, подписанными на латинском языке. В углу, возле входа, за перегородкой — кассовый аппарат, предмет моего особого любования и наблюдения. Сам кассовый аппарат — высокий, старинный, испещрённый золотистыми рекламными надписями, затейливо украшен. Сбоку маленькая рукоятка, при медленном вращении которой раздаётся бесподобный стрёкот, приводящий меня в восторг. Один поворот ручки — и в руках маленький чек на получение лекарства. В аптеке всегда тихо. Обслуживающие клиентов фармацевты, как принадлежность аптеки — красивы, в белоснежных накрахмаленных халатах и колпаках. Несмотря на грязь и непогоду на улице, в аптеке всегда исключительно чисто и тепло.

Через дорогу — промтоварный магазин, он тоже в старинном здании с лепниной на потолке и стенах. Туда я хожу как в музей — полюбоваться товарами и помечтать о несбыточном — купить себе что-либо. Хотя в конце августа мы с Шуриком, имея на руках выверенный список необходимых для учёбы предметов, часами выстаиваем очередь в магазин за учебниками, тетрадами, металлическими пёрышками для ручек, карандашами, ластиками, линейками.

Тогда мне казалось, что в Бузулуке, чему быть — уже случилось, и перемены уже не коснутся моего города детства. Только молодостью, с её безудержным желанием новизны, можно оправдать моё тогдашнее желание. Как жаль, что перемены, не лучшие, вскоре пришли, и город расстроился и переменялся, потерял свой неповторимый облик. Стал «как все». Я была свидетельницей страшного разрушения Петропавловского храма в 1961 году. Кроме красоты и величия, этот храм известен тем, что здесь молился Лев Николаевич Толстой, приехавший в эти места для покупки лошадей. На месте храма вскоре был построен, как в насмешку, незатейливый кинотеатр «Берёзка». Не стало и Красноармейской улицы, с её деревянными домами, с резными крашеными наличниками, с деревянными двухстворчатыми воротами, с высокими крылечками, выходящими на тротуар. Взамен были построены однообразные типовые здания городской администрации, страшные, серые, бездушные сооружения из бетона и стекла.

Воспоминание о Бузулуке

*Может, эти далёкие звуки,
Вдруг сложившись когда-то
в размер,
Стали б сном об ином
Бузулуке,
Овеваемом музыкой сфер.*

на приём), служа в армии, он поступил на вечернее обучение в МИСИ — Московский инженерно-строительный институт и прочился в нём до конца службы. Позже Саша перевёлся в строительный институт г. Куйбышева. Не знаю, по каким мотивам он ушёл из столь престижного учебного заведения, возможно, из-за материального положения родительской семьи.

За год его службы в армии моя потребность в общении с братом достигла предела, я затосковала. И тогда я придумала план, как мне навесить брата в Жуковском.

Свой план я осуществила в июле 1965 года. Возвращаясь с преддипломной практики из Шарлыка (направление в райцентр я взяла, чтобы полгода побыть с братом), никому не сообщив, я проехала мимо Бузулука в направлении Москвы. Если бы я заранее сообщила о своих планах, родители несомненно вернули бы меня домой и поездка бы сорвалась. Но всё удалось. «Язык до Киева доведёт!» — и не только до Киева, но и в Москве с ним не пропадёшь. В железнодорожной кассе Казанского вокзала я узнала, что в Жуковский надо ехать на электричке до станции Отдых, что я и сделала. Конечно, изумлению Саши не было предела, — я свалилась на его голову как снег в июле...

Пробыла я в Москве дня три. Ночевала на скамейке Казанского вокзала, что было, конечно,

запрещено, и милиция несколько раз за ночь поднимала меня и сообщала об этом. Под утро в зале ожидания делали уборку, и ворчащая женщина в синем халате со шваброй возила мокрой тряпкой под моей скамейкой. На комнату отдыха ни у меня, ни у Саши денег не было, да и особых проблем с ночёвкой на скамейке вокзала я не видела.

Саша не смотрелся бравым солдатом, я чувствовала, что в армейской форме ему неудобно, да и сидит она на нём мешковато: складочки на гимнастёрке не по середине спины, а сбились куда-то на бок, и сапоги тяжёлые, отчего изменилась походка. И весь-то он какой-то неуверенный, как будто чем-то смущённый. Один день мы провели вместе: гуляли по Москве, ели мороженое и, конечно, много говорили. Саша рассказал, что однажды у него случилась встреча и разговор с Юрием Гагариным, который делал утреннюю пробежку в парке гарнизона. В другие дни мы встречались в Жуковском в определённые часы отдыха. В свободное время я гуляла по Москве: была на Красной площади, в мавзолее В.И. Ленина, в ГУМе. Провожал меня в обратный путь Саша с перрона Казанского вокзала.

Через год с небольшим я вышла замуж, а в октябре 1968 года наша молодая семья выехала на постоянное жительство в Казахстан, в г. Усть-Каменогорск.

Саша вскоре женился на студентке мединститута Наташе Спицыной и у них родился сын Дима. В мои приезды в Бузудук Саша всегда приезжал в родительский дом для встреч, но времени для нашего общения было мало. Позже делились мы впечатлениями жизни, душевным настроением, планами на будущее, довольно часто, но в письмах.

Сашино 50-летие в 1995 году пришлось на перестройку. Перестройка случилась не только в стране, но и в жизни каждого из нас. Я вдруг оказалась иностранкой с пустым кошельком, с потерянным мужем и опустошённой душой. Мой приезд на свой юбилей спонсировал сам именинник. Да и семью Саши не обошла трагедия: за год до этого события, на 25-м году жизни от онкологии умер сын Дима, закончивший к моменту страшного заболевания медицинский

институт и военно-медицинскую академию, получивший направление на работу в Калининград. К этому времени Дима был женат и в его семье рос сын Алёша. Пятидесятилетний Саша изменился не только внешне (погрузнел, поредели волосы, обнажив высокий отцовский лоб), но и внутренне. Он стал мне незнаком. Возможно, на это повлиял развал страны и КПСС, в идеи которых он свято верил. В эти годы Саша работал заместителем директора по капитальному строительству на крупном металлургическом заводе в Самаре. Мои приезды на родину теперь частенько оплачивал он. Несколько раз я неожиданно получала от него бесценные в те времена денежные переводы (в музей, где я работала, месяцами не платили зарплату, не получала стипендию в университете Юля). Но что-то случилось с моим братом и с нашими отношениями. Возможно, время, возраст и расстояние сделали своё дело. Во время моих приездов в Самару мой трудоголик-брат находил считанные часы для разговоров со мной. Обычно он приходил поздно вечером, часов в одиннадцать, утомлённый, с воспалёнными глазами. Я сидела вместе с ним на кухне, когда он ужинал и видела его нечеловеческую многолетнюю усталость и молчала. В 6 утра он уезжал на свой завод, суббота

Молодожёны Евгений и Екатерина Курдаковы.
1967 год

тоже была рабочей. А по-другому он жить не умел, да и, наверное, не хотел. В то короткое время для общения, в нескольких заданных дежурных вопросах, он получал мои краткие ответы. Саша не вдавался в житейские подробности моих ответов, он как будто не желал их знать. Он не задавал вопросы о моей личной жизни, о детях, хотя мне хотелось поделиться своими переживаниями, планами и надеждами. Да и о себе Саша ничего не рассказывал. Наглухо застёгнутый, окружённый невидимой стеной, пресекающий всякие попытки к душевной близости. Его острый пронзительный взгляд замораживал меня, не позволял разрушить невидимую границу недоверия.

Он пространно рассуждал о направлениях в современной литературе, о новых именах и последних литературных новинках. Он играл и наслаждался своим интеллектом (Сашина семья много лет выписывала журнал «Наш современник», он был в курсе литературной жизни). Много говорил Саша о государственной политике и о будущем России.

В какой-то момент я внутренне отстраняюсь, перестаю слышать его ровный глуховатый голос и принимать его интеллектуальную игру с демонстрацией собственного превосходства. Я как будто вижу маленькую уютную кухню родительского дома, ласкового кудрявого брата Шурика, с которым я сижу на

квадратном сундучке возле печки и рассматриваю оранжевую спелую луну в кухонном окне. Предзимние ранние сумерки, мама растапливает печь, гремит дровами. Изредка она открывает печную дверцу, замороженно смотрит на горящие поленья. Мы ждём с работы папу, скоро будем ужинать.

Мама умерла на 89-м году жизни 28 июня 2006 года, пережив отца на долгие тридцать лет. Последние годы она жила в семье Любы.

Мама встретится с правнуками — Алёшей и Олей, поможет Любе вырастить троих детей — своих внуков. Эти дети впоследствии будут помогать в уходе за бабушкой, уже немощной и беспомощной. Похоронена мама на сухореченском кладбище, в общей ограде с мужем. Каменным надгробием на могиле служит раскрытая книга, уже прочитанная ими — Книга жизни. Спустя три года, в 2009 году, ушёл наш брат Володя. Он первым из детей Гусевых ушёл к родителям, не дожив немного до 60-ти лет. Остальные пока живы.

Уже теперь, оглядываясь назад, мне кажется, что жизнь отца могла состояться по другому сценарию, будь с ним другая женщина. Я вижу отца, живущего, по меньшей мере, в областном центре, скорее всего, в Самаре. Он мог бы работать директором школы. Быть отцом хорошо обеспеченной семьи с двумя — от силы, тремя детьми.

Братья и сёстры Гусевы (Юрий, Владимир, Екатерина, Ольга).

Но он принял уготованную ему судьбой жизнь, с её взлётами и падениями, с невозможностью изменить что-либо, не испортив при этом жизнь своим родным. Прожил честно и достойно свою единственную и неповторимую жизнь, оставив о себе прекрасную память, любовь и уважение детей и внуков.

Я часто думаю: был ли счастлив наш отец? Ведь с молодости он не был готов к многодетной семье, я это знаю точно. Это мамина жизнь была спланирована там — на небесах, и большая семья ей была уготована в любом случае, с любым мужем, по её вере и жизненным убеждениям.

И всё же, думаю, и мне хочется надеяться, что родители были счастливы земной ЛЮБОВЬЮ и итогами своей жизни — детьми. Четверо сыновей и четыре дочери. Счастливы, что сыновья успешны в жизни, получили высшее образование. Из дочерей Люба получила высшее образование, а остальные и со средним образованием стали специалистами в выбранных профессиях. Все дети получили квартиры и обустроили свои жизни. Родились внуки, много внуков, и род Гусевых — с духовными, моральными и семейными ценностями — продолжается.

Детей и внуков Гусевых раскидало по миру. Наша Валя в 1983 году вышла замуж за Юрия Томова, и он увёз её на свою родину — в Болгарию, где у них родились Иван и Лиза. Лиза уехала на учёбу в Англию и вышла там замуж за Ли Даниэла Конуэла. В их семье родилась дочь Элли Роуз Конуэл. На сегодняшний день 6-летняя Эличка свободно говорит и пишет на русском и английских языках и понимает болгарский. По её интересу ко всему русскому, мне кажется, что наша кровь не затерялась, что эта девочка чуть-чуть и наша. В 2004 году Лёля уехала в Америку, выйдя замуж за Терри Бетелл, и нас теперь разделяют многие тысячи километров суши и Атлантического океана. Я с Юлей живём в Казахстане, семья Риты — в России.

Как из разошедшегося горохового стручка высыпались мы в разные стороны и раскатились, тоскуя по Родине, наделяя её нежностью и памятью детства, привязанностью к родной земле.

В Усть-Каменогорске часто ночами, в бессонницу, когда нездоровится, томится и замирает сердце, мыслями я возвращаюсь домой, в Россию, уже забывшую меня. И ночной станционный гудок товарняка резким хриплым эхом прозвучит, словно спрашивает: где-е-е ты? — как ты? — с кем ты-ы-ы? ...И в чёрном безмолвии слышу гулкий удаляющийся перестук колёс по рельсам. И эта бесконечная ночь до утра...

И боюсь не успеть, уже мало осталось времени, и силы

иссякают, а надо успеть, вернуться, чтобы навечно лечь в родную землю.

Я часто думаю о своей Родине, и ностальгия, как наказание, преследует меня, покинувшую родные места.

Какая она, моя Родина? — Единственная!

Становясь старше, по возрасту всё ближе к родителям, лучше понимаю их, их жизненный подвиг, не замеченный и никак не отмеченный. Наверное, поэтому и пишу, чтобы рассказать с радостью и гордостью о жизни нашей семьи, о своей Родине, о времени, в котором жила, в чём-то неповторимом в своём роде, как и всё в этой жизни. Пишу, потому что верю: неназванное — не существует!

Евгений Васильевич и Екатерина Фёдоровна Курдаковы с дочерьми Маргаритой и Юлей

Павел КОЖЕВНИКОВ

ЖАВОРОНОЧКИ

Рассказы

Павел Григорьевич Кожевников родился в городе Уральске (ныне Казахстан) в 1949 году в казачьей семье. Окончил факультет английского языка Уральского педагогического института. Учителемствовал, занимал разные должности в областных и республиканских организациях Казахстана. Ушёл в бизнес, уехал в Америку, работал переводчиком, вице-президентом частной издательской компании. Ныне преподаёт в Колорадском университете. Пишет стихи, прозу, печатается в России, США, Германии, Казахстане. Автор 4-х книг, финалист (шорт-лист) VIII Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь» (2017). Живёт в городе Колорадо-Спрингс (США).

ДОКТОР ЖИВАГО

Как быстро меняется мир вокруг нас, а с ним и менталитет людей...

В 1992 году я получил работу преподавателя русского языка в американском колледже. Помню, с каким волнением я открыл дверь в класс. Пятнадцать студентов с любопытством смотрели на меня. Почти все они были людьми почтенного возраста, у каждого за плечами притаилась непростая жизнь. Общественный колледж Пайкс Пик, что в городе Колорадо-Спрингсе, не дорогой, поэтому наряду с теми, кто записался в класс из-за кредитов, там были люди, которые, уйдя на пенсию, взяли его из интереса к языку и к стране, некогда их сильно напугавшей. Я рассказал о себе, спросил, есть ли вопросы. Вопросов было много, но один запомнился надолго: «А вы смотрели американский фильм про доктора Живаго?..»

Это сейчас русскими не удивишь здесь, на Диком Западе, а тогда я был одним из первых иммигрантов, приехавших «с того света» в этот, уютно раскинувшийся у скалистых гор, консервативный городок. Меня постоянно спрашивали, услышав мой акцент, откуда я, а узнав, что из России, задавали самые неожиданные вопросы: про коммунизм, про Гулаг, про русских женщин и так далее. Я отвечал охотно, в свою очередь, задавая им вопросы, не менее наивные, об их стране, привычках. Словом, я изучал их, они — меня. Вопросы не всегда были «дружественными», иногда с подколкой и даже злые. Но я не обижался и, в свою очередь, ехидничал в их адрес.

Каждый раз, начиная занятия с новым классом, я проводил анкету, в которой одним из пунктов была просьба рассказать об имидже России. К моему удивлению, этот имидж был почти у всех студентов одинаков: заснеженные улицы, водка, танцы в присядку, необыкновенная история, богатая культура, Толстой, Достоевский и... доктор Живаго!

Последнее меня сильно озадачило. К своему стыду, я тогда не читал этого произведения. Пастернака в моё время в школах не проходили, его книги не были в открытой продаже по стране, периферия (в которой я родился и воспитывался) о нём вообще ничего не слышала.

Вначале я пропускал этот «имидж» мимо ушей, но после

одного случая я взял в библиотеке английский и русский варианты книги и залпом прочитал это произведение.

Об этом и другом не менее забавном случае стоит рассказать поподробнее, я их до сих пор вспоминаю с улыбкой.

Однажды попросили меня дать несколько ознакомительных уроков русского языка группе туристов из городка Каньон-Сити, что неподалёку от Колорадо-Спрингса. Их мэр каким-то образом установил связь город-побратимов с русским Валдаем. По тем временам такие побратимские связи были очень популярны. Вот и надумали каньонцы съездить в Россию. А для того чтобы знать простейшие фразы на русском, типа «здравствуйте—до свидания», и наняли меня на недельку.

Я, как всегда, познакомился с каждым студентом, потом спросил их о России, что они знают о ней, что любят. Ответы были шаблонными. Не забыли и про Живаго. Редактор местной газеты даже сделал целый «доклад» на эту тему, ошеломив меня последним восклицанием о том, что он не читал книгу, а двадцать пять раз смотрел фильм с Омаром Шерифом в главной роли. На полном серьёзе он заявил, что если бы был русским президентом, то поставил памятник создателям этого «шедевра!» «...Ведь столько людей полюбили, поняли Россию, посмотрев этот потрясающий фильм!» — закончил он.

Я был потрясён услышанным! Вот в тот вечер я и съездил в местную библиотеку и отыскал там оба варианта этой книги. К моему удивлению, она на меня не произвела глубокого впечатления. Фабула романа показалась мне скроенной нечётко, герои — выдуманными, незапоминающимися. Язык — выпранным, казённым...

Я отложил книгу и забыл о ней на некоторое время.

Второй случай произошёл в самолёте авиаконпании Дельта, когда мы с моим боссом подлетали к Санкт-Петербургу. Стоял декабрь 1992 года. Я только что стал вице-президентом его небольшой компании. Занималась она печатаньем и доставкой библий и другой религиозной литературы в новую Россию. Мой босс вёз меня туда представить своим партнёрам.

Командир корабля объявил о начале снижения и попросил пристегнуть ремни. Мы стряхнули с себя сон и стали готовиться к посадке. Позади нас сидели две дамы почтенных лет, но, хотя их возраст таился в каждой морщинке, назвать их старушками у меня бы не повернулся язык. Тот, кто знает Америку изнутри, тот поймёт меня: умеют американцы стареть. Эти «младостарушки» просто очаровали меня. Они, прильнув к окну самолёта, не могли удержать своих восклицаний:

«Вау! Снег! Смотри, Джойс, смотри, церковка... а облака, ну

точно как в Варькино! Господи, Россия, неповторимая Россия!»

Мой босс повернулся к ним и спросил: «Извините, это ваш первый визит сюда?»

Они охотно рассказали о себе, о своей любви к «этой заснеженной стране». Узнав, что я русский, они забросали меня вопросами, на которые я даже и не успевал ответить: мы катились по ледяному полу к мрачно-грязным и неприветливым зданиям вокзала Пулковое. Прощаясь, я посоветовал моим нечаянным собеседницам приехать в Питер не зимой, когда там серо и холодно, а летом, когда всё в зелени. Леди на секунду оторопели, потом та, что была побоище, изрекла фразу, которая запомнилась мне на всю жизнь: «Молодой человек (я тогда был относительно молод), если нам будет надо посмотреть лето и цветущие деревья, то мы поедем на Гавайи, либо во Флориду, а в Россию мы едем смотреть зиму и эту серую прелесть!» Улыбнувшись и продолжая счастливо щебетать между собой, они направились к выходу. Уже вслед им я бросил вопрос:

— А откуда у вас такой образ России?

— Живаго, сэр, доктор Живаго! Посмотрите этот фильм обязательно!

Вернувшись домой, я взял этот фильм из блокбастера и честно посмотрел его. Фильм был ужасный: мало того, что он был снят не в России, а в Финляндии,

Испании, там ещё были и ошибки на плакатах, бороды-мочалки, фальшивый снег, лубочные сценки, нерусские жесты и мимика американских, британских и других актёров, собранных со всего света... Словом, он меня потряс откровенным невежеством и вольной интерпретацией романа Пастернака, его идеи, его видения революции...

Я принёс фильм в колледж и поделился своими впечатлениями со студентами. Разгорелась дискуссия, против меня возстал весь класс. «Вы — русские, слишком всё любите усложнять, копаться в душе, а надо жить легче, надо иметь «fun», хотя в вашем языке нет такого слова и понятия»... «Мне наплевать на революцию, на идеи столетней давности, а вот там такая музыка, такая любовь!»... «Ах, а какие глаза у Омара Шарифа!»... «Ну и что, что наклеенные бороды, что снег не настоящий, там ведь настоящая любовь!»...

Я сдался и предложил посмотреть фильм ещё раз всем вместе. Класс встретил это предложение аплодисментами.

Зазвучала музыка, замелькали кадры... Невольно я стал смотреть этот фильм другими глазами, глазами иностранца, глазами моих студентов, стараясь их понять. И, к моему изумлению, что-то во мне произошло, что-то сдвинулось в моей душе, словно какая-то плита отвалилась. Я уже не замечал ни шероховатостей сценария, ни

наивности интерпретации романа; я поверил в искренность героев фильма, в их чувства. Особенно потрясла Лара, её губы, её невыразимо прекрасные глаза, в которых плескались любовь и печаль, как когда-то они плескались в глазах моей любимой женщины, с которой я был вынужден расстаться... Но самым потрясающим во всём фильме была музыка! Она появлялась в тот момент, когда к Юрию приходила муза. Она растапливала снега Юрятина, плескалась в подсолнухах в прифронтовой полосе, рыдала вместе с Юрой, выглядывая из замороженного оконца на чердаке, глядя его красивыми оливковыми глазами на повозку, увозящую его любимую Лару «в навсегда». Хотелось плакать от этой проникающей во все клеточки души божественной мелодии! Вспомнилось своё прошлое, навсегда потерянное в бренности жизни чувство новизны, захотелось вновь любить, ревновать, быть красивым...

Этот фильм стал как бы визитной карточкой класса. Не одно поколение моих студентов унесло с собой в жизнь эту печальную повесть страшных лет России, повесть, которая помогла им понять и полюбить эту необыкновенную страну, её мятежную, беспокойную душу.

Прошло много лет. Нет Союза, нет того мира, разделённого на две половинки. Всё стало другим. Открылись границы, русские

увидели мир, мир — русских. Вроде бы здорово, но исчезла какая-то неповторимая харизма того печального и грозного времени. Пришло новое поколение со своей моралью, со своими героями. Всемирно известные симфонические оркестры, балетные группы, оперные певцы выступают при полупустых залах, Поэзию превратили в прозу, а Прозу — в сводки преступлений...

Пытался я пару раз показать «Живаго» в своих классах, но, видя пустые заспанные глаза юных недорослей, их запрограммированные на «fun» и потребительство мозги, отступил. Последней каплей стало обсуждение «Живаго» в одном из классов, когда я спросил, почему не понравился студентам этот фильм? Одна могучего сложения девица, с квадратной челюстью и плоским задом, пояснила мне мнение «их поколения»: фильм скучный, там нет «action» (действия), нет «fun»-а.

— А как же любовь, ведь там такая любовь? — изумился я.

— Это вы про доктора и его любовницу? — пробасило «созданию». Так это же адюльтер чистой воды! Этого вашего доктора надо было подвесить за одно место! Если бы это было сейчас, а не тогда, когда унижали женщин, ему бы досталось! Разве это любовь, это же обман, это подло!..

Я больше не показываю этот фильм своим студентам. Я смотрю его один, когда мне одиноко.

Пустьшний фильм с великими актёрами и неповторимой музыкой помогает мне понять Пастернака лучше любого критика, специалиста-учёного. Я закрываю глаза и слушаю эту неповторимую музыку, которая уносит меня в заснеженную Русь, «мчашуюся тройкой» в неизвестность...

И мне вновь хочется жить и любить.

СЛЕПОЙ

В посёлке было двое слепых, один Калентьев — красивый смуглый мужчина, второй откуда-то из России — огромный толстый дядечка, которого все звали Фёдорычем. Оба вернулись с фронта незрячими; поговаривали, что причиной слепоты была отравленная водка, которую немцы специально подбрасывали советским солдатам при отступлении.

Насчёт слепоты Калентьева у поселковых сомнений не было, глаза его были неясными, какими-то мутными. Играл он как бог на большом трофейном аккордеоне, получал какую-то пенсию по инвалидности, плюс подрабатывал в школе и в детском садике. На свадьбы играть не хаживал, был как бы выше этого. Жил он с женой тихо, она его и водила повсюду, нежно поддерживая под руку.

Фёдорыч казался попроще, он тоже был музыкантом, только играл не на аккордеоне, а на

гармошке и балалайке. Он неизменно участвовал во всех поселковых свадьбах и гулянках. Пил Фёдорыч много, но никогда не упивался до отключки, да и трудно было свалить такого детину. Водила его по посёлку тоже жена; но если Калентьев, несмотря на поддержку жены, ходил с палкой, ощупывая ею дорогу, то Фёдорыч шёл свободно, держа палочку не как слепые держат, а как хромые, как будто и не был слепым. Люди незлобно шептались, гадали — правда он слепой или притворяется. Некоторые помнили, что Фёдорыч, когда только пришёл с фронта, точно ничего не видел, спотыкался, натёкался на всё и вся и без жены не мог сделать со двора и шага.

«Видимо, отошёл от той фашистской отравы!» — решили тогда односельчане и оставили его в покое.

Мы, ребяташки, слышали эти разговоры и до поры до времени не обращали на слепого внимания. Но однажды, сидя на излюбленном месте — «третьем песочке», так назывался пляж на реке Деркул, мы почему-то заспорили о Фёдорыче — слепой он или нет. Мнения разделились. Громче всех доказывал, что Фёдорыч слепой, Вовка Потанин, которого все звали Потахой. На «песочке» было много пацанов, кто-то играл в ножички, кто-то лежал, зарывшись в песок, кто-то метал ракушки в воду. Стоял жаркий июньский день.

Потаха был бесстрашным пацаном, он не являлся заводилой, но ему всегда надо было больше всех, оттого больше всех ему и перепало.

— Спорю с любым из вас, что Фёдорыч не притворяется! — предложил он нам.

— Кто спорит, тот г.вна не стоит! — выпалил Стаська, самый сильный из нас.

— А кто спора боится, тот в г.вне родится! — тут же парировал Потаха.

Между ними чуть не завязалась драка, но мои братья-близнецы их растащили. Толик, старший из близнецов, веско сказал:

— Фёдорыч видит, это точно! Спросите Паштёнка!

Паштёнком был я. Все повернулись ко мне, и я рассказал, как несколько дней назад ехал на «орлёнке», своём велосипеде. Велосипед был новенький, яркий. Ехал я по нашей улице, а навстречу из бани шёл Фёдорыч с женой. Проезжая мимо слепого, я увидел, как тот остановился и посмотрел на велосипед. Его фраза «какой красивый велосипедик!» — настолько меня удивила, что я оглянулся на слепого и чуть не врезался в столб.

Мой рассказ произвёл впечатление на пацанов.

— Надо его вывести на чистую воду! — сказал единственный среди нас казах — Сашка, которого все звали Сахой.

— Ну, Саха, ты даёшь! Как его выведешь? Да и потом-то

что? — спросил его второй близнец Никоша.

— А ничего, пусть ему будет стыдно! — сказал Потаха, и мы с ним все быстро согласились. Слово «стыдно» тогда ещё не потеряло своего значения и было в ходу у всех.

— Глядь, пацаны, а вот и сам «слепой» идёт с рыбалки! Совсем обнаглел дядька!

Действительно, по пыльной дороге, что вела мимо нас в посёлок, важно шествовал Фёдорыч с большим удилищем через плечо. Рядом семенила его жена, тачившая кукан, на который было насажено с десяток белёшек и окурчиков. Фёдорыч был в хорошем настроении, он что-то насвистывал себе под нос.

— Ну, врот-те-дышло! — по взрослому заругался Потаха и, не успели мы глазом моргнуть, как он уже стоял перед Фёдорычем.

— Тебе чего, пацан? — с любопытством воззрился на него «слепой».

Перед нами была смешная картина: худенький, лопухий Потаха, в больших трусах, с дерзким лицом, на котором выделялись только облупленный нос и отчаянные глаза, а напротив — огромный мужик - гигант в наших тогдашних глазах — с открытым ртом. Потаха стоял перед ним руки в боки, растопырив свои худые длинные ноги. Вся его поза была позой вызова, позой злого пёсика перед дракой с более крупным соперником. Фёдорыч же смотрел на это чудо

сверху вниз с любопытством буйвола, остановившегося перед москвой.

— Так чего тебе, пацан? — повторил он свой вопрос.

То, что произошло дальше, я запомнил на всю жизнь. Потаха смело расправил плечи и дерзко спросил:

— Дяденька слепой, а правда, что вы слепой?

Фёдорыч от такой неслыханной наглости поперхнулся, хотел что-то сказать, но Потаха не дал ему опомниться и, подсунув «слепому» кукиш под нос, звонко спросил:

— А это что такое, вы сможете рассмотреть?

Фёдорыч отпрянул от такой наглости и взревел, снимая удочку с плеча. Потаха, поняв, что «слепой» явственно рассмотрел фигуру из трёх пальцев и что сейчас ему достанется по первое число, повернулся и побежал. Но хлесткий удар удилица нагнал его тощей зад. Потаха подпрыгнул и помчался дальше что было сил. Крючок на удочке зацепился за его трусы, удочка выпала из рук Фёдорыча.

Картина была сногсшибательной: тощий Потаха бежал изо всех сил, таща за собой удилище, зацепившееся за трусы, а за ним, тяжело дыша, топал гигант, что-то крича.

Удочка зацепилась за придорожный куст, трусы лопнули по швам и, освободившись от них, Потаха гольшом побежал вдоль улицы, распугивая редких

прохожих и кур, мирно гревшихся в придорожной пыли.

Позже Фёдорыч пришёл к Потаниным, принёс зашитые его женой трусы. Потахин отец поставил бутылку, они выпили, и Фёдорыч рассказал, что с него уже давно сняли инвалидность по частичному возврату зрения.

Потахе тогда досталось крепко. Он долго не появлялся на «песочке», а когда появился, то в знак солидарности с ним тему про «слепых» мы больше не поднимали.

ЖАВОРОНОЧКИ

Н.Д. Котовчихиной

Гришутка проснулся и открыл глаза. Он знал, что отец с матерью были уже на работе, а старший брат Андриан должен быть уже в школе. Но когда он поднялся с кровати, то увидел, что брат ещё спит. Бабушка стояла перед горкой¹ и молилась. Часы настенные — гордость отца — прокували девять раз.

— Ты чаво, мой гоженький, не спишь?

— Дык, сама же сказала, что сёдни жаворонок надо кликать! — удивился Гришутка.

— Каке тибе жаворонки, Гришенька, пыгильди, чаво творится на улице! Буран такой, что и бирюк² нос не высунет! Вон и школу сёдни отменили, вьожит, как на крещенские!

Гришутка подбежал к боковому окну и отдернул занавеску. В нём он ничего не смог разглядеть, всё окно было белым, словно его облили сметаной. Тогда он шмыгнул к передним окнам, встал на стул к одному из них и, откинув занавеску, глянул на улицу. Окно было наполовину «замазано» снегом. Гришутка посмотрел в ту половину, которая была чистой и испугался: вся улица была белой, а ураганный ветер клонил деревья к земле, швырял комья снега на дома, стараясь сорвать с них крыши.

Ещё вчера не было никакого снега, все лужи почти высохли и стали появляться долгожданные полянки, на которых они с пацанами играли в одиннадцать палочек, кандалы, знамя и лапту³, а сегодня опять зима нагрянула. Да не просто нагрянула, а скакала по посёлку, как их жеребёнок Орлик, которого зачем-то отобрал злой дядька Антихрист. Так бабушка однажды воскликнула в сердцах, когда её спросил кто-то об Орлике. Конечно, дядей она не назвала, просто назвала Антихристом. Она его всегда ругала, когда не было хлеба в магазине, когда не разрешили продавать излишки молока от Малинки, их коровы. Вот и с жеребёнком так вышло. Был Орлик белым, сноровистым — «утеха казачья», как говаривал папаня. Говаривал только своим, ибо даже Гришутка знал, что слово «казак» нельзя было произносить, не любил это слово в посёлке. Не все, а те,

кто служил тому дядьке Антихристу: так бабушка говорила, предупреждая Гришутку. А Орлик был любимцем в семье, его холили все.

«Вот вырастет, запрягу в санки и будешь кататься на нём», — как-то пообещал папаня сыну. Осенью он посадил Гришутку на холку Орлика, когда мяли кизяки⁴. А Андрианка ехал рядышком по кругу на гнедой кобыле из поселковой конюшни. Бабушка потом хвалила их: «настоящие казачки, не музлань⁵ какея-та!»

Но потом дядька Антихрист заставил всех лошадей сдать; бабушка плакала, отец ходил хмурым, одна мать оставалась спокойной. Она никогда не унывала, всегда была улыбочивой и весёлой. Жаль, не казачка она. Это Гришутка узнал недавно, когда на улице он подрался с Женькой соседским. Надавал ему Гришутка кренделей, а тот со злости отбежал и стал дразниться. Потом прокричал ругалку:

— Гришка — хохол,

Наклал на пол!

— Сам ты хохол! — погрозил ему Гришутка.

— Я не хохол, я — казак. А твоя мать — хохлушка!

Гришутка погнался за ним, но тот убежал.

Придя домой, Гришутка и спросил бабушку, кто такие хохлы. Та, оторопев, стала узнавать, где он это слышал. Гришутка поведал ей обо всём случившемся, умолчав про драку. Бабушка посадила его рядышком и пояснила:

— Хохол — это нехорошее слово. Так называют украинцев злые люди. Женья со злости это прокричал. Ужо я его матери пожалуюсь, и ему нагорит по первое число. Твоя мама — не казачка, это верно. Но она хорошая женщина, наша. Среди казаков есть и украинцы, евреи, русские, немцы, татары, да кого только нет среди нас, чаво уж тут поделаешь? Но ты, мой гоженский, — казак, настоящий казак, запомни это.

Бабушка подошла к нему и тоже посмотрела в окно. Затем перекрестилась и нежно сказала Гришутке:

— Ложись, мой сладенький, спи, пока Москва не знает!⁶ — её голос был нежным и спокойным.

— А кто такая Москва, бабака?⁷ — спросил Гришутка, ложась в кровать.

— Москва? Это главный город в России, — улыбнулась бабушка.

— А что, если этот город узнает, я спать не буду?

— Будешь, внучок, но по указке Антихриста.

— Бабака, а кто такой дядя Антихрист? — спросил Гришутка.

— Это тебе ещё рано знать, подрастёшь — сам поймёшь. Спи, а проснёшься — я уже напеку жавороночек, можа, буран и утихнет, тады и покликаешь весну.

Рано знать? Опять рано. Давеча он спросил, откуда у их родственницы тётки Таи появился маленький Коляшка, ведь ещё недавно у них никого не было, и бабушка осадил его этим «подрастёшь — узнаешь». Скорее бы

подрости, окончить школу и стать как папаня — шофёром. Потом можно и жениться. Вот на ком? Верка соседняя — сроду злая, пацанов не любит. Остальные ему тоже не нравились. Был бы взрослее, женился на Валентине Гавриловне — училке Андриана. Красивая она. Брови чёрные, сама высокая, добрая. Однажды дала ему конфету, вот он её и полюбил. Да, красивая...

Гришутка незаметно заснул. Когда проснулся, то сразу же почувал, как пахнет чем-то вкусным.

— Вставай, мой гоженький, умывайся, помолись и к столу. — Бабушка закончила готовить и сняла запон⁸.

Вода в рукомоёйнике была холодной, но Гришутка пересилил себя, ведь он казак! Потом подошёл к горке и помолился:

— Господи, Исуси Христе, сыни божия, помилуй мя. — Так, как его учила бабака. Андриан, сидевший за столом и уплетавший жаворонки со сметаной, не выдержал и сказал:

— И зачем ты его заставляешь молиться? Ему на следующий год в школу, узнают пацаны — засмеют.

— Молчи, богохульник, чаво булгачишь⁹ мальчонку? Сам перестал креститься, так не баламуть яво. Никто не узнает, если будете молиться тайно. Тайная молитва, матри, она вдвойне будет Богом принята, — незлобно ответила старушка.

— Да ладно тебе, бабак, Бога нет, это всё сказки. — Начал подтрунивать над ней Андриан.

— Ента как это нет! — Не на шутку встревожилась бабушка. — А аткеда тада всё на земле, от ибизьяны, что ли?

— Ладно, говаривали мы с тобой на эту тему, бабака. Ты — пережиток прошлого, тебе не понять! — Сказал по-взрослому Андриан и тут же получил тряпкой по затылку. Он засмеялся и ушёл в переднюю комнату читать книгу.

— Не слушай его, мой гоженький. Он стал такой поперешный¹⁰, прям-таки жуть. Бог есть, без Бога не до порога.

Гришутка посмотрел на порог и усомнился словам бабушки:

— Неправда, до порога я быстренько сам доскачу. — Он встал из-за стола и добежал до порога.

— Глупышка, это ты добежал с Богом. Он тебе позволил, а вот не будешь молиться и верить, Он может и не позволить. Бог всё видит и знает! — И бабушка показала своей натруженной рукой на икону, висевшую в углу, под самым потолком. Гришутка взглянул на неё и испугался. Икона была старой, тёмной, но Боженку он разглядел, она строго смотрела на него своими чёрными глазами.

— А таперича, кушай жавороночки, пока не остыли. — И бабушка поставила большую эмалированную миску с румяными коржиками, испечёнными в виде птичек. Вместо глаз у них были изюминки. Жаворонки пахли так вкусно, что Гришуха сразу

же схватил один из них и поднёс ко рту. Но в тот же момент он отстранил его и вопросительно посмотрел на бабушку.

— Ты чаво, Гришенька, почему не ешь? — забеспокоилась старушка.

— Дык нельзя же, сама говорила, что нужно сначала покликать их, а уж потом можно и съесть. Без этого не будет зимы!

— Ента было в прошлом годе, а таперя можна сначала съесть, а утихнет буран, тады и кликать весну можно, — улыбнулась одними глазами та. — Ешь, мой казачонок!

Гришутку уговаривать не надо было, коржики таяли во рту. Он съел целых три и, сказав «Спаси Христос» бабаке, пошёл в переднюю, где стал играть со своей единственной игрушкой — небольшим облупленным самосвалом, которым играл ещё Андрианка.

На улице по-прежнему свирепствовал буран, а в доме было тепло от большой печки, пахло борщом и печёным хлебом. Вскоре Гришутке надоело играть. Он выглянул в окошко, чтобы узнать, утихла ли снежная буря. Ему показалось, что утихла.

— Бабака, а теперь можно покликать жаворонков? — спросил он.

Бабушка только что легла на свою кровать отдохнуть. Она не ответила, Гришутка понял, что заснула. Андриан читал книгу и не обратил на него внимания.

Гришутка надел пальто, шапку, взял жаворонка со стола и тихонько вышел в сени. Там было темно; он, на ощупь найдя дверь, откинул щеколду и попытался открыть её. С первой попытки ему это не удалось, тогда он сильнее нажал и дверь поддалась, чуточку открылась. Ворвавшийся ветер яростно швырнул снег в лицо Гришутки, обжёг его холодом. Гришутка испугался и закрыл дверь.

«А ить, ежели сейчас не покликать жаворончек, то весна и не придёт!» — подумал он и, открыв дверь опять, высунув жаворонка наружу, он закричал сквозь ветер нехитрую песенку, которой его научила бабушка несколько лет назад и которую он каждый раз пел, когда наступали Жаворонки¹¹:

— Жавороночки, прилетите к нам... — ветер с силой захлопнул дверь, отшвырнув его вглубь сени.

Гришутка разозлился. Быстро поднявшись, он снова приоткрыл дверь и пропел:

— Красно летушко принесите нам... — И опять ветер швырнул колючий снег в его лицо и попытался захлопнуть дверь. Но на этот раз Гришутка не поддался, удержал и дверь, и себя. Пересиливая ветер, он продолжал петь, держа жаворончка на вытянутой руке:

А холодно зиму унесите от нас,
А холодна зима надоела нам,
Всё сенцо-то переела!

Гришутка закончил свою песенку и закрыл дверь. Он был доволен: жаворонки услышали его, они скоро прилетят и принесут весну, потом зацветут тюльпаны, появится таблак¹², полянки, и все пацаны будут играть с утра до ночи на улице и купаться в Деркуле. А там и сентябрь наступит, и он пойдёт в школу, где Валентина Гавриловна даст ему вкусную конфетку.

Ночью у Гришутки поднялась температура. Он проболел ровно три дня. А когда выздоровел и вышел на улицу, то увидел соседского парнишку его лет — Шурку, который мерил лужу в сапогах и улыбался весеннему солнышку.

Гришутка никому не сказал, что это он покликнул жаворонков, и они принесли весну.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Горка — шкаф, где обычно казаки выставляли иконы
2. Бирюк — волк
3. Одиннадцать палочек, кандалы, знамя — детские игры
4. Кизяки — прессованный с соломой навоз, употребляемый как топливо
5. Музлань — мужики, не казаки
6. Спи, пока Москва не знает — так старики говорили детям, которые не хотели спать
7. Бабака — обращение к бабушке у уральских казаков
8. Запон — фартук
9. Булгачить — тревожить
10. Поперешный — противный
11. Жаворонки — старинный праздник, отмечавшийся 22 марта — в день весеннего равноденствия.
12. Таблак — дикий степной лук.

Вячеслав МОИСЕЕВ

КОРОТКАЯ ЖИЗНЬ МИРОТВОРЦА

Вячеслав Геннадьевич Моисеев родился в 1962 году в Оренбурге. Окончил Оренбургский государственный педагогический институт. Работал пресс-секретарём губернатора, главным редактором нескольких областных газет. Поэт, переводчик. Публиковался в альманахах «Чаша круговая», «Врата Сибири», журналах «Урал», «Континент» и др. Автор нескольких сборников стихов и прозы. Дважды лауреат открытого Евразийского конкурса переводчиков, лауреат Всероссийской литературной премии им. Д.Н.Мамина-Сибиряка (2004), региональной литературной премии им. П.И.Рычкова (2011). Член Союза российских писателей, редактор литературного альманаха «Башия», руководитель издательского центра МВГ.

Предисловие редактора:

Наше знакомство с моим одноклассником, профессором Колорадского университета Павлом Кожевниковым началось необычно. В ноябре этого года он прислал в редакцию журнала «Гостинный Двор» письмо следующего содержания: «Недавно я узнал о гибели в Сирии вашего земляка Александра Прохоренко. Подвиг этого мальчика меня просто потряс, так же как и замалчивание на федеральном уровне его мужественного поступка. Тогда я написал письмо родителям Саши, но оно вернулось обратно. Видимо, ваши почтальоны не знают адреса героя. Я написал стихотворение о Прохоренко, но ни один журнал в России его не принял. Жаль, что такие парни, настоящие русские парни не имеют

поддержки у себя на Родине. Не о них снимают фильмы и сериалы, а о всякой шантрапе под копирку Голливуда... Высылаю вам свое скромное стихотворение и надеюсь, что его прочтут родители героя...»

Я сразу же ответила автору, что очерк о Прохоренко вскоре появится в одном из номеров нашего журнала, а в Оренбурге и на родине Александра, в селе Городки, открыты памятники Герою России. Дошло до родителей и стихотворение об их сыне из далёкой Америки. А написавший его поэт и писатель Павел Кожевников стал одним из авторов журнала «Гостиньий Дворь», чему я очень рада.

Наталья Кожевникова

Апрель 1991 года. Ещё не жарко даже в Сирийской пустыне. Гид по имени Салим ведёт по Пальмире нас, группу, наверное, последних советских туристов, приехавших в Сирию из Оренбургской области по линии Бюро международного молодёжного туризма «Спутник». Ведёт почти бегом, восторженно рассказывая на французском с акцентом, что есть что: вот амфитеатр, вот колоннада с разрушенными портиками из золотистого известняка и розового асуанского гранита, вот храм бога Бела — Ваала, вот полуразбитая триумфальная арка римского императора Септимия

Севера, и почти все мы её узнаём — ведь это она красовалась на обложке нашего школьного учебника истории пятого класса!..

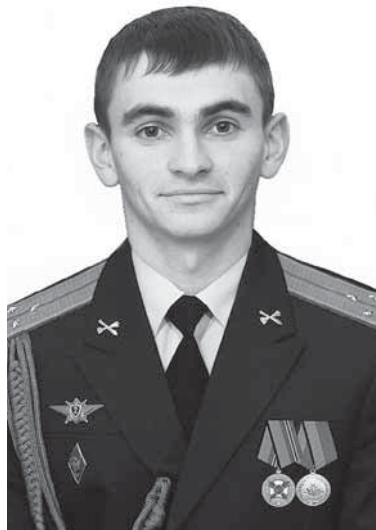
— Эй! — кричим мы, русские туристы, гиду. — Подождите! Мы не успеваем за вами.

— Я хочу дать вам как можно больше информации, — объясняет гид, убегая от нас. — У нас всего час. И простите мой французский, — это уже ко мне, переводчику группы. — Меня учила французскому языку русская женщина Зоя в 1939 году. Она была очень красивая, а я — очень маленький.

Конечно! Зачем бы ещё нам, маленьким, учить языки, если б не очень красивые русские женщины...

Мы бежали за гидом Салимом по пустыне между колонн, стоявших поперёк горизонта, и колонн, лежавших вдоль него. Казалось, кроме них, вовсе ничего не осталось здесь, в древней Пальмире, от столицы царицы Зенобии — Зейнеб, правившей в III веке. Только колонны. И даже грузовики, перевозившие трубы по шоссе рядом, виделись продолжением тысячелетней истории бесконечных колоннад. И это была Пальмира — памятник архитектуры ЮНЕСКО мирового значения.

В те дни, когда я вёл группу туристов из Оренбуржья по Пальмире вслед за бегущим гидом, Саше Прохоренко было меньше годика, и он, любимый

А.А. Прохоренко

мамой и папой, наверное, пытался делать самые первые шаги в родном доме в селе Городки Тюльганского района...

Столетиями Пальмира набирала силу и расцветала, подвергалась завоеваниям и восставала из пепла, восхищая всякого, кто видел красоту этой пустынной розы. Но в начале 2010-х годов, словно из-под песка безнадежной жёлтой Сирийской пустыни, словно из чёрного битумного озера Тартар под Багдадом, выползли щупальца ИГ-ИГИЛ-ДАИШ. Как его ни назови, это сатанинское отродье попыталось обустроить ад на земле, прикрываясь извращённым толкованием Ислама. Наша страна пришла на помощь сирийцам, изнемогавшим в неравной войне,

которую к тому же поддерживал англосаксонский Запад, давно провозгласивший принцип «убивать азиатов руками азиатов». Российские Военно-космические силы (ВКС) — и те, что расположены на базе Хмеймим на берегу Средиземного моря, и те, что вылетают на задание с территории России — начали точно и планомерно уничтожать к чёртовой матери силы боевиков террористического псевдоисламского недогосударства. И, конечно, для того, чтобы наносить чёткие точечные удары, не затрагивая мирное население, нужны были люди, указывающие координаты вражеских целей. Это значит, российский военный служащий должен был подбраться как можно ближе к позициям противника, чтобы максимально точно передать нашим лётчикам, что, кого и где бомбить.

Одним из офицеров, координировавших огонь наших ВКС, был старший лейтенант Сил специальных операций Российской армии Александр Прохоренко. За два года до этого его товарищи по оружию без шума и пыли обеспечили свободное волеизъявление крымчан на референдуме о присоединении Крыма к России. За это им дали прозвище «вежливые люди» и даже поставили памятник в Симферополе.

Но в Крыму весной 2014-го не стреляли. Или почти не стреляли.

В Сирии в марте 2016-го было совсем иначе. 17 марта под Пальмирой 25-летний старлей Саша Прохоренко, направлявший наши самолёты на игиловских боевиков, был обнаружен врагами. Они не были противниками — именно врагами. Непримируемыми и бессмысленно жестокими головорезами. Они готовы были снять кожу и с живых мирных жителей за малейшее отклонение от норм шариата, как им казалось. Всё, что слишком — харам! Малограмотные, они судили всех, кто им не нравился, к расстрелу, повешению, утоплению... Изощрялись в способах казни.

Остановить их было необходимо. Ад не должен был расплываться по земле. Его надо было загнать в преисподнюю. Этим и занимался Александр Прохоренко,

когда его вычислили боевики ИГИЛ.

...Почему-то кажется мне, что Саша после освобождения Пальмиры обязательно прошёл бы между колоннад, посидел, как я четверть века назад, на каменных скамьях древнего театра, сфотографировался под триумфальной аркой, а после отправил селфи одноклассникам: ну зацените, ребята! Помните учебник истории за пятый класс? Это ж она там, на обложке — арка!..

Но Саша погиб 17 марта в 25 лет. За прекрасную Пальмиру — памятник мирового наследия. За мирную Сирию. За сильную Россию. И за мир без войны.

27 марта 2016 года в Интернете появилась расшифровка последних минут переговоров с командованием российского офицера, оренбуржца Александра

Памятник Александру Прохоренко в селе Городки Тюльганского района

Прохоренко, координировавшего огонь Военно-космических сил России в Пальмире. В некоторых источниках утверждается, что 25-летний Саша Прохоренко сдерживал боевиков три минуты с шестью патронами. Я нашёл два источника стенограммы — на английском и французском, сделал перевод. Не думаю, что кому-то явилась мысль подделать её, стенограмму, — с добрым или недобрым умыслом. Это слишком, слишком похоже на правду.

Впрочем, судите сами.

Офицер: Командир, меня обнаружили, повторяю, меня обнаружили.

Командир: Пожалуйста, повторите и подтвердите.

Офицер: Они меня обнаружили, ведут шквальный огонь, меня зажали. Прошу немедленной эвакуации.

Командир: Запрос эвакуации подтверждаю.

Офицер: Пожалуйста, скорее, у меня осталось мало патронов. Они, кажется, везде, я не смогу держаться долго, пожалуйста, скорее.

Командир: Принял, держите их, отбивайтесь, займите безопасную позицию, поддержка с воздуха идёт, дайте ваши координаты.

Офицер: (даёт координаты).

Командир: (повторяет координаты). Подтвердите.

Офицер: Подтверждаю. Пожалуйста, поторопитесь, у меня

мало патронов, эти сволочи меня окружают.

Командир: Двенадцать минут до эвакуации, вернитесь на безопасную позицию. Повторяю: вернитесь на безопасную позицию.

Офицер: Они близко, меня окружили, похоже, это конец. Скажите моей семье, что я их очень люблю.

Командир: Вернитесь к зелёной линии (возможно, в «зелёнку», участки растительности. — Прим. перев.), продолжайте вести огонь, помощь уже в пути, поддержка с воздуха будет.

Офицер: Не могу, я в кольце, здесь столько этих тварей!

Командир: Десять минут! Вернитесь к зелёной линии.

Офицер: Не могу. Они меня окружили и подходят ближе. Пожалуйста, скорее!

Командир: Идите к зелёной линии. Повторяю: идите к зелёной линии.

Офицер: Они снаружи. Ударьте с воздуха сейчас, пожалуйста. Скорее! Это конец. Скажите моей семье, что я их люблю и умираю, сражаясь за Родину.

Командир: Ответ отрицательный, вернитесь к зелёной линии.

Офицер: Не могу. Командир, я в окружении. Они там, снаружи. Я не хочу, чтобы они меня взяли в плен. Проведите воздушную атаку. Они надругаются надо мной и нашей формой. Я хочу умереть с достоинством и забрать этих уродов с собой.

Пожалуйста, моё последнее желание: проведите атаку с воздуха. Они по-любому убьют меня.

Командир: Пожалуйста, подтвердите запрос.

Офицер: Они там, рядом. Это всё, командир, спасибо. Скажите моей семье и моей стране, что я их люблю. Скажите им, что я не струсил и сражался до последнего. Пожалуйста, позаботьтесь о моей семье, отомстите за меня. Прощайте, товарищ командир. Скажите моей семье, что я их люблю...

Командир: Связь потеряна. Приказываю нанести удар с воздуха.

Очень надеюсь, что однажды мы прочтём запись этих радиопереговоров в том виде, в каком они звучали на русском языке.

Ну а теперь ответчу заокеанскому нашему другу профессору Павлу Кожевникову. Мало читать средства массовой информации, надо читать умные средства массовой информации, а не только русскоязычную газету «Горизонт» штата Колорадо.

Достаточно выйти на оперативный простор хотя бы оренбургских СМИ, и сразу станет ясно: подвиг нашего Саши если и замалчивается, то лишь в федеральных СМИ Соединённых Штатов. Во всех странах, более или менее свободных от давления США, о нём написали с огромным уважением. Именно поэтому семья Маге из

французского города Монпелье передала родителям Саши Военный Крест с Пальмовой ветвью и орден Почётного легиона, принадлежавшие их близким — участникам Второй мировой войны.

А на малой родине Александра Прохоренко о его подвиге теперь знает каждый: в любой школе, в любой администрации оформлен стенд с описанием подвига героя. Его родная школа в Городках носит имя Александра Прохоренко. В Оренбурге появилась улица Прохоренко. А 4 ноября был открыт памятник Саше: он в военной форме, в разгрузке, словно прикрывает рукой обломок пальмирской колонны

— то, что ещё не успели разрушить игиловские варвары.

...Четверть века назад нас, оренбургских молодых туристов, привезли в древнейший христианский монастырь Маалула — ему две тысячи лет. Мы знали, что здесь, в этом посёлке, жители до сих пор говорят на западно-арамейском языке — каким разговаривал Иисус Христос и его ученики. По дороге к монастырю я шёл и прислушивался

к встречным, пытаясь впитать язык Христа...

Игиловцы разрушили и этот монастырь.

Но я точно знаю: никому и никогда не разрушить великую веру людей в мир и счастье, в добро и вечную красоту, пока на их защите стоят миротворцы — такие, как Александр Прохоренко.

«Блаженны миротворцы, ибо наречены они будут сынами Божиими».

На открытии памятника Александру Прохоренко в г. Оренбурге 4 ноября 2017 г.

Владимир МЕЛЬНИК

ГОНЧАРОВЫ В ОРЕНБУРЖЬЕ*

Владимир Иванович Мельник родился во Владивостоке в 1952 году. Окончил Дальневосточный государственный университет. Автор более 20 литературоведческих, исторических и художественно-публицистических книг, множества критических и научно-популярных статей о русской литературе, которые публиковались в Германии, Японии, Югославии, Венгрии, Румынии и др. странах. Член-корреспондент АН Республики Татарстан, доктор филологических наук, профессор Российского государственного университета им. А.Н. Косыгина, член Союза писателей России, почётный работник высшей школы, член Императорского Палестинского Общества, лауреат премии И.А. Гончарова и др. премий. Живёт в Москве.

Удивительно, но судьба писателя И.А. Гончарова оказалась тесно связанной с Оренбуржьем, ибо именно в этих местах Гончаровы «встали на крыло», «выбились в люди». Первым в родословной писателя И.А. Гончарова упоминается его прапрадед, Лаврентий, живший в XVII веке¹. Судя по оренбургскому периоду жизни его внука, Ивана Ивановича, его сын, Иван Лаврентьевич (очевидно, житель Симбирска), возможно, был участником Северной войны (1700—1721), поселившимся в Симбирске. Возможно, именно он — в числе других старых «солдатушек» — был призван на строительство новой пограничной линии в Оренбуржье, куда прибыл со всей семьёй. Настоящую, основанную на фактах, родословную Гончарова и следует

---

* Статья написана при поддержке РФФИ (Проект № 17-04-50064: «Научная биография И. А. Гончарова»).

начинать с его деда — Гончарова Ивана Ивановича, который родился в 1710 году в Симбирске и там же, по-видимому, скончался в 1790 году в возрасте восьмидесяти лет.

Именно в его судьбе началось «историческое восхождение» Гончаровых. Во всяком случае, именно так сам Иван Иванович должен был ощущать то, что он сумел передать своему потомству. Сколько помнил себя Иван Иванович, Гончаровы, несмотря на многие доблести и замечательные качества, были людьми неизвестными, людьми исторической массы. Но в его жизни совершился долгожданный и, как показала дальнейшая судьба рода, не случайный «исторический поворот»: он, сын простого солдата, выслужил дворянство, а его внук стал писателем мировой величины!

В лице Ивана Ивановича Гончаровы преодолели какой-то определяющий рубеж, появилась возможность и необходимость исторической (в масштабах фамилии) переоценки родовой судьбы, потребность исторического самосознания. Для того чтобы понять, как сам Иван Иванович ощущал эту перемену, достаточно вспомнить судьбу великого поэта Афанасия Фета, который всю жизнь пытался выслужить дворянское звание в военной службе, будучи офицером, поэтом, мыслителем! Если такое большое значение этой

социальной «подвижке» придавал Фет, то что же тогда говорить о солдатском сыне Иване Гончарове? Правда, сам автор «Обломова» никогда не упоминал о своём дворянстве, и лишь только при его отпевании дьякон возгласил «вечную память боярину Иоанну»².

Дед писателя был не просто грамотным и способным простолюдином, которому было даровано дворянство, он был человеком волевым, творческим, оригинальным. Хотя он и не создал ничего замечательного в литературном отношении, однако, как показывает семейный «Летописец», он был, несомненно, человеком с большим творческим потенциалом.

До своего взлёта юный тогда ещё Иван Иванович Гончаров исправлял в Симбирске должность подьячего. Возможно, в составе призванных на новые земли вместе с семьями участников Северной войны он попадает на строительство Закамской засечной черты. Народ там был востребован, ехали тысячами. «Из служилых людей... которые раньше являлись городскими дворянами, солдатами, драгунами, рейтарами, были образованы Сергиевский конный и Алексеевский пеший ландмилицкие полки... Следует отметить, что эти 2 полка первоначально планировались для поселения на Царицынскую линию, затем это решение было отменено, и полки были

переориентированы на поселение на Закамскую линию»³... Таким образом, ландмилицкие полки формировались «не из рекрутов, а из однодворцев, отставных стрельцов, пушкарей, городских казаков и других чинов, издавна поселённых в окрестных пригородах и селениях прежней засечной черты»⁴.

Принято считать, что 16 апреля 1733 года, когда возник строительный бум на Закамской засечной черте⁵, Иван Иванович Гончаров был взят на службу писарем в Сергиевский ландмилицкий драгунский полк⁶. Однако следует уточнить, что Сергиевский ландмилицкий драгунский полк возник лишь в мае 1833 года в результате переименования Третьего сверхкомплектного конного полка Украинской ландмилиции. В 1737 году четыре полка ландмилиции были переданы в ведение Оренбургской комиссии.

Нужно сказать, что дворянство дед писателя выслужил трудно: условия были настолько тяжёлыми, что народ сбегал со строительства новой засечной черты. В. А. Кузнецов пишет: «Набор в эти полки шёл медленно, о чём свидетельствует указ от 4 июля 1735 года об укомплектовании полков и сыске сбежавших из них нижних чинов»⁷. Предполагалось, что нужно будет не только служить, но и кормить себя: «Ландмилиция представляла собой военные поселения.

Офицеры и солдаты ландмилицких полков по первоначальному плану должны были наделяться пахотной землёй и угодьями, от которой и «иметь пропитание». Например, рядовые получали от 22 до 55 десятин земли»⁸. В действительности же ландмилиция получала денежное и хлебное довольствие. Личному составу поселяемых полков дозволялось строить деревянные дома и мазанки⁹. Чтобы лучше понять обстановку службы, приведём некоторые цифры: «Каждый из конных ландмилицких полков по штату 1736 года состоял из 10 рот... В конном полку было 37 офицеров, 73 унтер-офицеров, 920 рядовых, 31 нестроевой чин... Всего в Закамской ландмилиции было 142 офицера и 3912 нижних чинов. Кроме того, в каждом полку имелся поп и лекарь и состояло по штату до 50 школьников. Таким образом, численный военный состав ландмилиции был чуть более 4000 человек»¹⁰.

В декабре 1737 года начальник Оренбургской комиссии В. Н. Татищев собрал «генеральный совет», на котором было принято решение о том, что Закамская линия становится бесполезной ввиду строительства новой пограничной линии — Оренбургской. Так и получилось, что основную службу дед Гончарова прошёл в Оренбургском крае в должности аудитора. В списке Сергиевского

драгунского ландмилицкого полка за 1739 год в графе «аудитор» записано: «Иван Иванов сын Гончаров, 28 лет, служит с 16 апреля 1733 году, из солдатских детей, г. Симбирска, грамоте умеет, женат, детей нет. Аудитор с 1738 года 28 июня. При полку, взысканий не было...» 16 июля 1743 года Иван Гончаров был произведён в поручики, а через полтора года, 6 апреля 1745 года, ему было пожаловано звание капитана. В списках Сергиевского драгунского ландмилицкого полка отмечено: «8 роты капитан Иван Иванов сын Гончаров, 38 лет, служит с 16 апреля 1733 года, солдатский сын, из г. Симбирска, грамоте умеет, сын Дмитрий, 4 лет, живёт при нём, с 1745 года апреля 6 дня при полку в Магнитной крепости, взысканий нет».

Солдатский сын, дослужившийся до капитанского звания, со временем (в 1751 году) стал начальником Урдасымской крепости¹¹. В этой должности он прослужил совсем недолго: может быть, несколько месяцев, а может быть, и не более недели: в июле 1751 года в крепости случился пожар, после чего Гончаров получил взыскание и был переведён начальником же в Таналыкскую крепость¹². Здесь в 1754 году у Ивана Ивановича родился сын Александр, отец писателя Гончарова. В 1759 году дед вышел в отставку и поселился в родном Симбирске. В то время ему было сорок девять лет.

В родословной Гончарова дед — одна из ключевых фигур, уникал — и не только потому, что сделал головокружительную для солдатского сына карьеру и выслужил дворянство, но и потому, что его личность «задаёт направление» всему роду Гончаровых. Дело в том, что Иван Гончаров не просто был грамотным, у него была несомненная тяга к слову и притом к слову образному, художественному. Писателем он, конечно, не стал, однако талант его проявился своеобразно, в духе времени, и в весьма раннем возрасте. Иван Иванович был религиозен. Возможно, как и многие православные в Поволжье, был скрытым старообрядцем. С середины 1720-х по 1728 гг. он переписал и, вероятно, обработал «старообрядческий» апокриф «Страсти Христовы», а в 1728-1729 гг. — апокриф же «Повесть о крестном сыне», — которые сохранились в семейном «Летописце»¹³. В четырнадцать — шестнадцать лет мальчик начал переписывать «Страсти Христовы». Это средневековое сочинение особенно широкое распространение имело именно в старообрядческой среде. В этом книжном памятнике подробно описывались последние дни жизни Иисуса Христа перед распятием. Нет сомнения, что ещё в детстве маленький Иван Гончаров слышал чтение этой дедовской книги и держал «Летописец» в руках. Здесь начиналось становление

религиозности писателя. Анализируя ход развития личности, он всегда отмечал органичность, естественность, постепенность этого развития — в усвоении того, что составляет языковое, религиозное своеобразие человека. В письме к великому князю Константину Константиновичу Романову от 12—15 сентября 1886 года он писал, что «Христова вера» «унаследуется сначала в семейном быту, от родителей, и потом развивается и укрепляется учением, проповедью наставников и, наконец, всем строем жизни христианского общества»¹⁴. Можно себе представить, что чувствовал и переживал впечатлительный мальчик, когда кто-нибудь из взрослых читал: «Наутрие же и возложиша на него великия железа на шию его и руце и приведоша его во двор Каиафе и тогда собрашася окаянии жидове малие и велице и с великою радостию яко во своих руках имеют его начаша его бити по ланитам и пхаху и плеваху аки в простое лице и в пречистые его очеса и во святяя уста...»

Несомненно, дед писателя имел творческие наклонности и, скорее всего, действительно, не ограничивался механической перепиской памятника. О его склонности к живописанию свидетельствуют заключительные строки, содержащие выразительную метафору: «Во славу святяи единосущныи и неразделимые Троицы Отца и Сына и Святаго

Духа написежесея сия богодохновенная книга страсти Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа Лета от сотворения мира 7236 году от воплощения же Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа 1728 году сентября 14 дня солдатского сына Ивана Иванова Большаго Гончарова и писана в городе Синбирску от оного Ивана Гончарова много грешнаго ево рукою яко серна от тенет избавися и тако и аз от сего труда. Аминь»¹⁵.

«Многогрешному» Ивану в ту пору едва исполнилось восемнадцать лет. Как только он закончил обрабатывать «Страсти Христовы», он начинает списывать в «Летописец» повесть под названием «Повесть о крестном сыне». Повесть представляет собою апокриф, рассказывающий о том, как один бедный человек не мог найти крестного отца для родившегося сына: все гнушались бедностью этого человека. Однако, видя такую несправедливость, Сам Господь вызвался стать крестным отцом мальчика. Этот апокриф был широко известен, он зафиксирован и в собрании В.И. Даля. Дед писателя поясняет в конце, зачем он переписал эту повесть: «...Сие же написано бысть слышащим пользы ради»¹⁶. Читая указанные апокрифы, переложенные дедом писателя, удивляешься как религиозности совсем ещё юного Ивана Ивановича Гончарова, так и его литературному дару.

После опубликования «Летописца» можно не сомневаться, что писательский дар в семье Гончаровых был наследственным.

В «Летописце» фиксировались все важнейшие семейные и иные события, есть запись 1742 года Ивана Ивановича Гончарова о самом себе: «Пожалован я из полковых писарей в аудиторы 1738 года июня 28 дня, а из аудиторов в порутчики и 1742 году марта 18 дня и порутчицкой патент дан от Военной коллегии»¹⁷. В этой замечательной рукописной книге отмечено, в частности, и то, что Васса Степановна, вероятно, жена Ивана Ивановича, бабка романиста, «1759 году декабря 4-го числа... преставилась от сего света отыде в вечное блаженство погребена в Синбирску у Троицы в Николаев день»¹⁸, то есть 6 декабря. Тут же встречаются и другие по характеру записи, вроде: «1764-го года августа против 15-го числа то есть Успения Пресвятыя Богородицы всю ночь был гром велий беспрестанно и молния была беспрестанно»¹⁹.

Гончаров никогда не упоминал о «Летописце». В своих автобиографиях упоминает он о чтении Державина, Радклиф, различных путешествий и многого, многого другого... Может быть, романист умалчивал об этой семейной реликвии по причине ему скрытности...

Снова возвращаясь к разгадке «культурного кода» рода

Гончаровых, отметим, что начиная с Ивана Ивановича обнаруживается то упорное, хотя и не бьющее в глаза, стремление Гончаровых «выйти в люди», которое победно, но уже и рефлекторно, с определёнными сомнениями и переживаниями, свойственными крупной личности, завершится в судьбе внука-писателя, преподававшего «грамоту» Наследнику царского престола и дарившего собрание своих сочинений самому русскому Императору! Ведь уже сын Ивана Ивановича, Александр, был не просто известным жителем Симбирска, но городским головой! Если прадед писателя — Иван Лаврентьевич — был простым солдатом, дед — капитаном и комендантом крепости, то сам Иван Александрович дослужился до чина тайного советника, то есть генерала гражданской службы! Эта явно выраженная воля заглянуть на следующую ступень социальной лестницы была характернейшим образом завершена в судьбе Ивана Александровича, и в этом стремлении окружающими было замечено как обычное здоровое начало, так и не очень приятные человеческие качества, подмеченные окружающими великого писателя современниками.

Помимо всего отмеченного, сделаем ещё один вывод: мы мало знаем об отце писателя, но, вероятно, даже если бы и знали больше, могли бы утверждать, что Гончаров унаследовал прежде

всего дедовские черты: невероятное упорство в труде, свойственное ему как на службе, так и в литературной работе, а также писательский талант, столь ясно проявившийся уже у деда. Говоря простым языком, Гончаров пошёл в своего деда Ивана, хотя нигде не упоминает об этом и вообще не пытается выяснять подобные вопросы.

Всю свою сознательную жизнь Гончаров прожил в Петербурге, но его личность и творчество вырастают из глубокой русской провинции, прежде всего из Симбирска. Но не будь Оренбуржья, не будь стремительного взлёта судьбы его необычного деда, может быть, и не было бы у нас и мирового классика — Ивана Александровича Гончарова... Низкий поклон Оренбургу.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. См.: Алексеева Ю. А. Из истории родословной И. А. Гончарова // И. А. Гончаров: Материалы юбилейной гончаровской конференции 1987 года. Ульяновск, 1992. С. 143–151.

2. Петербургская газета. 1891. 17 сентября, № 255.

3. В. А. Кузнецов Новая Закамская линия и образование ландмилиции // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Самара, 2009. Т. 11, № 2. С. 37.

4. Там же.

5. «В 1648—1654 годы была построена Симбирская засечная черта, которая примыкала к Белгородской черте. Закамская засечная черта как логическое продолжение Симбирской была проведена в 1652—1656 годах. Её основное предназначение заключалось в охране Закамья от нападений ногайцев, калмыков, башкир. В 1651 году правительством были посланы специалисты для выработки плана новой укрепленной линии... В 1731 году для организации строительства укреплений на новой линии был послан тайный советник Ф. В. Наумов. Указом Правительствующего сената ему поручили избрать наиболее выгодные для расположения линии места, чтобы тем прикрыть большее число поселённых мест от набегов кочевников. В 1732 году последовал Высочайший указ Сенату, в котором определялось расположение линии. Общая протяжённость её по плану составляла около 320 вёрст. Она начиналась от крепости Алексеевской (30 км. восточнее кр. Самары) и шла на С-З по рекам Сок и Кондурча и выходила к Каме в районе Мензелинска... В 1733 году для строительства линии были истребованы с губернии 15000 чел. для работы в 2 смены. Первая смена работала с 1 мая до 15 июля, вторая — до 1 октября... Для охраны строителей на линии туда были направлены 3 армейских драгунских полка. В линию укреплений вошли крепости Алексеевская, Красноярская, редут Хороший, фельдшанец Чернорецкий, ред. Орлянский, кр. Сергиевская, ред. Казанский, Суружский, Кандереимский, Тарханский, кр. Черемшанская, Шешминская

и фельдшанец Кичуевский» (В. А. Кузнецов. Новая Закамская линия и образование ландмилиции // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Самара, 2009. Т. 11, № 2. С. 35–37).

6. Сергиевский полк был сформирован 18 марта 1732 года как 3-й Сверхкомплектный конный полк Украинской ландмилиции. 7 мая 1733 года переименован в Сергиевский ландмилицкий конный полк Закамской ландмилиции. К 1766 году расквартирован в Озёрской. 16 января 1769 года переименован в Сергиевский драгунский полк. 31 августа 1771 года расформирован и обращён на составление лёгких полевых команд. Сергиевский конный и Алексеевский пеший должны были быть составлены «из прежних служб служилых людей, положенных в подушный оклад» (Смирнов Ю. Н. Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30–40-е гг. XVIII века. Самара, 1997. С. 18.).

7. В. А. Кузнецов. Указ соч. С. 37.

8. В. А. Кузнецов. Указ соч. С. 37.

9. Там же.

10. Там же. С. 38.

11. Урдасымская крепость (Уртазымская) — укреплённое поселение Кизильской дистанции. Названа она по названию текущей рядом с нею реки Уртазым и составляла одну из опор Верхнеяицкой оборонительной линии. Крепость была основана в 1743 г. на правом берегу Яика, в 65 верстах к югу от Кизильской крепости. Известно, что в то время, когда там находился дед Гончарова, в Уртазыме строилась церковь во имя трёх святителей: Василия Великого,

Георгия Богослова и Иоанна Златоуста. Её заложили в 1747 году, а достроена она была лишь через 82 года — в 1829 году. «Крепость Уртазымская представляла собой земляное укрепление, обнесённое рвом и валом, с пушками по углам. Крепость была основана солдатами двух драгунских и пяти пехотных рот на башкирской земле. Башкирцы не давали крепости жить мирной жизнью, они налетали, жгли, грабили. Не могли смириться с тем, что земли, которые они считали исконно своими, больше им не принадлежат» (www.geocaching.su).

В 1773 году в гарнизоне крепости, возглавляемом капитаном В. Щукиным, служило 74 солдата и офицера, здесь же проживало 15 отставных солдат; на бастионах стояли четыре пушки. С декабря 1773-го до начала мая 1774 года гарнизон с трудом отбивал нападения пугачёвских отрядов. 10 мая генерал-майор С.К. Станиславский, направлявшийся из Орской в Верхояицкую, забрал в свою команду большую его часть во главе с комендантом, оставив тут лишь больных и отставных солдат. 22 мая башкирский повстанческий отряд напал на Уртазымскую, разрушил и сжёг её строения, перебил находившихся там солдат. Любопытно, что Уртазымская крепость упоминается в архивных заготовках А. С. Пушкина к «Истории Пугачёва» (См.: Овчинников Р. В., Большаков Л. Н. http://www.orenburg.ru/culture/encyclop/tom2/tom2_fr.html; www.hrono.ru. Уртазымская крепость).

12. Таналькская крепость (Танальцкая) — укреплённое поселение Орской дистанции.

Основание крепости относится к 1743 году. Возникла она на правом берегу Яика, в 70 верстах к северу от Орской крепости. В 1773 году в гарнизоне её, возглавляемом подполковником А. Рассом, находились 85 солдат и офицеров, а также 32 казака; в артиллерийском парке было четыре пушки.

С начала декабря 1773-го по конец февраля 1774 года крепость неоднократно подвергалась нападениям со стороны пугачёвских отрядов. В конце концов А. Расс увёл гарнизон в более надёжную Орскую крепость. Весной 1774 года Таналькская была разрушена и сожжена. Крепость также упоминается в архивных заготовках Пушкина к «Истории Пугачёва» (См.: Семёнов, В. Г., Семёнова, В. П. Танальк: крепость, станица, село.

Оренбург: Оренбургское книжное издательство имени Г. П. Донковцева, 2015. 560 с. Имя И. И. Гончарова как деда великого писателя упоминается в книге на стр. 6.

13. Летописец семьи Гончаровых. Ульяновск, 1996.

14. И.А. Гончаров и К.К. Романов. Неизданная переписка. К.Р. Стихотворения. Драма. Псков. 1993. С. 52.

15. Летописец. С. 339.

16. В приложении к биографии мы помещаем свой перевод данной повести, в её «гончаровском» варианте, взятом из семейного «Летописца».

17. Летописец семьи Гончаровых. Ульяновск, 1996. С. 285.

18. Там же. С. 286.

19. Там же.

ГЕННАДИЙ СОКОЛОВ: «Я ЛЮБИЛ ПЕТЬ В ЛЕСУ...»

*Беседа с главным редактором журнала
«Гостиный Дворь» Натальей Кожевниковой*

Его голос — мощный, яркий баритон — знают, без преувеличения, в любом городе и районе Оренбуржья. Как педагог, он вырастил уже немало великоленных певцов, ныне солистов престижных российских театров, не стесняющихся, кстати, своего провинциального учителя. Любитель живописи, он собрал довольно оригинальную коллекцию картин оренбургских художников. Из напитков, к удивлению людей, с ним незнакомых, предпочитает одну минеральную воду, носит огромные фуражки, какие особенно любят на Кавказе, и, как ни странно, они ему идут.

Итак, сегодня моим собеседником будет Геннадий Валентинович Соколов — заведующий кафедрой сольного пения Оренбургского государственного института искусств им. Л. и М. Ростроповичей, профессор, заслуженный работник культуры Российской Федерации, лауреат премии «Оренбургская лира».

А для меня просто Геньч, ибо мы с ним бывшие одноклассники, начинавшие когда-то свой жизненный путь в бузулукской школе № 6 имени А. С. Пушкина.

— Геннадий, это правда, что однажды ты какую-то свою премию раздал коллегам?

— Ты бы тоже так поступила. Представь, в училище (тогда института ещё не было) несколько месяцев задерживают зарплату, все сидят на нуле, а мне дают премию администрации Оренбургской области как лучшему педагогу года — 1 миллион (по-старому — Н.К.) рублей. По-немногу, но всем досталось.

— Слушай, а почему ты в школе казался старше нас, своих одноклассников? Неулыбчивый такой, к нам, девочкам, без всякого внимания, по крайней мере, меня за косу, в отличие от других, ты не дёргал?

— Просто мало кто знал, что мне тогда тяжело жилось. Отец умер, когда мне исполнилось 11 лет, мать одна тянула нас с младшей сестрой. В восьмом классе я разгружал вагоны, нанимался пасти скот, вместе с другими пастухами перегонял огромные гурты из районов на мясокомбинаты. Помню, однажды в Первомайском районе попали мы в ураган. Налетел смерч, потом пошёл дождь с градинами размером с куриное яйцо. Кругом открывая

степь, что делать? Я взял и на голову надел ведро...

Были, конечно, и прекрасные ночёвки на природе, возле рек, озёр. Я любил петь в лесу. Только там и можно проверить мощь своего голоса. Поёшь, а кругом тоже всё поёт — деревья, облака... В общем, и божество, и вдохновенье! И в зимнем лесу пел и, как ни удивительно, ни разу не простудился.

— **А мне помнится, ты в школе больше спортом занимался...**

— Да. Отец-то мой был директором стадиона «Локомотив» в Бузулуке, я вырос среди спортсменов. Ещё в школе стал чемпионом области по лыжам. Мне тогда подарили лыжные палки настоящие — тростниковые. Вот радость-то была! Лыжные тренировки мне запомнились ещё и тем, что однажды я чуть было не отморозил уши. Бежал домой и держался за них руками, думал, отвалятся.

— **А когда ты понял, что у тебя талант, что тебе не лыжня нужна, а сцена?**

— Где-то в классе седьмом впервые исполнил на школьном концерте, а потом и на городском конкурсе популярную в то время песню «Бухенвальдский набат». Получил премию и в качестве подарка мраморную сову — ночник. Она мне тогда ужасно понравилась. В музыкальной школе я, разумеется, не учился. Ведь инструменты тогда имели

немногие. В девятом классе поступил на вечернее отделение музыкальной школы, его тогда только что открыли.

Год прозанимался в классе вокала у Зинаиды Ефимовны Фердман. Она и вселила в меня уверенность, что я должен петь.

Мать дала мне десять (!) рублей, и поехал я в Оренбург поступать в музыкальное училище. Страшно волновался, что не возьмут. Три часа ходил возле забора. Помню, сидят строгие такие Милованова Ольга Константиновна, Линьков Николай Афанасьевич, Черешкова Мария Николаевна — ведущие педагоги-вокалисты, меня трясёт, но петь-то надо! У Марии Николаевны я потом и заканчивал учёбу.

— **А что пел на экзамене?**

— Серенаду «Дон Кихота» Д. Кабалевского. Спел и сразу понял — возьмут! Жил в общежитии, в комнате, где было одиннадцать коек. Все мои сокурсники стали потом певцами или музыкантами очень высокого уровня. Например, Борис Степанов — солистом Большого академического симфонического оркестра СССР Е. Светланова, Пётр Прокопнюк — валторнистом Одесского оперного театра, Маргарита Шинкевич — солисткой Саратовской филармонии.

— **Геннадий, в твоём альбоме немало фотографий, на которых ты изображён с очень известными людьми — тем же М. Ростроповичем и, если не**

ошибаюсь, с Леонидом Сметаниковым, народным артистом СССР?

— Да я же с ним в консерватории и учился. Я после училища попал в армию, служил в Оренбурге, в военном ансамбле песни и пляски, ну и однажды, будучи в отпуске, поехал в Саратов и сдал приёмные экзамены в консерваторию. Попал в класс заслуженного деятеля искусств профессора А.И. Быстрова вместе с Леонидом. Он мне как бы проложил дорогу в совместную творческую деятельность с саратовскими поэтами и писателями. Мы много тогда ездили по области с концертами и выступлениями. На втором курсе уже пел в Саратовском театре оперы и балета имени Н. Чернышевского свою первую сольную партию — Маралеса из оперы Бизе «Кармен».

Думал, что судьба надолго связала меня с Саратовом. Но Оренбург оказался роднее. Окончив консерваторию, я начал преподавать в Оренбургском музыкальном училище. Очень благодарен всем своим концертмейстерам, которые работали со мной: Н.С. Стальной (она особенно много для меня сделала в образовательном плане), Ф.Ю. Пряниковой и сегодняшнему — Е.А. Лавровой.

— В советские времена ты пел на концертах перед участниками всех партийных конференций. Не за это ли тебя потом, при

демократах, называли придворным певцом обкома партии?

— Все нынешние «демократы» сидели тогда в тех же залах. Я бы сказал так: мой голос по силе, плакатному звучанию был тогда востребован для исполнения патриотических, торжественных песен. И разве плохо, что я пел перед залом, где сидела не только партийная чиновничья элита, но и простые труженики — рабочие, колхозники?

— А что это была за история с песней про Малую землю А. Пахмутовой?

— Да, было дело. Дед — так называли, как известно, А.В. Коваленко, первого секретаря обкома партии, попросил срочно её выучить и исполнить перед народом. Тогда только что вышла книга Л. Брежнева «Малая земля». Послали самолёт в Москву за нотами. Утром — ноты, вечером — песня. Выучил и спел. Но психологическое напряжение, конечно, испытал. В.П. Поляничко тогда мне сказал: проси за это что хочешь. А мне и просить было нечего. Квартира однокомнатная была, я знал, что и так скоро получу другую, больше размером. Машину? У меня денег на неё не было. Вот книги — да, где бы ни был — покупал. Теперь в нашей домашней библиотеке около пяти тысяч томов. Это наша гордость.

— Как и картины?

— Да, это особое пристрастие. Я рад, что в своё время заказал

Поздравление от губернатора Оренбургской области Юрия Берга

На юбилейном вечере Геннадия Соколова

Г.В. Соколова поздравляет Герой Социалистического труда, земляк Георгий Александрович Мохунов

Со своим учеником Тимергазиным Рауфом, солистом Большого театра России

портреты матери, жены, дочери, сына. Приобретал пейзажи, натюрморты. Они создают своеобразную ауру нашего дома. А эти тончайшие пуховые паутинки — дело рук моей жены Надежды. Она была самой красивой женщиной в нашем управлении внутренних дел. Надежда, кстати, по званию — майор.

— Приходится подчиняться?

— У нас с ней полное взаимопонимание. Работа у жены была связана с частыми разъездами, так что с детьми заниматься приходилось мне. Некоторые даже думали, что я холостяк. Теперь и сын, и дочь окончили университеты, работают.

— Тем не менее ты вёл большую концертную и просветительскую деятельность. Не помнишь, сколько концертов дал за свою жизнь?

— Наверное, не одну тысячу. Живая музыка очень нужна людям. Сегодня не каждый может купить билет на концерт. А мы с нашим ансамблем старинной и современной музыки «Дивертисмент» (фортепиано, две скрипки, альт, виолончель, флейта) выезжали на гастроли очень часто. В репертуаре — старинные классические романсы русских и зарубежных композиторов. Сейчас постоянно выступаем и в зале нашего института искусств. Вход на эти концерты бесплатный. За границей, между прочим, живая музыка — дорогое удовольствие.

Билет (и не самый дорогой) на оперный спектакль стоит от 400 до 600 долларов. Я также куратор городского Центра детского и юношеского творчества, помогаю открывать молодые таланты.

Кроме того, более десяти лет я работаю в качестве певца-иллюстратора в Бузулукском музыкальном училище, езжу туда на государственные экзамены. Стараюсь не забывать земляков. Кстати, в Оренбурге сегодня живёт много бузулукчан, занимающих довольно ответственные должности. Хорошо, если бы каждый из них внёс свою лепту в развитие своего родного города.

— Каждый педагог гордится своими учениками. Тебе приятно назвать их имена?

— Ещё бы. Это Лариса Паладьева — солистка ансамбля песни и пляски Московского военного округа, ныне гастролирующая в Англии, Италии, Франции... Алексей Дюгаев, ставший солистом Пермского оперного театра, лауреатом конкурса «Золотая маска» (к сожалению, сегодня он сменил специальность), Владимир Горохов и Владимир Болотин — солисты московского театра «Геликон-опера», участники международных конкурсов и фестивалей оперного искусства в Милане, Париже и Мадриде, Ольга Зозулина и Елена Латышева — эстрадные исполнительницы, лауреаты всероссийских и международных конкурсов, и многие другие.

— Геннадий, какой из музыкальных коллективов нашего города надо бы поддержать сегодня властям?

— Я думаю, обязательно — просветительские коллективы областной филармонии: Оренбургский народный хор, камерный симфонический оркестр, лекторские группы, ансамбль «Дивертисмент», муниципальный духовой оркестр. Последний, я знаю, очень нравится нашему старшему поколению, любящему песни и марши военных лет. Для них это и радость, и боль, и лучшее лекарство. Без этого оркестра немислим ни один городской праздник...

— Геннадий, хочу поздравить тебя с 50-летием твоей творческой деятельности и 70-летием со дня рождения. Спасибо большое, что ты не забываешь и наше Бузулукское землячество, и журнал «Гостиный Дворь»,

твои выступления на встречах земляков, презентациях журнала всегда с восторгом воспринимаются их участниками. Желаю тебе творческих сил, вдохновения, благодарных учеников и слушателей!

— Спасибо, землячка!

СПРАВКА: Г. В. Соколов — «Заслуженный работник культуры Российской Федерации», награждён грамотой Министерства культуры РСФСР «За многолетнюю плодотворную работу в подготовке кадров для учреждений искусства», дважды — Почётной грамотой администрации Оренбургской области, Благодарностью и Почётной грамотой Законодательного собрания Оренбургской области, лауреат губернаторской премии «Оренбургская лира», член Петровской академии наук и искусств, Российской академии голоса (Москва), внесён в Оренбургскую биографическую энциклопедию и в энциклопедию «Лучшие люди России».

Сергей МИРОНОВ

ДАЛЁКОЕ – БЛИЗКОЕ

Сергей Фёдорович Миронов родился в 1946 году в Оренбурге. Окончил железнодорожный техникум, Оренбургский политехнический институт. Работал на железнодорожном транспорте, на предприятиях «Оренбурггазпрома», в институте Волго-УралНИИГаз». Публиковался в областных газетах, с 2000 года в профессиональной журналистике. Редактировал газеты «Русский путь», «Братство» и др. Член Союза журналистов России.

Так уж сложилось, что почти вся моя жизнь так или иначе была связана с газетой «Южный Урал». Первые мои фотографии, когда я едва ещё научился ходить, сделал фотокорреспондент газеты Игорь Иванович Баранов, первая официальная, вне дома, новогодняя ёлка с Дедом Морозом и Снегурочкой прошла в редакции «Чкаловской коммуны» (с 1938 по 1957 год наш город и область носили имя легендарного лётчика, соответственно менялось и название газеты), мои первые, небольшие заметки были опубликованы в «Южном Урале» в далёком уже 1967-м и в том же году мне посчастливилось побывать на вечере, посвящённом полувековому юбилею газеты, и оставил он неизгладимые впечатления.

Начиная с середины 90-х годов минувшего столетия, я стал активно писать в «Южный Урал», получил удостоверение внештатного корреспондента, познакомился почти со всеми журналистами газеты, но многих

знал и ранее, потому что дружил с «племяшами», как любовно называли журналистов газеты «Комсомольское племя», многие из которых переходили потом на работу в «Южный Урал».

Но ещё в 50–60-е годы к нам часто приходили в гости журналисты, писатели и говорили, как и принято на Руси, о работе, о литературе, и вольно или невольно я слышал и слушал их разговоры. Сохранились в памяти и воспоминания отца о работе в газетах ещё в довоенное время и если я сейчас об этом ещё раз не вспомню и не расскажу, то, наверное, никто уж и не расскажет.

1

В середине 30-х годов прошлого века направили на работу в «Южный Урал» четырёх журналистов из Москвы, из газеты «Комсомольская правда». Талантливые были ребята и умели из любой «серенькой» статьи сделать интересный материал, ничего не придумывая и не искажая факты: выделяют, обозначают главное, подработают в художественном плане, поменяют заголовок, — смотришь, вышел актуальный материал, отклики на него поступают... Их признали «врагами народа» и расстреляли.

Такая участь постигала многих. Отец в разгар репрессий работал редактором новоорской газеты «Сталинец». Возможно, это и спасло его от печальной участи: в райцентрах, где все знали друг друга, поиском «вредителей» и

прочих «враждебных элементов» занимались неохотно, хотя на партсобраниях отцу нервы трепали. Но имелся у него если не бронжилет, то защитный жилетик: выходец из бедных крестьян, в 16 лет подался в Ульяновск, работал истопником, жил в ночлежке. Образование — четыре класса церковно-приходской школы. Потом уж, после Великой Отечественной войны, с должности заместителя редактора «Чкаловской коммуны» направили его на учёбу в Высшую партийную школу при ЦК КПСС. А там надо сдавать приёмные экзамены за 10 классов! Что делать? Посоветовали отцу написать письмо Маленкову, что он и сделал. Пришёл ответ с резолюцией, написанной синим карандашом: «Допустить к приёмным испытаниям. Г. Маленков». Экзамены отец вовсе не сдавал, а через три года закончил ВПШ с отличием, получив сразу высшее образование.

И вот что интересно: письмо отца направили в секретариат Маленкова с нарочным, а уже на третий день оно вернулось с резолюцией.

В послевоенные 50-е годы работа журналиста была тяжёлой, изнурительной, о каком-либо нормировании труда и речи не шло. И коллектив был почти полностью мужской, разве что в машбюро и в корректорской слышались женские голоса. Газета выходила ежедневно, кроме понедельника, на четырёх полосах большого формата; транспорт,

связь — как получится, кому как повезёт; разработка макета, вёрстка — сложнейшие технические задачи, требовавшие и немало литературного мастерства, а порой двум журналистам приходилось делать целую полосу — немалая нагрузка по меркам сегодняшнего дня. Работали допоздна, иногда до предрассветных сумерек, впрочем, не только в газетах. Сталин работал по ночам, и вплоть до смерти вождя

в марте 1953 года в партийных, советских органах, на промышленных предприятиях и в редакциях газет до самого утра дежурили ответственные работники: а вдруг вождь позвонит? А ведь мог. Осенью 1942 года, пожалуй, в самые тяжёлые месяцы для нашей страны, Сталин позвонил на Орский нефтеперерабатывающий завод, разговаривал с оператором установки.

Но надо сказать, что была у журналистов и одна привилегия: в буфете они могли купить буханку хлеба.

Вплоть до середины 50-х годов хлеба не хватало, за ним загодя выстраивались очереди, потому как никто не знал, когда

Творческий коллектив «Чкаловской коммуны», март 1947 года. Крайний справа — редактор газеты Григорий Яковлевич Мальванов, рядом с ним — замредактора Виктор Александрович Шурыгин (будущий первый секретарь обкома КПСС), крайний слева — мой отец, Фёдор Ефимович Миронов, зав. сельхозотделом.

на горизонте появится телега с синей будкой, запряжённая лошадкой: в час дня или в четыре. Но очереди, особенно до поступления хлеба, были явлением нежелательным для партийного начальства, и велено было конной милиции за этим строго следить. Один из хлебных магазинчиков располагался тогда в подвальчике дома, что на перекрёстке улиц Правды и Пролетарской, аккурат напротив дома, где сегодня располагается магазин «Цветы». А улица Правды была вымощена булыжником и сорванцы с соседних дворов придумали для себя забаву: прихватив припасённые гольши и спрятавшись за углом на безопасном расстоянии,

начинали стучать гальками по мостовой, имитируя стук лошадиных копыт. Очередь быстро растекалась, расплывалась по дворам и переулкам, чтобы через пару минут, когда обман раскроется, чертыхаясь, опять собраться, выясняя, кто за кем стоял. А через полчаса опять: цок-цок, цок-цок! – галькой по булыжнику.

В те же пятидесятые в качестве приложения к «Чкаловской коммуне» выходила газета «Литературный Чкалов». Публиковали в ней отрывки из произведений уже известных писателей – А. Горбачёва, А. Рыбина, стихи и рассказы молодых дарований, рецензии и критические статьи С. Лубэ, юморески и сатирические заметки, басни М. Артищева – на всё чудесным образом

хватало места. Расходилась она влёт, как горячие пирожки в студенческой столовой. По какой причине прекратили её выпуск, не знаю, но в начале века нынешнего я носился с идеей возрождения областной литературной газеты. Разговаривал со многими, но искренний интерес проявил только Николай Фёдорович Корсунов, возглавлявший тогда областное отделение Союза писателей России. Однако ж, когда собрал он близкий круг мастеров пера, то реакция была вялой, словно речь шла о чём-то далёком и непонятном.

Позже Николай Фёдорович сокрушённо разводил руками: «Ну что я могу сделать?» Мне же до сих пор жаль забытой идеи. Денег на это надо – кошкины слёзы, а ведь мы уже потеряли

Новогодняя ёлка в «Чкаловской коммуне», 1951 год. В центре (платье в горошек) – Татьяна, дочь корреспондента газеты «Правда» Виктора Макаровича Мальгина, третий справа (нижний ряд) – автор этой статьи.

статус самой читающей страны мира. Через одно-два десятилетия Интернет затмит всё, а вот многие ли молодые люди могут похвастаться, что прочли «Войну и мир», «Тихий Дон», а не только их краткое содержание?

Через Интернет сейчас вербуют в ИГИЛ, предлагают подросткам совершать суицид, и всеобщая глобальная интернетовщина ещё покажет всему человечеству «кузькину мать».

Однако ж пора рассказать о том, как отмечали полувековой юбилей самой главной на то время областной газеты.

Да и не только об этом.

2

Юбилей газеты отмечали в ДК имени Дзержинского, куда пригласили и представителей других творческих профессий. Торжественная часть длилась недолго, и я её вовсе не запомнил, а вот в небольшом зале для банкета всех ожидал сюрприз: в те годы в «Южном Урале» работали художники, и на стенах были развешаны дружеские шаржи на сотрудников газеты, включая и технический персонал. Шаржи были выполнены в цвете, на больших листах ватмана и сделаны с любовью и тёплым юмором, ни в коей мере не обидным. Готовили их, конечно, загодя и под большим секретом, а в мастерски созданных рисунках, как и в хороших литературных произведениях, есть душа, они

источают музыку, и шаржи рассматривали, читали, обсуждали и... улыбались.

Наверное, именно работа художников «Южного Урала» и создала непередаваемо тёплую атмосферу праздника и оставила неизгладимые впечатления.

В банкетном зале стояли столики на четверых, на каждом по бутылке вина и водки, неплохие по тому времени закуски, официантки вмиг разнесли горячие блюда.

Позже в одном из помещений стали крутить короткометражные документальные фильмы, рядом под ненавязчиво тихую музыку скучали немногочисленные танцующие пары; работал и буфет, где желающие, уже за плату, могли «усугубить», и буфетчице под конец вечера присесть было некогда. Впрочем, здесь вполне уместно вспомнить слова Чехова: «Я был также изумлён, как если бы вдруг встретил непьющего репортёра».

Отца на вечер пригласили (в то время он работал начальником обллита), он захватил меня с собой, а за один столик отцу предложил сесть редактор газеты Пётр Миронович Рыбаков. Рядом расположился его заместитель Григорий Кузьмич Стаценко, ну а куда ж меня-то было девать? Удосужилось и мне сидеть рядом с ними.

Обстановка в зале царил непринуждённая, журналисты

подходили к другим столикам, чтобы ещё раз поздравить собратьев по перу с праздником, но осталось в памяти чувство щемящей жалости к талантливому поэту фронтовику А. А. Возняку. Что-то, видимо, произошло накануне, может, Александра Александровича попросили написать заявление об увольнении, того не знаю, но говорил он редактору: «Нет, нет, Пётр Миронович, я не обижаюсь, я всё понимаю». Был он невесел, какая-то душевная боль исходила от него, которую он, видимо, и пытался заглушить известным русским способом.

Но Пётр Миронович Рыбаков был прекрасным человеком, журналистов в обиду не давал, и быть того не могло, чтобы он не позаботился о дальнейшей судьбе поэта.

А газета в те годы была очень востребована, доходила до самых отдалённых деревень и посёлков, для тысяч семей она являлась единственным средством связи с «большой землёй», и в «Южный Урал» люди обращались часто, порой, как в последнюю инстанцию, где можно найти защиту и добиться справедливости, и негоже было, если б встречал посетителей журналист весьма помятого вида или, тем паче, с запашком.

И письма в редакцию приносили мешками. В разные годы в «Южном Урале» были постоянные рубрики: «Вести с почтовым штемпелем», «Короткой

строкой», «Письма читателей», «Письмо позвало в дорогу» и др. По количеству писем и их содержанию вполне можно было судить о положении дел в районе, посёлке, даже в отдельно взятом хозяйстве.

Здесь надобно отметить, что в «Южном Урале» работали многие оренбургские писатели. На страницах газеты блистали Сергей Бурдыгин и скромный, неутомимый труженик Александр Филиппов, не всегда «в кон» (то о бузине, что вымахала в огороде, то о дядьке, который вдруг объявился в Киеве), но всегда небезынтересно писал Владимир Одноралов; читатели и сейчас, наверное, помнят проникновенные, наполненные тревогой, статьи Надежды Емельяновой о культуре и видных её деятелях. Два года подряд бывший секретарь Оренбургского отделения Союза журналистов России Валентина Ивановна Овсейко просила меня дать оценку творчеству журналистов районных, городских и областных газет, писавших об экологии, и оба раза нельзя было не признать приоритет поэтессы Натальи Кожевниковой, которая со страниц «Южного Урала» отчаянно боролась за сохранность Бузулукского бора.

Сегодня в газете плодотворно трудится политический обозреватель, мастер журналистских расследований Владимир Напольнов.

3

В начале 90-х всё изменилось в нашей стране. В очередной раз, изумив весь мир, мы стремительно ворвались в «цивилизованный рынок». Закрывались сотни предприятий, миллионы людей остались без средств к существованию, зарплату не выдавали месяцами. Образовался знаменитый «русский крест», когда смертность — резко вверх, рождаемость — камнем вниз. Молодёжь в основном осталась не у дел, люди старшего поколения оказались чудовищно обманутыми в своих надеждах и ожиданиях. В то же время за рубеж пошли тысячи эшелонов с ценными грузами, сказочно обогатились сырьевые отрасли; в одночасье возникали баснословные состояния, которые с пытками и убийствами стремились изъять быстро народившиеся преступные группировки.

Тяжёлые времена наступили и для «Южного Урала». Цензуры, правда, никакой, но журналистов, особенно в мегаполисах, могли

убить, покалечить. Сыпались упрёки и угрозы и в адрес «Южного Урала». Нам всё же хватило национальных богатств, духовных и физических сил, чтобы выстоять и выжить. В очередной раз.

В те годы я и начал писать. Ночь без сна, несчётное количество чашек кофе, пачка выкуранных сигарет, — к рассвету черновик статьи готов. Но в профессиональную журналистику я ушёл только в самом начале нынешнего века. Через три месяца начал издавать газету «Русский путь», ещё через три стал главным редактором небольшой областной газеты. Но дальнейшая журналистская судьба у меня сложилась неважно, если не чёрной полосой, то тёмно-серой.

В том есть доля и моей вины, но и в полной мере я почувствовал, что значит получать удары от людей, которым верил больше, чем самому себе.

Впрочем, это уже совсем другая история, другие герои и другие действующие лица.

И Бог нам всем судья.

Лариса СТРЕЛЬЦОВА

ДОСТУЧАТЬСЯ ДО ЧИТАТЕЛЯ

Лариса Анатольевна Стрельцова родилась в деревне Нестеровке Саратовской области. В Оренбурге переехала с родителями, окончила историко-филологический факультет Оренбургского государственного педагогического института. Работала корректором, корреспондентом, редактором отдела писем областной газеты «Южный Урал». Стихи пишет со школьных лет, публиковалась в областных газетах, коллективном сборнике «И с песней молодость вернётся». Автор двух сборников стихов «Монолог» и «Ностальгия». Живёт в Оренбурге.

В начале 80-х годов теперь уже прошлого века, когда я поступила на работу в редакцию, её возглавлял Пётр Миронович Рыбаков. До сих пор отчётливо помню его внушительную фигуру, голубые глаза, густые широкие брови. До этого я видела среди руководителей учреждений людей строгих, деловых, категоричных, к которым не всегда просто подойти, а Рыбаков был простым в общении, доступным, никогда не повышал голоса на сослуживцев. Он имел особый дар общения. Внимательно, не перебивая, выслушивал, не забывал просьб. В его отношении к людям было что-то домашнее, доброжелательное. Любил пошутить, а то и разыграть человека.

Я не подозревала тогда, что здесь, в стенах «Южного Урала», начнётся главное в моей жизни, откроется самая важная страница биографии. Пришла машинисткой, позже стала корректором,

внештатным корреспондентом и наконец влилась в ряды журналистов «Южного Урала»!

Владимир Иванович Никитин, впоследствии сменивший Рыбакова на посту главного редактора, в начале 80-х руководил отделом промышленности. В стенах редакции проходил стажировку Александр Гамов, ныне известный московский публицист.

Коллектив корректоров, в котором я работала много лет, это А.З. Савчук, Ф.Н. Кусикова, О.В. Царёва, Н.В. Першина, М.В. Казеева, М.Г. Лаптева. Специфика корректорского труда — не только знать правила орфографии и пунктуации, но и видеть ошибку в тексте. Смена длилась по 10-12 часов, ждали с телетайпа из Москвы разрешения на публикацию. Заходил иногда в корректорскую и Пётр Миронович, интересовался не только тем, как идёт работа, но и нашими личными проблемами. Помню, в день смерти Л.И. Брежнева мы оставались на местах до утра — до прихода другой смены.

Общаясь подолгу, мы жили очень дружно. Фёдор Петрович Подольских, в те годы ответственный секретарь редакции, любил лыжные прогулки по Зауральной роще. Профком организовывал такие вылазки и для всех желающих. Во главе с его председателем М.И. Зубковым мы, человек двенадцать, выезжали на служебном автобусе в Черноречье: пологие холмы очень располагали к катанию. Перед возвращением домой

останавливались в удобном месте, разводили костёр, жарили шашлыки, грелись горячим чаем.

Подольских, заядлый меломан, большой любитель классической музыки, коллекционировал пластинки, следил за репертуаром оренбургских театров и не пропускал ни одной премьеры. А уж когда в Оренбурге гастролировали театры из других городов, посещал каждый спектакль. Помню, в Оренбург приехал Бурятский оперный театр. Многие из нас побывали тогда на спектаклях в здании театра музыкальной комедии. Какой великолепный певческий состав, какие декорации! Осенью в Зауральной роще проходили традиционные соревнования среди сотрудников — кросс. Прекрасная тёплая погода. Деревья, ещё зелёные, но уже начинающие увядать. И мы — молодые, воплощение оптимизма и безудержного веселья. Этого не забудешь.

Главным моим учителем на стезе журналистики был Ф.П. Подольских — известный в области публицист, сотрудничавший с московскими изданиями «Экономическая газета» и «Советская Россия». Заметив у меня способности, предложил написать зарисовку сначала об участковом терапевте, затем — о рабочем Оренбургской мебельной фабрики. Потом я получила задание от самого П.М. Рыбакова сделать материал о машинисте Оренбургского локомотивного депо А.И. Анифатёве, главвраче

областной больницы В.И. Войнове. С Анифатьевым я поехала в Кувандык, сидя рядом с ним на месте помощника машиниста. За 12 часов общения исписала два блокнота, диктофона у меня ещё не было. Получился большой очерк, одобренный на редакционной летучке. Ощувив себя в роли журналиста, я словно открывала для себя не знакомый до сего времени мир, жизнь, бурлящую за стенами редакции. Не только я, но и многие, кому Фёдор Петрович дал путёвку в будущую профессию, вспоминают его с признательностью. Подольских учил меня правильно ставить задачу, выделять главное и тщательно работать над текстом.

Вторым учителем для меня стал Анатолий Борисович Кривенко — опытный журналист, заместитель главного редактора. С ним я постоянно советовалась, получая очередное задание. Это было, когда меня перевели на должность спецкора газеты. В это время П.М. Рыбакова уже давно сменил В.И. Никитин. Потом я стала редактором отдела писем.

Журналисты — люди особого склада, творческие, инициативные, энергичные. Идя на редакционное задание, они находят всё новых героев для очередной публикации. Зачастую герои и сами приходят к ним со своими предложениями. Никогда не забуду встречу с Иваном Борисовичем

1991 год. Наша корректорская смена (слева направо): Марина Цыганкова, Альбина Зотиковна Савчук, Марина Казеева и автор этих воспоминаний.

Кузьменковым. Великолепный фотограф, создавший летопись Оренбургского машзавода. Его руками сделаны Аллея Славы предприятия и заводской музей с огромной панорамой одного из цехов. Бывший фронтовик, радист, он был прекрасным рассказчиком с замечательным умением видеть и помнить детали. Часто писал заметки в нашу газету, много лет был её подписчиком. Чувствуя в нём творческие способности, я предложила ему делиться воспоминаниями о фронтовом прошлом, и на страницах «Южного Урала» один за другим стали выходить рассказы, автором которых он был, — живые, полные доброго юмора. Он, как второй Тёркин, никогда не унывал и воспринимал жизнь оптимистично и радостно. Писал он и о сегодняшнем времени, таком сложном и противоречивом. Это был его взгляд — человека, прошедшего столько испытаний, сдержанного, но очень искреннего и прямого.

В результате его воспоминания вылились в книгу. Приятно чувствовать, что во всём этом есть и доля моего труда, я помогла ему как умела, хотя сама имела невеликий журналистский опыт.

Журналисты, которые были рядом, — Васса Якушева, Наталья Кожевникова, Сергей Бурдыгин, Валентина Соколова, Елена Виноградова. У каждого было чему поучиться, я благодарна им. Наша работа не позволяет расслабляться и заставляет находиться в постоянной «боевой готовности». Сегодня — репортаж на заданную тему, который надо представить срочно, завтра — брифинг в администрации или встреча с читателем, приехавшим из района.

Самое дорогое — ответ на твою публикацию: значит, задела за живое и не зря вложено всё твоё умение и желание достучаться до читателя. Всё бывало, как в нашей полной событиями жизни. Главное — чтобы не было равнодушия.

Юрий МЕЩАНИНОВ

КАК ЗАКРЫВАЛИ «ЮЖНЫЙ УРАЛ»

Юрий Николаевич Мецанинов родился в 1963 году в селе Елишанка Первая Бузулукского района. Окончил Оренбургский государственный педагогический институт. Работал учителем, директором средней школы, журналистом, заместителем главного редактора областной газеты «Южный Урал». Публиковался в областных газетах, коллективных сборниках, альманахе «Гостиный Двор», автор книги «Случайная жизнь». Член Союза писателей России. Лауреат региональной литературной премии им. П.И. Рычкова (2009). Работает заместителем главного редактора областной газеты «Оренбуржье».

В вековой истории «Южно-го Урала» одной из ярких вех стал август 1991 года. Попытка закрыть издание по политическим мотивам — явление знаковое. Благодаря сплочённости коллектива газеты и поддержке читателей «демократическая» затея провалилась. Но неудавшийся государственный переворот августа 1991-го дал начало цепи событий, приведших к коренным изменениям жизни всей страны и в том числе — в средствах массовой информации.

Заложники свободы

События августа 1991-го развивались стремительно. Мы понимали, что газета может лишиться единственного учредителя и прекратить выход. Главный редактор Владимир Иванович Никитин после обсуждения ситуации в редакции пошёл в обком партии и, к нашему удивлению, там практически сразу согласились

вести в состав учредителей трудовой коллектив. Всё это было должным образом оформлено, поэтому, когда вскоре обком прикрыли, «Южный Урал» стал выходить под учредительством самой редакции.

Но началась охота на ведьм. Формировались разные группы «чистых демократов». Я их так называю, потому что, думаю, действовали они из благих побуждений, хотели принести пользу стране и сбросить с общества партярмо. Правда, уже в первые дни стало ясно, что практически все объявившиеся демократы сами действуют методами большевиков. Участвовали в процессе переустройства и некоторые журналисты. Они постоянно общались по областному радио о каких-то политических событиях. Замечали, что из трубы Дома Советов идёт дым, — сигнализировали: коммуняки сжигают компромат, надо срочно разобраться. И «чистые демократы» бежали разбираться. А на многочисленных митингах зазвучали призывы прикрыть бывшую партийную газету.

Выход прекращён

Вскоре мы ощутили на себе все «прелести» переустройства. Облсполком не хотел делать перерегистрацию «Южного Урала», и мы практически не имели права выходить. А однажды в редакции распространился слух, что пришли с нами разбираться.

Я в то время работал ответственным секретарём. Узнав о случившемся, сразу поднялся на пятый этаж Дома печати, где размещался кабинет главного редактора. Пришедшие требовали ни много ни мало — прекратить выход газеты. Называть я их не буду, так как многие фамилии ничего ныне не скажут, никто из «чистых демократов» не заслужил ни портфелей, ни положения. Было их четверо — трое гражданских и милиционер. Они ссылались на распоряжение тогдашнего председателя горисполкома Геннадия Донковцева. Якобы тот настоял на закрытии газеты и освобождении помещения.

Логика была проста: раз нет обкома партии, не должно быть и его печатного органа.

Довод, что коллектив редакции является соучредителем газеты, не воспринимался. Настрой у «гостей» был чисто большевистский: мы пришли вас закрывать. А на вопрос, кого эта группа представляет, ответ был не совсем ясный — инициативная группа. И тон у граждан был соответствующий. Чего не имелось, так это кожаных курток. Переговоры, вернее, пререкания, длились несколько часов, пока Владимир Иванович Никитин не дозволился до Донковцева. Хотя какое председатель горисполкома имел право закрывать издание, было непонятно. Тот рассмеялся и сообщил, что всё это чья-то самодеятельность.

Было уже поздно, однако сотрудники редакции не расходились, прозвучало даже предложение вынести из кабинета главного редактора «гостей» на руках. Но те в итоге сами ретировались.

Подпольный номер

Это была ещё не победа. Мы понимали, что подобным людям ныне открыты все двери. Они могут, к примеру, запросто заявиться ночью и опечатать кабинет. А потом привлечь к ответу за самовольное проникновение в помещение. Стало ясно, что надо кого-то оставлять в приёмной и кабинете главного редактора. Мы с редактором отдела информации Сергеем Бурдыгиным среди мужского состава редакции были самыми молодыми и остались дежурить.

Сергей занял кабинет Никитина, а я сел за стол в приёмной. Как мы должны были оказывать сопротивление, никто из нас не представлял. По крайней мере, если бы пришли опечатывать, мы могли бы говорить о насильном лишении свободы. Ночь прошла тихо, оба честно бодрствовали. Но к утру я не выдержал и не заметил, как прилёг на диван. И сквозь сон вдруг услышал в коридоре шаги. Ну, думаю, враг близко. А сил сопротивляться совсем нет — сон одолевает. Кое-как поднял голову, а Бурдыгин, идя из коридора, смеётся: «Проспал ты врага. Я два раза мимо тебя курить уже выходил».

Сколько было на тот момент у газеты недругов, но друзей оказалось гораздо больше. Все в редакции понимали, что надо

Явившись в кабинет главного редактора Владимира Никитина (в центре, под портретом В.И. Ленина), «чистые демократы» были настроены очень решительно. Заместитель главного редактора Фёдор Подольских (слева) пришёл поддержать руководителя газеты.

как-то рассказать читателю о сложившейся ситуации. Мы же не исполняли своих обязанностей перед подписчиками, а их тогда было более 90 тысяч человек. Стали искать возможности. Все переговоры вели Владимир Иванович Никитин и Евгений Александрович Хмелевский — он тогда перешёл из ответственных секретарей в Союз журналистов, но по-прежнему болел за редакцию и всячески помогал. Они договорились с обкомом профсоюзов о вёрстке двухстраничного номера «Южного Урала» на компьютере. Это для нас было новинкой. Журналисты быстро сделали колкие заметки. На первую полосу поставили материал редактора отдела сельского хозяйства Юрия Сердюкова «Печать за семью печатями». Заголовок говорил сам за себя, мы попытались уличить инициативную группу в произволе, а работников облизполкома и депутатов областного совета в ошибке — газета не может быть закрыта, пока у неё есть учредитель.

После вёрстки газеты в обкоме профсоюзов (думаю, теперь эти секреты не нанесут никому вреда) странички были переданы для печати в... аппарат облизполкома. Там на ксероксе нам подпольно отпечатали около тысячи экземпляров «Южного Урала».

Сейчас всё это, как сказал тогда один из ответственных сотрудников областного совета депутатов, «мальчишество» вспоминается с доброй улыбкой. А тогда мы не знали, чем могла аукнуться

наша самодеятельность. Поэтому всё старались делать в строгой секретности, даже по телефону говорили намёками. В день, когда собиралось заседание депутатов облсовета, я забрал в этом же здании подпольный выпуск и, поскольку мне необходимо было уехать из города, весь тираж оставил на вокзале в камере хранения. Позвонил Бурдыгину, который должен был организовать раскладку этих номеров на кресла депутатов перед заседанием. По телефону без лишних подробностей я назвал лишь номер секции и код камеры хранения.

В этот же день оставшиеся экземпляры мы постарались доставить до читателя. Кто как мог. Например, редактор отдела советского строительства Раиса Ефремовна Фомина отправилась на автовокзал, заходила в автобусы и передавала пассажирам газеты в сёла.

Правда, сотрудники облизполкома, с улыбкой воспринявшие наш подпольный выпуск, объяснили остановку выхода «Южного Урала» лишь необходимостью перерегистрировать издание в связи с потерей одного из учредителей.

А через день-два мы дождалась реакции читателей. Люди присылали телеграммы поддержки, письма с вопросами, как они могут помочь преодолеть произвол, предлагали свои невеликие средства на издание газеты. Один председатель колхоза отправил телеграмму с сообщением, что в знак протеста против остановки «Южного Урала» он прекратил

отгрузку зерна нового урожая государству.

Общими усилиями сопротивление разных инициативных групп удалось сломать. Табу на издание было снято через шесть дней, газету зарегистрировали, и вскоре вышел новый – непартийный номер «Южного Урала».

Власть просила находить хорошее

И в дальнейшем взаимоотношения новой областной власти и газеты складывались не самые дружественные. По многим вопросам, не только политическим, позиции были прямо противоположными. Со страниц газеты потоком шла критика действий местных и федеральных властей. Ситуация, когда незначительная кучка стала быстро обогащаться (Ельцин заявил, что обществу нужны миллионеры), а большинство осталось с пустыми карманами, быстро отрезвила многих. Помню, пожилой активист Докучаев, на митингах громче всех призывавший прикрыть «Южный Урал», пришёл в редакцию с возмущением: «Что же делается, дети работают без зарплаты. Все живём на одну мою пенсию! Разве за это мы боролись?»

Была критика и по конкретным случаям бесхозяйственности местной власти и руководителей разных производств. Правда, областное руководство первоначально её не принимало, называя всё это отрывкой нашего партийного прошлого. Но факты, о

которых говорила редакция (к примеру, что оборудование по переработке молока год простояло под открытым небом и стало непригодным для монтажа), были неопровержимы, и властям приходилось реагировать на критику. В общем, в один из рабочих дней в редакции появился наш товарищ и по совместительству пресс-секретарь губернатора и сообщил: Елагин сказал, чтобы на его столе каждое утро лежал свежий номер «Южного Урала». До этого губернатор принципиально игнорировал газету.

А через какое-то время в редакцию пришёл со своей помощницей председатель областного совета депутатов Валерий Николаевич Григорьев, к тому времени совет уже стал соучредителем газеты. Пришёл, так сказать, побеседовать в неформальной обстановке – с бутылочкой коньяка. Никитин пригласил меня – остальные сотрудники уже разошлись по домам. Разговор был доброжелательным. Но понятно, что сам Григорьев просто так не пришёл бы. Всё прояснилось при расставании – он попросил, чтобы газета находила по области и что-то хорошее: ведь многое всё-таки делается. И обаялся сам написать позитивный материал. Кстати, обязательство своё вскоре выполнил: написал статью об открытии в Первомайском районе спиртоводочного завода.

«Южный Урал» искал позитив, но с этим было очень туго – читательская почта сообщала всё время об иных фактах...

Наталья КОЖЕВНИКОВА

«КАЖДАЯ СТРОКА БИЛА В ЦЕЛЬ...»

Наталья Юрьевна Кожевникова родилась в Бузулуке, окончила Оренбургский государственный педагогический институт, работала главным хранителем фондов Бузулукского краеведческого музея, собственным корреспондентом, заместителем главного редактора газеты «Южный Урал». Ныне – главный редактор журнала «Гостинный Дворь». Член Союза писателей России. Председатель Оренбургской региональной общественной писательской организации. Автор четырёх поэтических книг, публикаций в журналах «Москва», «Наши современники», «Подъём», «Простор», «Дон» и др.; газете «День литературы», альманахе «День поэзии XXI век» (Москва). Лауреат областной Аксаковской премии (1992), премии журнала «Москва» (1993), Всероссийских литературных премий «Катитанская дочка» (1997), «Соколики русской земли» (2011), им. Д.Н.Мамина-Сибиряка (2012), губернаторской премии «Оренбургская лира» (2015), региональной литературной премии им. П.И.Рычкова (2015).

Столетний юбилей газеты, издания в крае известного и уважаемого, — не просто памятная дата, а событие, которое, надеюсь, будет достойно отмечено и областной властью, и журналистским сообществом. Высочайший авторитет «Южного Урала» был создан благодаря активной, во многом самоотверженной работе его сотрудников, их увлечённости профессией, чёткой жизненной позиции. Для многих из них, в том числе и меня, газета стала школой жизни...

Помню первую встречу с главным редактором Владимиром Ивановичем Никитиным. Меня представил и предложил взять в редакцию собственным корреспондентом по Бузулукскому району Юрий Мещанинов, collega по писательскому цеху.

Владимир Иванович тогда сказал, что поэзию придётся временно отставить, надо сделать себе имя в журналистике. А для этого много писать, ездить, встречаться с людьми. Много позже он

признался: «Думал, что вас будут интересовать только проблемы культуры, литературы... Поэтесса, что с неё взять? И радуюсь, что ошибся...»

А мне, наверное, на роду было написано стать журналистом. Любопытство, лёгкость на подъём, стремление быть на острие событий, желание довести правду до читателя, отстаивать справедливость — этими качествами должен, по-моему, обладать каждый «мастер пера».

До сих пор благодарна заместителю главного редактора Анатолию Борисовичу Кривенко, который опекал меня с первого дня, Надежде Емельяновой, редактору отдела культуры, тоже взявшей меня под своё «крыло», и многим другим сотрудникам редакции, ставшим мне со временем добрыми друзьями. С фотокорреспондентом Владимиром Соколовым мы объездили буквально всю область, сделали сотни репортажей. Мы и сейчас работаем вместе, он автор всех обложек литературно-художественного альманаха «Гостиный Двор», а порой и текстовых материалов.

Благодаря газете я познакомилась с известными людьми области из разных сфер экономики, сельского хозяйства, здравоохранения, экологии, науки, культуры. С радостью вспоминаю встречи с легендарным «охотником за языками» Героем Советского Союза писателем Владимиром Карповым, народной артисткой России Тагьяной Петровой, главой Думского комитета по охране

природы Натальей Комаровой, голландским профессором-кардиологом Янсоном и многими другими героями моих очерков, публикаций, интервью.

А ещё «нашими» с Владимиром Соколовым были официальные и несанкционированные свалки (Оренбуржье — один из самых замусоренных регионов), разливы нефти, выбросы газа, браконьеры, кислотные дожди в Медногорске, строительство станции обезжелезивания в Бузулуке, степные и лесные пожары...

Конец 90-х — самое тяжёлое время в истории нашей страны, да и области. Большинство местных газет тогда «присели», уходя от острых проблем, хваля власть и потчuya читателей либо откровенной чернухой, либо перепечаткой страниц «жёлтой» прессы.

А «Южный Урал» социальные вопросы не обходил стороной. Бомжи, больные СПИДом, туберкулёзом, инвалиды, наркотрафик, пьянство, проституция среди молодёжи, взяточники в вузах, возрождающееся казачество — темы публикаций читателей привлекали, немало благодарственных слов слышали в свой адрес журналисты газеты.

Конечно, пишек и синяков получала немало. Иногда бывало и страшновато, особенно когда «герои» разоблачительных статей, например о рейдерском захвате мукомольного завода в Бузулуке, начинали угрожать, а кто-то подавал в суд.

Но за моей спиной всегда стояли товарищи, коллектив газеты,

главный редактор, которые не давали в обиду. Разбирая свой архив, наткнулась на заметку «Размахался языком, думая, что саблей». В ней автор «из казков», не только защитил меня как автора статьи о браконьерстве на одном из водохранилищ, но в ироничном тоне обратился к автору заказной корреспонденции, опубликованной в другой газете, — мол, бузулукские браконьеры начали сбор средств на сооружение вам памятника... Я только много позже узнала, что написал её редактор отдела сельского хозяйства Юрий Сердоков. Он же предложил мне тогда вступить в Союз журналистов...

Особой проблемой, тревожащей меня до сих пор, была и остаётся ситуация с Бузулукским бором. Моей первой публикацией в газете «Южный Урал» была заметка о замечательном учёном, исследователе бора Ярославе Николаевиче Даркшевиче. А уж сколько раз пришлось съездить туда с оренбургскими учёными и экологами — не сосчитать. В конце концов лесному массиву был присвоен статус национального парка. Виталий Куксанов, в то время председатель комитета по природоохранной деятельности администрации области, написал в газете: «Как не отметить острые статьи «главного эколога» «Южного Урала» Натальи Кожевниковой, разоблачающей нередко тех, кто хотел бы поживиться «чёрным золотом» Бузулукского бора? Ей и другим журналистам, также выступавшим в защиту

этого уникального лесного массива, я бы отдал половину успеха в организации там национального парка...» К сожалению, нефтяники не оставляют надежд на добычу в бору нефти.

Горжусь, что наши строчки и запоминающиеся фотографии были точно в цель: построен и работает новый серно-кислотный цех в Медногорске, оренбуржцев больше не тревожат газовые выбросы, меньше стало лесных пожаров, появился заказник в Светлинском районе и теперь браконьерам въезд туда закрыт, ну а про лошадь Пржевальского теперь пишут как о бренде Оренбургской области.

А в какой ещё газете почти одновременно работало столько членов Союза писателей России? Только в «Южном Урале», что говорит о высоком профессионализме коллектива и мудрости руководства. Надежда Емельянова, Александр Филиппов, Сергей Бурдыгин, Владимир Одноралов, Владимир Напольнов... Авторами стихов, прозы (в газете выходила литературная страница) были известные оренбургские писатели Пётр Краснов, Николай Корсунов, Юрий Орябинский, Георгий Саталкин и многие другие. Да и моя первая поэтическая подборка появилась в «Южном Урале» в далёком 1986 году.

Я благодарна газете за то, что она дала мне уникальную возможность узнать как можно больше о своём родном крае, о людях, его населяющих, и по мере сил помочь им добрым словом.

Владимир СОКОЛОВ

КРЕСЛО РУКОВОДИТЕЛЯ

Владимир Борисович Соколов родился в 1957 году в Макеевке на Украине. В годовалом возрасте был перевезён родителями в Вологодскую область. Окончил Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (факультет журналистики). В Оренбурге с 1980 года. Работал в оренбургских газетах фотокорреспондентом, последние 13 лет – в газете «Южный Урал». Член Союза журналистов России. В настоящее время руководитель школы-студии фотোগрафического мастерства. Шестикратный лауреат губернаторской премии за лучший фоторепортаж, трёхкратный лауреат Международной выставки «Социальный репортаж» (Москва).

В перестроечные годы, когда я уже имел достаточно большой опыт работы в самых разных изданиях, которые появлялись в то время в большом количестве и так же массово исчезали с читательского рынка по причине невостребованности, мой старший коллега Виталий Втюрин в минуту моего душевного кризиса подогнал грузовик к организации, где я тогда прозябал, и, не обращая внимания на мои протесты, буквально погрузил меня с вещами и вывез на новое место работы в редакцию областной газеты «Южный Урал», где он уже заранее побеспокоился о моей кандидатуре. Так я стал сотрудником газеты, где и проработал практически все оставшиеся годы.

Диапазон впечатлений и открытий в работе журналистов «Южного Урала» давал тогда главное: возможность быстрого профессионального роста. Областная общеполитическая газета в 90-е и более поздние 2000 годы

не была идеологически зажатой и узкой по охвату тем, широте мнений и способов самовыражения. Вопреки утверждению, что «Южный Урал» это коммунистическая газета, практика работы быстро убеждала в обратном. Предвзято судили о газете как раз те, кто её не читал, не анализировал материалы, а представлял точку зрения конкурирующих изданий, администрации, настроенной на монополию мнений, да и просто чем-то обиженных.

Редакционные летучки, которые многим опытным журналистам были в тягость, потому что превращались иной раз в нудные заседания, с подробными обзорами напечатанных материалов, где каждый должен был высказать свою точку зрения, были, тем не менее, очень полезны молодым журналистам, ведь коллектив редакции непрерывно обновлялся, и ничьё мнение на таких летучках не подавлялось. «Южный Урал» имел свою творческую и профессиональную школу, чего не было в других редакциях.

Большую пользу давала возможность постоянно бывать в гуще жизни, ездить в командировки, знакомиться с реальными проблемами в экономике, социальной, научной, культурной сферах, встречать выдающихся людей. Далеко не в каждом журналистском коллективе были такие возможности для творческого роста. Поэтому не удивительно, что многие наши коллеги после «Южного Урала» легко нашли

себе работу в столичной журналистике, возглавили собственные амбициозные проекты.

Что же представляла из себя школа «Южного Урала»? Редактор газеты Владимир Иванович Никитин был не просто влюблённым в свою профессию газетчиком, но и увлечённым педагогом, он исповедовал приоритет научных истин и всегда отстаивал собственный критический взгляд на любое явление. Того же он требовал и от журналистов. Одно время он преподавал на кафедре журналистики Оренбургского педуниверситета и в редакции было полно молодых людей, которые выбирали себе журналистскую профессию.

Владимир Иванович частенько любил озадачивать молодые умы каким-нибудь парадоксом:

— Ну что вы все повторяете одно и то же — Пушкин, Пушкин, Пушкин... Ну, Пушкин... Ну, гений. Ну и что? Дальше-то что?

Или про телевидение, продукцию которого он страстно изобличал и при каждом удобном случае обращал внимание на пошлость и идеологическую заданность сериалов и передач...

— Вы что, совсем профессиональное чутьё потеряли? Ведь дурят вас, дурят сознательно, а вы и рады. Какой там Пауль-осьминог? Чего осьминог может предсказать? Какой результат матча? Ведь миллиарды в эту профанацию вложены, чтобы такие, как вы, смотрели на экран, не отрываясь... Или вот ещё,

придумали, чем удивить: жираф! Вы когда-нибудь живьём такого жирафа видели? Правильно, по телевизору и не такое покажут. А как журналисты, вы обязаны были задуматься, ведь кровь по такой длинной шее ни за что не дойдёт до головы. Нонсенс! Провокация! Вы лучше представьте, какого размера должно быть сердце, чтобы поднять кровь на такую высоту...

Скепсис, как оружие публицистики, он всегда пускал в ход, невзирая на авторитеты. Спорил со всеми губернаторами о политике и законах. Спорил с генералом-пограничником о творчестве «Любэ», вызвав у деликатного военного полное замешательство:

— Вы пошли на концерт «Любэ»? Ну как же вы так обманулись? Это ошибка с вашей стороны! Разве «Любэ» — это музыка? Вот Сукачев — это совсем другое дело!

Трудней всего Владимиру Ивановичу давались шаги навстречу Богу.

Насмешливо щуря на меня глаза на летучке, он рассказывал про открытие казачьего храма, на котором мы присутствовали:

— Вот вам пример журналиста, ввавшего в религиозный экстаз: хотел было и я переkreститься, из уважения к обычаю, да взгляд, к счастью, упал на Соколова. Посмотрел я, как он истово бьёт поклоны, и сразу всё желание пропало...

Насмешливый тон, критическое отношение не мешали ему относиться снисходительно к некоторым журналистским опытам,

не запрещая их, но и свою принципиальную позицию он высказывал всегда.

Так, разрешив к печати мои паломнические заметки о путешествии в Саров, Владимир Иванович всё же затем строго отчитал меня за легковерие:

— Зачем вы пишете, что Серафим Саровский простоял на камне под дождём и ветром якобы полгода? Вы же журналист! Зачем он себя изнурил? Какой в этом пример для других? Мы должны заметить, что самоистязание — ошибочный путь к Богу...

Благодаря твёрдой позиции редактора и коллектива, «Южный Урал» пользовался уважением среди читателей. Вокруг газеты собирались уникальные люди, про которых мы постоянно писали и с которыми дружили.

Таким был, к примеру, атаман хуторского казачьего хозяйства Михаил Петрович Голодников, человек легендарный. Мы с Натальей Кожевниковой сотрудничали с ним много лет, освещая его успехи в возрождении казачества, строительстве храма, создании кадетских классов, патриотических и экологических акциях, трудотерапии среди наркоманов и многом ещё. Михаил Голодников сумел возродить целый мир новых отношений на своей земле, свои традиции, культуру, этику. Создал даже детский казачий духовой оркестр, который всегда особо опекал и которым гордился. Человек прямой, он никогда не лез за словом в карман, всегда был внутренне свободен.

Однажды, когда на хутор приехала американская делегация журналистов и учёных, которые живо интересовались жизнью казачьей общины и всё просили показать им что-нибудь ещё, Михаил Петрович вывел за руку юного казака лет пяти-шести, одетого в казачью форму, и гордо представил:

— Вот она, наша смена! Прадед этого казака лично отрубил голову самому Цвиллингу...

Стоявший рядом глава района Иван Григорьевич Павлычев, присев от неожиданности, схватился руками за голову. Потом, давсь от хохота, просил:

— Ну, Петрович! Ты всё же поаккуратней...

Впрочем, американцы всё равно ничего не поняли.

Кстати, об Америке. Утверждаю, что такого фотоаппарата, каким снимал я в «Южном Урале», не существует нигде в мире. Ежегодно при инвентаризации, сверяя наличность с отчётностью, в бухгалтерии происходил такой диалог:

— Фотоаппарат Никсон...

— Никон?

— Не Никон, а Никсон!

— Да нет такого аппарата, есть Никон, смотрите, как написано на самой камере...

— Ничего не знаем, у нас в документах значится «Никсон», расписывайтесь!

И так каждый год я расписывался в ведомости за 37-го президента США Ричарда Никсона.

Носамая мистическая вещь, которая значилась в бухгалтерской

описи, называлась «Кресло руководителя», инвентарный номер 0001. Даже в описи присутствовал должный пиетет, не стол, не шкаф были в списке первыми, не картина и телевизор, а Кресло руководителя! Его и креслом-то назвать было нельзя, так себе, широкий стул с подручниками и дерматином, пришитым декоративными мебельными гвоздями. Сталинский лжеампир 50-х годов. Но это кресло обладало тайной способностью изменять личность восседающего.

Мы любили ездить в командировки с Владимиром Ивановичем на его машине. Не только потому, что это было оперативно и комфортно. Главным образом потому, что это была редкая возможность увидеть самые лучшие человеческие качества нашего редактора. Конечно, работа работой, но и неформальное общение дорогого стоит! В поездках куда-то исчезал его брутальный стиль управления, суть которого нам с Кожевниковой однажды раскрыл весёлый замглавы Саракташского района:

— Вы пока не понимаете, Владимир Иванович не строгий совсем, он — руководитель, и сев в своё рабочее кресло, он уже управляет! Молча! Бровями!

Бывая у него в гостях в посёлке Весеннем, мы убеждались, что Никитин хлебосольный хозяин, он любил угощать сотрудников помидорами, арбузами, вишнёвыми наливками и прочими плодами своих трудов с огорода. Не было случая, чтобы в командировках

нас не накормили и так далее... Помню случай в Ташле, в гостинице ранним зимним утром, когда он трогательно раскладывал на батарее холодные беляши, пытаясь их разогреть для девочек. Всю поездку он занимал сотрудников интересными беседами, откровенничал... Ну, отец родной! Это умиление и доверие мы ценили, мечталось даже, вот оно! Случилось! Владимир Иванович нас отменил! Ох, и заживём!

Но наступал роковой понедельник, и, собираясь на летучку, мы с надеждой смотрели на пустующее пока кресло... И вот оно, горькое прозреньё. «Хмурый муж пришёл»...

Сказать, что Владимир Иванович был груб? Да бог с вами... Сама корректность. Бывало, стоишь перед его молчаливым взором (да было, было за что), и, внутренне обливаясь потом, думаешь: ну, ругнулся бы, рыкнул, аки зверь! Всё бы поотлегло... Так ведь нет, бумажонку протягивает со вздохом. А бумажонка — это распятие! Писать надо, объясняться, себя жалеть! Но у этой твёрдой последовательной требовательности была своя скрытая причина.

Ко всем своим сотрудникам Никитин на работе относился одинаково жёстко. Это был его принцип! Но я-то уже знал, жёсткость эта — от кресла. Так уж оно было задумано, это чёртово Кресло руководителя, что сидя в нём, любой руководитель мог управлять бровями.

Когда времена изменились и «Южный Урал» реформировали,

уже без Владимира Ивановича стали распределять старое имущество редакции. Кто взял книги, кто — картины, а я замыслил выручить из забвения Кресло руководителя, всё равно оно валялось на лестничном проходе в пыли. Взять для истории и в благодарность за то добро, которое оно лично сделал для меня. Но не тут-то было! Злополучное кресло просто исчезло. Обыскали всё. Нет! До моего прихода лежало, а при мне — исчезло. Оно не захотело принадлежать мне! По слухам (точно никто не скажет), кресло вернулось к своему хозяину, и теперь уже их ничто не разлучит.

Я считаю, что значение созданного коллективом газеты «Южный Урал» за сто лет ещё не оценено. Это громадный опыт политического, социального и культурного преобразования страны, включающий в себя сразу несколько исторических эпох. Опыт, который необходимо сохранить для поколений. Что-то уже вошло в архивы, что-то находится на руках. Живая история утекает сквозь пальцы. Книжные проекты, электронные базы данных на исторических сайтах помогли бы нам сохранить наследие старейшего издания области. Бывает, редко где найдёшь подлинную правду, кроме как на исторических снимках или в деталях журналистских публикаций. Именно эти детали важны нам, когда мы с трепетом рассматриваем пожелтевшие старые фотографии. История пишется объективом и пером современников.

В.Н. Никитин — главный редактор газеты «Южный Урал» с 1987-го по 2015 г.

Очередная планёрка в «Южном Урале»

Виталий Вторин –
фотокорреспондент
«Южного Урала»

Главный редактор
прицеливается

Владимир Соколов и Наталья Кожевникова на выставке «Диалог культур» в ОГУ

В гостях у атамана Голодникова

Легкоатлетическая эстафета на призы газеты «Южный Урал»

На выставке в честь 100-летия газеты «Южный Урал»

...и коллектив газеты в день предыдущего юбилея: ещё все вместе...